

Старец
Ефрем Филофейский

МОЯ ЖИЗНЬ СО СТАРЦЕМ НОСИФОМ

перевод с греческого

Ахтырский Свято-Троицкий монастырь

**БЛАГОДАРИМ
КОНСТАНТИНА ОЛЕГОВИЧА ПОПОВА,
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ
КОРПОРАЦИИ «ИНКОМ-НЕДВИЖИМОСТЬ»,
ЗА ПОМОЩЬ В ИЗДАНИИ КНИГИ**

*Рекомендовано к печати рецензионной комиссией
Украинской Православной Церкви
ВВ 01-11-12-30*

Старец Ефрем Филофейский

Моя жизнь со Старцем Иосифом / Перевод с греческого и примечания архимандрита Симеона (Гагатика). — Москва, Ахтырка: Ахтырский Свято-Троицкий монастырь, 2012. — 496 с. + вклейка.

Личность и учение величайшего Старца XX века Иосифа Исихаста живо запечатлены в воспоминаниях его ученика и преемника архимандрита Ефрема, проигумена монастыря Филофейна Афоне, создателя и духовника православных греческих монастырей в Америке, наиболее почитаемого Старца современности. Перед читателем впервые раскрываются в такой полноте образ преподобного Старца Иосифа и его наука о монашеском образе жизни и спасении. Книга дает ответ на главные для христиан вопросы духовной жизни.

ISBN 978-966-2503-17-3

© Архимандрит Симеон (Гагатик), 2012

Научный редактор: Олег Родионов, канд. ист. наук

Редактор: Анна Солдаткина

Корректоры: Анна Солдаткина, Людмила Панкратова

Художественное оформление: Алексей Чекаль, Дарья Андреева

Компьютерная верстка: Иван Пичугин, Тимофей Губанов

По вопросам приобретения книги просим обращаться по адресу
ptarutin@gmail.com или ahtyrkhniga@gmail.com
Тел.: +7 903 747 93 35 (Россия), +38 05446 33 887 (Украина).

Все средства, полученные от продажи книги,
пойдут на восстановление

Ахтырского Свято-Троицкого монастыря.

Подробную информацию см. на сайте обители www.ahtyr.org

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

В 2008 году в Греции вышла книга воспоминаний Старца Ефрема Филофейского «Мой Старец Иосиф, Исихаст и Пещерник»¹. Она стала событием в духовной жизни православных греков. Все ее приобретали, все о ней говорили, во всех монастырях книга читалась во время трапезы. В этом нет ничего удивительного. Старец Иосиф Исихаст, как становится все более очевидным, — самая выдающаяся личность в духовной истории XX века. Слово Старца, дошедшее до нас в его письмах духовным чадам, ничуть не уступает слову великих святых отцов. А такое возможно только тогда, когда и жизнь подвижника не уступает житию великих святых. В опубликованных воспоминаниях его личность, житие и учение раскрылись с такой полнотой, глубиной и высотой, что не оставили сомнений у тех, кто отдавал Старцу Иосифу пальму первенства среди духовных учителей последнего времени. Конечно, это произошло и благодаря тому, что воспоминания принадлежат непосредственному преемнику Исихаста — его любимому ученику Ефрему, проигумену монастыря Филофей на Афоне, а ныне Старцу монастыря Святого Антония Великого в пустыне американского штата Аризона.

Масштаб личности и дела Старца Ефрема достойны его духовного отца. На наших глазах он совершил удивительное и невиданное в истории чудо: за несколько лет создал на Американском континенте около двадцати монастырей, которые не иначе как по Божественному мановению наполнились монахами и монахинями, украсились храмами и стали духовным оазисом для жаждущих благодати Божией американцев. Эти монастыри следуют, насколько возможно для Америки, афонскому монастырскому уставу и заповедям Старца Иосифа, которого все подвижающиеся там монахи называют «дедушкой» как отца своего отца, Старца Ефрема.

Переводчику этой книги посчастливилось взять благословение на перевод у самого Старца Ефрема. В монастыре Святого Антония

¹ Γέρων Έφραίμ Φιλοθεΐτης. Ό Γέροντάς μου Ίωσήφ ό Ήσυχαστής και Σπηλαιώτης (1897–1959) / Έπιμέλεια π. Στ. Κ. Αναγνωστόπουλος. Έκδ. Μονή Αγ. Αντωνίου Αριζόνας, 2008.

любезно поделились подготовительными материалами к греческому изданию и разрешили включить в русский перевод главы, ранее не публиковавшиеся. Сама книга представляет собой запись устных рассказов Старца Ефрема, которые его чада первоначально записывали на диктофон на протяжении нескольких десятилетий. Была проделана огромная работа по переносу живого слова на письмо и по его тематическому упорядочению. Книга сохранила свойства устного рассказа. Старец Ефрем унаследовал от своего Старца и поэтические дарования: его слово полно художественных достоинств, которыми, надеемся, теперь сможет наслаждаться и русский читатель.

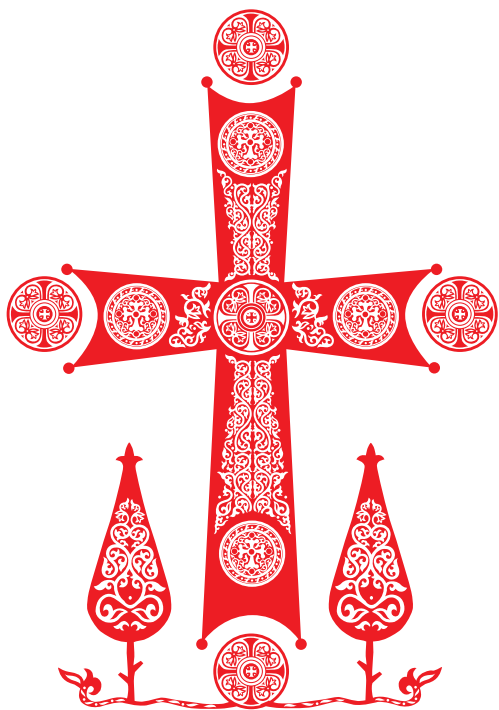
Русское издание, кроме того, что полнее греческого, имеет другое название, а также другое распределение материала. Самое ценное в книге — то, что запечатлелось в памяти Старца Ефрема о его жизни, послушании и обучении у Старца Иосифа. Эти воспоминания мы и поставили на первое место. Поэтому в русском переводе книга получила название, которое греки дали одной из ее частей: «Моя жизнь со Старцем Иосифом». Здесь звучит слово только Старца Ефрема (за редкими исключениями, которые всегда оговариваются) и, конечно, Старца Иосифа в передаче его ближайшего ученика. При этом мы постарались освободить их слово от редакторской правки, привнесенной при подготовке греческого текста. Вторую часть нашего издания составили биографические материалы, которые старательно были собраны чадами Старца Ефрема как из его слов, так и из других источников. Полное жизнеописание Старца Иосифа Исихаста — это, на наш взгляд, дело будущего, которое потребует немалой исследовательской работы.

Воспоминания Старца Ефрема, несомненно, войдут в золотой фонд святоотеческой письменности и принесут великую духовную пользу всем радеющим о своем спасении христианам. А для избравших благой путь монашества станут бесценным пособием, созданным современными святыми для современных подвижников, от послушника до игумена монастыря. Это книга, которую игумен может смело давать послушникам как самый первый учебник иноческой жизни.

Преображение Господне, 2011 г.

Книга первая

**МОЯ ЖИЗНЬ
СО СТАРЦЕМ
ИОСИФОМ**

Глава первая

В МИРУ

В первые годы бедствий немецкой оккупации, когда я ради работы бросил учебу в школе, в одну из двух старостильнических¹ церквей Волоса² пришел служить приходским священником святогорский иеромонах. Его духовным отцом был Старец Иосиф Исихаст, как он сам его называл. Этот иеромонах-святогорец стал для меня в то время драгоценным советником и помощником в духовной жизни³. Я избрал его своим духовником и, благодаря его рассказам и советам, в скором времени стал чувствовать, как мое сердце отдаляется от мира и устремляется к Святой Горе. Особенно что-то загоралось во мне, когда он рассказывал о жизни Старца Иосифа, и пламенной становилась моя молитва о том, чтобы поскорее с ним познакомиться.

Я старался, насколько это возможно для ребенка, подвизаться в миру и с четырнадцати лет хотел стать монахом. Но мой духовник отец Ефрем сказал:

— Ты, Янніакис⁴, еще не можешь стать монахом, ты очень юн. Подрастешь, тогда посмотрим.

¹ Краткую историю старостильнического раскола в Греческой Церкви см. в главе XVIII «Отход от зилотов-старостильников».

² Город, расположенный в центре материковой Греции, в Фессалии, примерно на полпути между Афинами и Салониками.

³ О первом духовнике Старца Ефрема, о. Ефреме, см. подробнее во второй книге (глава VI. «Первая община Старца. Отец Ефрем»).

⁴ Янніакис — уменьшительно-ласкательная форма имени Иоанн.

* * *

Моя мать жила как монахиня, усердно постилась, молилась, была добродетельной и любила монашество. Меня она всегда держала рядом с собой, потому что, когда я был младенцем, она получила извещение, что я стану монахом. Во время молитвы она увидела звезду, покидающую наш дом и улетающую к Святой Горе, и услышала некий глас:

— Из троих детей этот один будет жить.

Моя мать испугалась:

— Ах, у меня умрут двое детей, и останется только этот!

Она не знала, что истолковывать предвозвещение надо так: один ее ребенок будет жить близ Бога. Позже она осознала, что это было видение о моем уходе на Святую Гору. Вот почему она строго наблюдала за мной и не позволяла удалиться от нее: чтобы отдать Богу насколько возможно чистое приношение.

Сама она была для меня человеком, с которого я мог брать пример. Как часто я видел, что она закрывается на кухне и весь вечер на коленях молится со слезами!

* * *

Итак, поскольку мать за мной внимательно следила, жизнь моя в миру, по благодати Божией, была очень строгой. Как я сказал, мне пришлось бросить школу ради работы, ибо в тяжелые годы оккупации голод был нашим ежедневным уставом. От недоедания мы едва держались на ногах.

Я работал в основном в столярной мастерской моего отца. Иногда, однако, мне приходилось и торговать на городском базаре: бубликами, хинином, пуговицами, спичками. Чтобы помочь своей семье, я покупал, что мог найти, и сразу это перепродавал, постоянно рискуя попасть в руки немцев и итальянцев.

Я помню, как однажды итальянцы схватили моего брата, безусовно юношу, и вместе с ним моих друзей и били их прикладами из-за того, что они, якобы противозаконно, торговали на базаре. В действительности же итальянцы хотели отнять деньги и товар. Они очень сильно их избили. Подивитесь мужеству доблестных воинов, избивающих малых детей, потому что те продавали спички и кое-какую одежду на базаре!

Другой случай, живо сохранившийся в моей памяти: как гестапо расстреляло неизвестных мне греков и повесило их рядом с комендатурой. Руки страдальцев были распухшими от пыток, потому что им засовывали иголки под ногти. Их трупы оставили висеть на несколько дней в назидание другим.

В эти трудные годы единственным нашим упованием и утешением был Бог. Как только я заканчивал работу, мать забирала меня, мы шли в церковь на службу и к отцу Ефрему на исповедь. И он нам говорил о непостоянстве этой жизни, о любви Божией, об исповеди, умной молитве, слезах, о Старце Иосифе и Святой Горе. Так постепенно во мне начало расти желание посвятить себя Богу.

Виктория, мать Старца Ефрема

В то время голод и малярия собирали жатву в Волосе. Вот и я заболел непонятно чем, у меня постоянно был жар. Все время — повышенная температура и слабость. В конце концов я был вынужден лечь в больницу. Врачи, с недостаточными средствами того времени, не смогли определить, что у меня было, и я находился на грани смерти. В итоге меня выписали, но все эти события помогли мне осознать, насколько обманчива и тщетна земная жизнь. Так я утвердился в желании стать монахом.

* * *

Прошли годы, мне исполнилось девятнадцать лет. За месяц до того, как я покинул мир, ребята из Волоса собрались посетить Святую Гору, а заодно и побывать у Старца Иосифа. О нем в Волосе хорошо знали, потому что мой духовник был у него послушником и часто говорил: «Старец Иосиф — святой человек, подвижник».

С этой оказией некоторые женщины решили послать туда кое-какие вещи и продукты. Хотелось и мне вместе с ребятами пойти на Святую Гору, но куда там! — отец не мог мне такого позволить.

Я дружил с этими ребятами, хотя они были старше меня, и мне захотелось передать с ними Старцу Иосифу что-то от себя. Но у меня ничего не было из-за нашей бедности. Я зашел в дом, открыл маминны шкафчики и нашел немного вермишели. Я положил ее в мешочек и написал на листке бумаги: «Отец Иосиф, я Вам посылаю эту посылочку — малое свидетельство моей любви и почтения. Прошу Вас, молитесь о моем спасении. Целую Вашу десницу. Иоанн». Так меня звали в миру. Я запечатал посылку и отдал ее ребятам. Ребята пришли к Старцу, и он начал открывать посылки. Распечатав мою, он сказал:

— Это дитя придет сюда монашествовать.

Ребята ответили:

— Это исключено. Его держит при себе духовник, потому что будет устраивать монастырь, а Иоанна готовит себе в приемники. Так что, Старче, это невозможно и представить.

— Он придет сюда, а ты пойдешь в мир и вернешься монашествовать, ты — станешь священником и останешься в миру, а ты уже больше никогда не придешь на Святую Гору, — сказал Старец каждому из них.

Все, что сказал Старец, исполнилось в точности. Ребята, вернувшись, передали мне его слова, но я не придавал им значения. То есть не обратил внимания на его слова о том, что я приду к нему, и совершенно их забыл. Когда я посылал письмо, у меня не было цели идти на Святую Гору. Я хотел стать монахом, но не решил, где именно. И так, я сам не имел еще никакого представления о своем будущем монашестве, но об этом уже знал Старец по просвещению от Бога.

* * *

Между тем отец Ефрем говорил мне:

— Оставайся со мной, я устрою монастырь. Ты мне нужен, у меня нет никого другого.

— Хорошо, отче, я останусь, чтобы помочь вам.

Однако начал он это говорить еще тогда, когда мне было четырнадцать лет. Теперь мне исполнилось девятнадцать, и я думал: «Не лучше ли мне уйти?» — ибо помысл убеждал меня, что у него ничего не выйдет с монастырем. Я стал молиться, затворяясь

Яннакис (Иоаннис Мораитис) незадолго до отъезда на Святую Гору

у себя в комнате: «Пресвятая Богородица, отверзи Свои врата и приими мя. Пресвятая Богородица, отвори дверь Своей милости и возьми меня к Себе».

Я часто проходил мимо тюрьмы. Там была часовенка Святого Елевферия, где мы оставляли милостыню для заключенных. Проходя мимо нее, я оставлял там, что у меня было, и просил Святого Елевферия освободить меня, дабы я мог уйти⁵. Мне было стыдно сказать об этом своему духовнику, поэтому я ему написал. Он немного огорчился, но со временем успокоился и смирился с этим: «Ступай, дитя мое, я тебе не препятствую».

Прежде чем отправиться на Святую Гору, я познакомился с одним монахом, который предложил мне подвизаться вместе с ним. Я согласился и решил перебраться к нему, но Бог воспрепятствовал этому. Он просветил мою мать и духовника. Каждый из них сказал мне:

— Нет, ты туда не пойдешь, я тебя посылаю к нашему Старцу, Старцу Иосифу.

— Будь благословенно, — ответил я, хотя внутри меня ужалила гордость. Тем не менее я прислушался к мнению матери и подчинился ее просвещенному решению. Я исполнил это с верой и послушанием — и Бог удостоил меня приобрести в Старце, отце Иосифе, духовного наставника и предстателя на Небе.

Благословляю день и мгновение, в которые Бог мой и Господь наставил меня последовать указанию духовника и преподобной матери⁶, строго приказавшей мне стать послушником Старца. Ибо если бы я пошел туда, куда хотел сам, то потерпел бы неудачу на сто процентов. Я проявил послушание и не ошибся, выбрав для монашества Святую Гору. Кто послушался своего духовного отца и погиб? Даже если дурным будет дело, повеление, совет — Бог все соделает благим.

⁵ Имя Елевферий по-гречески означает «свободный». В соответствии с народным благочестием к святому могут обращаться с просьбой о том, на что указывает его имя.

⁶ Мать Старца Ефрема (1887–1986) была пострижена в великую схиму с именем Феофано в монастыре Богородицы Одигитрии в Волосе в 1962 г. Постриг совершил сам Старец Ефрем.

Глава вторая

НА СВЯТОЙ ГОРЕ

Наконец час настал. Утром 26 сентября 1947 года кораблик неспешно доставил нас из мира к святоименной Горе — как бы от берега временной жизни к противоположному берегу, берегу вечности⁷.

Мы прибыли в Дафни, главную пристань Афона. Сойдя с корабля, мы вместе с немногими другими сели в лодку, которая шла в направлении Малого скита Святой Анны⁸ с остановками у каждого монастыря. Когда мы отошли от Дафни, брань диавола обрушилась на меня прямо в лодке. Я смотрел на монастыри и на отцов, как на тюрьмы и заключенных, и говорил сам себе: «Как могут жить здесь эти монахи? Как ты сам это выдержишь? Куда ты теперь

⁷ Святая Гора Афон — это самая восточная из трех оконечностей полуострова Халкидики в Северной Греции. Вот уже десять веков на этой длинной полоске суши живут только монахи. — *Прим. греч. ред.*

⁸ Скит Святой Анны находится в северо-западной части Афона на крутом и зеленом склоне, на высоте 300 метров над уровнем моря. Он состоит из 58 калив, построенных одна над другой на уступах склона, большинство из которых скрыты за большими деревьями или за скалами. В то время в скиту проживало около двухсот отцов. В главном храме скита находится стопа святой праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы. Малый скит Святой Анны (в афонском монашеском обиходе — Малая Святая Анна) находится на расстоянии получаса ходьбы от скита Святой Анны. Это маленькое аскетическое поселение, состоящее всего-навсего из пяти калив и подчиняющееся скиту Святой Анны. Здесь более мягкий климат, потому что каменный выступ горы защищает с севера это место от холодного воздуха, который спускается с вершины Афона. — *Прим. греч. ред.*

идешь?» Я был совершенно не искушенным. До этого я не бывал нигде, кроме как в церкви, на базаре, в мастерской моего отца и дома. Все, что я видел сейчас, было для меня вновь. Я никогда до сих пор не путешествовал и не знал, что это такое. И вот теперь я уходил из мира, по своей воле уходил неизвестно куда.

Бесы со всех сторон забрасывали меня помыслами: «Как ты пойдешь туда и затворишься там? Горе тебе! Возвращайся назад!» Я очень плохо чувствовал себя, мне было дурно и телесно, и душевно. Рядом со мной в лодке был один монах. Он пел «Богородице Дево, радуйся!» с «тэ-ри-рэм». У него было прекрасное настроение, а я кипел от помыслов и беспокойства. Я прервал его:

— Отче, где калива Старца Иосифа?

— А почему ты спрашиваешь?

— Я туда направляюсь.

— И для чего ты туда идешь?

— Чтобы стать монахом.

Он окинул меня взглядом с ног до головы.

— Ты для этого идешь *туда*?

— Да, туда.

— Тебе это место не подходит. Там пост, бдение и поклоны. У тебя рука отвалится от крестных знамений. Там тебе невозможно будет жить: ты ведь доходяга.

Я перед этим долго болел. Меня изводила повышенная температура, и врачи не могли определить, что у меня за болезнь. Каждый день я трудился в столярке, часто работал голодным, и меня мучил жар, так что я стал настоящим доходягой. У меня было только произволение, а сил не было никаких.

— Пусть у меня отвалятся и руки и ноги, но я пойду к Старцу! Где он? Не покажете ли мне?

— Вон, видишь ту гору, маленькую белую каливку? Это там.

Лишь только я увидел каливу, как увидел свет! Там свобода! Там нет тюрем! И у меня сразу прошло все беспокойство. Это была воля Божия — мне туда идти.

* * *

На закате мы наконец причалили к пристани Святой Анны. Мертвая тишина, нет ни одного человека. Старец не знал, что

я должен приплыть. Тогда там не было телефонов, чтобы сообщить об этом. Вдруг вижу, как один батюшка с торбочкой и палочкой спускается вниз. Это был отец Арсений⁹. Как только я его увидел, так подбежал, положил земной поклон и благоговейно поцеловал его руку.

— Благословите, батюшка.

— Не ты ли Яннакис из Волоса?

— Да, старче. Но откуда вы меня знаете?

— Старец Иосиф знает это от честного Предтечи. Он ему явился сегодня ночью и сказал: «Я тебе привел одну овечку. Помести ее в свою ограду»¹⁰.

И я обратился мыслью к честному Предтече, моему Небесному покровителю, в праздник Рождества которого я родился. Я был очень благодарен святому за заботу обо мне.

Я увидел, как подошел еще один батюшка. Отец Арсений пришел вместе со старцем Корнилием. Отец Арсений сказал мне:

— Мы оставим отца Корнилия здесь внизу стеречь вещи, а сами пойдем наверх, к Старцу, он нас ждет.

Мы поднялись. Какие чувства я испытал! Каким бы талантом кто ни обладал, их не описать!

* * *

Мы взяли с собой самые необходимые вещи и отправились к Старцу. Добрались, когда уже почти стемнело. Мы пришли к каливам, которые первыми встречались путнику, пришедшему в общину Старца Иосифа. Все они находились на крутом склоне горы. Это было основное жилище общины, а калива Старца — чуть поодаль, в более пустынном месте¹¹. Вся эта сторона горы была неприступной.

⁹ Об о. Арсении подробно рассказывается во второй книге (глава III. «Отец Арсений»).

¹⁰ Святому Иоанну Предтече была посвящена келлия (и, соответственно, церковь в ней) общины Старца Иосифа.

¹¹ К каливе Старца идти было незачем, т.к. для того он и устроил ее поодаль, чтобы его никто не беспокоил. Старец сам приходил к «первым каливам» на службу в церковь и на трапезу. К Старцу приходили в его каливу на исповедь после полуночи.

Как только мы подошли к первым каливам — туда, где в пещере была церковка Честного Предтечи, — батюшка Арсений ударил в железное било, подавая сигнал, что мы прибыли. Сразу ударил в свое било и Старец, дав знать, что услышал наш сигнал, и вошел в свою каливу, чтобы творить умную молитву. Мы же пошли отдохнуть.

Это был вечер субботы. Сюда, в пустыню, должен был прийти отец Ефрем из Катунак¹², чтобы служить литургию. Поэтому отец Арсений сказал мне:

— У нас будет литургия.

— Разбудите меня!

— Хм, ты что, думаешь, мы оставим тебя спать? Ну да откуда же тебе знать, бедняге, куда ты пришел! Теперь тебе придется просыпаться рано.

¹² Катунаки — один из самых пустынных скитов Святой Горы, расположенный на крутом и каменистом склоне западной части Афона, в 45 минутах ходьбы от ближайшей морской пристани. Там находятся примерно 30 келий. — *Прим. греч. ред.* Об о. Ефреме Катунаском подробно рассказывается во второй книге (глава VI. «Первая община Старца. Отец Ефрем Катунаский»).

Глава третья

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Я спал в какой-то клетушке между какими-то досками. Дьявол послал мне страшный сон. В момент моего пробуждения Старец Иосиф подошел к двери. Он пришел на литургию. Я кричал во сне:

— Мне страшно! Мы разобьемся!

Он открыл окно — дверь и окно были одним и тем же — и спросил:

— Дитя мое, что с тобой случилось?

Откуда мне было знать, что это Старец? Я ответил:

— Отче, не знаю. Мы были на корабле, вошли в какую-то пещеру и чуть не разбились.

Он улыбнулся и сказал отцу Арсению:

— За этого малыша с самого начала взялись бесы. Ну, поднимайся, поднимайся! У нас литургия.

Как только я окончательно проснулся, так понял, что это — Старец, и упал ему в ножки.

— Благослови, Старче!

— Давай, дитя мое, пойдем в пещеру. У нас сейчас будет литургия.

Церковка была такой маленькой, что стасидия¹³ Старца касалась иконостаса. Свет был лишь от лампад перед иконами. Две

¹³ Стасидии (ед.ч. стасидия) — рассчитанные на одного человека деревянные откидные сиденья, как правило, соединенные между собой, с высокой спинкой

стасидии, одна напротив другой. Меня поставили посредине, между ними.

Там, в церковке, при чуть теплящихся лампадах, познала душа моя светлый образ святого Старца. Это был невысокий человек, не полный и не худой, с большими мирными голубыми глазами. Его некогда каштановые волосы стали седыми, ведь ему тогда было уже пятьдесят лет. Несмотря на то что он не пользовался расческой, не стриг ногтей, его присутствие источало некую благодать, нечто величественное и славное, как если бы это был царь. Поскольку он никогда не мылся, некоторые посетители ожидали дурного запаха и удивлялись, что от него, напротив, исходило тонкое благоухание. Это было чем-то сверхъестественным, поскольку он всегда много трудился и сильно потел.

Внешность его была очень благообразной. Стоило только его увидеть, как сразу успокаивались нервы. Каким он был снаружи, таким был и внутри. Лицо его было приятным, очень приятным. И в церкви он произносил «Господи, помилуй!» сладкозвучно. А как он читал Апостол! Чудо! У него был очень красивый голос. И если мы фальшивили в пении на литургии, он нам задавал тон. Он его не терял. Когда время от времени он нас звал, чтобы собраться или сказать что-нибудь, я думал про себя: «Неужели этот голос когда-нибудь умолкнет?»

* * *

Прежде чем началась литургия, на меня надели подрясничек со столькими заплатками, что никто не знал, какой была его изначальная ткань. Он весил килограммов пять от заплаток и грязи. Но я его надел, и мне казалось, будто я надел нечто царское, очень славное и очень светлое. У меня была такая радость, какой не бывает даже у царя, когда его облачают в царскую мантию. Затем Старец дал мне матерчатый пояс и скуфейку, которая была от нестиранности жесткая, как брезент.

— Постой-ка здесь! — сказал он мне.

и особыми опорами для рук по бокам на уровне локтя. Опоры помогают молиться стоя. Обычно стасидии устанавливаются вдоль внутренних стен храма, в них можно и стоять, и сидеть.

Дал он мне и ряску одной святой Старицы, усопшей монахини Феодоры¹⁴. Я ее надел. Ряска благоухала. В это мгновение вышел из алтаря отец Ефрем взять благословение Старца, чтобы служить литургию, и сказал мне:

— Зачем ты надел рясу? А ну-ка быстро сними ее!

Старец обратился к нему:

— Тише, отец, оставь в покое монашка. Дай нам его разглядеть немного.

У меня еще только пробивались усы. Тогда Старец сказал отцу Ефрему:

— Ну хорошо, подходит для священника. Видишь, я ждал какого-нибудь монаха, чтобы у нас был священник, вот он и пришел.

И пообещал мне:

— Пошьем тебе красивое облачение, когда рукоположим тебя.

Мы еще не успели поговорить толком, а он уже знал, что я могу стать священником. И радовался, что у него будет свой священник, потому что отца Ефрема часто не отпускал отец Никифор¹⁵.

* * *

Как только закончилась Божественная литургия, мы вышли из церковки. Было уже утро. Старец сказал мне:

— Пойдем-ка попьем чего-нибудь и перекусишь немного, потому что сейчас все то, что ты привез, ты будешь перетаскивать на спине.

Мы привезли целую лодку вещей, которые нам насобирали люди. Поскольку все духовные чада отца Ефрема знали, что я еду к Старцу Иосифу, они мне дали пшеницу и многое другое. И все это мы теперь должны были перетаскать в сетях на спине.

Но прежде Старец нам дал чай из розмарина, червивые сухари времен Ноя и сыр, который и топором не разрубишь. Камень, обезжиренный, червивый. Кто знает, какого века он был?

¹⁴ О монахине Феодоре см. подробнее во второй книге (глава X. «Монахини Старца Иосифа»).

¹⁵ Об о. Никифоре, каноническом Старце о. Ефрема Катунского, см. в главе об о. Ефреме во второй книге. Каноническим для послушника является тот Старец, который его постриг.

— Ешь, мой монашек, ешь, потому что сейчас пойдешь таскать.

Я не мог есть, потому что в лодке у меня была рвота из-за волнения на море.

— Я не хочу есть, потому что мой желудок...

— Ешь, ешь: будешь сейчас носить вещи.

Пока я ел, Старец меня разглядывал. Он заметил, какой я худой, и произнес:

— В чем только у тебя душа держится!

— Не смотрите, Старче, снаружи. Смотрите на то, что у меня внутри, на то, что я хочу работать Христу.

Как только мы поели, он сказал:

— Теперь бери торбу, бери посох, и ступайте таскать.

Я ничего не умел: ни взвалить на себя груз, ни ходить по диким скалам. Я был скелетом. Скелетом! И с постоянно повышенной температурой!

— Это буду носить я?

— Ты.

— Будь благословенно.

И сразу, с утра — с моря на гору: по вырубленным ступенькам перетаскивание тяжестей. Вот так с Божией помощью мы и приступили.

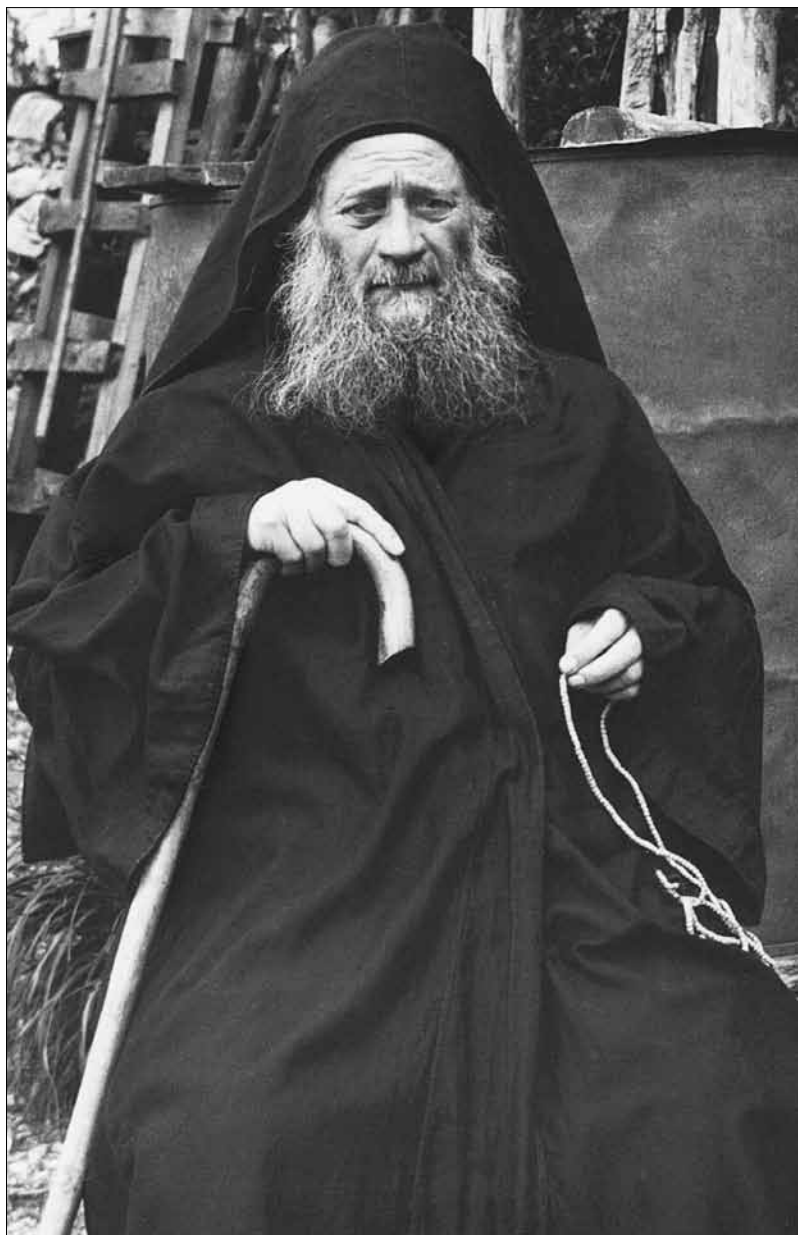
Когда мы закончили, Старец сказал:

— Не думай, что ночью ты будешь спать. Нет, у нас ночью бдение! Мы спим вечером два часа, а затем совершаем бдение — кто восемь, кто десять часов — с четками, поклонами и чтением. Сделаешь каких-нибудь пятьсот поклонов — тогда и посмотрим, что с тобой делать. Это будет твоей первой порцией. Если тебе станет дурно, приходи ко мне в каливу, вон туда.

И началось у меня бдение каждую ночь. Поскольку меня борол сон, я каждый вечер ходил на бдение к Старцу. Он, выйдя из каливы после молитвы, садился и учил меня, а я сидел и слушал.

* * *

С самого начала меня стали осаждать помыслы. Прежде всех остальных — гордость, которая противостояла советам и указаниям Старца, поднимала голову и требовала объяснений: «Почему

Старец Иосиф

он мне это говорит? Почему он так со мной поступает?» Я понял, что мне хочет устроить диавол. Он хочет разрушить мои отношения со Старцем, моим наставником и учителем. Ведь, разрушив мою связь с ним, он мне отрежет подачу духовного питания, благодати Божией, подаваемой послушнику через Старца. Я рассказал об этом Старцу, и он мне объяснил:

— Смотри, дитя мое, ты пришел сюда, чтобы спасти свою душу, пришел сюда, чтобы отречься от себя, пришел сюда, чтобы отсесть свои страсти, пришел сюда, чтобы смириться, пришел, чтобы тебя судили, а не чтобы ты судил — Старца ли или братьев.

— Согласен, — ответил я.

— Знаешь, какие нам дали советы здешние отцы, старцы? Вот какие. Угодил своему Старцу — угодил Богу. Не угодил своему Старцу — значит, не угодил и Богу. Ибо Бога ты не видишь, а Старца видишь, и поскольку он — представитель Бога, постольку все, что ты делаешь по отношению к Старцу, относится к Богу. Это так же, как относится к Богу и все, что мы делаем с Его святой иконой. Есть у нас некая икона: она ведь из дерева и красок, руками создана, не так ли? Да, так, но на ней — образ Христа, или Богородицы, или святого. Хотя сама икона — это нечто вещественное, но то, как мы поступаем с ней, относится к изображенному на ней. К нему переходят честь или поругание, оказываемые иконе. Так происходит и здесь, поскольку Старец — это образ Божий, представитель Бога.

Для послушника Старец выше епископа. Для других он ничто, но для тебя, послушника, это так. Ведь чтобы стать хорошим чадом и преуспеть во всем, ты должен с того момента, как подчинил себя Старцу и принял его отеческое покровительство, всегда слушаться его и угождать ему, чтобы таким образом угодить Богу. Послушник не может угодить Старцу, если проявляет послушание только в работе. Он угождает главным образом духовной жизнью, когда духовно преуспевает. Чем более он преуспевает духовно, тем большую радость испытывает душа Старца. И эта радость Старца делается для послушника благословением Божиим. А если иначе, то ты уже потерпел неудачу.

Так некий большой человек, сенатор, пришел к святому Василию Великому и, сложив с себя звание, принял монашеский постриг, но

не стал по-монашески жить. Тогда Василий Великий сказал ему: «Ты и сенаторство потерял, и монахом себя не сделал»¹⁶. То есть ты потерял свое положение и звание, но иноком не стал, ибо не сделал того, что должен был делать как монах.

И еще наши старцы говорили, что вежливость монаха состоит в том, чтобы его уста все время произносили «простите» и «благословите». То есть, когда ты совершаешь проступок и тебя облачают, не произноси тысячу оправданий, но скажи только: «Простите». И когда тебе велят делать что-то, что отсекает твою волю, смиренно уступай и говори: «Буди благословенно». Также они говорили: «Хорошее начало — наилучший конец. Плохое начало — наихудший конец».

— В чем же состоит хорошее начало, Старче?

— Вот в чем: когда ты оказываешь послушание, когда не поступаешь по своей воле, когда исполняешь свое правило, не огорчаешь своего Старца, ничего от него не скрываешь, все ему говоришь — это и есть хорошее начало. Но, главным образом, хорошее начало — это совершенное послушание, то есть послушание духовное, по образу мыслей. Как помышляет Старец, так помышляй и ты. Ошибается Старец — ошибайся и ты. Но при этом ошибки ты не сотворишь. Послушание не дает послушнику сотворить ошибку, даже если ее совершает Старец. Искреннее послушание не позволяет хорошему послушнику погибнуть. Закрой глаза свои и оказывай послушание — и не бойся.

— Буди благословенно.

Я усвоил это. Мне не понадобилось повторять второй раз. Я сказал себе: «Буду угождать Старцу. Ничего другого не надо. Если смогу угодить Старцу, то мне ничего не страшно». И с тех пор, как я услышал это от Старца, мысль моя была постоянно

¹⁶ См. об этом у прп. Иоанна Кассиана Римлянина: «Говорят, что св. Василий, епископ Кесарийский, одному сенатору, который, с холодностью отрекшись от мира, оставил для себя нечто из своего имения, не желая добывать содержание работою своих рук и приобрести истинное смирение нищетою, утомительным трудом и монастырским подчинением, сказал следующее: “Ты и сенаторство потерял, и монахом не сделался”» (Послание к Кастору, епископу Аптскому, о правилах общежительных монастырей. Кн. 7, гл. 19). Также у прп. Феодора Студита в Послании 324, чаду Евпрепиану (*Прп. Феодор Студит. Послания*. Кн. 2. М., 2003. С. 445).

занята тем, как исполнить на деле этот простой совет, это простое предание святых отцов.

Этот маленький, но по своей духовной силе огромный совет я поместил в душе, сделал его своим кредо¹⁷, своим достоянием и сказал себе: «В своей жизни я сделаю ставку на это». И поскольку этот совет приносит неизмеримую пользу тому, кто его применит к себе и исполнит, я решил его исполнять с помощью Божией и молитвами Старца.

Я старался угодить Старцу двояко. С одной стороны, никогда его не огорчать, а с другой — угождать ему своей жизнью. Я размышлял так: «Если я в этом не преуспею, значит, потерплю полное поражение и не достигну цели, ради которой оставил мир».

Конечно, только Бог знает, насколько я его не огорчил и насколько угодил ему. Но я видел на деле, что если послушник старается исполнить заповеди и повеления Старца, то благословение Божие прокладывает ему путь.

Невозможно, чтобы послушник, смиренно угождающий духовному отцу, потерпел неудачу в духовной жизни. И тем более невозможно, чтобы он не приобрел Царство Божие. Этого не может быть по природе вещей. Когда говорится «невозможно по природе вещей», это значит «верно на тысячу процентов». Когда послушник советуется со Старцем и старается исполнить на деле данные ему советы, невозможно, чтобы он потерпел неудачу, чтобы он не приобрел благодать Божию.

Мы видим, как святому Симеону Новому Богослову, благодаря его совершенному послушанию, совершенной вере и животворной силе смирения, удалось не просто вкусить немного благодати Божией, но ему, как говорится, полной чашей была дана благодать Святого Духа. И он стал тем, кем стал, и был прославлен нашей Церковью как Новый Богослов, то есть как принявший богословие свыше, непосредственно от благодати Святого Духа. Он научился богословию не за партой, но в труде послушания и преданности духовному отцу.

¹⁷ Здесь и далее мы даем латинский эквивалент греческого слова, с которого начинается Символ веры: «Верую». Этим словом могут быть названы главные убеждения человека.

Глава четвертая

ВОСПИТАНИЕ ГОСПОДНЕ

Когда я был новонамальным, моя гордость была выше меня ростом. Я думал, что представляю из себя нечто, потому что с детских лет вел строгую жизнь, имел мать-подвижницу, потому что духовником моим был святогорский иеромонах, который держал нас в строгих церковных и монашеских рамках. Вся моя жизнь, прежде чем я ушел на Святую Гору, была совершенно непорочной и чистой. Я не уклонялся ни направо, ни налево. Конечно, это случилось только по благодати Божией.

Люди, не умеющие верно оценивать духовные вещи, меня очень сильно хвалили и считали святым ребенком. Из-за этого множества похвал я думал, что уже достиг третьего неба. Похвалы причинили мне вред так, что я этого и не заметил. Я заразился этим микробом, не почувствовав того. Я был отравлен гордостью и тщеславием.

Но Старец, умеющий хорошо видеть вещи как они есть, своим острым взором заметил, какой зверь живет во мне. И взялся его убить. Он вооружился клинком послушания и стал разить им этого зверя. Он хорошо умел прокладывать путь смирению, поэтому почти все время моего послушания было ничем иным, как сплошным суровым воспитанием.

Я попал в руки профессора, ученого. Он видел мою душу насквозь и с первого дня начал ее исцелять. Он решил сделать из

дубины человека. Старец не оставлял меня в покое. Его отеческая любовь воспитывала меня так, что если кому рассказать, то некоторым это покажется невероятным.

Старец Иосиф меня непрестанно обличал, ругал, оскорблял — это было лекарством для исцеления моей души. Он знал, что только поношения и оскорбления приносят духовную пользу, ибо тот, кто их терпит, приобретает венцы, а гордость и тщеславие удушаются. Он со всех сторон наносил по мне мощные удары молотом, чтобы удалить имевшуюся во мне ржавчину. Эту ржавчину я заметил, когда он начал меня обличать, делать мне замечания. Но, конечно по благодати Божией, я ни разу не открыл рта, чтобы спросить: «Почему? Что я такого сделал?»

* * *

Старец был очень строгим. Он меня разбивал наголову. Как говорит поговорка, каждый день обтесывал меня топором. Чего он только со мной не делал! Чтобы ко мне обратиться, позвать меня, он употреблял всевозможные оскорбительные слова и все соответствующие эпитеты. Вот что было мучением! Все те годы, что я был рядом с ним, я только два раза услышал из его уст свое имя. Обычно он звал меня так: дурень, косорукий, вавулис¹⁸, малой и другими подобными прозвищами. По имени — никогда. Но сколько любви было за этими изощренными колкостями, какая чистая заинтересованность за этими оскорблениями! Он не только меня ругал, но иногда даже и поколачивал. Я ему говорил: «Старче, бей меня, колоти. Пусть треснет моя гордость». Конечно, все это мне доставалось потому, что я нуждался в этом, потому, что моя гордость была больше меня и я должен был хорошенько всего этого отведавать.

Конечно, когда он меня обличал, то есть клал лекарство на мою рану, мне было больно. Но сколь благодарна сейчас моя душа за эти хирургические вмешательства, которые, подобно скальпелю, производило его чистейшее слово. Моя гордость брыкалась во мне и говорила: «Почему только по отношению к тебе Старец

¹⁸ «Вавулис» — разговорное обращение к очень маленькому ребенку, подобное русским словам «бубуся», «дюдюня» и т.п.

проявляет такую строгость? Почему он тебя ругает?» Почему да почему. Гордость во мне надувалась, чтобы я воспротивился, поскольку это была страсть, это был бес. Но, благодаря наставлениям Старца и просвещению Божию, я вел суровую борьбу со страстью, жившей во мне. Я ведь непременно должен был задушить этого зверя, убить его. Ибо я знал, что если зверь не умрет, то он не даст мне вздохнуть от его нападков. Во славу Божию, молитвами Старца и моей матери, я за все эти годы не проронил ни слова, чтобы возразить Старцу. Я все это принимал, поскольку чувствовал в себе гордость и говорил себе: «Раз ты такой, ты этого заслуживаешь».

День и ночь непрерывный нагоняй. Не день ото дня, а каждый день. Ох-ох-ох, что со мной делал Старец! Я не мог перевести дух от взбучек. Так я распинался душой, чтобы сподобиться воскресения. Мне было больно — и я шел в свою келью, обнимал Распятого и со слезами говорил: «Ты, будучи Богом, претерпел пререкания, несправедливости от толпы грешных людей. Я же, грешный и страстный, разве не приму одного обличения? Старец поступает так, потому что любит меня, потому что цель его — спасти меня». И я чувствовал, как укрепляется моя душа, чтобы вытерпеть распятие.

Я, конечно, изнемогал, потому что был слаб душой. Требуется борьба до крови для избавления от великой и безумной страсти гордыни, которую мы унаследовали от Адама.

По молитве Старца, я возражал помыслам, противоречил им, вступал с ними в войну. «Буди благословенно» было моим ответом Старцу. Я старался быть выше помыслов. Я плакал, потому что страсть брыкалась. Мало-помалу я избавился от этого недуга. Это был начальный этап для меня, не прошедшего еще никаких испытаний, ни на что толком не способного, худющего, с постоянной температурой. Так начался мой монашеский путь, изменение моей жизни. Это была трудная, но прекрасная жизнь.

* * *

Прошло немного дней с тех пор, как я пришел к Старцу, и он спросил меня:

— Слушай, малой, что ты еле ноги таскаешь! Скажи-ка, что ты сделаешь, если однажды какой-нибудь брат потеряет с тобой терпение, накричит на тебя и даст оплеуху?

— Я скажу: «Простите».

— То есть скажешь: «Простите»?

— А что же еще я скажу?

— Ладно, посмотрим, — и он меня отпустил.

Прошло несколько дней, и он, наверное, подумал, что я забыл этот разговор. Была пятница, а утром в субботу должен был прийти отец Ефрем служить литургию. Старец пришел и сказал:

— Слушай, завтра ты будешь петь. Смотри, поупражняйся немного.

— Буди благословенно.

Но откуда мне было знать пение? Когда я был в миру, я не пел. Я только слышал, как певцы поют в церквях, и кое-что запомнил на слух.

Пошли мы в пещерную церковку. У каждого здесь было свое место. В стасидиях справа — Старец, слева — отец Арсений. Посреди — я. Отец Афанасий стоял сзади, а отец Иосиф — на месте чтеца.

Началась Божественная литургия, подошло время малого входа. Так как была суббота и было приготовлено коливо, на тропарях нужно было петь «Со святыми упокой», кратким распевом. Старец мне сказал:

— Пой «Со святыми упокой».

Я, бедный, знал только тот распев, который слышал на панихидах в миру. Я не знал, как это песнопение кратко поют на Святой Горе. И начал, несчастный, петь медленно-медленно:

— Со-о свя-я-я-ты-ы-ми-и-и...

Ой-ой-ой! Как даст он мне затрещину прямо в церкви! Досталось мне. И хотя рука у Старца была как у девочки, но если тебе доставалась оплеуха... Лучше и не говорить!

— Что ты поешь?! Что это за распев?! Дурень! Разве так поют, идиот?!

Священник в алтаре прямо остолбенел.

— Прости, Старче.

— Разве у нас теперь панихида?!

— Прости, Старче.

— Прельщенный! Сейчас, как только закончится литургия, станешь там, у двери, низко склонишься, и все будут проходить мимо тебя, а ты будешь просить прощения как человек в прелести.

Закончилась литургия, я причастился, стал на колени у двери:
— Простите меня, отцы, я впал в прелесть. Простите меня, отцы, я прельщенный.
— Да, ты в прелести.
— Я впал в прелесть, простите меня.
Настолько строгим был Старец. Но при этом очень благодатным.

* * *

Помню, однажды был праздник Святых Апостолов и пришел отец Ефрем из Катунак служить литургию. А я ему накануне должен был приготовить еду и на следующий день разогреть. Старец заботился об отце Ефреме, потому что отец Никифор кормил его не слишком хорошо, хотя тот был очень болезненным. Наш Старец кормил его как следует, чтобы тот хорошо себя чувствовал, когда служил у нас. Старец говорил: «Если с ним что-то случится — всё, мы пропали, не будет у нас священника. Дай ему хорошо поесть, чтобы он набрался сил».

Не знаю уж почему, но в тот день я должен был приготовить еду пораньше. Я поднялся, начал готовить для батюшки, а Старец пришел ко мне и, стоя у меня над душой, говорил:

— Не умеешь готовить, забодай тебя комар. Так готовят мирские, а ты хочешь, чтобы это ел священник?

Откуда мне было уметь готовить? Я есть-то правильно не умел. Дома у нас готовила мать. А я не знал, как яичницу поджарить. Потом я научился всему этому от Старца.

Как только я закончил готовить, Старец мне сказал:

— Ну, давай, остолоп, быстро неси это.

Я принес еду, дал ее батюшке.

— Убирайся с моих глаз! Скройся, чтоб глаза мои тебя не видели! Быстро проваливай в свою келлию.

— Буди благословенно.

Я взял благословение у Старца и пошел в свою келейку, которая была рядом. Сбежал по ступенькам, вошел в келлию. Лишь только ступил туда ногой, как пришло благословение Божие по молитве Старца. Я удостоился посещения Божия, да такого, что разве только глаза мои не видели присутствия святых апостолов! Такая благодать, такое благословение! Из глаз моих бежали слезы. Не потому,

что меня отругал Старец, но потому, что я не мог сдержать радости и веселья, которые испытывал от присутствия святых апостолов. Это был их праздник, и поскольку апостолы терпели оскорбления за Христа, поскольку над ними насмехались, их били, их бичевали книжники и фарисеи, Сам Христос увидел и мой ничтожный подвиг и послал Свое благословение. Я не знал, где находился, слезы лились ручьем. Я упал на пол и плакал, плакал, а в душе моей была радость. И я говорил себе: «Какое благо сделал для меня Старец!» Гораздо позже я узнал от других, что, как только я уходил, Старец благословлял меня, хотя в глаза всегда отчитывал.

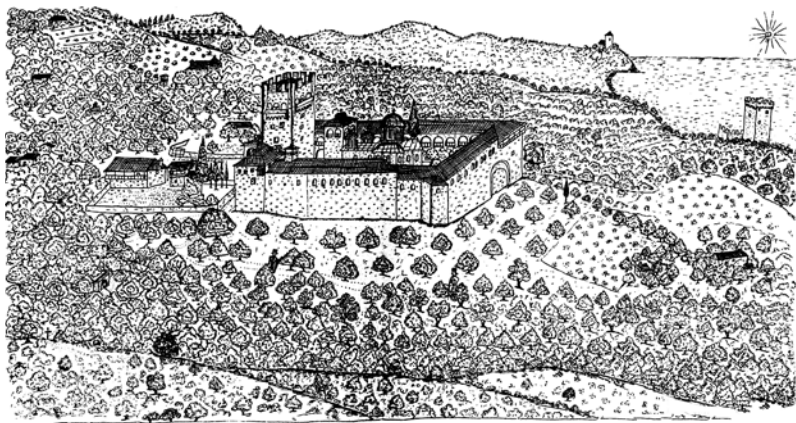
Однажды, когда я был новоначальным и пришел отец Ефрем из Катунак, Старец позвал меня.

— Вавулис, сделай-ка нам кофе.

— Буди благословенно.

И как только я удалился, Старец тихонько сказал: «Буди благословен всегда!» — и несколько раз благословил меня.

А во время исповедания помыслов он никогда не говорил со мной резко. Он мне объяснял, из-за чего я совершил ту или иную ошибку, какие причины ее вызвали, раскрывал каждую мельчайшую подробность — от первого принятия помысла до исполнения его на деле. С такой ясностью он мне это показывал, что я говорил себе: «Он знает меня лучше, чем я сам».

ТРУДНЫЕ УСЛОВИЯ

И так, Старец определил мне послушание — быть поваром общины. Вот как это случилось.

— Малой!

— Благословите.

— Готовь.

— Где готовить?

— Во дворе.

Я задумался: интересно, где это во дворе? Как будто у нас там была какая-то кухня. Ладно еще — собрать дровишки, разжечь плиту, но готовить?! Какую еду я смогу приготовить, не имея об этом никакого понятия? Меня обступили помыслы: «Где ты будешь готовить еду? Где ты будешь во дворе мыть посуду?» Рукомойником нам служил разбитый кувшин с приделанным краником, привязанный к колу во дворе. Там мы и мыли посуду. Но где готовить? А отцы трудятся, переносят грузы, устанут, проголодаются — что они будут есть? А Старец занимается рукоделием в своей келлии...

Двор был открытым местом, и там дул такой ветер, что просто ужас! Как сейчас помню, меня чуть не сдувало в пропасть. Когда он начинал дуть, я призывал на помощь все свое терпение, ибо вместе с ветром на меня сразу нападали ропот и хула на Бога. Лишь только уменьшалось терпение, дух хулы был тут как тут и говорил мне: «Что это за Бог, Который так на тебя дует, Который так тебя мучает?» А я ему противоречил: «Заткнись! Не говори ни слова!»

* * *

Позже мы устроили навес из веток, чтобы прикрыть нашу кухню. Но ветер его срывал. Я клал два камня для очага и сверху конфорки, но лишь только начинал дуть ветер — улетали крышки, улетала решетка, и все это летело вниз по склону. Старец кричал: «Эй, дурень! Слышишь, малой, у тебя вещи улетели! Беги скорей за ними!» Где мне их было теперь найти? Я бежал вниз по склону, чтобы собрать крышки и конфорки. О Боже мой!

Даже зимой мы готовили во дворе, у каливы Старца, а ели в его каливе.

После трапезы я должен был мыть тарелки. Тарелки были металлические, и мы их мыли во дворе. Зима, холод, дождь, мы замерзали — но посуда должна была быть вымыта. Болен ли ты, грипп ли — надо было выходить на скалы. У нас была старая цистерна¹⁹, в которой по капле собиралась вода со скалы. В дырку в цистерне мы вставляли трубку и текущей из нее водой, на холоде, на ветру, мыли посуду. Наши руки становились красными от ледяной воды. У нас не было подходящего места, где подогреть воду. Мы жили как первобытные люди, однако Бог нам давал терпение. Господь нас покрывал — и мы не замечали трудностей.

* * *

Ох, этот холод! Как было согреться? Ох, Матерь Божия! Я настолько замерзал, что как в то время, так и во все последующие годы моей жизни я от этого переохлаждения мучился болями в спине. И с тех пор до сего дня я страдаю этим, ведь мы совершенно не заботились о своем здоровье.

Я спал на досках и сильно мерз. Спать на них было так жестко, что я с трудом засыпал. От холода я натягивал на себя, чтобы согреться, все, что находил: одеяла, подрыски, старые рясы. Я уставал лежать на досках и ворочался с боку на бок, при этом все тряпье падало на пол, и я снова должен был приводить его в порядок. А пока все устроишь — уже приходит время вставать. Сколько удавалось поспать? Только Бог знает. Но бдение ты должен был

¹⁹ Имеется в виду емкость для дождевой воды, устроенная из доступного материала.

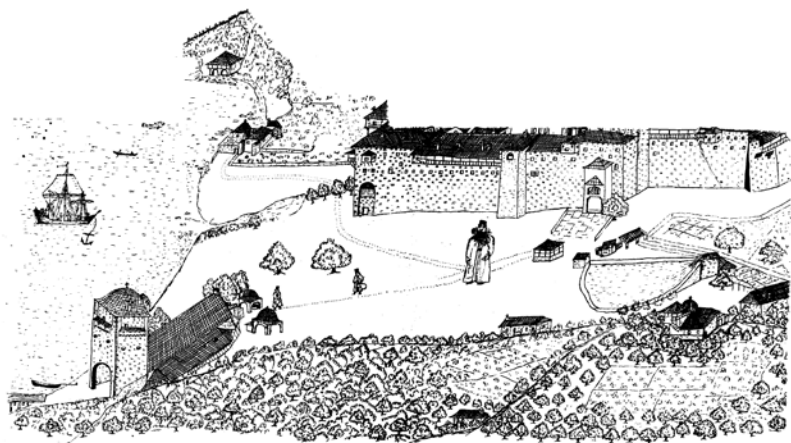
исполнить. Если Старец увидит, что ты не встал, — конец. Но такого никогда и не случалось, чтобы я не встал вовремя.

От сильного холода мы стали похожи на стариков: на шее, на головах была намотана шерстяная одежда. Холод! Да и разве можно было согреться в тех келлиях! У нас были устроены печки, но мы их топили очень редко, потому что от тепла нас борол сон. К тому же требовалось много дров, чтобы хорошенько протопить, и после этого они отдавали тепло двадцать четыре часа.

Старцу мы растапливали печку регулярно, потому что иначе он не мог. Но себе мы, молодые, их не топили, чтобы нас не борол сон. Мы предпочитали холод, чтобы было невозможно спать. Поэтому и заработали простуду на всю жизнь.

По той же самой причине — чтобы не засыпать — мы совершали бдение во дворе, на открытом воздухе. Дождь, снег — ты должен был быть во дворе и не мог оставаться даже в сенях. Что было делать? Во дворе мы сидели, во дворе и замерзали. Ноги ниже колен у меня были обморожены. Они становились словно деревянные, и я их не чувствовал. Всю ночь — на морозе, под снегом, под дождем, даже если ты простужен и у тебя грипп. У людей бывает хотя бы лист железа над головой — у нас и его не было. Ох, Матерь Божия!

Я был простужен постоянно, у меня все время болела спина, бока, все тело. Но мы были молоды и все перенесли, так много болезней и злостраний!

Глава шестая

ОТДАЙ КРОВЬ И ПРИМИ ДУХ²⁰

У нас было много лишений и много телесных бедствий. Ухода за телом никакого не было. Если ты порезался, то промывал порез водой или посыпал землей. Мы и не думали увидеть еще когда-нибудь спирт.

А лекарства кто из нас видел? Боже сохрани, если бы Старец увидел лекарство! Это было бы так же, как если бы он увидел яд. Если поранился — ни бинта тебе, ни спирта. Что бы ни случилось, Старец говорил: «Смерть». Ты должен быть готов умереть. Зуб болит? Бок болит? Ты простудился и заболел? Он тебе говорил: «Готовься к иному миру. Умри. Умри, чтобы пойти ко Христу. Разве не для этого мы сюда пришли? Это как дважды два четыре. Мы сюда пришли не для отдыха». И еще говорил: «Мы сюда пришли, чтобы встретить все лицом к лицу».

О враче и не упоминай, иначе Старец тебя убьет. Отрубит голову.

— Врач?! Кто тебе об этом сказал? Если ты хочешь врача, ступай в мир. Здесь такого нет. Ты стал иноком — и хочешь врача?! Чтобы стать монахом, ты должен подписаться под словом «смерть». Если ты готов к смерти — оставайся. Ты готов?

— Готов.

²⁰ См.: Об Авве Лонгине, 4 // Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. СТСЛ, 1993. С. 100.

— Тогда не проси у меня врача, не проси у меня лечения, не проси у меня ничего. Дважды два — четыре. Либо умираешь, либо уходишь.

Я говорю: «Куда уходить? Куда я пойду?»

Понятно? И в этом великом труде и подвиге таилось сокровище благодати.

* * *

У нас не было воды даже для того, чтобы помыть ноги. «Помыть ноги? Где об этом написано? — говорил Старец. — Если пойдешь на море и притащишь оттуда воду, тогда мой ноги. У нас здесь воды для питья не хватает».

Мы не мыли даже ложки и вилки, которыми ели. Мы просто после еды вытирали их салфеткой и затем в нее их заворачивали. Но поскольку мы не стирали и этих салфеток, они постепенно становились жесткими, как капроновые. Как? Тратить на них воду?! Если бы постирать эту салфетку, получился бы суп.

Еще Старец нас учил, как мыть тарелки. Нужно было, поев, налить в тарелку воды, сполоснуть ее и выпить эту воду. А затем вылизать тарелку. И что бы в ней ни было, рыба или что другое, мы наливали в нее воду и выпивали. Так мы делали, чтобы ничего не выбрасывать. Старец говорил: «Как? Кто-то будет трудиться и таскать воду, чтобы их мыть? Мы это выпьем». И мы все так и делали. И посетители, приходившие к нам, должны были поступать так же.

Пришел как-то один важный банкир. Мы накрыли стол. Начали, как обычно, «мыть» свои тарелки. «Господин, — сказал ему Старец, — давай и ты делай так же». И он это сделал!

* * *

Воды у нас не хватало иногда даже для готовки. У нас была цистерна, но в ней было много всякой нечистоты. Туда попадали мыши, змеи, и вода из нее воняла. Что можно было делать с этой водой? Мы ее употребляли для поливки парочки апельсиновых деревьев. Поэтому частенько Старец говорил мне: «Давай, малой, принеси воды».

За водой я ходил наверх, к отцу Герасиму Микраяннаниту, песнописцу²¹. Ему тогда было сорок пять лет. Я брал армейские канистры для бензина, в которые помещалось много воды, мы их называли бидонами. Осенял себя крестом и, закинув один бидон за спину, другой нес в руке. Но нести в руке было тяжело, так как спуск был крутым. И если бы я поскользнулся, то все, полетел бы прямо в пропасть, смерти не избежал бы. А если бы я не разбился в лепешку, то покалечился бы. Поэтому всякий раз меня охватывал страх и ужас, как бы не поскользнулись ноги. Но молитва Старца не попустила этого, и я ни разу не поскользнулся.

Отец Герасим смотрел на меня и жалел:

— Куда ты, иноче, с такими полными бидонами?

Он ласково привечал меня, угощал, но я ничего не брал. Старец говорил: «Ничего не бери!» Так что даже если бы Ангел спустился с Неба, я ничего не взял бы от него. Старец сказал «нет» — значит, нет. Разговор окончен.

— Я несу воду, отче, потому что у нас ее нет даже на готовку.

Вода была для нас золотом. Лицо мы мыли только слезами. Ноги? Ну когда спускались к морю. Стирать одежду? Разве что нательное белье.

Трудные годы, но зато какие подвижнические! Несмотря на труды и пот, жизнь была чем-то необыкновенным. И каждая ночь — исключительной.

* * *

Однажды к нам пришел священник из равнинной Греции, знакомый Старца. Не знаю, как это получилось, но он остался у нас ночевать. Где нам было его положить? У нас совсем не было места. Я освободил для него свой лежак, а сам остался на ночь во дворе. Он проснулся ночью, вышел во двор по нужде, вокруг не

²¹ Монах Герасим Микраяннанит — великий гимнограф (сочинитель церковных служб) современности. Родился в 1904 году, на Святую Гору пришел в 1924 году, жил в каливе Святого Иоанна Предтечи в Малом скиту Святой Анны, почему и получил прозвище Микраяннанит. Обладал выдающимся даром сочинения служб. Собрание его творений, хранящееся в библиотеке Малого скита Святой Анны, составляет 50 рукописных кодексов по 800 страниц каждый. Преставился о Господе в 1991 году.

было видно ни души. Он испугался. Я творил молитву по четкам. Сказал ему:

— Как вы, отдохнули?

— Ох, как ты живешь здесь? Мне и то страшно.

— Чего вы боитесь?

— Пустыня, тишина...

— Так это же чудесно, одно наслаждение.

— Чуть сердце не оборвалось у меня. Что же это такое?

— Не бойтесь, мы здесь, во дворе, стережем вас. Спите спокойно.

Он проснулся утром, увидел скалу, нависавшую над моей келлией.

— Как ты живешь здесь под ней? А если она упадет? Не боишься, что она тебя раздавит?

— Что вы! Она не упадет.

— А если все же упадет?

— Да не упадет она! Если Бог захочет и она упадет, то и тогда Бог сохранит.

— А если она упадет, когда ты будешь под ней?

— А тогда она не упадет — Бог ее удержит.

Мы говорили на разных языках и не понимали друг друга. Он все измерял только разумом, а нас Старец научил все измерять верой.

* * *

В другой раз пришел один батюшка, святогорский монах, из монастыря Святого Павла. Звали его Давид. Он нам принес много зелени и овощей. Был он великан ростом. Он пришел, чтобы познакомиться со Старцем Иосифом. Старец сказал, чтобы я освободил ему свое место и разместил в своей каливе. Лишь только он увидел мое жилище, как пришел в ужас и сказал:

— Слушай, брат, как ты здесь живешь?

— А что такое, отец Давид?

— Очень суровая жизнь здесь. Как ты это выносишь?

— Для нас здесь рай. Нашу радость здесь не описать. То, что здесь, я не променяю ни на что.

— Ну а я от такого отказываюсь. Пойду-ка я обратно в монастырь.

Старец дал ему бутылку вина и отпустил. Спустя какое-то время, когда мы вместе с ним оказались в церковной школе монастыря Святого Дионисия, он подошел ко мне и сказал:

— Брат, как вы там живете? Разве вы не такие же монахи, как и мы?

— Мы держимся благодатью Божией. Если бы она нас не укрепляла, мы не смогли бы там жить.

* * *

Однажды у меня заболел коренной зуб, в нем образовалось дупло. Боль была невыносимой. Я сказал:

— Старче, можно я схожу его вырву?

— Нет, будешь терпеть.

— Буди благословенно.

Пошел я молиться, но боль била по мозгам так, что хотелось выпрыгнуть из окна.

— Старче, я сойду с ума, выпрыгну из окна, не могу больше.

— Ничего! Терпение — до смерти!

— Буди благословенно. Терпение!

Чуть позже старец Арсений увидел мои мучения и вмешался как посредник. Он пошел к Старцу и сказал:

— Старче, у тебя никогда не болели зубы, и ты не представляешь, каково это. Если они у тебя заболят, тогда ты поймешь, что это такое.

И действительно, у Старца они никогда не болели. Он и не знал, что такое зубная боль. И говорил со мной так по неведению. Отцу Арсению он ответил:

— Что это за боль такая?

— Что за боль? Знаешь, как она бьет по мозгам, по голове? Спроси меня, знающего это, и позволь парню сходить его вырвать.

— Пусть терпит.

Ох, Матерь Божия! Как мне было вынести эту боль? Голова моя гудела, все мои нервы были напряжены, и боль меня просто убивала. Наконец, благодаря посредничеству отца Арсения, Старец сказал мне:

— Ладно, ступай к отцу Артемию, пусть вырвет его тебе клещами.

Старец Артемий подвизался в скиту Святой Анны вместе с двумя послушниками. Он не изучал медицину в миру, но практиковал в скиту как врач. Отец Артемий был для нас благословением Божиим, ибо на тех скалах нам больше неоткуда было получить медицинскую помощь.

Но клещами — коренной зуб?! Мне ведь до тех пор зубов не удаляли, и я не знал, что это такое. И я, безмозглый тупица, пошел искать отца Артемия. Тогда вместе с нами уже жил отец Харалампий²². Увидев все это, он сказал:

— Ох-ох-ох, пропал парень. Живым он уже не вернется.

Итак, отправился я рвать зуб клещами. Дойдя до скита Святой Анны, там, в большой церкви, я взмолился:

— Святая Анна! Я не знаю, куда иду, прошу тебя, чтобы со мной не случилось ничего плохого. Прошу тебя, отними эту зубную боль.

И святая Анна меня услышала: боль прекратилась. Я сорвал пучок травы, откусил, пожевал — не болит. Вернулся назад. Старец спросил:

— Уже вырвал?

Я ему рассказал, что произошло.

— Ну, хорошо, коли так. Сиди теперь на месте. Повезло тебе.

Действительно, досталось бы мне у отца Артемия. Ведь откуда ему было знать, какой зуб болел? Вырвал бы он какой-нибудь другой.

Я рассказал об этом отцу Харалампию, и он заметил:

— Если бы ты к нему попал, то лишился бы чувств.

К счастью, меня услышала святая Анна!

* * *

Лишь тогда я понял, что со мной могло случиться, когда тот же самый зуб заболел у меня в Новом Скиту²³ два года спустя. Пошел я к Старцу:

— Благословите вырвать его.

— Ступай в Карею, вырви его и сегодня же возвращайся.

²² Об о. Харалампии подробно рассказывается во второй книге (глава IX. «Благословенная община. Отец Харалампий»).

²³ См. прим. 55.

Чтобы добраться из Нового Скита до Кареи²⁴, нужно сесть на кораблик до Дафни, это два-три часа пути, а оттуда подняться в Карею — еще два-три часа пешком. Очень сложно успеть туда и обратно за один день. Поэтому отцы обычно ночевали в Карее: или в какой-нибудь знакомой келлии, или в монастыре Кутлумуш²⁵, рядом с Кареей. Но Старец мне сказал:

— В Карее не ночевать!

Итак, пошел я в Карею. Зубным врачом там был монах отец Никита. Это был первый зубной врач на Святой Горе. Очень опытный. Посмотрев мой зуб, он сказал:

— Да ты что! Зачем же я тебе, брат, буду удалять этот зуб? Не будем гневить Бога! Давай-ка я тебе его почию, такой прекрасенький зубик. Иначе позже тебе потребуются три искусственных зуба, а родного уже не будет.

— Старец сказал, чтобы ты его вырвал.

— Дай мне его тебе сделать. Ты — молодой парень, жаль его удалять и делать потом тебе искусственные зубы.

— Старец сказал его вырвать, так что рви его!

Ну что ж, тогда он все понял: глупый молодой монах выполняет послушание. Он мне сделал укол, тянул-тянул, перевел дух — и снова тянул. Тогда я понял, что было бы со мной в Святой Анне, с клещами. Наконец он мне его вырвал.

— Вот он, твой зуб. Я его оставляю себе, потому что вырван он зря.

Я сказал:

— Сколько с меня?

— Столько-то.

Я ему заплатил и собрался уходить.

— Куда это ты собрался? — спросил он меня.

— Возвращаюсь. Иду в Новый Скит.

— Как же это? А если случится кровотечение? Отвечать-то буду я!

²⁴ Карея — административный центр Святой Горы, в котором находятся конаки, то есть дома представителей 20 монастырей, и состоящий из этих представителей орган управления — Протат, а также различные службы: почта, аптека, магазины и т.п.

²⁵ Кутлумуш — один из двадцати афонских монастырей. Посвящен празднику Преображения Господня.

— Будешь ты или не будешь отвечать, а я не могу остаться. Старец сказал вернуться, значит, вернусь.

— Да, с этим парнем не договоришься, он сумасшедший. Давай я тебе положу туда лекарство, чтобы остановилась кровь. А то случится у тебя в пути кровотечение — и будет у нас еще одна история. Когда придешь в Дафни, положи ватку с лекарством еще раз, а потом прополощи рот соленой водой.

— Хорошо.

Я пришел в Дафни, там мне положили ватку, и я двинулся дальше. Заодно прополоскал рот морской водой. И сразу — к Старцу. Два с половиной часа — подъем и еще два с половиной часа — спуск. Такая строгость. Старец нисколько не шутил. Он говорил тебе: «Терпение! И будь что будет».

* * *

Я не знаю, был ли еще такой святой человек на Афоне в двадцатом веке. Но он был строгий, властный и доблестный. «Или сделаю, или нет — точка!» У него была вера в Бога: если тебе суждено умереть, то умрешь.

Однако к концу жизни он исправил свое отношение к медицине. Когда наступили его последние дни, я заболел, но из послушания Старцу не обращался к врачу. Когда я подошел к Старцу и спросил, что мне делать, он ответил:

— Ты — парень болезненный. Тебе нужно будет обращаться к врачам. Не смотри на то, как поступал и относился к этому я. Ты слаб. Если тебе потребуются врач и лекарства, обращай к врачам. Этот урок я не мог усвоить все эти годы. Лишь теперь, в старости, я его выучил. Сейчас, когда приблизился к концу, я понял, что надо быть снисходительным. Учащий должен всегда учиться, говорил мудрый Сократ. Вы — дети и нуждаетесь в медицинской помощи. Поэтому обращай к врачу, принимай лекарства и все, что необходимо.

* * *

Каждый день мы таскали грузы, таскали на своих спинах. Ибо там не было не только машин, но даже и вьючных животных. Песок, дрова, продукты — все, в чем мы нуждались, доставлялось на

наших спинах, иначе не получалось. Это было для нас большим мучением, большой трудностью.

Старец посылал нас пилить ели на отрогах Афона в нескольких часах пути. Подъем и спуск по лесистым ущельям... Мы поднимались, там был снег в несколько метров глубиной. Мы срубали ветки, затем связывали веревкой две верхушки срубленных деревьев между собой, концы стволов взваливали на плечи и так тащили их между скал к нашим каливам, чтобы строить келлии. Уходили мы утром, а возвращались на закате солнца. Возведенные нами каливы были построены нашей кровью.

Наши каливки... Сороконожки, змеи... Но мы были словно выкованы из стали. В Малой Святой Анне нам было не до шуток. Но ведь для этого мы сюда и пришли. Слава Тебе, Боже!

Старец говорил: «Сбегай к морю». Через десять минут я уже был внизу, прыгая через ступеньки, упав с которых и косточек не соберешь. Когда мы поднимались нагруженные, тогда обливались потом. Я думал: «Этот пот равносителен мученической крови». Эти светлые помыслы помогали мне с радостью поднимать груз.

* * *

У нас на Святой Горе не было молока. Если нам вдруг перепала банка с концентрированным молоком, то, открыв ее, мы разбавляли его водой — и это был для нас пир. Хотя оно напоминало молоко только цветом. Вообще, настоящее молоко тогда достать было трудно, потому что всех овец попрятали от партизан²⁶. Однажды мы услышали, что стадо овец оказалось неподалеку от полицейского поста у монастыря Святого Павла на высоте тысячи метров. И Старец сказал:

— Отец Афанасий, сходи-ка принеси нам немного молока, мы его вскипятим, покрошим туда хлеб и сделаем тюрю, как в нашем детстве.

²⁶ Имеются в виду партизаны-коммунисты. После окончания Второй мировой войны Греция, согласно Ятинским договоренностям, отошла к западному капиталистическому блоку. С этим были не согласны греческие коммунисты, сыгравшие большую роль в партизанском антифашистском сопротивлении. В связи с этим в Греции началась гражданская война, в которой коммунисты потерпели поражение вследствие военной помощи западных держав противоборствующей стороне.

— Схожу, Старче.

— Бери бидон, деньги, и завтра мы не будем готовить. Дождемся молока, сделаем тюрю, возьмем ложки и поедим все вместе.

Отправился бедный отец Афанасий. Но разве он мог вернуться вовремя? Сколько летал ворон, пока не вернулся к Ною с вестью о том, что прекратился потоп, столько ходил и отец Афанасий. Едва он дошел до перевала, как его захватили помыслы. И он сказал себе: «Что я, только с одним молоком вернусь? Схожу-ка я и принесу заодно помидоров из Каракалла»²⁷. Но чтобы попасть в Каракалла, нужно перебраться через перевал: это четыре-пять часов пути. Взял он в Каракалле помидоры и узнал, что в Моноксилите²⁸ сбор винограда. «Схожу-ка я теперь туда. Но зачем я туда поташу помидоры?» — подумал он. Моноксилит от Каракалла в десяти часах ходьбы. Положил он помидоры в бидон и спрятал его в ветвях дерева, чтобы взять на обратном пути. Отправился за молоком, а теперь пошел за виноградом. Собрал он там виноград, вернулся за помидорами, а они уже переспели, потекли. Страшный человек отец Афанасий! Оставил он виноград в Дафни и пошел опять в Каракалла: это еще десять часов ходьбы.

Тем временем Старец высматривал, по какой тропинке он вернется. Не видать. Старец сказал:

— Пропал отец Афанасий. Он так просто теперь не вернется. Его, видно, победили помыслы о помидорах и винограде. Что будем делать? Не пить нам молока. Малой, не сходить ли тебе?

— Схожу, Старче, буди благословенно.

— Тогда слушай. Бдение сделаем чуть короче, ты ляжешь спать в шесть, а я тебя разбужу, я спать не буду. Я тебя подниму в восемь, плюс три часа пути, итого одиннадцать²⁹.

²⁷ Монастырь Каракалла находится между Великой Лаврой и Иверским монастырем, он посвящен первоверховным апостолам Петру и Павлу.

²⁸ Моноксилит — местность на Афоне.

²⁹ На Афоне сохраняется употребление византийского времени. В соответствии с ним за полночь принимается время захода солнца. Так как это время зависит от времени года и постоянно меняется, стрелки часов на Афоне регулярно, хотя и не ежедневно, переставляются в момент византийской полночи на ноль часов. Все упомянутые здесь и далее часы означают время после захода солнца (т.е. «в шесть часов» значит «через шесть часов после захода солнца»).

Я должен был пройти мимо скита Святой Анны, Нового Скита, монастыря Святого Павла и затем подняться наверх, на высоту тысячи метров. Проснуться нужно было ночью. Итак, я совершил бдение, исполнил правило и услышал, как Старец мне сказал: «Ложись, дитя, спать, я тебя подниму». Во сне я видел, как на меня напали бесы, чтобы я не пошел и не исполнил послушания. Но я им ответил: «Ничего у вас не выйдет, бесы». Старец меня разбудил без четверти восемь. Я сразу вскочил.

— Буди благословенно, отче, я иду.

Я не сказал Старцу про бесовское нападение, чтобы он не подумал, что я не хочу идти. Закинул торбу на спину, взял бидон для молока.

— Бери и эту торбу, — сказал мне Старец. — Когда будешь проходить мимо Святого Павла, наберешь в нее овощей. Придешь и с молоком, и с овощами.

У нас ничего своего из еды не было, потому что, кроме кустарника, ничего на камнях не росло.

— Давай, птенчик мой, принеси-ка нам чуток овощей.

— Буди благословенно, Старче.

Взял я бидон, деньги, торбы, получил благословение Старца, взял фонарик и отправился в путь. Я прошел мимо скита Святой Анны, мимо Нового скита, мимо монастыря Святого Павла. Все еще была ночь. Начал подъем. Сбежались шакалы и стали кричать, как малые дети. Они слышали монастырские колокола и подняли вой. Я первый раз слышал, чтоб они так выли. Ночь, пустыня. Вокруг, казалось мне, волки. Я начал петь. Они выли свое, а я пел свое — и вышел у нас чудесный концерт. Я был один, с четками и фонариком.

На рассвете я добрался до овечьего загона наверху горы. Ох! На меня бросились две собаки! Матерь Божия! Конец, подумал я, они меня сожрут, не отобьюсь от них. Я прикрывлся торбой. Кричу я, кричит чабан — собаки остановились.

— Ты что, дитя мое, монашек мой, как ты добрался сюда в такой час?

Старец мне велел, чтобы я сказал лишь такие слова: «Я пришел за молоком. Налейте мне бидон. Сколько стоит?» Ничего другого я не должен был говорить.

— Заходи к нам, поешь что-нибудь.

— Налейте мне молока, и я пойду. Сколько стоит?

— Подожди, мы подоим.

Я присел под каливой. Он ушел в загон, принес молоко, дает мне попить. Я не стал пить.

— Попей, паренек.

— У меня нет благословения.

Я с утра голодный, но не пью.

— Сколько стоит?

— Столько-то.

— Я пошел.

Он мне дал молоко, я за него заплатил, поставил бидон в торбу и пошел в монастырь Святого Павла к садовнику. Я достал бидон из торбы, и он мне положил в нее картошку, баклажаны, помидоры. Садовник отец Даниил нагрузил для нас полную торбу всего.

— Скажи-ка, брат, как ты это дотащишь до Старца?

— Молитвами Старца дотащу. Если у тебя есть еще, клади сверху. У нас там, отче, ничего нет.

— Но как ты донесешь? Даже я не дотащил бы это.

Отец Даниил был чудовищного роста, а я — все равно что заморыш.

— У нас там одни кусты растут. Давай еще что-нибудь отнесу Старцу.

Он меня нагрузил и теперь смотрел с жалостью. Я взял все это и отправился в путь. Откуда я знал, что у меня не хватит сил донести все это наверх? В одной руке я тащил бидон с молоком, в другой — торбу с овощами. Но молоко у меня так бултыхалось, что должно было превратиться в масло. «Ох, не доберусь!» — причитал я. И что же сделал благой Бог по молитвам моего Старца? Лишь только я начал спускаться от монастыря Святого Павла к Новому Скиту, как навстречу мне монах, отец Илия из общины отца Артемия.

— Ефрем, откуда ты здесь?

И, к счастью, взял у меня бидон. У него был свой груз, но он был крепким парнем и старше меня. В общем, взял он мой бидон, и мы продолжили путь. Миновали Новый Скит, спускаемся к Святой Анне. Но ему нужно было сворачивать к своему Старцу, а я должен был идти в пустыню. Как же я без него теперь? Мы были у моря.

— Ох, Ефрем, как ты опять все это потащишь?

— Давай сюда все.

Взял я бидон. Как же теперь подниматься? Туда, за молоком, я шел три часа, а возвращался — пять, без отдыха. Начал подниматься по выдолбленным ступенькам горы. Казалось, здесь-то я и отдам концы.

Наконец, сам не знаю как, дотащил я все это наверх. Для Старца у нас был устроен навес от солнца, потому что кустарник совсем не давал тени. Под ним Старец занимался рукоделием, и там, рядом с ним, мы ели. Мы ставили столик и собирались вокруг Старца. Я подошел и рухнул перед ним.

— Старче мой...

— Добрался?

— Добрался, еле жив. Вот, Старче, принимай.

— Ступай отдыхать, а я со всем этим разберусь.

Там были помидоры, баклажаны, дыни, которые нам дал отец Даниил, — все я вручил Старцу. Не знаю, что он с этим сделал, я просто упал. Не помню, сколько я отдыхал и когда проснулся. Не помню даже, что стало с молоком...

Отец Афанасий вернулся через неделю. Он закричал снизу: «Отец Арсений!» Старец сказал: «О, жив отец Афанасий! Слава Богу! Спуститесь к нему. Кто знает, что он там принес». Мы спустились. В монастырях, когда слышали, что пришел монах Старца Иосифа, охотно давали много всего, потому что Старец был известен как подвижник. Иногда люди давали и какую-нибудь одежду, обувь. Но все то, что в этот раз принес отец Афанасий, сгнило и превратилось в кашу. Виноград, сухари, маслины — все, что дали ему в монастырях, через которые он проходил. Помидорам — неделя. Представляете, во что они превратились? Как бы то ни было, мы все это подняли.

Отец Афанасий, подойдя к Старцу, сопел, как тюлень. Старец, искусный психолог, встретил его тепло. Он знал, что таскавшему тяжести и усталому человеку трудно перенести выговор.

— Отец Афанасий, что с тобой, что случилось?

— Что случилось? Помыслы случились.

— Какие помыслы?

— Как только я добрался туда, устал и лег спать. И помысл мне

говорит: «На что им молоко? Ступай за помидорами». Что мне было делать?

— Хорошо, отец Афанасий, приключения тоже нужны.

— Тысяча извинений!

Старец его успокоил. Он, видимо, думал: «Как бы там ни было, а человек трудился. Если я ему еще добавлю, то это будет слишком».

Поэтому и сказал Старец, что отца Афанасия сбили с толку помыслы о помидорах в Каракалле и что затем он пойдет на сбор винограда. Как Старец сказал, так и случилось. Вот какой был у нас Старец! Можно сказать, это был последний святой на Святой Горе.

Отец Афанасий бегал по делам — и старцы пребывали в покое. Я служил.

Отца Афанасия донимали помыслы. Старец подбадривал его:

— Давай, отец Афанасий, настрой свою скрипку. Не вешай нос! Прибавь голосочку!

* * *

Мы много трудились, мы очень много трудились. Целый день переносишь тяжести, а Старец ни на мгновение не прекращает тебя ругать. При этом жестокие условия жизни, бдение, помыслы, война со страстями, нападения бесов во сне и наяву. Ко всему этому, место, где мы жили, — очень суровое. Не так, как у нас сейчас: тепло, и печки, и батареи. У меня у первого все это есть. Тогда же было совершенно иначе. Но весь этот труд заложил фундамент, на котором, по молитвам Старца, я до сих пор стою на своих ногах. У меня, конечно, духовное малокровие, духовно у меня все просело, все пришло в упадок, но молитва Старца до сих пор держит меня на ногах.

И все же, как прекрасны были эти труды! Как прекрасны и благословенны были те годы! Сейчас я вспоминаю о них, вижу наши каливы, думаю о том, какая там была жизнь: Ватерлоо, по тяжести трудов и болезней! Это подвижническое и заполненное трудами время принесло плод благодати, непорочности, чистоты внутри и снаружи, в душе и теле — конечно, по молитвам Старца. Старец нас учил теории, направлял нас, чтобы мы не уклонились ни вправо, ни

влево, помогал нам — вот так жизнь и протекала с духовной пользой. Суровое воспитание служило успокоению страстей и приобретению всего того необходимого, чего мы были лишены. Мы были молодые ребята и нуждались в таком суровом воспитании. Оно для нас являлось праздником, ибо мы знали, что этот труд будет снова и снова приносить благодать Божию.

У нас были искушения, помыслы, восстания страстей, но все это находилось под контролем Старца и не ускользало от нашего собственного неослабного внимания. Благодаря наставлениям Старца, наш ум хранил бдительность и всегда был готов прогонять противные Богу мысли сразу, как только они приходили, чтобы они не составили какой-нибудь греховный образ. Старец неусыпно наблюдал за всей нашей жизнью. Мы постились, совершали бдения, молились и старались не позволять уму вернуться назад, в мир. И правда, за пределы келлии, за ближайшие окрестности ум наш не выходил. Он устремлялся только ввысь.

Мы добровольно были лишены многих вещей с единственной целью — преуспеть духовно. Подвизались мы преимущественно ночью. Ибо ночь по своей природе помогает успокаиваться уму и дает время для молитвы.

НАШЕ БДЕНИЕ

Главым делом нашего дня было бдение. Все совершалось ради того, чтобы нам было удобно творить ночную молитву. Тогда, в пустыне, наш устав велел вставать ото сна после захода солнца и приступать к молитве. После пробуждения мы выпивали по чашечке кофе — лишь для того, чтобы это помогло во время бдения. Пить кофе перед ночной молитвой велел нам Старец. Исключение составляли те, кто кофе пить не мог. Немошным братьям разрешалось немного перекусить для подкрепления сил. После кофе мы клали поклон Старцу и молча, не говоря ни одного слова, расходились каждый в свою келлию. И там, по методу и способу, которым нас научил Старец, мы приступали к молитве и бдению. Мы произносили Трисвятое, затем садились на скамеечки и предавались скорби, памяти о смерти, воспоминанию о Христовом распятии. Ничего другого нам на ум и не приходило. После пробуждения у нас все время была память смертная.

Старец нам говорил, что ум сразу после сна — отдохнувший, чистый. И поскольку он находится в таком состоянии чистоты и покоя, это самое подходящее время сразу дать ему, как первую духовную пищу, Имя Христово. Садись на свою скамеечку и, прежде чем начнешь творить молитву «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!», на несколько минут задумайся, поразмышляй о смерти. Так нас учил блаженный Старец, вся жизнь которого была ничем иным, как непрерывным побуждением себя к молитве.

Так мы все сидели по келлиям, затворившись в темноте. У нас были только четки и поклоны, поклоны и четки — больше ничего. Я закрывался иногда на два, иногда на три часа, творя умную молитву. Часто я сидел и пять часов. Лишь только мой ум затуманивался и меня начинало клонить ко сну, я выходил во двор. Когда мы уставали от умной молитвы, Старец нам советовал читать, размышлять о духовных вещах, вспоминать свои грехи и вновь возвращаться к умной молитве.

Давал он и такое наставление. «Смотри, — говорил мне Старец, — когда я не нахожу утешения от молитвы, я пою заубойные тропарики, один, другой, и плачу. Вспоминаю смерть и тому подобное. И ты, дитя мое, если не идет молитва, если она не действует сама и не сильна, обратись к плачу, чтобы получить пользу от него. Не находишь пользы от плача, обрати ум к Распятию Христову. Не можем получить пользу от этого, обращаем ум к нашим грехам. Если и при этом ничего не выходит, вспоминаем наши немощи, отмечаем, в чем они проявляются, чтобы на следующий день подвизаться в борьбе с ними». Исчерпывающее поучение. Не вокруг да около, а по существу. Не в бровь, а в глаз.

* * *

Зимой было холодно, кости мои ныли, но ни спирта, ни керосина у нас не было³⁰. Бдение давалось нам с боями, но это было настоящее бдение: восемь-десять часов с молитвой, с поклонами, со злостраданием и удручением не души, но тела, ибо не было у нас комфорта, который есть сейчас.

Когда нужно было что-то написать, мы зажигали масляный светильник. Посреди келлии у каждого была деревянная подпорка в виде буквы Т, опираясь на которую, чтобы не уставали наши руки, мы совершали службу. Наклоняли голову и так молились. Если нас начинал бороть сон, мы становились прямо и брались за четки. А когда наступало время для сна, мы брали подушку и там же засыпали.

³⁰ Спирт и керосин, в данном случае, — народные средства борьбы с простудой, употреблявшиеся в виде растирки, в которую могли быть добавлены также перец и горчица.

Летом у каждого был свой пост во дворе. И сначала каждый молился, сколько хотел, у себя в келлии, а затем, ночью, выходил во двор и молился там. У каждого из нас бдение длилось не менее восьми часов. Только после восьми часов бдения можно было идти спать.

Каждый старался как можно больше пребывать в умной молитве, закрывшись в своей келлии, без четок, без света. Один — два часа, другой — три, иной — четыре, сколько позволяла телесная и духовная сила каждого. Я, конечно, как младший и слабый, выходил во двор раньше всех и молился по четкам на площадочке, на камнях.

Старец пребывал в умной молитве семь-восемь часов. Затем совершал службу по четкам, с поклонами.

* * *

Старец всегда держал нас в состоянии трезвения. Мы не знали, что такое нерадение, что такое спать во время бдения. Это нашей общине было неизвестно. Старец сделал нас стальными. Потому что он первый был — чистая сталь. Я был самый последний, так как был самым слабым душевно и телесно. Братья мои были намного лучше меня.

По нашему уставу бдение совершалось всю ночь. Смог ли ты поспать накануне вечером, не смог ли из-за искушения или по другой причине — бдение ты должен был совершить! Таков был устав. Нельзя было сказать: «Я устал, отдохну-ка, потому что таскал груз, работал». Это не могло отменить устав. Какой бы ни была дневная усталость, бдение происходило всенепременнейше. Поспали мы в положенное время или нет — мы обязательно должны были подняться на закате солнца и начать бдение. Тебя борол сон, ты мучился, борясь с ним? «Бдение свое ты совершишь!» — говорил Старец. Он не допускал никакого снисхождения, брат не мог быть освобожден от бдения.

У нас не было беспорядка в расписании дня, не было такого, чтобы мы поднимались то в один час, то в другой или не отдыхали в положенное время. Если кто-нибудь так не мог, он шел в другое место. То есть каждый должен был соблюдать этот распорядок, иначе он не мог здесь оставаться: или сам уходил, или его прогонял Старец. Здесь надо было исполнять его устав, совершать этот подвиг.

* * *

Когда к нам приходил священник, мы, после шести часов уединенной молитвы, служили литургию в полночь. Зимой, когда она заканчивалась, была еще ночь. Мы шли спать, а когда вставали, все еще было темно. Летом же, когда мы поднимались, было уже светло. Всю ночь каждый из нас пребывал один, и только на литургию и трапезу мы собирались все вместе. Это было очень здорово, всем это очень нравилось.

Я на бдении сильно уставал и должен был поспать перед дневной работой. Утром — снова перенос тяжестей, походы за дровами и водой. В те дни, когда трапеза у нас была дважды, я должен был встать до восхода солнца и приготовить еду, чтобы отцы перед работой поели. Затем я убирал со стола, мыл посуду и готовил обед. Отцы шли заниматься рукоделием и другой работой, а я отправлялся в резерв. Хорошая была жизнь! Днем, во время работы, мы молились. Мы были простодушны как дети. «Пустынным живот блажен есть. Непрестанное Божественное желание бывает мира сущим суетного кроме»³¹.

Часто я вечером просыпался, садился и чувствовал, что не отдохнул. «Который сейчас час? Ночь? День?» Мы ведь закрывались, когда спали. «Какое сегодня число? Еще можно поспать, ведь я спал только полчаса. Как я сейчас осилю десять часов бдения?» Я смотрел на предстоящую ночь и говорил себе: «Мука мученическая! Как мне ее осилить, когда я не выспался и не отдохнул?» После литургии, опять же, сна было очень мало, а затем — работа, работа, работа. Вот поэтому мы шли напрямиком к туберкулезу. Но наше послушание Старцу было абсолютным. Непрестанные труды, выговоры, нагоняи. У меня совершенно не было покоя: с одной стороны — работа, с другой — взбучки, упреки. И рот на замок. Какое там заговорить! Говорить было строжайше запрещено. Разве что с отцом Арсением, когда мы были у себя.

* * *

Старец нас учил, что тот монах, который не совершает бдения и который не сделал своим достоянием Иисусову молитву, не мо-

³¹ Степенны антифоны 1 и 5 гласов.

жет называться монахом. Монах без бдения, не ставший *нощным враном на нырищи* (Пс. 101, 6), как бы птицей, которая не спит и поет, монах, не приобретший трезвения и молитвы, монахом, по сути, назван быть не может. Он монах не по душе, а лишь по внешности. Он еще не возродился, он еще не познал особой благодати монашеского жительства.

Благодаря сознательному бдению, монах приобретает, как говорят отцы, херувимские очи. Он приобретает такое трезвение, что издалека видит бесов, ополчающихся на него со злобным лукавством, стремясь сделать подножку монаху-подвижнику. Он замечает даже малейшее движение страстей и таким образом успевает принять необходимые меры.

Старец, этот философ нынешнего времени, знал, что такое бдение ради Бога. Это не то бдение, когда всю ночь ловят рыбу или шатаются по улицам и дискотекам. Бдение — то, что я совершаю в Боге. Что значит «в Боге»? И что значит «бдение ради Бога»? Это значит, что ум восходит, проходит через Небеса, видит Слово Божие, Которое выше ума и понятия, на Престоле и в Славе превышает Небеса, и там беседует с Ним. А сердце радуется, и человек восклицает: «Блажен тот, чей ум в Боге! Он счастлив и блажен». Так говорят и отцы: «На монаха, совершающего бдение с ведением, то есть молящегося с трезвением, смотри не как на человека, но как на ангела Божия». Вот какова истина, вот что такое монах!

Мой Старец настаивал на бдении, на прекрасном бдении, на том бдении, которое очищает ум и делает его боговидным. Бдение дает возможность уму подниматься до третьего неба и осязать духовно неизреченные тайны горней жизни. Совершая под водительством Старца бдение с молитвой, мы вкушали в нашей душе эту горную жизнь, Царство Божие, горний Иерусалим. И думали: «Когда же мы уйдем отсюда и станем его вечными причастниками?» Ночью, на бдении, когда нас посещали благодать и милость Божия, мы воспринимали множество Небесных явлений, представляя их, конечно, на суд Старца, дабы не ошибиться в их истинности, — и все они духовно преображали нашу душу. Днем, на послушаниях, мы летали от радости и душевной бодрости.

Старец нам говорил, что осеннее время особенно хорошо подходит для умного делания, потому что сама природа ему помогает.

Не слишком холодно, не слишком жарко, природа неким образом меняется — и все это помогает подвижнику. И правда, мы бдели ночью, и когда Бог давал благословение, мы становились немного причастными полету Старца к Богу. Но разве мы могли познать всю глубину, высоту и широту молитвы этого человека, многими часами удерживавшего ум в сердце? Нет, нисколько. Мы страдаем неведением молитвы и созерцания. Мы не можем понять ценности монашеского жительства, ибо не понуждаем себя жить согласно правилу отцов, учивших нас этому.

Без чина бдения и внимательной монашеской жизни монах останется лишенным высоких и исключительных дарований Божиих. Речь идет не просто о бдении в узком смысле слова, но о бдении в духе, бдении в ведении, бдении в Боге, бдении с трезвением и молитвой. Такое бдение дает великие дарования монаху, прилагаящему труды. Бдение — это труд. Монах бьется со сном, с бесами, приходящими разрушить молитвенное бдение. Они возбуждают страсти, особенно рассеяние. Монах трудится, совершая земные поклоны, собирая рассеивающийся ум и приводя его к соприкосновению с Высочайшим Умом. Цель монаха — соединить свой ум с Богом, чтобы благодаря этому соприкосновению человек в глубине души — превыше всякого постижения — ощутил Бога.

Старец рассказывал нам о бдении и говорил, насколько оно обогащает человека, какой духовный прирост приносит, как держит человека в трезвении, каковы дары умной молитвы. Все это и многое другое он рассказывал нам. И как после этого нам было не совершать бдения! Ведь с какой целью мы пришли в пустыню? Не пришли ли мы сюда обогатиться? Или мы просто пришли провести время? Мы подчинились Старцу, сознавая, что он хранит этот порядок и чин. Поэтому и старались подвизаться в том, чтобы с охотой просыпаться, братья за четки, начинать благословенную молитву, приступать к постижению Божественных вещей и заниматься всем этим с большим смирением и в простоте сердца. Мы знали, что благодать Божия, всегда сопровождающая человека и готовая осенить и преобразить его внутренне, эта благодать придет, осенит, придаст молитве смысл и чувство.

Все непрестанные наставления, советы, побуждения, вся тактика и вся цель Старца сводились к тому, чтобы мы произносили мо-

литву Христову и доблестно совершали бдение. И он внимательно и неусыпно следил за этим. Он очень глубоко привил нам понимание того, что молитва и трезвение обретаются благодаря бдению. Старец постоянно меня спрашивал:

— Малою, как идет молитва? Как идет бдение?

Я ему отвечал:

— То так, то сяк.

Старец следил, молимся ли мы непрестанно.

Также он нас учил, что бдение не должно пройти без слез. Слезы должны стать неразлучным другом монаха. Монах должен плакать постоянно, когда о своих грехах, когда о других людях. Он должен достичь такого состояния, чтобы плакать от любви к Богу.

* * *

Старец подчеркивал, что без бдения не бывает преуспевания, без бдения нет фундамента в жизни монаха. Свои наставления он оживлял историями из жизни святых отцов и знакомых монахов. Также он нам советовал, чтобы во время бдения у нас было и немного духовного чтения, ибо такое чтение просвещает ум и помогает в молитве. Он говорил, чтобы мы прочитывали пару глав из Священного Писания, а затем что-нибудь святоотеческое: «Лествицу», Авву Дорофея, «Евергетин», преподобного Макария, жития святых. Особенно же Старец советовал читать писания Аввы Исаака Сирина. Об Авве Исааке он говорил так: «Если бы были утрачены все писания святых отцов-пустынников о трезвении и молитве и сохранились бы только подвижнические слова Аввы Исаака, их было бы достаточно, чтобы научить человека жизни в безмолвии и молитве с начала и до конца. Эти творения раскрывают подвижническую жизнь от А до Я, и их одних достаточно, чтобы с первых шагов наставить человека и привести его к совершенству».

Я, смиренный, хотя и был самым никчемным в общине, непоколебимо верил, что слово Старца было словом Божиим и что он не ошибается. У меня были доказательства и свидетельства того, что Старец, благодаря молитве, непорочной жизни и смирению, был, насколько это возможно для человека, непогрешим в суждениях о том, что знал из опыта. Он прошел и испытал все, его путь был про-

торен святыми. Здесь прошли тысячи подвижников, и про каждый шаг на этом пути ему было известно, к чему он приведет. Доверять ему было можно и нужно.

С таким отношением я и следовал, спокойно и сосредоточенно, по его стезе, соблюдая тот чин, который он нам дал. Мы должны были в определенный час быть на своем лежачке. Затем в определенный час — подъем. И когда звонил будильник, мы, по благодати Божией, вскакивали, как подброшенные пружиной.

От лишений, трудов, скорбей, болезней у меня часто страшно болели грудь и легкие. Даже и теперь это нередко бывает. А тогда боль была очень сильной. Как только со звоном будильника я открывал глаза, так сразу чувствовал адскую боль. Несмотря на это, исключительно по молитвам Старца и по благодати Божией, не было ни одного раза, ни одного дня, когда я уступил бы искушению остаться в постели и не вскочил бы как пружина. Зачастую, во время чтения входных молитв перед литургией, от боли в груди моя голова, мой ум, мой внутренний голос не могли произнести те слова, которые требовалось сказать. Я садился, приходил в себя и продолжал.

Старец, как зачинатель всего этого порядка, не позволял нам от него отступать. Но мы уже не отступали от него не потому, что Старец так повелевал, а потому, что он этот порядок нам привил.

* * *

Старец дал мне послушание готовить ему кофе перед бдением. Я должен был это делать сразу после подъема. По дороге от моей калитки к Старцу я собирал дровишки. Из собранных сухих веточек делал вязанку, зажигал огонь между двумя камнями и ставил на них турку, сделанную из консервной банки, к которой в качестве ручки была прибита деревяшка. У него не было ни стакана, ни кружки. Кофе он пил прямо из этой консервной банки, которую мы никогда не мыли. Однажды я ее вымыл, но он, заметив это, сказал:

— Больше не мой ее.

— Буди благословенно.

В этот час он мне не позволял сказать ему ни одного слова: ни про помыслы, ни про дела, ни чего-либо подобного. Старец совер-

шенно не желал разговаривать, даже если бы к нему пришел не я, а мой ангел. Иногда я ему приносил письма. Принеся их в первый раз, я обратился к нему:

— Старче, вам письма.

Он приложил палец к губам:

— Тихо! Ни одного слова. Ступай.

Он делал так, потому что это было время подготовки к бдению. После он объяснил мне:

— Если мы заговорим, то потеряем сливки ума. Мы должны сливки ума приносить в жертву Богу. Мы не должны говорить. Поэтому не будем разговаривать и расходовать их то на одно, то на другое, то на третье. Лишь только проснемся, сразу будем наш ум — тихий, спокойный, чистый — обращать к Богу. А после того как мы отдадим Богу самое лучшее, сможем разговаривать о разных вещах, о чем захотим. Поэтому ты не должен говорить ни одного слова.

* * *

Из-за беспокойства о том, чтобы встать вовремя, я спал чутко, как заяц. Я никогда не спал спокойно. Чтобы вовремя приготовить Старцу кофе, я клаал часы под подушку. У меня не было будильника, который я мог бы завести и быть спокойным, что проснусь вовремя. Все мои мысли были о том, чтобы не проспаться. Все время думая об этом, я не мог отдохнуть: постоянно заглядывал под подушку и смотрел, не наступило ли двенадцать часов. Это было сущим мучением. Без четверти двенадцать у нас был подъем, в двенадцать заходило солнце, в двенадцать я должен был быть у Старца в его калевке.

Только один раз за все эти годы я не поднялся вовремя. Я проспал на двадцать минут, потому что всю ночь воевал со сном. Я подумал: «Как я теперь пойду и помешаю его молитве?» Утром мне досталось. Старец спросил:

— Почему ты не пришел?

— Старче, проспал, простите.

— Лентяй! Вы только послушайте! Соня! Бездельник! Как ты мог оставить своего Старца без кофе?!

Ох и влетело мне! Больше со мной такого не повторялось.

Так мы подвизались. Бдение восемь часов каждую ночь, без разговоров. Затем один, в своей каливке, я ложился и спал спокойным сном с Иисусовой молитвой. Зачастую от вещей, которыми я укрывался, исходило благоухание, духовное благоухание. Ах! Блаженный сон! Я сейчас думаю об этом и говорю себе: «Смогу ли я когда-нибудь еще насладиться таким сном?» Эта мысль вызывает у меня боль. С ней я и умру.

По ночам мы слышали крик птичек, тьяканье лисиц. Как нам было хорошо! Кричали дикие птицы: белоголовый сип, бедняга сова и другая птица, которая зовется пастушок, — ту-ту-ту. И если была луна, она их освещала. Пела птичка, а я во дворе, с четками. Ах!..

В течение дня, во время трудов, мой ум был занят ожиданием, когда придет ночь. Радость наша приходила ночью. Какой прекрасной была та наша радость: ночью, с четками, в безмолвии, во время бдения! В этом заключалась красота нашей жизни. А после бдения, когда наступала легкая прохлада, приходил отдых.

«Одного безмолвия уже достаточно для утешения», — говорит святой Исаак Сирий. Лишь безмолвие способно дать человеку утешение, и оно особенно велико, когда его (безмолвие) посетит благодать. Тогда ум восходит прямо на Небо, ведь тогда открываются и ум и небо и они становятся одним.

После этого совершенно не хотелось идти спать. Спать сейчас — все равно что душу у тебя вынуть. Как сейчас идти спать? Безмолвие и снежок вокруг! Но ты должен был ложиться спать, потому что таков устав. Старец говорил, что в такой-то час надо ложиться спать. И ты забывал обо всем. Так сказал Старец? Так сказал Бог! Разговор окончен! Мы и хмыкнуть не могли. Слово Старца было для нас законом.

Потихоньку, спокойно, без суеты, без разговоров, устроив себе постель, я падал и засыпал счастливым сном. Да и с кем бы я разговаривал? Со стенами? Рядом со мной никого не было. И засыпал, и просыпался я в одиночестве, место было пустынное. Рядом была только каливка Старца да лисицы с их тьяканьем.

Ах! *Помянух дни древния* (Пс. 142, 5). Я вспоминаю о тех днях и оплакиваю себя, дожившего до того, что на моих плечах теперь груз

тысячи забот. В то время душа моя часами напивалась столь многими благами, точнее сказать благодатью Божией, что слезы у меня не прекращались ни днем ни ночью. Моя душа была настолько исполнена любви к безмолвию, что, даже идя в уборную, я плакал. Я не знал, почему я плачу. Часто от изобилия безмолвия в моей душе был такой покой, столь любимый мною, что у меня не было слов. Душа моя чувствовала отдохновение, и от этого отдохновения начинали литься слезы — конечно, без какого-либо особого помысла, а только лишь от безмолвия. Поэтому тот, кто знает цену безмолвию, тот, безусловно, должен был перед этим познать его пользу.

Я тянул четочку, клал поклоны; если заходил в келлию, то зажигал лампаду и читал несколько страниц Аввы Исаака. А затем — вновь во двор, опять поклоны, опять молитва. Пустыня. Ни души. Даже комар не пролетит. Страх и ужас мог бы охватить. Я видел звезды. Мой ум восходил, проходил первое небо, второе небо, третье, достигал Престола Божия и поклонялся, а душа взывала: «Иисусе Сладчайший, Иисусе мой Сладчайший, Иисусе, сладкая моя любовь!» Человек падает ниц пред Христом, отдавая себя Его любви. После этого как помыслу обратиться вниз, если он был всецело захвачен горним? После этого как я могу задуматься о том или о другом? Никак.

Если бы мне сказали: «Мы тебя сделаем императором, дай нам хотя бы пядь от того, что имеешь», я бы и сантиметра не отдал.

* * *

Когда мы были новоначальными, я каждую ночь открывал Старцу помыслы. После полуночи, когда Старец выходил из своей калитки, завершив восьмичасовую умную молитву, я приходил к нему рассказать, как провел день и ночь, была ли у меня какая-нибудь брань, какие-нибудь помыслы, было ли диавольское нападение. Я ему поверял все. И когда он видел, что необходимо меня духовно укрепить, тогда рассказывал о том, что бывало с ним, о бывших ему видениях, о посещениях благодати, о различных бранях, случавшихся с ним. Он передавал истории о подвижниках, живших тут до него, истории, слышанные им от своего старца, истории о различных чудесных подвигах святогорских отцов. Он был славным рассказчиком. Когда он говорил, хотелось его слушать непре-

станно. Он нам рассказывал очень много, ибо хорошо знал многих старых монахов. Чистейшее предание — можно было написать новый патерик. Так он поднимал мой дух, готовил меня к битвам, так укреплял мою веру.

Иногда Старец рассказывал нам о своей жизни, начиная с детских лет, рассказывал, что он повидал за свою жизнь. Все это приносило нам большую пользу, укрепляло нас. Мы узнавали о том, чего не знали и что, как Старец думал, могло принести нам пользу в будущем, когда он уже отправится в иной мир.

Он не устраивал обсуждений и огласительных бесед, но приводил примеры из патерика и из жизни. Он не излагал нам множества теорий — я имею в виду длинные многочасовые лекции. Нет. Поучение краткое, но насыщенное и попадающее в самую точку, полное личного опыта, столь драгоценного для нас, новичков, подвизавшихся ради духовного преуспевания.

В этом поучении было несколько истин. Чтобы Старец нас наочно собирал и беседовал — где там! Мы говорили один свой помысл, он нам излагал пять святоотеческих мыслей и давал пару советов. «Вперед! — говорил он нам. — Увидите эти истины на деле». Не требуется много философских рассуждений, потому что человеку, если он подвижник, не требуется много слов. Монашеская жизнь не нуждается в теоретизированиях, она нуждается в немногих истинах, но они должны осуществляться на деле.

Старец говорил тебе: «Молчи, твори Иисусову молитву, прогоняй помыслы, не празднословь». Сколько раз он должен был все это тебе говорить? Пока язык не отвалится? Если ты не будешь этого исполнять на деле, сколько бы тебе это ни говорилось, толку не будет, как если бы ты пошел к врачу, взял лекарства и, выйдя, забыл о них. А потом все делаешь сначала: идешь, снова просишь лекарства. Но в конце концов! Когда же ты начнешь их принимать?

Так и теперь здесь у нас в монастыре, когда мы не исполняем то, чему нас учат, мы будем все время больны, все время будем просить о помощи и постоянно возвращаться к одному и тому же. Поэтому мы должны жить в духе любви и братолюбия. Ибо то, чего нам не хватает, — это любовь и смирение. Ведь если бы у нас были смирение и любовь с послушанием, нам не требовалось бы ничего другого, никакой другой философии.

Как жаль, что во времена Старца еще не было магнитофонов. Записать бы хоть одну его беседу о вере! Он говорил с нами на эту тему много раз, но мы не могли удержать его слова в памяти. Спустя год после преставления Старца отец Иосиф Младший³² принес магнитофон, но Старца уже не было. Что тут сказать! Такова была воля Божия.

* * *

У каливы Старца я сидел и тянул четочку, а он мне рассказывал о молитве, об отцах, за которыми ухаживал, когда они состарились. И в этом месте, у его каливы, мир благоухал, как лилия и роза, хотя вокруг была одна сушь и ничего не росло, кроме низкого каменного дуба. Однажды я стал нюхать воздух, и Старец меня спросил:

— Что это ты делаешь?

— Старче, пахнет лилиями и розами.

— Вот балда! Подойди поближе, к двери.

Я подошел к двери в келлию Старца и вдохнул аромат. Я вошел: вся келлия благоухала так, что даже моя борода и одежда стали источать аромат. Старец мне сказал:

— Это от молитвы. Разве ты не понимаешь? Благоухание — это Имя Христово.

Должно быть, он много молился той ночью. От Иисусовой молитвы благоухает не только человек, но и место, где он стоит. Я чувствовал, как аромат его молитвы орошал все, что его окружало, воздействуя не только на наши внутренние, но и на внешние чувства. Часто и отец Харалампий, когда заходил в келлию Старца во время их ночных встреч, ощущал благоухание.

Когда молитва Старца достигала апогея, его сердце и ум, а вместе с ними и все пространство келлии, становились пылающей купиной. Поэтому, когда мы входили в нее ночью, чтобы открыть свои помыслы и услышать несколько слов Старца, нас пленяло благоухание умной молитвы. Я часто задумывался и задавал себе вопрос: «Что же совершается в этой душе, в этом сердце?»

Чтобы нам самим постичь на опыте, что происходило в сердце этого человека, нашего современника, рано или поздно мы должны

³² Об о. Иосифе Младшем подробно рассказывается во второй книге (глава VII. «В Малом скиту Святой Анны. Отец Иосиф Младший»).

вкусить, почувствовать, как эта молитва произносится сама собой. Должны увидеть и вкусить посредством умной молитвы, каков Бог, как Он прекрасен, каковы Его Божественные свойства. Должны почувствовать чудесным и таинственным образом Его присутствие, Его бытие, увидеть, как Он обнимает Собой все творение, как Он находится внутри творения и вне его, как Он весь обретается внутри сердца. Должны увидеть, как происходит созерцание Его в уме, как Божественное водительство берет ум и ведет к Своим таинствам и что тогда открывается уму. Все это Старец пережил в полноте.

* * *

Старец старался рассказами о разных исторических событиях очень глубоко привить нам память о смерти, чтобы у нас было духовное делание и чтобы наша совесть становилась более чуткой и лучше служила самокритике. Когда мы просыпались на закате, чтобы приступить к бдению, мы чувствовали, как память о смерти захватывала нас и настраивала так, что мы предавались молитве с умилением, сосредоточением, плачем ради обретения благодати Божией.

Он нам привил память об исходе из этого мира в иной. И не было дня, не было мгновения, не было у меня такого пробуждения ото сна, чтобы я был вне этого созерцания, этой памяти, этой заботы о том, как будет исходить моя душа и как я встречу Бога, каким будет мой ответ на Его суде, каким будет этот суд Христов и каков будет приговор. Все это было одной непрестанной заботой, которая владела мною и никогда не отпускала, так что я все время размышлял о моей несчастной и достойной осуждения душе.

Благодать и молитва Старца давали нам иногда душевное отдохновение, вся же остальная наша жизнь была крайне многотрудна. Тогда-то и привил нам Старец память о смерти. Он все время говорил нам об исходе души, потому что сам об этом все время думал. Вот почему и теперь эта мысль у меня в голове ночью и днем.

БОРЬБА СО СНОМ

Наши кельи были далеко одна от другой. Такого, чтобы кто-то стучал в дверь, подавая сигнал вставать, у нас не было. Да и кому было нас будить? Что же заставляло нас в нужное время вскакивать после сна, как резиновый мячик? Внутренняя ревность, духовная жажда и чувство, что я должен подняться, должен исполнить свой долг. С какой целью я пришел сюда? Раз уж таков чин и Старец нам так повелел, мы должны подняться, должны исполнить его слово. И это происходило. Здесь нам не нужен был никакой помощник.

Что касается меня, то я был самым болезненным, самым слабым, самым юным, самым неспособным к чему бы то ни было. Из-за недуга я сильно страдал от ужасных болей в груди. Когда я открывал глаза и собирался подняться, меня пронзала такая боль в легких, что я не мог даже представить, что же там такое. Молитва Старца не давала мне никакой возможности оставаться в постели ни на минуту больше. Не помню, чтобы я сел и сказал себе: «Посплю-ка я еще немного». Нам такое было неведомо. Почему? Потому что мы верили, что должны исполнить послушание Старцу. Ибо он говорил нам: «Если вы не станете подвизаться теперь, когда молоды, когда имеете у себя под боком наставника, то когда же вы будете подвизаться? Когда состаритесь? Когда ваши страсти заматереют? Когда меня с вами уже не будет? Для вас время подвизаться — теперь. Пусть все страсти воюют с вами. Они вам помогут узнать на деле и благодать Божию, и лукавство бесов. Для нерадения нет

времени. Вы должны стать многоочитыми, как херувимы, чтобы внимательно смотреть вокруг и видеть ловушки дьявола, ибо часто он приходит в виде ангела, который учит богословию, но имеет целью сделать человеку подножку».

* * *

Каждую ночь мы совершали бдение. Молитва длилась часами. Это было нашим уставом. Сидя, кто на скамеечке, кто на земле, мы вдыхали и выдыхали Имя Христово. Мы подвизались изо всех наших сил. Старец требовал, чтобы мы подвизались до крови против сна и нечистых помыслов. Сам он совершал бдение во тьме своей келлии с неразлучным спутником — непрестанной умной молитвой.

Что бы ни случилось, ко всему Старец подходил с мужеством и рассуждением. В обучении бдению и чистоте мы, его послушники, должны были получать только отличные оценки. Он не допускал снисхождения и не позволял нам пропускать бдение, несмотря на все трудности нашей жизни. Часто летом мы не могли заснуть, потому что все вокруг было раскалено от жары. Мы были уставшими, вспотевшими, но Старец вечером говорил: «Бдение у тебя будет. Уставший ли, сонный ли, но ты должен быть на своем посту». Мы были мертвыми от усталости и часто нам совсем не удавалось поспать, но заходило солнце — и мы были на ногах, без разговоров. И затем, ночью — борьба со сном. Эта борьба была нашим частым гостем.

Сон борол нас очень сильно, особенно меня поначалу, из-за влажности в келлии и, конечно, из-за того, что мы старались спать как можно меньше. Но, по благодати Божией, мы боролись со сном доблестно. Мы истязали свои спины ударами палок, ударами о стены с единственной целью — не задремать, не заснуть на бдении и не потерять пользу от него.

* * *

Итак, я поднимался вечером на бдение. Я не чувствовал себя отдохнувшим после дневных трудов. Прежде чем удавалось заснуть на жаре, проходило много времени. Я постоянно следил за часами, чтобы вовремя проснуться и пойти к Старцу готовить кофе. Ведь

если я не пойду, он останется без кофе. Я поднимался, чтобы идти к нему. Но сон был так силен, так меня борол, я испытывал такое помрачение, что, проснувшись, сидел как идиот. Бывало, я ловил себя на вопросе: «Который теперь час? Что я делаю? Где я?» Глаза смыкались. «Ну, вставай же! Нужно сделать Старцу кофе. Что ты сидишь?» Таким усталым и одурелым я просыпался.

— Старче, что мне с этим делать? — спрашивал я его накануне.

— Подвизайся в этом, не отступай. Выходи во двор, бейся о скалы. Не спи, хотя бы ты ничего и не соображал. Только воюй со сном. Бог увидит твой труд. Не думай, что ты сам сможешь что-то сделать.

Я садился, чтобы творить молитву. Меня начинало клонить в сон. Я поднимался, брал четки, выходил во двор. Если бы я остался в кельи — все бы пропало, сон бы меня одолел. А если холод, дождь, мороз? Во двор с браунингом! Так называл Старец четки-трехсотницу.

Из-за бдений в морозные зимние ночи я не чувствовал ног от самого пояса, как, говорят, бывало при обморожениях на войне. Поскольку борьба со сном могла продолжаться и пять часов, все открытые части тела замерзали: ноги, руки, нос. У меня было одеяло, которое мне дала моя мать. Я его разрезал на две части и сделал ножиком дырки, петли, через которые продел веревочку, и завязывался ею. Одна половинка одеяла мне, другая — Старцу. И по одному белому капюшону, которые я сделал опять же из одеяла. Мы были как лапландцы или как эскимосы в шубах с белой оторочкой.

Там во дворе я бил себя палкой, разбивал свою спину о скалы, чтобы болью прогнать сон. И когда я так себя бил и трепал, боль, обычно, заставляла меня проснуться. Но иногда бесовское наваждение сна было очень сильно. И чтобы справиться с ним, я бежал к краю пропасти и тащил с собой две канистры с водой, которые бились о скалы и обдавали меня брызгами. От всего этого и от страха, как бы не упасть в пропасть, я должен был проснуться. Но часто и после этого я продолжал спать на ходу, видя сны. Столь велики были усталость и бесовское искушение.

Отказываясь от искушения уснуть и пропустить бдение, мы предпочитали войну, предпочитали трудности. И пусть мы иногда механически произносили молитву, достаточно было того, что мы

бодрствовали и вели борьбу. Пять часов страданий. Взад-вперед, взад-вперед по двору. Усталость меня подкашивала. Сон, большой бес, не отступал. Борьба с ним была сущим мученичеством.

* * *

Но случалось и так, что после четырех-пяти часов борьбы с искушением сесть и заснуть, когда я бегал по тропинкам, по зарослям, чтобы не уступить и не сдаться сну, сон чудесным образом убегал. Сон убегал внезапно, его отрезало как ножом. Казалось, после ночи, проведенной в борьбе со сном, мой ум должен был быть затуманен. Но я замечал в нем такую чистоту, такую легкость, такой мир, словно я завершил многочасовую молитву с великим духовным приобретением. Ум был таким чистым, что Иисусова молитва сразу влекла меня к созерцанию.

Я говорил себе: «Как это со мной произошло? Ведь я пять часов сражался со сном, произнося молитву механически, крича ее, борясь со сном и помрачением?» И все же после окончания битвы — очищение души. И тогда я сидел с Иисусовой молитвой: вдох и выдох, вдох и выдох. Час, два, три, четыре — вдох и выдох. Так дыша, я видел, как выдох с Иисусовой молитвой становился благоуханием и это благоухание наполняло все вокруг.

Бог словно хотел дать мне отдохнуть от труда и как бы говорил: «После того труда, который ты совершил, смотри, каков результат. Гляди, не отступай и завтра». Так я набирался опыта.

Мы приобретали опыт того, что война происходит как от усталости, так и от беса сна. Я говорил себе: «Вот, после такой борьбы со сном — прояснение».

* * *

Ночь. Никого. Пустыня. Только лисы и шакалы. Места у нас почти не было. Только тропинки и пропасть. Но мы тогда были в лучшем возрасте, и все усиливало в нас ревность: окружающая природа, наш распорядок, пример отца Арсения и особенно Старца, не отступавшего в подвиге вопреки всем своим болезням, удручавшим его постоянно.

Нас борол сон, и мы не могли совершать умную молитву более четырех часов, но у Старца такой борьбы не было. В молодости у

него была невероятная брань со сном, но когда я пришел к нему в общину, она уже завершилась. После восьмичасовой умной молитвы он выходил из келлии полный благодати и просвещения.

— Ну, вавулис, как дела? Хорошо держишь линию фронта?

— То так, то сяк, Старче.

— Хорошенько держи браунинг! Держи оружие крепко и не бойся!

Затем мы тянули четки вместе, и я ему открывал свои помыслы. Летом приплывали лодки, и рыбаки ловили рыбу со светом, с лампой.

— Видишь, дитя мое, как рыбацк всю ночь здесь подвизается, чтобы приобрести нечто вещественное, чтобы поймать кучку рыб и отнести их домой. И ради этого, земного, он не спит и все время настороже. Слышишь, иногда он поет, чтобы скоротать время. А мы, пришедшие сюда, чтобы поймать благодать Божию, разве не должны бодрствовать? И мы должны петь, то есть воспевать и славословить Бога, должны быть бдительными по отношению к помыслам, должны не спать. Этот рыбацк здесь, внизу, трудится ради нескольких рыб, мы же — ради духовной рыбацки, ради ловли Царства Небесного, ради большей благодати, ради награды вечной пред лицом Божиим. Это большое дело!

— Правда, Старче.

Так он нас и укреплял.

* * *

Какой подвиг у нас был в пустыне, когда была жара! Жара... В летний полдень скалы раскалялись, ночью же они отдавали жар. И мы жарились в церковке, расположенной в маленькой пещере. Она была такой крохотной и там было так жарко, что летом можно было задохнуться. Десять часов бдения, а в конце — литургия.

Прежде чем войти в церковку на литургию, я собирал все, какие только было возможно, помыслы терпения, чтобы выдержать. Наши головы клонились, мы клевали носом. Когда мы начинали дремать, то получали оплеуху. Бывало, Старец брал чашку с водой и выплескивал ее на нас.

— Спите! — кричал он.

— Простите!

Ох и страшен он был с этой водой! Наша одежда становилась мокрой, с нее капало. Выходя, мы были как мокрые курицы.

Херувимскую песнь обычно пел Старец. Это было очень красиво. У него был красивый голос. Иногда отец Арсений терял тональность — и Старец давал ему затрещину. Что ни дашь ему петь, он все норовил свернуть на шестой глас. Старец ему говорил:

— Отец Арсений, на блаженных будем петь третью и шестую песнь на восьмой глас.

Но пение снова сбивалось на шестой глас.

— Ох, дорогой мой, разве я понимаю в музыке? — оправдывался отец Арсений.

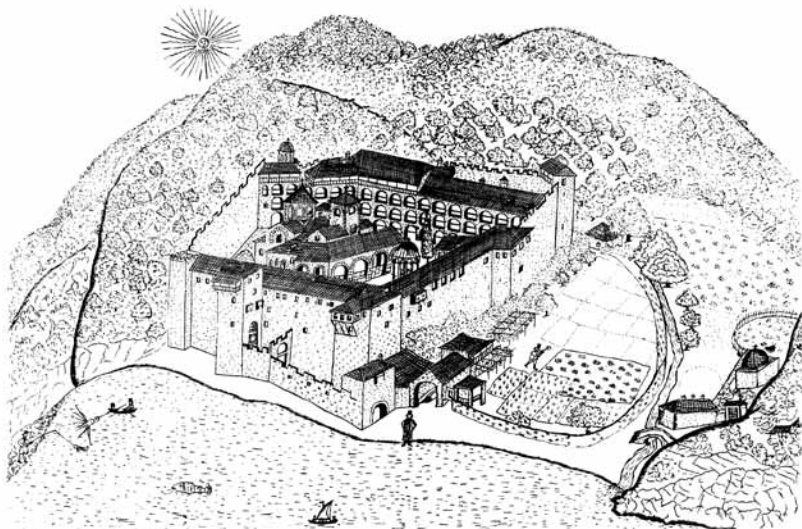
Бывало, во время литургии отец Арсений делал замечание:

— Смотри, ты разлил масло из лампы!

А Старец ему:

— Не разговаривай в церкви!

До чего же славные были эти люди! До чего оба замечательные!

Глава девятая

БОРЬБА С ПОМЫСЛАМИ

В начале моей жизни у Старца меня стали донимать помыслы, тысячи помыслов. «Ох, как трудно, как трудно! Как ты здесь выдержишь? Зачем ты сюда пришел? Возвращайся назад!» Приходили воспоминания о доме, о том, что мой духовник хотел вместе со мной устраивать монастырь, воспоминания о том, о другом. Я боролся и сопротивлялся этим помыслам.

Старец мне говорил:

— Все в порядке, все хорошо, не оставляй своих обязанностей, бдения и молитвы — тогда демон бегства не сможет возобладать в твоей душе.

Я прилежно исполнял свои обязанности, и наступил момент, когда все помыслы ушли и я увидел, сколь прекрасна пустыня. До этого бес мне представлял ее мрачной и черной, потому что мой ум часто обращался к миру. Но благодать Божия помогла и отбросила всех бесов, и воля Божия возобладала.

Иногда я ходил и к отцу Арсению. Тот мне говорил:

— Не расстраивайся. И со мной воевали помыслы, и со Старцем воевали.

Он тоже меня поддерживал своими простыми словами.

Таким образом, когда я пришел туда, у нас было два Старца. Первым был Старец Иосиф. Ему первому мы клали поклон, а

затем — отцу Арсению. При этом отец Арсений говорил нам: «Вы уже положили поклон Старцу, этого достаточно». Но и отец Арсений нам очень помогал. И если я не мог поговорить со Старцем, я говорил с отцом Арсением. Мы с ним трудились вместе.

Конечно, иногда помысл гордости, иногда — нерадения или еще чего-нибудь сильно меня донимал. Но Старец нам говорил, чтобы мы противостояли помыслам с совершенным презрением и безразличием:

— Храни Иисусову молитву! Это пройдет. Это — буря, нападение. Все отступит. Если ты будешь этому противостоять, крепко держать фронт, если не потеряешь отваги, это отступит. Такова тактика диавола: нападать, чтобы прорвать фронт, разрушить стену, стремительно, как водный поток, ринуться в пролом и затопить, обрушить все, что стоит. Крепко держи стену — и он отступит.

И помыслы, конечно, отступали.

* * *

Старцу я открывал все. Искренне и чисто исповедуясь ему, я ничего не утаивал от него, ибо знал, что иначе буду оставлять гнилое в душе. Но всякая гнилая вещь имеет свой запах, свое зловоние, которое могло пропитать мою душу, а тогда я не смог бы чувствовать себя хорошо. Приходил какой-нибудь помысл — и в душе все переворачивалось вверх дном. «Постой-ка, — говорил я себе, — если я так это дело оставляю и приму этот помысл, что тогда будет?»

Например, пришел ко мне как-то плохой помысл о Старце. Старец был болезненным человеком и не мог на своем правиле осенять себя широким крестным знамением. Поэтому он крестился мелко. А из-за опухших от водянки ног он не мог полагать полных земных поклонов. Что же он делал? Он подходил к валуну и делал поклоны, опираясь на него. В старости он понуждал себя так же, как и в дни своей юности. Он, по всей видимости, думал: «Богу известно, что я могу только так».

И я и Старец совершали правило во дворе. Он — возле своей каливы, а я — немного поодаль. Когда бывала ясная ночь и светила луна, мне был виден Старец, а Старец видел меня. Я видел, что он кладет мелкие кресты, и помысл мне говорил: «Разве это крестное знамение? Почему Старец не кладет его правильно?

Как на балалайке играет!» Поскольку я старался всегда быть честным пред Богом и Старцем, я вознегодовал, восстал на самого себя. Ведь я мог совершить ошибку и поверить лжи, вопреки моей прежней вере в этого человека. Ведь я знал, что достаточно было поверить одному лукавому помыслу, чтобы разорвался духовный союз и я разлучился со Старцем. Ибо если поколеблется вера в духовного наставника, то затем теряется и доверие, затем разрушается и любовь, а после этого — попробуй-ка оказывать послушание! Поэтому я говорил себе: «Щенок слепой, за собой смотри! Старец — больной человек. Этот маленький крест Старца равносителен твоим десяти, потому что ты молод, а он старик. Разве ты совершил то, что совершал Старец, когда был моложе? Ты даже мизинца его не стоишь. Так что когда ты доживешь до его лет, ты вообще будешь тряпкой, не сможешь сделать ни большого, ни малого крестного знамения». А если я замечал, что помысл упрямится, я брался и за палку: «Получай и это, чтобы усвоить урок! Вот тебе, вот тебе, вот тебе!» Так, браня себя, я отсекал помысл. Я успокаивался. Но через какое-то время помысл начинал нападать на меня снова. Помысл был сильнее меня, хотя мне и удалось на время его отогнать.

Тогда я открыл его Старцу:

— Старче, такие дела.

И этот многоопытный, удивительный человек сказал мне:

— Все это чепуха, не бойся. Ты как тот брат из патерика, который запутался и говорит: «Старче, столько помыслов, столько страстей! Как я смогу их вырвать? Ради Господа Бога, помоги, Старче, я запутался!» И опытный авва ему ответил: «Дитя мое! Помыслы не наваливаются все вместе, страсти не восстают все разом, чтобы тебя задушить». Вот на тебя напал плотской помысл — бей его! Отсеки представление, то лицо, которое тебя соблазняет, прогони его, сотри его, как ты стираешь беса из своего представления, как ты стираешь какого-нибудь разбойника, который приходит к тебе в твоём воображении. Ты стирай это так, как стирают что-нибудь губкой с доски. Сотри образ и держи Иисусову молитву. И дело кончено. Ты разделаешься с помыслом. Его больше нет. Если он придет опять — снова с ним раздайся. Так приходит к тебе помысл нерадения и говорит тебе: «Спи!» Ты же ему: «Нет, зачем я буду

спать?» Помысл тебе говорит: «Скажи такое-то слово». А ты ему: «Не скажу!» Вот, пожалуйста, так это делается.

* * *

Иногда у Старца случалась обычная икота. Воспользовавшись этим, диавол нашел ко мне еще одну лазейку, поскольку у меня было и есть много гордости и я много думал о себе. Ведь в миру мы старались жить по-христиански, из-за этого нас превозносили до небес и в итоге раздули мое мнение о себе и мою гордость. Конечно, когда я пришел к Старцу и прошел через печь его воспитания, тогда увидел, что я — дырявое сито.

Так вот. Из-за икоты Старца помысл начал мне говорить: «Вот, у Старца это оттого, что в нем бес. Это бес заставляет его икать». О-о-о! Какую горечь, какой яд ощутил я в своей душе! «Ты только посмотри, что говорит этот помысл!» — сказал я себе. У меня до тех пор таких не было. Лишь только он пришел, я возмутился, восстал на него. Нет, невозможно принять такой помысл о Старце! «Убью тебя!» — сказал я ему и начал войну, стал ему противоречить.

Когда я рассказал об этом Старцу, он улыбнулся: для него это было как семечки щелкать.

— Не расстраивайся, дитя мое, пусть он говорит что хочет. Не придавай этому никакого значения. Произноси Иисусову молитву, дитя мое. А он пусть себе болтает. Он тебе еще много чего скажет. В одно ухо вошло, из другого вышло. Рвота ада бесконечна. Никто не может легко справиться с диаволом. Не начинай с ним спорить, ибо ты еще мал. Вошло — вышло. Ты только презирай эти помыслы, твори Иисусову молитву, и они сами уйдут.

Я не знал этой науки и поэтому ответил:

— Старче, я стану бороться с этим помыслом. Я не позволю ему, чтобы он мне говорил что-нибудь против вас, Старче.

— Гм! — улыбнулся он. Наверное, он говорил себе: «Этот малый не знает, что с ним происходит».

Я вел жестокую борьбу, но диавол был искусным мастером своего дела. Что же он мне устроил? Лишь только я поднимался на бдение, лишь только я открывал глаза — щелк! — он мне внушал помысл: «Ага, Старец-то вот какой». И с этим словно вливался в мое сердце поток яда, которым диавол изощрялся отравить мне бдение.

Таковыми мыслями он подрывал все мои силы, чтобы бдение было испорчено. Подступало некое бесовское ощущение: «А ведь Старец не таков, как ты думаешь. Это одержимый бесом человек».

Но и я, со своей стороны, не отступал ни на шаг. Поднявшись, я сразу рубил этот помысл:

— Нет, Старец — мой военачальник, он понуждает меня к спасению, в нем нет беса, он святой, это ангел Божий. Эта икота у него — естественное явление.

— Нет, — не отступал помысл, — а как же то, другое, третье?

— Нет, — не соглашался я.

И это был даже не бокс, а нечто худшее, продолжавшееся целыми часами. Он говорил мне, я — ему, он — мне, я — ему. Я вел бесконечную полемику, не понимая, что со мной происходит, потому что я вообще многого не знал. Меня просто отличала природная отвага, и я ее проявлял, хотя и сам я, и мои знания были малы. Я пытался доказывать противоположное, а это было делом зрелых людей. Мне следовало бы избегать этой войны с помощью презрения к помыслам, чтобы быстро от них избавиться.

Эта битва продолжалась многие дни. Лукавый крепко бил в одну точку и усугублял положение. Он воровал у меня часы, предназначенные для бдения, заставляя меня биться с ним. Поэтому я прибег к интенсивной терапии. Необходима спецоперация, говорю, иначе не получается. Имелась у меня палка.

— Так что ты сказал про Старца?

Бац! И подпрыгиваю от боли.

— Нет, нет, Старец не таков!

— Ага, значит, теперь не таков?

И когда я так поступил — чик! — как бритвой отрезалась нитка. Так прекратилась эта война. Я больше никогда ее не знал, и хотя у Старца иногда случалась его естественная икота, я даже и не вспоминал, что когда-то из-за этого испытывал брань. Помысл и война с ним исчезли, словно их никогда и не было. Даже память об этой войне ушла — благодаря тому, что я отверг нападение с отвагой, с самоотречением. А в противном случае душа постепенно заполняется всяким мусором и воняет. Каждый помысл наносит ей ранку, и если его не прогнать, то ранка превращается в язву, гниет и издает зловоние.

И я сказал себе: «Смотри, что делается! Если бы я принял тот помысл, со мной было бы кончено. Он увел бы меня от Старца — и тут уже бесноватым стал бы я сам. Вместо Старца, на которого он наговаривал, он вошел бы в меня и начал меня мучить. Вот какова эта война!»»

* * *

В то время нашим рукоделием была резьба по дереву. Мы делали крестики. Потом отец Афанасий относил их в монастыри и приносил оттуда продукты и нужные вещи. Однажды он, вернувшись, выгрузил на пристани сухари, помидоры и виноград. Это было на праздник Пятидесятницы.

— Торбы на спину — и вперед. Иначе все это съедят мыши, — сказал Старец.

Помыслы набежали, как муравьи: «Такой день провести в беготне?! Мне следовало бы сегодня быть в покое, читать, тянуть четку». Я ответил этому помыслу: «Узок и скорбен путь. Послушание превыше всего. *Аз приидох, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38)». Груз помыслов был тяжелее груза на спине. Они мне досаждали — я им отвечал. «Лишь только придем к Старцу, я про вас расскажу!» — думал я.

Только я вошел в дверь — пропали помыслы, все ушли! Старец сказал нам:

— Садитесь, хлопцы.

Но наши подряслики можно было выжимать от пота.

— Переоденьтесь, поешьте хлеба и поспите. Завтра — День Святого Духа, у нас будет литургия.

Мы отдышались немного, поели хлебушка. «Искушение, я тебя накажу!» — подумал я. Я не успел повидать Старца наедине, потому что он сказал нам идти отдыхать. Я собрал мешок камней и сказал: «Вот тебе наказание за то, что ты не хотел таскать груз в такой день!» — и улегся на нем спать. «Христос на Кресте терпел гораздо большую муку», — говорил я себе. Конечно, это было не ахти какое дело, но за мое произволение Бог мне дал награду.

Уснув, я увидел некую равнину. Справа от меня был отец Иосиф Младший, а слева — отец Арсений. Еще слева был прекрас-

ный, весь покрытый зеленью холмик, на вершине которого стоял Старец. Он сказал:

— Сейчас проедет Константин Великий. Поклонитесь, чтобы взять у него благословение.

Я ответил ему жестом «буди благословенно». Когда проезжал святой Константин, я, не посмев взглянуть на него, положил поклон. Не знаю, что сделал брат. Когда же я поднимался, то вместо Константина Великого увидел Христа-Младенца. Он наклонился, улыбнулся мне, обнял меня и убежал. Какая радость охватила меня!

С этой радостью в душе я и проснулся. Я пошел к Старцу и рассказал о том, что видел. Он меня спросил, какие помыслы у меня были днем. Я рассказал ему о своих помыслах, как я их отражал и что вышло в итоге.

— Бог Своим рабам дает такое утешение, когда они совершают какой-нибудь подвиг, но ты больше не спи на камнях, — сказал Старец.

В таких случаях необходимо иметь опытного наставника, ведь видения могут оказаться прелестью и злом. Но в данном случае это была награда за терпение.

* * *

Жили мы высоко над морем. Иногда снизу кричал лодочник, бывший за почтальона:

— Отец Арсений!

Это значило, что он или письма к нам привез, или какого-то человека. Мы должны были спуститься вниз.

— Малой, хватай торбу и беги, — говорил Старец. Я брал торбу и с посохом в руках через десять минут был у моря.

Иногда отец Арсений, толком не расслышав, ошибался. Кричали: «Отец Артемий!» — я спускался, а мне говорили, что звали не отца Арсения, а отца Артемия. Помысл пытался меня смутить: «Ты посмотри, отец Арсений плохо слышит и говорит Старцу, чтобы я сбежал на пристань». Я ему отвечал: «Тупица ты, дьявол! Что ты болтаешь? Ведь я теперь буду подниматься налегке. А если бы звали Арсения, то я сейчас тащил бы груз. Вот одна выгода. А другая в том, что, спустившись, я исполнил послушание. Спаси

тебя Господи, отец Арсений! Я ведь ничего не потерял. Напротив, исполнив послушание, получил награду».

Так я затыкал рот диаволу, искавшему удобного случая смутить меня помыслами против батюшки Арсения.

* * *

Случалась у меня и плотская брань, нечистые помыслы. По благодати Божией, в миру я ничего такого не знал, у меня не было об этом никакого представления. С малых лет я был на пути Божиим, вместе с матерью и духовником подвизался, постился, старался вести аскетическую жизнь. Никаких плотских искушений у меня не было. И однако диавол начал меня смущать то одним, то другим. Ах так? Я пошел к Старцу:

— Старче, что мне делать?

— Что делать, дитя мое? Бей эту фантазию, бей ее, а если она сильна — всыпь ей еще больше. Ты должен убить себя, чтобы вышла душа. Плотским помыслам противостоят с палкой. Палка пусть лежит у тебя под подушкой, и как только придут помыслы — палкой их! Если мы таким образом, лицом к лицу, дадим отпор этому зверю, тогда плоть подчинится духу. Тогда, мало-помалу, в человеке расцветут и будут благоухать непорочность и чистота, а это имеет большое дерзновение пред Богом.

— Ага, вот как нужно вести эту войну!

Я приступил. Война так война! Лишь только дело принимало серьезный оборот — вот тебе, вот тебе, получай! И затем, когда этот помысл приходил или перед сном, или уже во сне, палка была у меня под подушкой, и я, по наставлению Старца, встречал его во всеоружии, хорошими колотушками. После этого от постели исходило некое благоухание, благоухание духовное, не такое, как от мирских благовоний, но совершенно иное. Что же это было? Это было благоухание чистоты, возникшей от борьбы с помыслами.

Итак, приходило благоухание и наполняло мою душу. Ко мне приходили помыслы, и, конечно, не от Бога, а от диавола. Но Бог смотрел не на них, а на борьбу, которую я с ними вел, доходившую до того, что я сам себя бил. Так я приобретал опыт и удостоверился в правоте Старца, рассказывавшего нам, что бывает после правиль-

ной и доблестной борьбы со страстью. И я говорил себе: «Смотри, как прекрасна война!»

Так мы научились от Старца, что во время искушения нужно понуждать себя, а когда на тебя давят — не отступать. Старец нас учил:

— Сопротивляйся — и страсть отступит. Почему она отступит? Потому что тот, кто с тобой воюет, — это бес, это личность. У него есть некая определенная сила, и Бог ему дал некое позволение воевать с тобой до определенного предела. Лишь только он дойдет до предела, который ему положил Бог, и исчерпает то, что ему было позволено, он так или иначе отступит. И что затем? Ты обретаешь венец. Так достигается победа.

Помыслы должны были приходить. Я, как и всякий подвижащийся, должен был испытывать их нападения, сам не желая того. Они приходят, как правило, по Промыслу Божию, потому что Бог хочет посредством помыслов дать нам опыт борьбы. Об этом сказано и в Священном Писании Ветхого Завета, в истории с пророком Моисеем. Он вывел народ Божий из Египта и вел его в Землю Обетованную, но Бог не уничтожил некоторые враждебные народы, чтобы научить сынов Израилевых. Так Бог оставляет и определенные страсти, сильные или слабые, чтобы научить людей Своих борьбе против бесов.

И я испытывал нападения то одной страсти, то другой, то третьей. А если прекращались нападения и я несколько дней имел мир, то видел, что нет у меня духовного возрастания. На той высоте, которой я достиг, ведя эту войну, я и оставался. Так бывает, когда в спокойное море бросают мусор: один бросает бумагу, другой бутылку, третий что-то еще. И если не случится шторм, море останется грязным. Так и я видел, что не все у меня в порядке, и душа моя говорила: «Война! Пусть начнется какая-нибудь война. Иначе мои дела не очень хороши». И — оп! Война начиналась. Битва! И лишь только отступала брань, нисходила благодать Божия.

* * *

Нам приходилось иметь дело с настоящими бесами пустыни. Старец говорил нам, что священники изгоняют бесов из бесноватых в миру и посылают их в пустынные места, непроходимые

и безлюдные. И все они приходят сюда, в пустыню, и устраивают эти войны. И вот мы видим, какую они здесь имеют силу и крепость. Старец еще до нашего прихода совершил большие битвы, прогоняя бесов постом и молитвой, чтобы это место очистилось от них. Он нам говорил: «Когда вы сюда пришли, это место уже охранялось и бесы не могли свободно тут селиться». Он хотел этим сказать, что если бы мы пришли сюда раньше, то не смогли бы здесь остаться. Но тем не менее бесы иногда нападали на нас даже чувственным образом.

Однажды я болел, у меня был грипп. А рядом со мной жил тогда один благодатный старчик, отец Феофилакт. Он подошел ко мне и сказал:

— Отче, я иду к Старцу. Тебе что-нибудь нужно?

— Ничего. Передай только поклон от меня. Скажи Старцу, что я болен и не могу к нему прийти.

— Ну, я пошел.

— Ладно, ступай.

Я повернулся на другой бок, чтобы заснуть. При этом я и Иисусову молитву читал. Батюшка ушел. Спустя немного времени кто-то за дверью как будто стал произносить молитву.

— Отец Феофилакт, это ты читаешь молитву? Ты там молишься?

Я подумал, что он еще не ушел к Старцу. Но это был не он. Это был бес. «Бур-бур-бур», — бурчал он за дверью, чтобы обмануть меня, будто это отец Феофилакт творит молитву во дворе. Я крикнул:

— Отче! Это ты там творишь молитву, ты молишься? Ты еще не ушел к Старцу?

И тут открылась дверь, зашел бес, бросился на меня и ухватил когтями за бока. Лишь только я понял, что это бес, я захотел повернуться, чтобы схватить его. И когда я поворачивался, его когти вонзились мне в бок. И тогда — оп! Я пришел в себя. Б-р-р, что он творил, этот диавол! Такую войну нам приходилось вести.

Это произошло тогда, когда отец Феофилакт ушел к Старцу и дома, в келлии, никого, кроме меня, не было. Тогда и пришел бес, желая досадить мне из-за того, что я молился. Он хотел, чтобы я прекратил молитву. Бесы не выносят молитвы. Потому что, как сказал Христос, этот род бесовский исходит молитвой и постом (см. Мк. 9, 29).

Как-то пришел один монах к Старцу и сказал, что он страдает от плотской брани. Старец ему посоветовал прекратить пить вино, потуже затянуть пояс, прогонять нечистые мечтания, применять палку и быть уверенным, что брань отступит. Через какое-то время монах пришел снова и сказал, что он последовал советам Старца, но брань продолжается. Старец взял палку и сказал ему:

— Возьми-ка эту палку и ударь себя. Погляжу я, как ты себя бьешь.

Тот взял палку и начал не бить, а, скорее, гладить свое тело. Тогда Старец ему сказал:

— Дай-ка мне палку!

Схватив палку, он приподнял монаху подрясник — и после трех ударов по ногам палка сломалась. Монах был в ужасе.

— Ох, Старче, неужели бить надо так?!

— Дитя мое, бесы выходят именно так, а не после поглаживаний.

Приобретение чистоты, учил нас Старец, — это не игрушки. Человек не может приобрести чистоту без борьбы с помыслами. Приходит бес блуда с мечтаниями, с воспоминаниями о прошлом. Даже если монах и не знал в мирской жизни никаких плотских падений, в монашеском подвиге диавол начинает с ним настоящую войну. Он приносит иноку всю свою нечистоту и начинает войну в воображении, в сердце и в теле. И здесь проверяется все преуспеяние монаха: преуспел он или нет. Если он уступит мечтаниям, помыслам, примет нечистоту диавола и дойдет в своей душе до согласия с помыслами, то с этого мгновения начинаются душевные, умственные, сердечные и телесные падения. В результате он покажется по наклонной плоскости.

Наш Старец говорил нам: «Если монах подвергнется плотскому падению, ему затем потребуется великий подвиг, чтобы избавиться от гибели. И если он не будет совершать соразмерного своему положению подвига, Бог пошлет ему иные труды на всю его оставшуюся жизнь. Поэтому и требуется с молодости труд, подвиг, сопротивление, чтобы был отброшен этот бес и таким образом воссияла победа чистоты. От этой победы зависит и нынешняя жизнь монаха, и будущая. Ибо ни один нечистый не сможет поселиться в пресветлом раю Божиим».

Еще он нам объяснял, что труд бдения, умная молитва, монашеское правило, трезвение в отношении человеческого воображения и разума и вообще внимание — все это помогает достижению чистоты. Чистая исповедь, слезы и покаяние, подлинное и искреннее послушание, правильное отношение послушника к своему Старцу, всеобъемлющее воздержание — все это является вспоможением, лекарством, средством, помогающим монаху, да и любому человеку, приобрести чистоту ума, приобрести силу молитвы.

И еще он нас учил: «Монах должен правильно приступать к борьбе с любой страстью, которая воюет с ним. Он не должен нежить страсти и отступать. Речь идет не только о плотской страсти, но и обо всех других. К тебе приходит помысл осуждения — не сиди и не рассуждай, так это или не так. Тема закрыта. Если тебе говорится о твоём ближнем что-то нехорошее, значит, это осуждение, значит, это опасность. Отсеки это и скажи: этот человек правильно говорит, правильно трудится, я думаю о брате лукаво по своей гордости и, следовательно, здесь и говорить не о чем. Если ты так не отразишь эту страсть, начнешь с ней тайные собеседования и отступишь, затем начнется плотская брань. И если ты и тогда не образумишься, то тебя оставит благодать и ты падешь. Если ты и после этого не покаешься и не прекратишь осуждения, то это падение будет иметь самые дурные последствия: ты будешь находиться и жить в страстном состоянии и в этом страстном состоянии приближаться к встрече со смертью. А после смерти как тяжело будет на мытарствах! И как, с каким оправданием ты затем предстанешь перед Богом?»

И еще он мне говорил:

— Дитя мое, плотская брань возгорается не столько от пищи, от питания, от вина и от сна, сколько от осуждения.

— Почему, Старче?

— Чтобы мы познали, что и мы той же самой природы. Познали, что и с нами воюет тот же самый диавол и что мы все достойны равного осуждения. Хочешь узнать еще об одной мере?

— О какой, Старче?

— Если кто не судит своего ближнего, то это — свидетельство, и свойство, и доказательство, и удостоверение спасшегося человека. Тот, кто не судит, не будет судим.

Когда у меня были большие искушения, он мне говорил: «Ты, дитя мое, хотя юн и незрел, испытываешь искушения великих мужей. Это означает, что этот опыт, этот труд будут необходимы тебе в будущем или что тебя посетит изобильная благодать». А я, из-за того что имел эти искушения, находился в тумане помыслов и страстей. Да разве и сейчас я избавлен от этого? Поэтому я не понимал пророческих и мудрых слов Старца, которые были наперечет и при этом являлись чистым золотом.

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К СТАРЦУ ИОСИФУ

У Старца Иосифа было большое самоотречение. Он всегда говорил нам, что не хочет, чтобы о нем как-то особо заботились. Но ведь мы должны уважать, любить и почитать своего Старца. Конечно, Старец Иосиф не хотел, чтобы о нем заботились, по аскетическим соображениям. Но я думал и говорил себе: «Прекрасно, сам Старец не желает этого, не хочет, чтобы я ухаживал за ним на трапезе, за которую отвечаю. Но делать это — мой долг». Я тихонько брал его салфетку и салфетку отца Арсения и стирал их. У этих салфеток была веревочка, которую завязывали на шее, как слюнявчики у маленьких детей. И вот что было, когда я их постирал в первый раз. После стирки я сразу завернул в них вилку с ножом. Когда Старец сел за стол, он развернул свою салфетку. От него не ускользала ни одна мелочь: он тут же заметил, что салфетка мягкая, ведь до этого она была как брезент. Он обрадовался — не тому, что салфетка выстирана, а уважению и любви, которые в этой заботе проявило его чадо к своему Старцу.

— Арсений, салфеточки-то постирали. Смотри, как хорошо!

Он глядел на салфетку и поглаживал ее. Я видел, что сделал Старцу приятное. Он умел чувствовать и ценить любовь и знал, как показать это. Он и не думал меня ругать за своеволие, потому что понял, почему я это сделал.

Когда Старец преставился, отец Арсений стал жить в моей каливе. Старец так и сказал, что после его смерти отец Арсений

должен перейти жить ко мне. И мы с отцом Харалампием относили отцу Арсению еду по очереди: один день — я, один день — он. Я был неравнодушен к батюшке не только потому, что видел в нем духовного человека и преемника Старца, но прежде всего потому, что, глядя на старца Арсения, я видел как будто самого Старца Иосифа. И я заботился о нем, посылал ему тарелку с едой, стараясь приготовить самым лучшим образом, чтобы сделать ему приятное. Я знал о подвижнических трудах, которые он совершал в годы, проведенные вместе со Старцем, помогая ему и заботясь о нем. Ведь отец Арсений был правой рукой Старца Иосифа. Это был крепкий душой и телом человек, большой подвижник. Старец Арсений сказал как-то: «Смотри, когда мне присылает еду наш молодой священник, как замечательно он все это делает!» И он этому радовался!

Всем этим я хочу сказать, что, когда мы живем духовно и подвизаемся, когда нас посещает благодать Божия и мы чувствуем и веруем, что наш духовный отец — это икона Божия, тогда мы считаем своим долгом уважать его, любить, слушаться его и почитать. Таким у меня в душе запечатлелось мое отношение к Старцу, оно было очень искренним. В моей заботе о нем не было помысла тщеславия или гордости. Эта забота проистекала от благодарности к человеку, в котором я видел своего, первого после Бога, спасителя и того, кто меня духовно сформировал.

В Священном Писании есть не только заповедь: *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и продлились дни твои* (Исх. 20, 12), но и такие слова: *Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти* (Исх. 21, 17). Если в Ветхом Завете Бог повелел, чтобы дети почитали родителей, ибо они привели их в бытие, то в Новом Завете, как мы знаем, Бог хочет еще большего, ведь тогда была тень, а здесь — истина. Если исполнение этой заповеди в отношении родителей по плоти несет такое благословение, то сколь более — исполнение ее в отношении отца духовного. Истина нас учит, что почитание духовных отцов должно быть превыше всего. Во-первых, это долг, а во-вторых, за ее исполнение мы получаем благословение Божие. Преподобный Ефрем говорит: «Не склоняй своего уха к человеку, злословящему твоего духовного отца. Убегай от него, чтобы не постиг тебя гнев Божий». То есть

этот святой считал, что если какой-нибудь человек, какой-нибудь послушник увлечется и согласится с тем, кто осуждает его Старца, то за это его постигнет наказание Божие. Что же тогда сказать о том, который не только слушает, но и сам злословит и осуждает своего духовного отца? Ведь духовный сын, даже увидев духовного отца согрешающим, должен его покрыть.

В своих поучениях Старец приводил нам пример из жизни Ноя, чтобы дать понять, насколько это серьезное дело. У Ноя было три сына. Первый раз в своей жизни Ной отжал виноград и сделал вино. Ничего не зная о вине, он выпил лишнего и опьянел. И, опьянев, лежал обнаженным. Один из сыновей, увидев отца таким, пошел и рассказал об этом двум другим братьям, осудив его. Те же поступили мудро и уважительно по отношению к отцу, помня заповедь Божию — не видеть наготу отца своего. Они взяли одежду и пошли к отцу, повернувшись спиной, не глядя на отца. Затем положили на него одежду и прикрыли, так и не увидев наготу Ноя, отца своего. Когда Ной проспался от вина и узнал, что произошло, он проклял своего сына, выставившего его на позор перед двумя другими братьями. Старец приводил этот пример, чтобы научить нас, как мы должны уважать и почитать духовного отца и не должны осуждать его и выставять в неприглядном свете. Отцы-монахи всегда придавали этому правилу огромное значение.

Но я столкнулся и со случаем неуважения к нашему Старцу. Когда я был юным послушником, один брат нашептывал нам против Старца, чтобы совратить нас. Это дошло до Старца, он узнал об этом. С душевной болью Старец мне сказал: «Слышал, дитя мое, что говорит этот брат? Как меня это ранит! Мне больно не за себя, а за него. Что с ним будет завтра? Разве можно так говорить о своем Старце? Разве он обретет молитву? Разве он обретет спасение? Нет».

* * *

Старец был с нами немногословен. Нам не требовалось видеть его рядом с собой, чтобы исполнить его слово. Не знаю, как это ему удавалось и как именно это получалось у нас, но его слово у нас всегда становилось делом. У нас была такая готовность и такая ревность, что не только заповеди Старца, но и его простые слова

и наставления мы воспринимали и исполняли как закон. Он нам, бывало, просто говорил о какой-нибудь мелочи: «Смотрите, не делайте этого». Но для нас эти слова становились законом, и этому совету мы уже следовали всегда. Нам не требовалось, чтобы Старец повторял дважды.

Например, он говорил мне: «Поглядывай-ка, дитя мое, может быть придет какая-нибудь лодочка. Если она придет, возьми у них рыбки». Старец сказал — точка. И я глядел во все глаза, пристально и внимательно, чтобы не пропустить лодку. Старец не говорил: «Я тебе приказываю». Для меня все, что он говорил, было приказом и не подлежало обсуждению. Раз это было его желанием, его повелением, его советом, значит, я должен был это исполнить.

Поэтому, когда мы старались обрести благодать Божию, по молитве Старца она нам подавалась. Не то чтобы мы делали для этого нечто особенное. Я, по крайней мере, не делал ничего. Но столь сильная молитва Старца и наше доверие к нему, бывшее даром Божиим, делали то, что делали.

Сегодня у нас, нынешних, такой веры не найти. Потому что нам нужно иметь в руках доказательства. Мы хотим увидеть от нашего Старца чудеса или высокие деяния: глядишь, тогда уверуем. Но разве мы видели, как Старец Иосиф небо сводит на землю? Нет. Мы верили его словам, верили, что как он говорил, так и жил. И если так жил Старец, то, по его молитвам, и мы старались жить так же. И это происходило.

Когда Старец был рядом с нами, разве могли мы вдвоем с братом разговаривать между собой? Чтобы Старец находился рядом, а я говорил с другим братом в присутствии Старца? Боже сохрани! Боже сохрани, чтобы мы такое допустили! Таково было наше к нему почтение и послушание.

* * *

Часто Старец задерживал меня у себя и наставлял, учил и давал мне советы. Одним из важнейших его советов был такой: «Здесь на Святой Горе, куда мы пришли, мы видим монахов, которые живут правильно, но видим и монахов, которые живут неправильно. Не удивляйтесь этому и не приходите в недоумение. Ибо и тот инок, который живет правильно, и тот, кто живет неправильно, —

оба пришли с одинаковым благоговением, с одинаковым самоотречением, с одинаковой ревностью, как пришли и все мы. Все мы удалились из мира, все мы оставили отца, мать, родных, свое дело, которым зарабатывали на жизнь.

Мы оставили все и пришли на Святую Гору. Но это еще не великое дело. Великое дело будет, если, придя на Святую Гору, мы найдем Старца, который нас наставит. Найдем Старца, который нас огласит. Старца, который научит нас, в чем состоит иноческая жизнь. И мы видим, что тот, кто сбивается с пути, претерпевает это потому, что не нашел Старца. И когда он сам состарится и станет настоятелем общины, что передаст он своим послушникам? Только то, что имеет сам. Так вот и происходит упадок на Святой Горе».

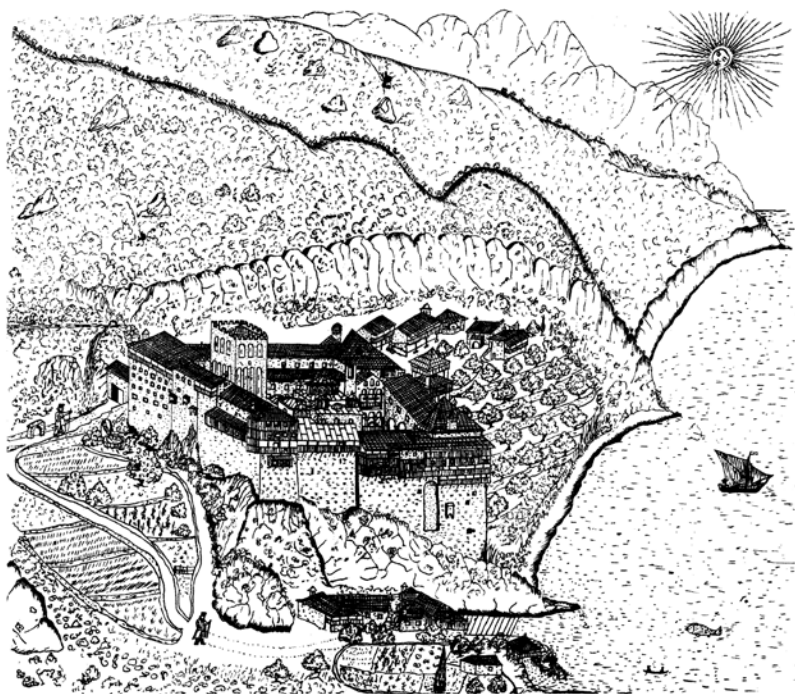
Так Старец Иосиф научил нас тому, что духовное преуспевание послушника зависит от обретения опытного наставника. Если бы пустыня сама по себе дарила умную молитву, тогда она была бы у всех нас, не у кого-нибудь одного, а у очень многих. Но в действительности делателей умной молитвы можно пересчитать по пальцам. Почему? Потому что истинных учителей и наставников почти нет. Пустыня помогает, но относительно, а не всецело.

Даже если кто-нибудь найдет наставника и при этом окажется в самой что ни на есть пустыне, он должен будет потрудиться, чтобы унаследовать благодать своего Старца. Один духовный человек, который еще жив, недоумевал, почему последние великие отцы не оставили преемников. Ведь был Савва Духовник, один из великих духовников, но он не оставил преемника. Был Каллиник, и он не оставил преемника. Был тот слепой, у которого келлия благоухала во время молитвы, и он не оставил преемника. Был Даниил, у которого Старец Иосиф взял устав и многое другое, но и послушник отца Даниила ничего не взял от своего Старца. Рядом с этими отцами не было людей? Были. Но они не сделали того, что требовалось сделать.

И еще Старец Иосиф говорил: «Вы пришли сюда, как важные господа, нашли здесь Старца, нашли место очищенным от бесов, есть у вас устоявшийся чин молитвы и подвига — все у вас прекрасно. Но что было бы, если бы вы пришли, а наставника нет? Представьте, как бы вы стали тогда его искать. Как бы вы постились, какие бы предпринимали труды в поисках наставника, могу-

щего сказать вам пару слов из своего опыта молитвы и монашеской жизни так, чтобы вы сказали себе: “Я обрел наставника!” Вам же наставник достался легко, сразу, как только вы пришли из мира».

И действительно, придя на Святую Гору, я обрел Старца великой духовной меры: с Фаворским Светом, с молитвой, с созерцанием, с откровениями. Таким был мой Старец. И я очень виноват, что и в малой степени не уподобился ему. Но, по крайней мере, я вам передаю то, что познал от самого Старца Иосифа, а не из книг, и свидетельствую, что это правда, ибо я жил рядом с этим человеком.

ТРАПЕЗА

В скиту Святой Анны у нас была общая трапеза. Столом нашим были две доски, накрытые деревоплитой. Оставшиеся на нем косточки мы убирали, но стол не мыли, и поэтому там все время собирались мухи. Старец никогда не позволял его мыть: «Нет, не трогай его совсем».

Трапеза у нас была два раза в день, кроме понедельника, среды и пятницы. Но труды наши были столь велики, что мы никогда не могли наесться. И ночью и днем мы трудились так много в переноске грузов, поклонах, бдении и подвиге, что, когда наступало утро, мы были страшно голодны. Но утром мы ели только маслинки, лучок, сухарики, и лишь в обед у нас была полноценная трапеза. В праздничный день трапеза бывала дважды.

Старец каждому давал еду по его потребностям. Обычно у нас не было свежего хлеба, только сухари. Если нам хотелось поесть мягкого хлеба, Старец брызгал на сухари водой, складывал их в дуршлаг, ставил над кастрюлей с кипящей водой и сверху накрывал полотенцем. От пара сухари становились мягкими, как вата. Искусство из искусств! Голь на выдумки хитра.

Очень редко Старец пек нам хлеб по своему рецепту. Он делал тесто-болтушку, выливал ее на ржавый лист железа и ставил его в печку. Такой хлеб был у нас раз в пару лет. Да и тот из болтушки, не квасной. Откуда было взяться настоящему хлебу!

* * *

Обычно нам готовил Старец, он был прекрасным поваром. Когда он готовил, из глаз его все время текли слезы. И так как он непрестанно творил Иисусову молитву, благодать Имени Божия освящала то, что он готовил, и делала эту еду очень вкусной. Поэтому его очень часто приглашали готовить трапезу на престольные праздники обитателей. Как правило, он не ходил, но иногда его забирали чуть ли не силком.

Время от времени у нас бывало довольно много гостей, и им очень нравилась наша еда. «Что же это за еда у вас такая вкусная?!» — спрашивали они с удивлением. Старец готовил совершенно постную пищу, когда с тахином, когда с фасолью. Но это было настолько вкусно, что даже рыба не произвела бы на них столь сильного впечатления. А вкусной еду делала молитва Старца, его благословение. Там, где совершается дело Божие, еда и вода становятся сладкими как мед. Однажды я спросил Старца:

— Как это происходит? Почему так бывает?

— Это от Бога, от Иисусовой молитвы. Совершается молитва — и благославляется еда.

— Старче, мы каждый день едим постную пищу. И когда я ем рыбу — она как мед, когда я ем сухой хлеб — он как мед, когда фасоль ем — она как мед, чечевицу ем — и она как мед.

— Так и есть, — сказал Старец. — Для того, кто имеет правильное духовное устройство, что бы он ни ел — ничего не будет лучше этого. Отсюда любой может узнать духовное устройство каждого инока. Нечто подобное рассказывал один святой: о том, как кто-то за трапезой ел мед, а другой за той же трапезой — нечистоты, каждый согласно собственному устройению.

Старец делал и вино. Он немного подсушивал на солнце виноград, своими руками отжимал его, и мы делали церковное вино, очень хорошее. Один наш гость из Парижа помнил это вино всю жизнь.

* * *

Иногда по воскресеньям у нас бывали лепешки с сыром. С вечера я делал болтушку с закваской. На следующее утро жидкое тесто подходило, и я мешал его в глиняном горшке. Затем на сковородку лилось несколько капель масла, и после того как она разогрелась,

Кухня во дворе общины Старца Иосифа

масло размазывалось по всей сковородке и чашечкой на нее выливалось тесто. Когда лепешки поджаривались с одной стороны, их переворачивали на другую. После этого мы выкладывали их на блюдо и на каждую лепешку клали по кусочку сыра. Это было нашей праздничной воскресной едой. Но мы ее готовили редко.

Было у нас и другое праздничное блюдо. В нашей пустыне, и нигде больше на Святой Горе, на крутых скалах росла какая-то дикая капуста. Это были очень опасные места, но я, по молодости, лазил туда и собирал ее. Старец меня поджидал с пакетиком. Я отрезал только светлые листочки, не потемневшие, а сердцевину оставлял, чтобы из нее выросли новые листики. Затем мы варили эту зелень. Отвар из нее был очень питательным. А сваренную зелень мы накладывали в миску и поливали маслом. Старец обычно наливал масла побольше, он его любил.

Изредка вместе с дикой зеленью мы ставили на стол и жареную треску либо жареную или свежепосоленную сельдь, если она оказывалась у нас. Старец страшно любил и эту зелень, и жареную треску. Жареная треска была для нас безумной роскошью. Мы

чувствовали себя самыми богатыми в мире людьми. Конечно, такая еда могла быть только по праздникам.

* * *

Когда у Старца возникало желание поесть рыбы, он мне говорил: «Вавулис, бери снасти и беги на море, принеси, что поймашь». Я брал снасти, рыбачил и радовался, думая, какую радость я доставляю Старцу. Еще он мне говорил: «Можешь немного понырять, чтобы освежиться». Я рыбачил удочкой, обычно приносил примерно полкило рыбы. Иногда удавалось поймать и осьминога или кальмара.

Когда я возвращался, Старец радостно говорил: «Малой, сейчас я добавлю картошки, риса, лука и сделаю супчик, чтобы нам всем семерым хватило и чтобы все мы наелись этой горсточкой рыбы!» Так он ей радовался.

* * *

Старец любил сладости. Но где их было найти? Когда наступало воскресенье, он говорил:

— Давай, отец Арсений, устрой нам какую-нибудь церемонию, лепешки с сахаром сделай, как это делают понтийцы.

— Сделаю, дорогой.

Это и была та сладость, которую мы готовили. Итак, старец Арсений брал муку, замешивал квасное тесто, выливал его на сковородку и жарил. Затем он делал в этой большой лепешке лунку и выливал туда воду с сахаром. Затем перемешивал все это и снова жарил. Он обжаривал лепешку с обеих сторон и посыпал тертым грецким орехом и корицей, а затем ложкой вдавливал их. Это было нашим роскошным блюдом — лепешки с сахаром. Я тоже помогал готовить их.

Когда Старец стал жить поодаль, а мы с отцом Арсением пребывали на прежнем месте, отец Арсений часто обращал внимание на то, какой я маленький и голодный. И он, наверное, думал: «Он мал и любит сладкое. Чем бы его накормить?» Я любил сладкое по необходимости, ведь после работы чистый горный воздух пробуждал мой аппетит. И я очень хотел есть.

— Малой, сейчас, пока нас не видит Старец, съешь-ка эти крошки.

— А есть благословение Старца?

— Ничего страшного. Это немножечко своеволие, но мы это уладим. Давай, покушай. Послушание! Я договорюсь. Я сейчас говорю от имени Старца и могу тебе оказать небольшое снисхождение. Я — елеостарец.

То есть старец, который дает благословение на елей, когда этого не разрешает устав. Отец Арсений был очень славным человеком, очень добрым, он мне очень помогал. Мы часто ходили куда-нибудь вместе.

В общем, я съедал эти крошки.

* * *

Все масло, оставшееся после жарки, Старец клал в еду, чтобы не выбрасывать. От этого его организм в конце концов оказался отравлен, у отца Афанасия от этого в конце жизни завелись черви, а я чуть не умер. Все заплесневевшее, испортившееся мы должны были съесть. И все эти пропавшие продукты Старец ел. Засохшие сардины он резал, солил и фаршировал ими овощи. Стоило мне съесть этого хоть немного, у меня начиналась рвота. Старец смотрел на меня и говорил:

— Хорошо. Больше я не буду их добавлять.

В следующий раз — снова рвота. А Старец:

— Я ж совсем чуть-чуть их положил! Опять тебе плохо от этого? Ну хорошо, больше не буду класть совсем.

Но при этом у нас никогда не случалось отравлений. Нас сохранил Бог. В противном случае мы умерли бы раньше срока.

Росли у нас два апельсиновых дерева. Их посадил Старец, когда пришел на это место в 1938 году. Других деревьев не было. Изредка имелись у нас на столе апельсины. Старец не благословлял нас их чистить, чтобы ничего не выбрасывать. Он заставлял есть апельсины с кожурой и говорил нам: «Мы ничего не должны выбрасывать. Будем есть это с кожурой. Все здесь освящено молитвами отцов».

* * *

С понедельника по пятницу мы проходили суровую закалку. Обычно мы готовили одно блюдо на всю неделю. Оно у нас хранилось в подполе, в алюминиевой посуде. Естественно, оно часто

прокисало, но Старец все равно это ел. На него словно не действовали законы природы.

Чистоты — ноль. Как мы жили? Поэтому, наверное, у Старца случились на шее чирьи и стало больным сердце, от этой отравы. Он нисколько не следил за своим здоровьем. Иначе он бы прожил гораздо дольше. Такого, как Старец, больше не было. Мы являлись редким случаем. Нет сейчас на Святой Горе таких подвижников.

Старец был большим затейником. Пришел как-то один человек из Парижа подвизаться вместе с нами. Старец сказал ему: «Возьми, поешь этой еды, она свежая, ей только три дня. Это овощи, фаршированные сардинами». И тот съел! Мы-то были закаленные, а каково было ему?

Еду Старца мы никогда не выбрасывали, как бы она ни заплесневела.

Иногда нам присылали посылки с продуктами, в которых были вареные яйца, разбившиеся во время перевозки. Он их очищал от скорлупы и ел.

Старец любил сыр. В тех условиях в сыре часто заводились черви, но Старец его чистил.

— Женщины столько потрудились, чтобы его приготовить. Мы это съедим.

— Как же мы будем это есть, Старче?

— Мы не будем выбрасывать еду. Это грех.

Поэтому сначала мы всегда съедали старую пищу. Так мы ели и макароны с червями, и фасоль, из которой наружу вылезали червячки.

Мне, как повару, было неловко предлагать такую пищу отцам. Но отец Арсений, чтобы не огорчать Старца, все это ел, говоря: «Ну раз вы не можете это есть из-за вашего желудка, тогда съем я». Это был необыкновенный человек.

Случилось однажды так прокиснуть фасоли, что мы никак не могли ее есть. Чтобы не выбрасывать ее, Старец сотворил горячую молитву — и когда он дал нам ее на следующий день, она была столь вкусной, что просто пальчики оближешь!

* * *

Каждую весну у нас появлялись гусеницы. Ох, какое я испытывал к ним отвращение! Их было так много, что они съедали все

листья. От деревьев и кустарников оставались одни ветки. Вся красота пропадала. Я думал: «Когда же снова вырастут листья, чтобы наше место стало хоть немного зеленым?»

Больше всего гусениц было за келлией Старца и за моей. Когда я их видел, внутри все переворачивалось и меня тошнило. Лишь от того, что они ползали по деревьям, мой желудок выворачивало наизнанку.

Когда я готовил, они, ползая, падали в котелок с едой. У нас не было кухни, мы готовили на камнях во дворе. Старец говорил:

— Ба! Экие животинки! Разве они плохи? Это тоже живые существа. Что тут страшного? Будет у нас еда с мясом. Считай, что ты приготовил блюдо с улитками.

Я про себя думал: «Согреших, прости мя, Матерь Божия! Если будем перебираться отсюда, то только из-за гусениц и ветра». Этих двух вещей я боялся. Однажды мы сидели за столом и один брат мне сказал:

— Смотри, как играют их глазки!

— Раз это благословил Старец, все в порядке, — ответил я.

Старец всегда был весь внимание. Он сказал брату:

— Ешь и не болтай. Мы едим макароны с мясом.

А тот снова:

— Ефрем, смотри, какие у них головки!

— Отче, если ты еще раз это скажешь, то складывай вещи и убирайся!

Тот остолбенел.

— Ефрем, ешь спокойно, все в порядке.

Я видел гусениц, но, однако, ел. А брату этому позже сказал:

— Разве говорят такое в присутствии Старца?

Старец учил, что, когда мы с терпением переносим лишения, тогда приходит благословение от Бога.

Однажды отец Арсений сказал:

— Эта рыба — как трава.

А Старец ему ответил:

— Все, что Бог нам дал, — хорошо. Мы заплатим за твой ропот, Арсений.

И действительно, наступил голод.

Глава двенадцатая

ПОСТ

Э тот разговор со Старцем произошел в Неделю Сыропустную. Я готовился к первой для меня здесь Великой Четыредесятнице. Старец мне сказал:

— Иди сюда, недотепа! Ты знаешь, что начинается пост?

— Да, Старче, знаю, с завтрашнего дня.

— Ты в курсе, что значит Великая Четыредесятница здесь, на Святой Горе?

— Нет, Старче, но все буду исполнять.

— Выдюжишь?

Я, хоть еле ноги таскал, ответил ему:

— Вашими молитвами. Когда я был в миру, я постился вместе с матерью.

Действительно, ее пример всегда помогал мне в посте, бдении, слезах и плаче. Эта праведная женщина постилась три раза в неделю без растительного масла, принимая пищу только после девятого часа. А по вечерам, часами, на коленях, в темноте с зажженной лампадкой, она молилась, плакала и рыдала, живя при этом в миру, с мужем и детьми.

— Оставь ты свой мир, несчастный! Здесь-то что ты будешь делать? Здесь придется делать не то же самое, что ты делал там. Ты будешь поститься не так, как в Волосе.

— Как бы ни было, меня это не пугает.

— Здесь не будет приготовленной еды, не будет хлеба, здесь только сухари по субботам и воскресеньям. Здесь только мучная болтушка, и больше ничего.

— Пусть будет мучная болтушка!

— Да, и двойное правило, двойные обязанности, более продолжительное бдение. Первые три дня мы совсем не будем есть. Затем у тебя будет двадцать пять драми³³ муки в день, с водой, без сахара, только с солью. Мы будем есть раз в сутки, и только по субботам и воскресеньям будут сухари. Но и сухарей будет не сколько хочешь, а ограниченное количество.

— Я не боюсь.

— Ладно, посмотрю на тебя, не окажется ли это только словами.

Итак, мы начали. Еды — никакой, о готовке и речи не было. А днем — очень тяжелая работа. Все это, безусловно, доставляло нам душевную пользу. А я был такой, что пальцем тронь — упаду. Дунь на меня — и полечу кувырком. Но я, беря пример со Старца, постился без всяких проблем.

И, по милости Божией, у нас среди камней, на скалах, выросла какая-то травка, очень аппетитная на вид. Старец повелел:

— Нарвите этой травы, которую послал нам Бог.

Но так как она была горькая, он ее варил, обваливал в муке и говорил:

— Будешь это есть всю неделю.

В первый день эта еда была свежей. На второй день мы ее положили в алюминиевую кастрюлю в подпол. На третий — она забродила. Когда я ее разогревал, она пенилась. Эта трава прокисла, потому что уже стояла жаркая погода. Старец говорил:

— Пенится-перепенится! Ты это съешь!

И я это ел.

Каждый день мы служили Пржедеосвященную. Заготавливали два Агнца в субботу и три в воскресенье. Служили пять Пржедеосвященных, чтобы причащаться каждый день.

А по ночам совершали бдение, тянули четки, выходили во двор, так как ночи были теплыми. Я — у своей каливы, другие — у своих, с большими четками-трехсотницами.

³³ Один драми равен 3,2 грамма.

Старец, видя, насколько я юн, подумал: «Он, должно быть, голоден». Подозвал меня и сказал:

— Малой! Смотри, послезавтра у нас Торжество Православия. Мы поедем немного маслица. Так что имей в виду и подготовься к празднику. Затем, в третье воскресенье — поклонение Кресту. Значит, уже приближаемся. И тогда мы поедем немного масла. Затем наступает Лазарева Суббота — первое Воскресение³⁴. Ну а затем уже скоро Великий Четверг, когда мы будем красить яйца. А после этого уже Великая Суббота, когда мы опять причастимся. А затем и Пасха — будем тогда биться яйцами.

Старец сказал все это, чтобы поднять мое настроение. Он думал, наверное, так: «Расскажу-ка я ему, что Великий пост пройдет быстро». Но я и не думал об этом. Все это меня не волновало. Я все принимал так, как мне говорил Старец.

Все старые продукты — и с плесенью, и с жучками — Старец откладывал на Великий пост, видимо, из тех соображений, что Великим постом съедят все. Поэтому мы знали, что если Старец хранил червивую фасоль, то, значит, Четыредесятница у нас будет скоромной. Желудку было тяжело. По ночам — бдение с двойным правилом, а днем — работа. Мы таскали доски, пшеницу, цемент. Даже животные не стали бы переносить тяжести, если их не покормить, а мы и воды не пили. Однажды мы сказали:

— Старче, у нас подкашиваются ноги.

И он нам дал немного сухарей и воды.

Когда же наступила Страстная седмица, у меня не было сил ее пережить. Болел желудок, часто случалась рвота. Я еле держался на ногах. А ночью я должен был исполнять свои обязанности: тысячи поклонов, стояние на ногах целыми часами, десять часов келейного бдения с четками, чтением, поклонами. Таково было правило. И молчание. Ни с кем не разговаривать.

В конце концов мой желудок не выдержал. Всю Пасху была рвота. Старец, увидев это, сказал:

— На следующий год будет тебе снисхождение, с понедельника по пятницу один раз в день будешь есть фасоль.

³⁴ Лазарева Суббота у греков называется также первым Воскресением ради воскрешения св. праведного Лазаря.

В мою первую у Старца Великую Четыредесятницу установленный им пост мне показался очень строгим. Но в предыдущие годы, в предыдущие Четыредесятницы, он держал еще более строгий пост. Мы же теперь, будучи очень слабыми душой и телом, не можем и помыслить о такой аскезе.

* * *

Старец вместе с отцом Арсением, кроме постов, установленных Церковью, совершали еще и дополнительные посты. Однажды они решили целый месяц совсем не есть хлеба. Они ели только немного вареной фасоли. В другие свои посты они ели только хлеб, и ничего другого. Но особенно строго они постились в Великую Четыредесятницу.

Наша жизнь, по обычным человеческим меркам, была трудна, но благодаря помыслу самоотречения делалась легкой. Когда послушание звало нас бежать с горы вниз и тащить груз, часто превосходящий наши силы, мы это делали сразу без всякого возражения. Ведь Старец учил так:

— Человек, имеющий произволение к телесным трудам, имеет произволение и к трудам духовным, если положит доброе начало, если хорошо усвоит, что такое монашество. Тогда завершается превращение подвижника в человека духовного. Ибо телесный труд, сознательный и согласный с истинной целью монашеской жизни, чудесно помогает монаху в покаянии, плаче и слезах.

Эти дневные и ночные труды даровали нам, по молитвам Старца, слезы днем и ночью. На молитве, на послушании, во время трудов глаза не прекращали источать слезы. Мы дошли до того, что умывались не водой, а слезами. Поэтому часто, когда мы ложились спать, нас окружало благоухание Божие. Молитвы Старца были очень сильны.

* * *

Как-то в один из великопостных дней Старец позвал отца Афанасия и сказал ему:

— Отец Афанасий, разыщи-ка мне бурдюк.

Отец Афанасий обошел всю Святую Гору, раздобыл-таки бурдюк, не помню уже, свиной или козий, и принес его Старцу. Старец

бросил туда все остававшиеся у нас кусочки сыра, затем вскипятил концентрированное молоко и вылил его туда же.

— Хлопцы, после Пасхи у нас будет бурдючный сыр, вы с ума сойдете! Пахнуть будет на всю округу!

Он регулярно чистил бурдюк, потому что червячки поднимались к горловине. И он их счищал ножом.

— Не смотрите на то, что снаружи, увидите, каков он внутри.

И когда он открыл на Пасху этот бурдюк, я убежал далеко. Как ракета. Запах, который сразу распространился на всю округу, и червячки, ползшие из бурдюка с сыром, — все это было слишком для моего желудка, ослабшего от поста. Мне это было не под силу. Разве возможно было, чтобы из остатков сыра с кипяченым концентрированным молоком бурдючная кожа сделала нормальный сыр? Но тем не менее Старец поставил этот сыр на стол и вместе с отцом Арсением съел его полностью.

* * *

Когда наступила Пасха, мы совершали все то же бдение. Мы и не заикались о том, чтобы ради такого праздника сделать что-то другое. Устав! Бдение, наше обычное бдение! Никакого отдохновения ни на один день. У нас ничего не изменилось. Как мы поем, «постом, бдением, молитвою небесная дарования приим»³⁵. Старец мне говорил: «Если мы не будем этого исполнять, не жди обретения дарований». И сам он в этом шел впереди. Старец был для нас примером.

Наша Пасха была чудесна: во дворе перед церковкой, под нашими апельсиновыми деревьями. Мирно, тихо мы служили литургию. Вокруг пустыня, никого, кроме нас. Я видел, как сияет Старец, как он от радости не может удержаться от слез. Слез не о грехах, слез от света Воскресения! Не могла удержаться его душа. Переполненная чувствами, она рождала слезы. Мы говорили: «Христос воскрес!» — а он плакал, словно малое дитя. Как все это было прекрасно!

³⁵ Общий тропарь преподобным отцам: «Пустынный житель и в телеси ангел, и чудотворец явился еси Богоносе отче наш имярек: постом, бдением, молитвою небесная дарования приим, исцеляеши недужных, и души верою притекающих ти. Слава Давшему ти крепость; слава Венчавшему тя; слава Действующему тобою всем исцеления».

Когда кончилась служба и все разошлись по келлиям, я размышлял о благодати Воскресения, которую каждый из нас получил. Затем я лег спать. Проснулся рано, пошел на скалы и тянул четку. Какая красота! Как прекрасно Воскресение Христово! Били монастырские колокола обитателей Святого Григория и Святого Дионисия, бил в Русском монастыре колокол, который в два раза больше, чем наш двор. Шумели волны, и они звучали, как гимн, как фортепиано, как орган, как что-то Небесное, создавая некую прекрасную мелодию. Я размышлял о том, как совершается Пасха на Небе, как там тогда поют ангелы, как они исполняют Небесные гимны. И я приходил в созерцание. Я сидел и наслаждался, творя Иисусову молитовку. Это было и Воскресение Христово, и благодать Божия, и некий прекрасный духовный пир, который не выразишь словами. Я один среди скал, и никого рядом. Лишь птички.

Старец, проснувшись, позвал меня:

— Вавулис! Вавулис! Быстро иди сюда, обормот!

— Благослови, Старче.

— Иди сюда, чтоб тебя! Где ты был, сорванец? А ну-ка, принимайся за готовку! Отцы есть хотят.

— Буди благословенно. Сию секунду, Старче.

— Спишь ты там, что ли? Где тебя носит?

Я принес вязанку, разжег огонь из веточек, принес воду и сам приготовил рыбку. Готовил я во дворе, рядом с каливами отцов. Затем накрыл на стол. Когда совсем рассвело, пришли отцы. Трапеза в пустыне проходила молча. Отцы поели и ушли, а я принялся мыть тарелки.

На следующий день нам готовил Старец. Он сказал: «Я вам приготовлю магирицу!» Магирица — это суп с овечьими потрохами. И что он сделал? Послушайте, что это была за магирица. Мы покупали рыбу. Когда он готовил эту рыбу, потроха он не выбрасывал. Теперь он их промыл, порезал на кусочки, добавил рис и немного зелени. Добавил и одну луковку. И приговаривал: «Сейчас будет вам магирица». Ох, Боже упаси! Что мне было делать? Я подумал: «Раз это готовит Старец, это будет хорошо». Как ни пахли рыбы потроха, я это съел и пошел спать. И не успев проснуться, извергнул все это. Старец спросил меня:

— И почему это у тебя случилась рвота?

Желудок у меня был слабый.

Глава тринадцатая

МОЛЧАНИЕ

Начал меня Старец посылать за пределы нашего скита: в скит Святой Анны, в Новый Скит, в монастыри, — чтобы я относил туда вырезанные нами крестики, делал необходимые покупки, приносил нужные вещи, продукты, фрукты, относил пшеницу на мельницу, отправлял письма. При этом он наказывал мне не разговаривать:

— Когда ты выходишь с нашего двора, не разговаривай, держи рот на замке.

— Буди благословенно, Старче.

— Теперь, когда ты будешь всюду ходить, тебя будут спрашивать: «Откуда ты? Как тебя зовут?» Ты же не говори ничего.

Если бы я с кем заговорил, мне бы влетело. В то время послушников приходило на Святую Гору мало, и отцам было любопытно узнать, откуда я. Увидев меня, они спрашивали: «Иноче, откуда ты? Кто твой Старец?» Я не отвечал, соблюдал наказ Старца.

* * *

Однажды мне довелось в такой ситуации встретиться с епископом, который впоследствии меня рукоположил. Это был восьмидесятилетний старик из Малой Азии, совершавший знамения и чудеса. До этого я ни разу его не видел. Старец Иосиф мне сказал:

— Возьми письма и спушись к морю, отправь их. Будь внимателен, не заговаривай ни с кем, не то я тебя просто убью, на части разорву. Так что смотри, заговоришь — пропал.

Я взял письма, пошел вниз, но баркас еще не пришел, и отцы бродили по пристани. Я сказал себе: «Присяду-ка я под маслиной в теничке, чтобы меня не заметили отцы и не стали со мной говорить, а не то влипну в историю». Я присел под деревом и стал тянуть четки.

Когда немного прояснилось, я заметил, как ко мне направляется какой-то батюшка, которого я раньше не встречал. Тук-тук своей палочкой. Я сразу понял, что это Владыка. Я отодвинулся подальше и спрятался за стволом маслины, но тропинка проходила рядом с деревом. Владыка меня увидел и пошел прямо ко мне. «Ох, как я теперь буду выпутываться? Ведь это Владыка», — подумал я. Он подошел и зацепил меня своей палочкой так, что не шевельнешься. «Ну все! — сказал я себе. — Вот это здорово!» Я опустил голову, схватился за четки: «Господи Иисусе Христе, спаси мя! Господи Иисусе Христе, помоги мне!» Что я ему отвечу? Старец Иосиф мне сказал, что, если уж меня слишком прижмут к стенке, я должен ответить: «У меня нет благословения Старца разговаривать». Это было моим последним козырем. Итак, Владыка стоял передо мной.

— Иноче, откуда ты?

Я ни слова.

— Кто твой Старец, иноче?

Молчу.

— Сколько тебе лет?

Не отвечаю.

— Как твое имя? У тебя нет языка? Ты немой?

Ничего не говорю.

— Как зовут твоего Старца?

Продолжаю молчать. А ведь со мной говорит Владыка!

— Ты со мной не будешь разговаривать?

Я — букашка рядом с ним, а он — архиерей. Мне стало его жалко. Я думал: «Он от меня не отстанет, будет говорить, будет меня непрерывно засыпать вопросами. Дай-ка я произнесу то, что Старец разрешил мне сказать в крайнем случае».

— Простите меня, у меня нет благословения разговаривать.

— А-а-а, у тебя нет благословения говорить. То есть если ты проголодаешься, то не скажешь Старцу: «Я голоден, дай мне поесть»?

Но все, что я мог, я уже сказал. Владыка все понял, он увидел, что я не скажу больше ни слова, повернулся и ушел, отправился в свое путешествие. Откуда мне было знать, что спустя какое-то время он будет меня рукополагать?!

Увидев баркас, пошел и я на пристань. Дал письма в руки капитану и убежал.

— Эй, иноче!..

Куда там! Я уже был далеко.

* * *

Однажды Старец мне сказал:

— Быстро бери свою торбу и ступай в Святую Анну, купи там хурмы. Скажешь: «Мне нужно двадцать килограммов хурмы. Сколько стоит?» Заплати и возвращайся. То есть считанные слова. Скажешь на одно слово больше — конец, здесь тебе не место. И если тебя угостят чем-нибудь сладким, ты это не должен есть.

Я — в панике, так что пот меня прошиб. Как я пойду? Что ждет меня там, куда я пойду?

Отправился. Постучал в каливу.

— Молитвами святых отец наших...

Вышел почтенный старчик, еле на ногах стоит.

— Добро пожаловать, иноче! Проходи!

Я зашел. Отцы меня приняли с большой любовью.

— Угощайся, дитя мое, возьми, это вкусно. Как тебя звать?

Они видели, как я юн, и решили, что надо меня накормить. Я отказался. Один из монахов спросил:

— Кто твой Старец?

Я опустил голову и молчал.

— Что ты хотел?

— Двадцать килограммов хурмы.

— Откуда ты?

— Двадцать килограммов хурмы.

Тогда они поняли: «У него повеление от Старца не разговаривать, не будем его принуждать». Они знали монашеские правила.

— Пожалуйста, бери, дитя мое.

— Сколько стоит?

— Столько-то.

— Возьмите.

— Возьми, иначе, и эту хурму, смотри, какая спелая, съешь ее.

Я отрицательно покачал головой.

— Почему ты ее не берешь?

Я опустил голову вниз. Они все поняли. Я взял свою торбу — и в путь. Пронесло! Я сказал себе: «По меньшей мере, не совершил преслушания». Лишь только подошел я к Старцу, начался допрос.

— Разговаривал?

— Сказал то-то и то-то.

— Ну хорошо.

* * *

В другой день он мне сказал:

— Хватай-ка свою торбу, насыпай пшеницы, закидывай торбу за спину и ступай на мельницу к Святой Анне. Там отдашь зерно, пусть они помелят. Но смотри, не разговаривай. Ты им отдашь пшеницу и спросишь, когда забирать и сколько заплатить. Ни одного слова ты не должен прибавлять сверх того, что я тебе сказал. А если прижмут к стенке, скажи: «У меня нет благословения говорить вам что-либо, кроме этих слов».

Я отнес. Там был один мирской человек, носивший скуфейку и подрясник, хотя и был мирянином. Я подошел к нему и сказал:

— Пожалуйста, смелите мне эту пшеницу. Скажите мне, когда мне ее забирать и сколько это стоит.

— А ты откуда? Кто твой Старец?

— Возьмите пшеницу и скажите мне, когда мне ее забирать.

— Я с тобой разговариваю! — сказал он. — Откуда ты и кто твой Старец?

Я опустил голову, ничего не говоря. Отдал ему пшеницу.

— Когда мне прийти?

Он разозлился.

— Почему ты мне не говоришь, кто твой Старец?!

В конце концов он сказал мне разгневанно:

— Приходи в такой-то день.

Я ему сделал поклон и убежал. Здорово он на меня разозлился!

Такое со мной случалось постоянно. Но это было именно то, что всем нам и требуется.

Вскоре после того как мы отделились от зилотов, Старец послал меня и отца Иосифа Младшего записаться в официальный список монахов. Семь часов пути пешком и два-три дня для дела. То есть мы должны были выйти на рассвете и прийти в Карею на закате. Старец нам сказал:

— Смотрите, не разговаривайте друг с другом. Запишетесь в список, в Карее выпишете удостоверения у представителя Лавры — и обратно. Между собой общайтесь только жестами, будьте внимательны. Иначе горе вам.

Мы забросили на спину торбы и отправились. Прошли перевал, увидели внизу Филофей³⁶, спустились, прошли Иверский монастырь³⁷, Пантократор³⁸, затем стали искать каливу, приписавшись к которой я мог бы избежать призыва в армию. После этого поднялись в Карею. После всех спусков и подъемов я еле держался на ногах. Брат меня подбадривал:

— Держись, брат, скоро уже придем.

К вечеру мы успели добраться до Кутлумуша, чтобы там заночевать. Наступило утро, а я словно и не спал, таким был уставшим. Проснувшись, я сказал себе: «Где это я?» Я был мертвым от усталости. Мы пошли в Карею, и я еле переставлял ноги. Там мы оформили бумаги и записались куда надо. Отвечая на вопросы, отец Иосиф говорил нормально, а я, опуская голову, едва шептал. Прошло два-три дня, и мы пустились в обратный путь. По дороге брат говорил:

— Смотри, какая гора! Видишь этот монастырь? Он называется так-то.

Я кивал головой, ничего не говоря, не произнося ни единого слова. Брат был чуть старше меня, и поэтому первенство принадлежало ему.

³⁶ Монастырь Филофей находится в получасе ходьбы от Каракалла, вверх по склону горы. Его престольный праздник — Благовещение Пресвятой Богородицы.

³⁷ Иверский монастырь, посвященный Успению Пресвятой Богородицы, расположен на берегу моря с северной стороны Святой Горы.

³⁸ Монастырь Пантократор расположен на берегу северо-восточной стороны Афона. Его престольным праздником является Преображение Господне.

— Хочешь воды?

Я отвечал кивком головы. Я действительно соблюдал полное молчание. И когда мы возвратились — тут же допрос у Старца.

— Малой, разговаривал?

— Нет.

Он посмотрел мне внимательно в глаза.

— Совсем не разговаривал?

— Совсем. Вашими молитвами.

— Совсем между собой не разговаривали?

— Ну, когда брат говорил, я кивал головой. Вот и все.

Старец так обрадовался, что обнял меня и поцеловал.

— Прекрасно, дорогой мой! У тебя это получилось!

Коль скоро он дал наказ, его надо было исполнить. И точка. Молчание? Молчание. Смерть? Значит, смерть. Не о чем говорить.

Что же касается брата, Старец знал, что тот будет разговаривать. Старец не считал нужным говорить с ним на эту тему. Он был старше и мог разговаривать, ответственность была на нем. Главное — что не было разговора между нами.

Думаете, молчать было легко? Требовалось понуждение себя, усилие над собой. Конечно, были помыслы, один, другой, третий, но слово Старца необходимо было соблюсти. Мы боялись нарушить наказ Старца, чтобы не огорчить Бога, не огорчить самого Старца, не разрушить наше послушание и, как следствие, молитву. Поэтому-то мы и не разговаривали.

* * *

Однажды я все-таки сказал несколько слов вопреки запрету Старца и получил от него нагоняй. Один иеромонах приходил к Старцу открывать помыслы и советоваться с ним. Я видел, что они хорошо знакомы, брал у него благословение, но не разговаривал с ним. Как-то раз он увидел меня на пристани и закричал:

— Отец Иоанн! Отец Иоанн! (Это было мое мирское имя, прошло всего два месяца, как я пришел к Старцу.) Отец Иоанн, я был в Волосе и видел твою мать.

И я пошел на поводу:

— Вы меня простите, отче, но у меня нет матери. Пресвятая Богородица — моя мать.

Вот и все, что я сказал. Вернулся назад, а Старец меня спрашивает:

— Разговаривал с кем-нибудь?

— Разговаривал.

— С кем разговаривал?

— С таким-то отцом.

— Что ты сказал?

— То-то и то-то.

— Ну и ну! Ты это сказал?! Теперь ты увидишь, что я с тобой сделаю!

— Будь благословенно.

Я приготовился к грозе.

— Двести поклонов ты сделаешь сейчас, а остальное мы решим вечером, когда ты придешь на откровение помыслов.

— Будь благословенно. Двести так двести.

Затем я занялся работами вместе со Старцем.

— Сделай то.

— Будь благословенно.

— Сделай это.

— Будь благословенно.

— Наруби дров, бездельник.

— Будь благословенно, уже сделано.

Тут начал старец Арсений заступаться за меня:

— Слушай, Старче, я целый день празднословлю, и ты мне не даешь никакой епитимии. А послушник одно преслушание совершил, два слова сказал — и ты ему дал двести поклонов. Уж очень ты строг. Ты не должен быть таким строгим. Прости уж его. Всего за одно преслушание двести поклонов дитю! Так не годится. Не годится так.

То с одной стороны он к нему заходил, то с другой — и Старец наконец меня простил.

— Ладно, прощу его на первый раз. Но если это повторится, он заплатит и эту епитимию!

Но, по благодати Божией, такого больше не повторялось.

* * *

Наказ Старца хранить молчание меня спас! Наказ — не разговаривать, выйдя с нашего двора, кто бы к тебе ни подошел. Максимум,

что дозволялось сказать: «У меня нет благословения». Соблюдая это слово Старца, я оставался в безопасности, сохранил себя.

Когда я подрост и Старец преставился, я стал чаще бывать за пределами нашего скита и понял, какой вред претерпел бы, если бы тогда разговаривал. И я сказал себе: «Спаси Господь твою душу, Старче! Ты меня спас!» Ведь тогда на Святой Горе было мало молодых монахов, поэтому старчики подходили к каждому молодому послушнику и интересовались, кто его Старец, где он монашествует, как его зовут, откуда он, — обычный монашеский разговор.

Если бы я останавливался и, не имея наказа Старца хранить молчание, начинал отвечать, то обязательно, сто процентов, они бы меня отравили. Чем? Тем, что сказали бы: твой Старец в прелесть. Сказали бы, что он подвизается неправильно, что он такой и сякой. Они разрушили бы во мне образ моего Старца. И тогда попробуй избавиться от помыслов!

Слухи об этом тогда ходили, но они не достигали моих ушей, потому что я не давал возможности никому говорить такие вещи, ведь я лишь произносил: «У меня нет благословения разговаривать». У них все внутри переворачивалось, но меня это не интересовало. Меня интересовало, чтобы слово Старца было соблюдено.

Как сохранило меня, как покрыло слово Старца! Только один его наказ я исполнил — и однако в этом было мое спасение. Когда, уже взрослому, люди мне говорили о Старце всякое, их картечь отскакивала от меня, потому что я уже хорошо знал, кем являлся Старец. Я уже был подготовлен и знал, что им отвечать. Глядя на них, я лишь печалился об их немощи. Заразить своими микробами они меня уже не могли, у меня был против них иммунитет — польза послушания, и я знал только, что они больны. Запутаться в их сетях мне было невозможно, ибо я уже мог правильно судить обо всем этом и дать им правильный ответ. Я знал, откуда исходит каждое слово. И таким образом эта опасность меня миновала, по благодати Божией и по молитвам Старца.

* * *

Поскольку Старец познал, какую огромную пользу приносит упражнение в безмолвии, он запрещал нам разговоры между собой, не позволял беседовать друг с другом. Только при крайней необходимости он разрешал нарушать молчание. Наша община не знала,

что такое празднословие, у нас его никогда не было. Мы непрестанно творили Иисусову молитву. Говорили Старец и отец Арсений, мы же, молодые, друг с другом не разговаривали. В присутствии Старца мы не разговаривали никогда, особенно я не дерзал говорить с кем-нибудь из братьев, когда Старец был рядом. Это было бы то же, что положить голову на плаху. Но я молчал не столько из-за того, что он меня будет ругать, сколько потому, что не позволял себе этого сам. Говорить с братом, когда Старец рядом, — Боже упаси! Почтение к Старцу и бездерзновение были такими, что не позволяли нам делать ничего подобного.

* * *

За двенадцать лет, прожитых мною рядом со Старцем, только один раз случилось одному брату выйти за рамки. Он начал говорить другим, что им делать: «Здесь поставьте коливо, сюда поставьте столик». Старец терпел это, терпел, а тот все руководил. И вот однажды он опять начал говорить:

— Поставьте коливо сюда...

Бац! Старец ему чуть шею не свернул.

— Получи свое коливо! — сказал Старец.

— Простите! — ответил тот.

Днем я его увидел и спросил:

— Как ты, отец?

— Ох, что тебе сказать, Ефрем? Ночью я видел змея с огромной пастью, и он хотел меня проглотить. Когда он разинул пасть, чтобы схватить меня, я услышал голос Старца. «Берегись!» — крикнул он мне. И зверь пропал. Та оплеуха, которую я получил, — вот что это было. Ведь я проявлял своеволие. Я получил по морде, и на этом дело закончилось. Иначе я не избавился бы от своеволия. А теперь зверь, охотившийся на меня, убежал.

Чтобы Старец был рядом, а кто-то из нас командовал — для нас это было страшным делом, страшным нарушением правил. Такого у нас быть не могло.

* * *

Так же Старец не разрешал нам приносить в общину новости извне, рассказывать о ком-то другом, как он поживает, что делает. Мы не знали, что происходит за оградой нашего двора.

Он строго наблюдал, чтобы не было празднословия. Осуждения же для нас вообще не существовало. Если кто-то пытался завязать разговор, Старец реагировал мгновенно: «Потеряешь благодать Божию, несчастный, и будешь затем биться головой об стенку. Что ты сидишь и судишь? Почему тебя это волнует? Здесь нет места вестям и новостям. Только вперед! Молчание и молитва! Ничего другого. Мы пришли сюда не для того, чтобы время провести. Дьявол выжидает, не спит, рыщет там и сям, как лев, чтобы схватить, кого найдет в нерадении, в унынии, в рассеянности. Мы должны смотреть в оба». Так он следил, чтобы мы не празднословили и, прежде всего, не осуждали поступки какого-нибудь человека не из нашей общины. Но и друг друга мы не должны были осуждать. Такого наша община не знала. Из Старца нельзя было вытянуть слова о ком-нибудь.

* * *

Отец Арсений, или потому, что уже был в возрасте, или потому, что был простодушным, иногда подходил к Старцу сказать что-нибудь о нашем брате или о ком-нибудь другом, о какой-нибудь узнанной им новости. За это ему крепко доставалось. За то, что он по простоте своей иногда бывал несдержан на язык, Старец его поколачивал.

— Старче, ты видел там такого-то?

Только он начинал говорить подобным образом, Старец тут же давал ему по голове. Бац! Затрещина.

— Арсений, смотри, не празднословь! Читай молитву.

— Да ладно, дорогой мой, что я такого сказал?

— Того, что ты сказал, достаточно, чтобы лишить тебя благословения молитвы. Тебе этого мало?

— Прости.

Проходило немного времени.

— А такой-то неважно живет...

Бац! Старец давал ему оплеуху:

— Это осуждение! Ты опять за свое!

— Разве это осуждение?

— А что же это такое, осел ты этакий! Заткнись, закрой рот! Разве это тебя касается?

— Ах, дорогой мой, ты все время дерешься...

— Да если мы потеряем благодать, где мы ее потом найдем?!

Однажды Старец захотел почесать голову, а отец Арсений, испугавшись, поднял руки, чтобы защититься, думая, что сейчас опять получит затрещину. Отец Арсений бывал бит Старцем до самой старости.

Они были мужественными людьми, поэтому и достигли святости, поэтому и стал отец Арсений как Авраам.

* * *

Старец нас учил, какое это большое дело — молчание: «Самое совершенное приобретение — молчание, оно выше всех добродетелей». И еще говорил Старец: «Если мы возьмем весы и все добродетели положим на одну чашу, а молчание — на другую, то молчание перевесит. Потому что, когда монах сознательно молчит, он будет молиться или пребывать в созерцании. Когда он молчит и молится, к нему приходит сокрушение, плач, слезы, умиротворение и тишина. И когда человек молчит, он не осуждает, не празднословит, не жет, не клеветает, не говорит о том, о сем, о пятом, десятом, не слушает, когда другие говорят дурное. Вследствие такого молчания душа напивается благодатью. С молчанием приходит плач, плач приносит слезы, слезы производят очищение, а очищение удостаивает человека видения Бога. Безмолвник может увидеть Его в своем сердце ощутимо, увидеть вещи, которые никогда не сможет представить себе тот, кто открывает рот и разговаривает».

Не могли мы после такого наставления усесться и празднословить, осуждать, свободно разговаривать в присутствии Старца. Такого у нас не было. И подтверждается это тем, что никогда мы, братья общины, не соблазнили один другого, никогда друг друга не огорчили.

Старец нам говорил: «Когда вы видите посетителя, убегайте», — и где бы мы ни находились, мы прятались по норкам. Увидев, что кто-то пришел посетить нашу общину, мы, молодые,

исчезали. Нас никто не видел, и мы никого не видели. Старец так тщательно нас охранял, что не позволял нам ни показываться чужим на глаза, ни видеть самим пришедшего человека. Казалось бы, что мог нам сделать какой-то посетитель? Но Старец никому не разрешал даже увидеть его. Мы никогда не видели никого, кроме отцов. Самое большее, мы могли заметить, что какой-то человек пришел. После этого он для нас не существовал. Он разговаривал со Старцем, с отцом Арсением — прекрасно! — и уходил. Мы его не видели. Благословенной была та жизнь. Просто прекрасной!

Старец настаивал на такой тактике, потому что Авва Исаак Сирин учит: «Не только речи мирских людей причиняют вред безмолвникам, но даже и вид этих людей»³⁹.

Все это, хотя и может показаться преувеличением, если не ошибкой, было чрезвычайно полезно. Это стало для нас краеугольным камнем, прочным фундаментом, на котором было основано все. Потому что если бы мы так не поступали и не было бы таких наставлений и требований Старца, мы не смогли бы приобрести духовную устойчивость.

Многие прошли через общину Старца, но не остались в ней. Они не смогли соблюдать наши правила и вести такой же образ жизни.

* * *

Как прекрасна была эта жизнь! Никаких забот! Я совершенно не знал, что происходит в миру, за пределами каливы. Понятия не имел. Старец нам не позволял этого знать. Пропадает мир, не пропадает, куда катится — меня это не касалось. Мы ни о чем не ведали. Знали только, как нам вместе жить. И Бога. Ничего другого мы не знали.

Чтобы нам поговорить, чтобы сказать хоть слово брату, нужно было хорошенько все взвесить. Помысл мне говорил:

— Скажи это.

— Ну, допустим, я сказал. Есть в этом необходимость? Нет.

— Но ты все-таки скажи.

— Раз нет необходимости, не скажу.

³⁹ См., например: *Прп. Исаак Сирин. Слова подвижнические*. Слово 69.

Да, я стал немым — и мне не о чем было разговаривать. Я говорил только со Старцем и с отцом Арсением. И хотя мы хранили молчание, между нами была большая любовь. Неимоверная любовь. Один за другого приносил себя в жертву. Внешне казалось, что я не разговаривал со своим братом, но в душе я мысленно его обнимал.

* * *

Как-то раз пришел мой бывший духовник, отец Ефрем. Отец Иосиф Младший разговаривал с ним, они обсуждали последние новости. И хотя мой духовник был тем, кто в миру помог мне избрать монашеский путь, для меня он был теперь совершенно... нет, не посторонним, а посетителем, с которым мне не следовало обмениваться ни одним словом. Если у меня есть Старец, то о чем разговор?

Старец заметил:

— Малою, смотри, сколько уже разговаривает отец Иосиф с твоим бывшим духовником.

— Я говорить с ним не буду.

— Да я знаю, что ты не будешь.

Старец все знал, от него ничто не ускользало.

— Брат Иосиф старше меня, а я деревенщина, о чем мне говорить?

— Сколько ты молчишь теперь, столько будешь говорить посреди Церкви. И придет день, когда ты это увидишь.

Старец говорил пророчески. Но откуда мне было знать, что он имел в виду? Я был совершенной дубиной в этих вещах. Я верил, что он говорит нечто важное, но понятия не имел, что именно. Я думал, он имеет в виду, что я в какой-то церкви буду говорить. Но что же я мог там сказать? Теперь, после того как пророчество Старца исполнилось, я понимаю его слова. Старец подразумевал Церковь Христову. Ведь я нахожусь теперь за пределами Святой Горы, тут и там, в миру, в городах, в других странах, и мне приходится проповедовать и беседовать с людьми⁴⁰.

⁴⁰ Эти слова сказаны до того, как Старец Ефрем основал монастырь в Аризоне и поселился там. В то время он действительно много путешествовал с православной проповедью по Америке.

Однако тогда я непрестанно думал лишь о смерти и поэтому ответил Старцу:

— Старче, из этой каливы я уйду только на Небо.

* * *

Молчание у нас было абсолютное. И это молчание создавало тишину и спокойствие, а от этого непроизвольно возникал в человеке плач. Ты видел, как приходит Божественное вдохновение, помыслы, разжженные Божественным действием, от чего в душе монаха возникает некая теплота, некое горение сердца. Так говорит и Авва Исаак Сирин: «Когда в сердце монаха предстоит родиться духовному младенцу, душа накануне этого чувствует взывание младенца и так обнаруживает приближение родов», то есть возрождение души во Христе⁴¹.

И эти состояния возникали попеременно — то одно, то другое. Как говорит об этом Авва Макарий Египетский, душа монаха переживает разные духовные состояния одно за другим. Иногда он чувствует себя воином Христовым, прекрасно вооруженным, ужасным для врага и вызывающим бесов на войну. Иногда — невестой Христовой, украшенной для Жениха своего Иисуса. Иногда — чадом Божиим, ощущающим в себе Отца Светов, чувствующим такую близость, какая бывает у дитяти к родителю, и сыновнее дерзновение к своему Небесному Отцу.

И часто, от преизбытка благодати ночью, одно из этих состояний продолжалось и днем. Тогда день протекал в некоем нерушимом мире, и этот мир вновь приводил к созерцанию Бога.

Мы не только не давали нашему языку празднословить, но мы даже не позволяли себе подумать о чем-то, кроме Бога. И молчание,

⁴¹ Ср.: «Когда достигнешь области слез, тогда знай, что ум твой вышел из темницы мира сего, поставил ногу свою на стезю нового века и начал обонять тот чудный новый воздух. И тогда начинает он источать слезы, потому что приблизилась болезнь рождения духовного младенца, так как общая всех матерь, благодать, поспешает таинственно породить душе Божественный образ для Света будущего века. А когда наступит время рождения, тогда ум начинает возбуждаться чем-то тамошним, подобно дыханию, какое младенец почерпает изнутри членов, в которых обыкновенно питается. И поелику не терпит того, что для него еще необычно, то начинает вдруг побуждать тело к воплю, смешанному с сладостью меда» (Прп. Исаак Сирин. Слова Подвижнические. Слово 65. О безмолвствующих).

молитва, созерцание создавали некую печаль, но печаль благую. Была ли это память о смерти, или память о суде Божиим, или память о своих грехах — о чем бы ни был мой помысл, слезы текли ручьем. Не проходило ни дня, ни часа, когда глаза не были бы двумя источниками слез. Слезы не прекращались ни днем ни ночью. Даже подушка орошалась нашими слезами, прежде чем нас одолевал сон. Хотя часто слезы текли без какой-либо определенной причины, нельзя было сказать, что я не знал, почему плачу, — я плакал от умиления души. И благодаря тому, что ум в таком состоянии становился более легким и чистым, естественным образом приходила святая память о Боге. И все, что ей предшествовало, в результате, возрастало.

Все это было плодом молитв Старца. Плодом его собственных слез, которые он проливал за нас. Он сам об этом нам говорил. Однажды я спросил его:

— Старче, почему вы столько поститесь, будучи уже весьма изнуренным?

И он мне ответил:

— Потому, дитя мое, что хочу подвизаться, дабы благой наш Бог дал вам Свою благодать.

Следовательно, дерзновение Старца посылало нам это благословение Божие. Никогда у меня даже в мыслях не промелькнуло, что происходившее с нами было результатом наших собственных усилий. Это и есть мое самое главное убеждение.

* * *

Когда после исполнения поручений я возвращался в нашу общину и издали видел пещеру Старца, я говорил себе: «Есть ли у других иноков такой Старец?» Старцы ведь были редкостью. А сейчас они вообще исчезли, нет больше таких.

Отец Ефрем Катунакский мне говорил:

— Как хорошо ты сделал, что пришел к этому человеку!

— Это не я сделал хорошо, — ответил я ему. — Это другой человек — моя мать. Она все сделала. Что мог сделать я? Я ведь тогда был еще ребенком, не совершившим ничего хорошего в своей жизни. Все — от ее молитв, от ее плача, от ее поклонов, от ее строгих постов и целонощных бдений.

Глава четырнадцатая

ПОСЛУШАНИЕ

Старец Иосиф подвизался крайне сурово, лишь в житиях великих святых можно встретить такие подвиги. Однако этот великий подвижник подчеркивал, что послушание имеет для нас большее значение, чем любой иной подвиг.

Он говорил: «Молитва проистекает от послушания, а не послушание от молитвы. Оказывая послушание теперь, и тогда к тебе придет благодать».

Старец нам объяснял и подлинный смысл послушания, говоря так: «Святые отцы учат пребывать в высочайшей из добродетелей — послушании, чтобы мы стали подражателями Иисуса. В этом цель их учения. То есть они хотят, чтобы послушанием мы очистили ум от различных страстей, очистили себя от страсти угождения собственной воле и через это получили Божественную благодать. Главная цель ученика, с которой он идет к Старцу и оказывает ему совершенное послушание, состоит в том, чтобы Старец, горя любовью Христовой, передал ему богатство своей добродетели».

Сказал он мне и следующее: «Знай, что ни умная молитва, ни Божественное Причащение, ни бдение, ни иной какой-либо подвиг не спасает монаха так, как послушание. Если ты оказываешь послушание, то годишься для рая. Если не оказываешь послушания, то, хотя бы ты и причащался, и служил литургию, и творил умную молитву, тебе уготован ад. Здесь не существует среднего. Оказываешь послушание? Даже если ничего другого ты не сделаешь, будешь в раю, ибо подражаешь Христу, Который оказал послушание

Своему Отцу. Все, что делается по своей воле, без послушания, забирает себе диавол». Вот что он мне сказал. И я сохранил это как догмат. И теперь я передаю это моей общине.

И еще он нам говорил: «Если монах не берется крепко за послушание и Иисусову молитву с самого начала, то восплачь о нем. Слепым он родился — слепым умрет. Жаль только денег, потраченных на проезд до Святой Горы. Тот, кто примешивает свою волю к воле Старца, — прелюбодей. Одним словом, непослушный монах — это сын диавола».

И он нам объяснял, что только когда человек сокрушит свою гордость, он сможет заложить основание для своего духовного здания. Ибо присутствие гордости не дает Божией благодати оставаться в человеке. И единственный способ искоренить зверя гордыни — это послушание, отсекающее своеволие.

Еще он меня учил, что тот, кто не оказывает послушания, требует его от других.

Также он говорил:

— Если мы не оказываем послушания одному Старцу, значит, будем его оказывать многим старцам.

— Старче, что ты имеешь в виду? — спросил я его.

Он ответил:

— Вот что я имею в виду, дитя мое. Если мы не оказываем послушания своему Старцу, мы будем его оказывать многим старцам: многим желаниям, многим бесам, многим страстям. И во всем этом мы совершенно запутаемся. Оказывая послушание одному Старцу, мы оказываем его Богу. Ибо без послушания ради любви Христовой, без послушания с жертвенностью не может человек проявить самоотречения и своей любви к Богу. Когда мы начинаем жить по своей воле, каждое желание и каждое послушание какой-нибудь страсти становится для нас старцем, и тогда нами руководит уже он. Поэтому мы и видим сейчас послушников, которые не почитают своих Старцев.

Как-то раз, дитя мое, я возвращался на корабле из Дафни в наш скит. Со мной плыл игумен одной обители, которого я знал. И я видел, как его послушник говорил, говорил, говорил своему Старцу, а тот, бедный, выслушивал все молча. Послушник делал ему замечания, обличал его и противоречил, а тот, будучи опытным, молчал.

Печалился, но молчал. Конечно, он не хотел опозорить своего послушника перед множеством отцов, бывших на корабле, и поэтому молчал. Я смотрел на него, огорчился и думал: «Ох, что приходится переносить сейчас этому Старцу от своего послушника!»

И я сам, дитя мое, однажды плыл из скита в Дафни со своим послушником. Его рот ни на минуту не закрывался: он говорил то с одним, то с другим. Когда мы высадились в Дафни, я ему сказал: «Ты совершенно не закрывал рта». — «Прости, Старче». — «Какой толк теперь от этого “прости”? Твой язык столько сказал в присутствии твоего Старца, что можешь принять мои поздравления за свое послушание».

Таковы награды непослушных послушников. Добрый же послушник экспрессом добирается до Престола Божия. Он не останавливается даже на мытарствах. Они далеко отступают от его пути, потому что им не за что в нем зацепиться. И правда, за что можно было бы его ухватить?

Хотя Старец сам был исихастом, он говорил:

— Хорошего послушника я ставлю выше, чем пустынников и исихастов.

— Почему, Старче? — спросил я как-то.

— Потому что исихаст исполняет свою волю, живет, как сам хочет. Кто ставит ему препятствия? В чем его затруднения? Ни в чем. А хороший послушник пришел исполнять не свою волю, а волю своего Старца. Все затруднение состоит в своей воле, ибо послушанием ограничивается, стесняется ее свобода. Свобода — это царство человека. Отними у него свободу — и он становится животным, становится пленником, становится узником. Но послушник, становясь узником здесь, на земле, узником в смысле отсечения своей воли, становится свободным душой и свободно пройдет узкие врата, вход для него открыт. Это видели и святые отцы в видениях: чин послушников, этих славных подвижников, был увенчан дважды. Авва Моисей Мурин сказал: «Бегите, чада, туда, где есть послушание. Туда, где существует свобода, где дорога открыта, где любовь, согласие, мир, благодать, милость».

Это и многое другое, сказанное Старцем нам, молодым монахам, жившим у него, служило краеугольным камнем, прочным основанием для всего дальнейшего. Если бы у нас не было этих наставлений

Старца и мы, со своей стороны, не следовали бы им, не осуществляли бы их на деле, у нас абсолютно ничего не получилось бы.

* * *

Когда человек не имеет самоотречения и не отрекся от своей воли, он страдает, все время на его пути возникают преткновения. То одно у него виновато, то другое его колет, то третье ему досаждают, то четвертое его задевает. И поэтому он всегда мучается. Когда же монах отречется от своей воли и исполняет волю Божию — тем, что оказывает послушание Старцу, — тогда он живет счастливо. Он делается подобным малому ребенку, младенцу. Он становится духовным младенцем, нет у него никакого огорчения, никакой заботы о своем спасении, он ощущает большую легкость, чувствует себя очень счастливым. Он спит и просыпается, как малое дитя. Ребенок, конечно, ведет себя так из-за младенческого ума, в нашем же случае монах младенчествует злобой (см. 1 Кор. 14, 20).

Это мы познали на деле. Когда мы жили со Старцем, мы были сущими младенцами. Я был совершенно счастлив. После первого периода, после битвы за то, чтобы остаться и удержаться на монашеском пути, вся остальная жизнь была праздником. У нас были, конечно, телесные труды, но я все равно был очень счастлив, в душе у меня были радость и мир. Ни смерть меня не беспокоила, ни Суд Божий. И я так ощущал эту жизнь, что просил Бога о том, чтобы, если возможно, уйти мне сейчас. Просил, чтобы Он меня забрал теперь, пока я пребываю в послушании, пока я чувствую себя так. Потому что я знал: в будущем, когда уйдет Старец, начнутся заботы, своя воля, я буду жить по своим представлениям, со своей ответственностью, со своими мыслями, мне некого будет слушаться, и я буду за все отвечать сам. А сейчас, когда я все делаю по благословию Старца, какой будет с меня спрос? Все это означает несомненное, гарантированное спасение. И происходит так потому, что человек отрекся от своей воли и теперь воля Божия — это и его воля: он делает то, что хочет Бог.

Пребывая в этом состоянии, я однажды спросил Старца:

— Почему, Старец, я не озабочен своими грехами, мыслями о своем исходе, о прохождении мытарств? Когда я молюсь, я стара-

юсь представить себя во время Второго Пришествия слева от Судии, ибо я должен скорбеть о многих своих грехах. Но у меня не получается, меня как-то само собою, свободно и непринужденно влечет направо. Может быть, это прелесть?

— Ну ты даешь, дурень! Разве ты этого не понимаешь?

— Не понимаю.

— В тот момент, когда ты, послушник, переложил весь свой груз на мои плечи, тебе стало легко. За что же ты будешь оправдываться, если ты все возложил на меня, если все взял на себя я, а ты — свободен? Как тебе после этого не пойти направо? Что тебе может в этом воспрепятствовать? А если бы ты исполнял свою волю, то груз был бы на тебе и ты не чувствовал бы того, о чем говоришь.

— Да, Старче. Просто я знаю только то, что заслуживаю левой стороны, а правой не заслуживаю.

Но Старец был прав, потому что мы ничего не делали, не спросив его.

И была у меня радость. Благодаря послушанию у меня не было помыслов.

— Почему, Старче, у меня нет помыслов?

— Потому что свой груз ты отдал нам.

Мы жили как странники, ожидая, когда уйдем. Смерть мы вменили ни во что. От многих трудностей и телесной немощи у меня появились признаки туберкулеза: тяжесть в груди, сильный жар. Но меня совершенно не заботило мое здоровье. Я заботился лишь о том, как угодить Старцу и как я уйду из этой жизни. Когда послушник угождает Старцу, он угождает Богу. Какие еще могут быть вопросы? Послушник угождает Старцу своей духовной жизнью и чем больше преуспевает в духовном совершенствовании, тем больше угождает. И таким образом получает благословение Божие.

* * *

Как-то раз Старец намеренно грубо отправил одного своего послушника исполнить некую работу. Тот, как всегда, ответил «буди благословенно» и пошел выполнять. Тогда Старец сказал сидевшему рядом отцу Ефрему Катунаскому:

— Насколько же угодно Богу и насколько угодно Старцу, когда послушник говорит «буди благословенно»!

И произнеся это вполголоса, так, чтобы не услышал уходивший послушник, Старец перекрестил его и опять же тихо сказал ему вслед:

— Бог да благословит тебя!

Какой бы наказ ни давал мне Старец, я думал только о том, как его выполнить. В этом мы были очень внимательны.

Я оказывал послушание и старцу Арсению. Как-то, когда я был еще новоначальным, мы сажали с отцом Арсением лук. До этого мне никогда не приходилось его сажать, но я знал, как он растет. Вначале я сажал как положено: корешками вниз, а перышками вверх. Отец Арсений мне сказал:

— Разве так сажают лук, криворукий?

— А как, старче?

— Перышками вниз, а корешками вверх.

— Буди благословенно.

Я посадил лук корешками вверх. И когда он все-таки вырос, то оказался превосходным. За послушание он вырос как надо. Так отец Арсений воспитывал меня.

В другой раз Старец Иосиф послал меня с одним из братьев собирать виноград. Целый день мы срезали гроздья и, само собой, ни одной ягоды не положили себе в рот, поскольку Старец не дал на это благословения. Монах, хозяин виноградника, говорил нам:

— Кушайте, отцы, есть благословение.

Но мы отказались. Он восхищался нами и говорил:

— Вот это да! Какие послушники у Старца Иосифа!

И отцу Ефрему Катунаскому он позже с удивлением рассказывал:

— Слушай, отец Ефрем, какие послушники у Старца Иосифа! Целый день они резали виноград и ни одной ягоды не съели! Я им говорил: «Кушайте, отцы, есть благословение». А они отвечали: «Прости, старче, сейчас не время еды».

И действительно, мы ни на гран не отступали от наказов Старца.

* * *

Мы научились от нашего блаженного Старца не думать сверх того, что думает он, не помышлять иначе, чем помышляет он сам.

Этому он научил нас очень просто. Я, убогий, привил себе это и говорил: «Если я не осуществляю на деле то, чему учусь, — я проиграл. А если я проиграю, кто исправит положение? Если человек уйдет из жизни, кто сделает за него то, что мог сделать только он сам?»

Здесь требуется духовная находчивость. Здесь необходимо быть наготове. Я старался смиренно и просто следовать за Старцем, думая так же, как думает он, веруя в то, во что верует он, размышляя о том, о чем размышлял он, насколько это было для меня возможно. Я верил, что слова его — это золото и бриллианты. Я неуклонно придерживался его советов. И говорил себе: «Другого духовного наставника мне в моей жизни не надо».

Что такое возражать Старцу, мы не знали. Это нам было совершенно неизвестно. И еще я старался, чтобы кредо Старца было моим собственным кредо. Никогда я, по благодати Божией, не совершил преступления, возмев в своем помысле нечто отличающееся от кредо Старца. Ибо я чувствовал, что только так могу быть послушником. Я не хотел им быть только внешне, исполняя лишь различные послушания, работы и данные мне поручения. Такое послушание я считал только телесной необходимостью. Я хотел быть послушником душой, духом, всем своим существом. Я чувствовал, что только по молитвам Старца и по молитвам моей матери я смогу стать таким, каким должен быть подлинный послушник по Богу. Поэтому, когда Старец принимал какое-нибудь решение, я был с ним полностью согласен.

Когда в начале моей монашеской жизни диавол приводил мне на ум помыслы, воспоминания, любовь к родителям, я говорил: «Как я могу разделить свою любовь на две части — между Богом и родителями?» Я это считал прелюбодеянием по отношению к Богу, поскольку Старец нас учил, что прежде всего мы должны любить Бога и эта любовь должна быть неделимой. Ибо Он — наш единственный Отец, в самом глубоком смысле этого слова, Которого мы должны возлюбить. А мать наша — конечно, Пресвятая Богородица. Я чувствовал потребность быть искренним пред Богом, который знает мое сердце, чувствовал, что всю свою любовь без остатка должен отдать Ему.

Мы имели наставление от Старца быть искренними пред Богом и перед ним самим. Он имел в виду чистую и откровенную исповедь. Такой и была наша жизнь рядом с ним. Я старался, со своей стороны, быть совершенно открытым для его глаз, быть понятным для него, ничего от него не скрывать, даже мельчайшего помысла. Я знал, что если оставляю в себе что-то сокровытым, то буду чувствовать это как духовное прелюбодеяние.

Помыслы должны были быть совершенно чисты. Я старался не оставлять в себе ничего, что было бы неизвестно Старцу. Как у меня проходит бдение, как у меня с помыслами, каковы отношения с отцами, что с рукоделием — все это он должен был знать. «Ибо, — думал я, — если с первых дней своего послушания я не положу доброго начала, согласно совету Старца, то не буду иметь и доброго конца».

По молитве Старца, это способствовало тому, что я чувствовал сильную радость и совершенно не ощущал бремени вины и ответственности. Была такая душевная легкость, я так ясно видел все даже телесными глазами, что по неопытности задавал себе вопрос: «Что это со мной происходит?» Я спросил Старца:

— Старче, я все вижу очень ясно. Что это такое?

— Это — часть плода послушания.

Меня совершенно не заботило даже мое спасение, я чувствовал такое упокоение, что говорил себе: «Даже если я уйду прямо сейчас, что мне сказать Богу? Мои грехи? Я их исповедал. Все, что во мне, Старцу известно. Все, что я сделал, я сделал по послушанию». При этом я не чувствовал, чтобы у меня мелькнул помысл тщеславия, ведь я знал и верил безусловно, что все это — по молитвам Старца и нет в этом ничего моего. Я ложился спать и чувствовал такое спокойствие духа, что спрашивал себя: «Что со мной происходит?»

Если, однако, послушник не откровенен, не искренен, не обнажит всего себя полностью в чистой исповеди, не откроет перед Старцем всю душу, то он не сможет положить доброго начала и поэтому не может ожидать доброго конца.

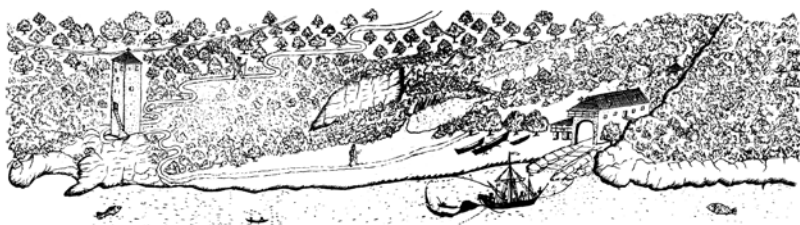
Когда мы оставляем в себе все, что сеет диавол, все, что рождает страсти, все, что исходит от ветхого человека, и не выносим это наружу, чтобы очиститься, а без разбора сохраняем это в сердце, в

душе и все это в себе перевариваем, тогда мы не способны правильно подвизаться. Не может тогда душа человека обладать драгоценным здоровьем. А когда мы говорим «здоровье души», то имеем в виду ее спасение.

Когда желудок не может переварить пищу, он испытывает потребность извергнуть ее вон. Если он ее не извергнет и при этом примет еще порцию, то и новая пища окажется испорченной, а болезненное состояние только ухудшится. Если же, однако, извергнуть нездоровую пищу и выпить, скажем, горячего чая, то желудок очистится и все, что мы в него поместим затем, пойдет нам на пользу. Когда человек исповедует все, что у него на душе, тогда он извергает из себя то нездоровое, что есть внутри. Затем душа очищается слезами покаяния. И после этого дается чистая пища: благодать Божия, просвещение Божие, светлые помыслы — и все это делает человека здоровым. Поэтому прежде всего надо зачать и родить страх Божий, и этот страх, как свет, приведет к доброму началу, духовно воспитает и просветит, как устроить своего внутреннего человека.

Старец нам говорил: «Ты видел монаха, которого постигло падение, который стал дезертиром? Это с ним случилось оттого, что он скрывал свои помыслы. Он не открывал их — и они его погубили, как губят змеи. Только что выдупившиеся змееныши — маленькие, но если ты не прогонишь их, они вырастут и у них появится яд. Один из них тебя ужалит, и ты умрешь. Видел человека в прелести? Это с ним произошло из-за помыслов».

Старец нам рассказывал о некоторых людях, которые скрывали свои помыслы и из-за этого пострадали, впали в прелесть. Нередко такие люди кончали жизнь самоубийством, потому что верили, что им является ангел, тогда как это был бес. А прелесть состояла вот в чем: «Не говори это Старцу».

Глава пятнадцатая

ИИСУСОВА МОЛИТВА

Через несколько дней после того, как я из мира пришел к Старцу, отец Арсений мне сказал:

— Приходи, малой, я научу тебя творить молитву.
Умную молитву я творить еще не умел.

— Приходи ко мне в мою келейку.

Как его келлия могла вместить нас обоих? Он объяснил:

— Я буду стоять на полу, а ты на досках лежака. Мы поместим ум в сердце и будем говорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» — и посмотрим, что будет. Понял?

— Понял.

— Но будь внимателен, произноси умом, а не устами. Стоя — и ты и я. Смотри только, не засни.

— Нет, я не усну.

Я старался молиться, как мог, сообразуясь с тем, что успел понять об умной молитве. Прошло совсем немного времени, и отец Арсений меня спросил:

— Замечаешь что-нибудь? Чувствуешь что-нибудь? Ощущаешь благодать Божию?

— Нет, батюшка.

— Убирайся вон! Животное! За столько времени ты ничего не заметил? У меня сердце просветлело и возрадовалось, а у тебя — ничего? Ты что, совсем тупой? Что ты делаешь все это время?

— Я и сам не знаю, что я делаю.

— Ладно, отправляйся в свою келлию и там читай молитву.

Пошел я в свою келлию за стеной и начал: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Он мне застучал в стенку.

— Молча, про себя! Умом своим молись, ты мне мешаешь!

У меня не получалось: мои мысли разбегались, внутренняя речь не шла, ум буксовал, меня борол сон. Но двигаться, чтобы не уснуть, мне в моей келлии было негде. Я боялся, что, заснув, упаду и ударюсь. Чтобы не спать, я начал шептать: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» У отца Арсения был хороший слух до самой его смерти в девяносто семь лет. Он слышал чутко, как младенец. Он меня услышал и — тук-тук! — постучал в стену моей келлии. Я понял, что он меня зовет, и пошел к нему.

— Почему ты разговариваешь?

О Боже мой! Смилуйся!

— Прости, батюшка.

Я вернулся и продолжил молиться. Мой ум не шевелился, молитва не шла, меня одолевал сон, и я вынужден был очень тихо шептать. Но отец Арсений вновь меня услышал! И опять застучал: тук-тук!

— Я же тебе объяснил! Умом!

Я рассказал обо всем Старцу. Он ответил:

— Ладно, шепчи ее. Ничего, подрастешь. Твори молитву восемь часов. Мы молимся по десять-двенадцать. Ты — еще молоденький жеребенок. Мы пока не оседлали тебя. Когда положим на тебя седло, тогда и ты будешь молиться десять-двенадцать часов.

* * *

В самом начале у меня были и другие трудности. Я не мог проносить Имя Христово. Мне казалось, что мой ум буксует, внутренняя речь никак не двигалась. Даже слово «Господи» я не мог сказать. Что же это было? Старец мне сказал:

— Не огорчайся, вавулис. Будь настойчивым. Это скорлупа. Стучи — и расколется. Когда скорлупа расколется — гм, тогда!.. Это как семя, лежащее в земле. Когда оно начинает прорасти, его росток пробивается через засохшую корку земли — оп! оно пробилось и, продолжая расти, вырастает. Так и когда отступит фронт врага — оп! ты начнешь наступление и будешь радоваться, завоевывая то одно,

то другое разные места. Ты будешь это видеть, будешь радоваться, и у тебя будет расти аппетит для большего. И так далее.

И слово становилось делом. Молитвами Старца мы совершали свою молитву. Бывало, мы три, четыре, пять часов совершали умную молитву, со склоненной головой, с умом, пребывающим в духовном сердце, в дыхании Божиим. Иногда я поднимал голову, чтобы глотнуть воздуха, но меня тянуло обратно внутрь. Почему меня тянуло внутрь? Душа, вкусив, говорила: «Не ищи ничего другого. Вот оно, сокровище. Стучись!» Ах! Это было сокровище! Воистину!

* * *

Когда какой-нибудь брат присоединялся к нашей общине, первым наставлением Старца было требование понуждать себя к молчанию и Иисусовой молитве.

— Дитя мое, Иисусова молитва! Я хочу слышать, как ты говоришь Иисусову молитву.

Мудрый учитель знал, что если новоначальный будет хранить молчание и творить молитву, то этим он заложит крепкий фундамент, и это станет хорошим знаком для его будущего. Старец непрестанно говорил нам об этом и наблюдал, чтобы мы постоянно пребывали в молчании с молитвой. Дальнейшая жизнь полностью подтверждала, что тот брат, который понуждал себя главным образом к этим двум вещам — молчанию и молитве, действительно полагал доброе начало и закладывал фундамент своего духовного жилища. Это было не просто теорией Старца, мы видели, как это исполняется на деле.

Именно поэтому он и говорил нам:

— Я от вас ничего не хочу. Я буду готовить, буду вам служить. Мне нужно только одно: чтобы вы день и ночь молились, каялись и прежде всего плакали. Не хочу ничего другого, только понуждайте себя к молитве и слезам день и ночь.

* * *

В самом начале нашей монашеской жизни Старец сказал: «Чада, когда мы приходим из мира, наш ум очень занят тем, чем мы жили в миру. Наше воображение наполнено образами, страстя-

ми, впечатлениями, мыслями, а вместе с этим мы тащим с собой и тонны гордости. Весь этот мир страстей имеет и соответствующие страстям помыслы и представления. Если мы постараемся оторвать и удалить ум от всего этого ради молитвы, у нас ничего не получится. Почему? Потому что душевно мы слабы, но сильны в страстных мечтаниях. И поскольку мы не можем держать молитву умно, тогда, согласно отцам Церкви, преданию наших Старцев, согласно священному аскетическому преданию, мы должны стараться молиться устно, чтобы звучанием молитвы оторвать ум от мечтаний. Мало-помалу молитва усладит ум и оторвет от мирской пищи и вращения в мирском, затем постепенно затворит его внутри самого себя вместе с непрестанной молитвой. Поэтому прекратим празднословие, чтобы все свое время занять молитвой. Ведь ум бродит по всему оставленному нами миру. И если мы не зложим этот фундамент — непрестанную устную молитву, то невозможнейшим из невозможного будет для нас положить доброе начало нашему духовному и монашескому преуспеянию».

И действительно, все это мы видим в жизни. Никто не может подвергнуть сомнению и оспорить эти слова. Если же кто и захочет, то столкнется со скалой опыта, и так обнаружится, что у него самого нет никакого опыта монашеской жизни.

Старец также наставлял нас: «Едва вы откроете глаза, тотчас принимайтесь за Иисусову молитву. Не позволяйте уму начать думать обо всем подряд и лишь через некоторое время вспомнить, что надо творить молитву. Если вы так себя станете понуждать, то и Бог вам поможет. Это станет для вас святым навыком — чтобы молитва, едва вы откроете глаза, была у вас весь день на первом месте. После этого вы будете трудиться и при этом говорить молитву. Тогда будут освящаться и благословляться труд, уста, язык, сердце, место, время, а прежде всего — человек, который произносит Имя Божие. И в дальнейшем, вооруженный молитвой, некоей Божественной силой, он станет неуязвимым для бесов, поскольку их полаяет и прогоняет Иисусова молитва».

* * *

Так, согласно наставлениям Старца, мы и начинали. Там была пустыня, никого рядом не было, и мы громко читали Иисусову

молитву. Лишь только мы открывали глаза — давай, давай! Мы исполняли послушания, ходили с поручениями, таскали туда-сюда грузы — молитва «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» творилась непрерывно.

И в самом деле, польза была огромной. В душе была такая радость, такое умиление, было столько слез, что не передать. Часто от устной Иисусовой молитвы приходила такая благодать, что мы чувствовали в себе обилие Божественной любви, сильное восхищение ума. И во время послушаний ум каким-то удивительным образом пребывал не просто в молитве, но в созерцании Бога, в созерцании — осязательном — иного мира.

То же происходило со мной, когда я толкал в спину Старца, чтобы помочь ему добраться ночью до церкви. Из-за своей болезни, водянки, он не мог карабкаться по крутым горным тропинкам. На спуске мы его поддерживали, а на подъеме — толкали. Часто бывало, что я подталкивал Старца сзади и при этом словно не был рядом с ним. Конечно, все это совершалось по его молитве. Ум мой был в другом месте. Он обходил дозором горнее, а потом я вновь приходил в себя и чувствовал, что нахожусь со Старцем и отцом Арсением. А затем вновь ускользал. Размышляя, я говорил себе: «Так вот какова духовная жизнь! Как величественно монашество! Что оно делает с человеком, как его преображает и изменяет! Сколь легким и духовным становится ум, как он преодолевает трудности и достигает тех пределов, о которых уже ничего не может передать словами!»

* * *

Какую бы работу мы ни делали, Старец взывал к нам: «Говорите, чада, молитву. Говорите ее громко!» Естественно, это значило не орать, но сдержанно, кротко произносить Иисусову молитву вслух. Иногда мы говорили ее и шепотом, чтобы не было шума, чтобы сильно не беспокоить ближнего, не беспокоить брата. Но совсем мы ее никогда не прекращали.

О нас говорили, что мы в прелести, нас называли тщеславными из-за того, что мы говорили Иисусову молитву громко. Но мы делали так не для того, чтобы нас слышали другие и похвалили за это, не для того, чтобы показать себя молитвенниками. Просто это был метод, способ подвижничества, приносивший большие результаты.

Во-первых, от Имени Христова освящается воздух и скулят бесы.

Во-вторых, когда кто-нибудь молится таким образом, другому нелегко будет подойти к нему, чтобы попраздновать. Он задумается, хорошо ли сейчас прервать молитву и начать говорить о том о сем? И поймет, что молящийся не уделит ему внимания.

В-третьих, прекращается празднование ума. Ведь даже если ум и отвлечется, очень скоро звучание молитвы привлечет его назад.

В-четвертых, тот брат, который мечтает или попраздновать, может опомниться и сказать себе: «Вот, этот человек молится, а я что делаю?»

Таковы плоды устного призывания Имени Божия, если, конечно, мы не нарушаем тишину и покой, произносим молитву спокойно, негромко. Имя Христово слышится, как гудение пчел, когда они вылетают и залетают в улей и делают мед, столь нужный и полезный. Так и у нас, когда мы, словно иные, духовные, пчелы, говорим в голос Имя Христово, получается как бы мед, столь полезный духовно.

* * *

А затем из устного призывания Иисусова молитва становится внутренней. Уму открывается путь внутрь, так что после этого человек творит молитву, не прилагая усилий. Он просыпается — и сразу Иисусова молитва начинается сама собой! Вначале приходится прикладывать старание, чтобы говорить ее. А когда он продвинется по этому пути, когда бульдозером устного призывания проложит для ума эту дорогу, тогда он свободно едет по ней на своем автомобильчике — уме. И молитва начинает свободно произноситься умом. А если человек продвигается глубже и успешней, что свойственно великим отцам-исихастам, то в сердце его открывается уже не обычная дорога, а проспект. Когда единственной заботой сердца является Имя Христово, тогда совершается великий праздник, на котором бывает большая торговля, с огромной выгодой, с большими духовными приобретениями. Человек становится богачом. Но начинается он как мелкий торговец. Поэтому-то и необходимо устное призывание.

Итак, мы не обращали внимания на то, что нас не понимали другие, и продвигались по нашему пути. Если бы мы не прилагали усердия к устной Иисусовой молитве и не соблюдали молчания, наш ум бродил бы по всем переулкам и приносил бы всякий мусор. Если бы мы не нашли этого великого Старца, то читали бы только службы. Так один бесноватый, как-то раз придя к нам, кричал: «Ступай на вечерню, брось четки!» Сам бес проговорился, какой сильной может быть наша беседа с Богом. Поэтому исихастская жизнь, то есть четки с поклонами, с Иисусовой молитвой, намного выше, чем церковное псалмопение. Церковная служба, с тропарями и всем остальным, хороша, но с Иисусовой молитвой не сопоставима. Поэтому мы и ложились рано спать и просыпались на закате солнца, чтобы всю ночь посвятить Иисусовой молитве⁴².

* * *

Я, поскольку обычно рядом со мной никого не было, говорил молитву в голос. И говорил непрестанно, так что у меня болело горло. Я сказал Старцу:

— Старче, от молитвы у меня болит рот и язык, опухло горло. Я не могу вздохнуть: у меня болит сердце. У меня в горле как будто рана, скоро будет язва.

⁴² Хотя службы исключительно полезны для нашего духовного исцеления, они не так успокаивают страсти, как умная молитва. Тому есть три причины. Во-первых, творя умную молитву, ум не отвлекается на множество слов, как это бывает на службах, но сосредотачивается только на немногих словах. Таким образом сердцу удобнее понять и почувствовать то, что говорит ум. Во-вторых, Иисусову молитву каждый может произносить независимо от образования и духовного уровня. Здесь не требуется ни владеть искусством чтения, ни владеть искусством пения, ни знать устав. Эта молитва непосредственно доступна всем. И в-третьих, Иисусову молитву можно творить целый день и где бы то ни было. Не существует места, времени или состояния, когда было бы невозможно молиться. В церкви ли ты, в своей ли келии, на работе ли, в больнице или в тюрьме — ничто не препятствует Иисусовой молитве, и она освящает все. Таким образом мы уподобляемся слепорожденному, который кричал из глубины сердца: *Сыне Давидов, помилуй мя!* (Мк. 10, 46–52) — *Прим. греч. ред.* Под церковными службами здесь подразумеваются службы суточного круга богослужения: вечерня, повечерие, полунощница, утренья, часы.

— Пусть будет. С тобой ничего не случится. Терпение! Молитву не прекращай! Говори ее. Пусть болит! Боль принесет духовное наслаждение. Если не будет боли, плода молитвы ты не увидишь. Эта молитва тебя спасет. Она тебе поможет. Она тебя утешит. Она тебя научит. Она станет для тебя светом. Взывай и восклицай! Утверди ум, разум не на внешнем, а на внутреннем. Не слова и теории, проповеди и многие хлопоты, но трезвение и молитва со смирением. В этом суть, таков святоотеческий путь, таковы заповедь и наставление наших дедов. Испытай это на деле. Ибо если у тебя не будет практики, как ты будешь говорить о теории?

— Буди благословенно. Но при вдохе и выдохе у меня болит сердце⁴³.

— Ничего с ним не случится!

Когда я говорил Иисусову молитву и старался исключить всякую мысль и всякий образ, чтобы во мне господствовала лишь эта молитва, приходило искушение. Помысл мне говорил: «Ты сейчас лопнешь от натуги». Я отвечал: «Пусть я лопну, пусть я на кусочки разорвусь. Но биться будем здесь. Это как дважды два четыре».

* * *

Первым в Иисусовой молитве был Старец. Целый день он нам напоминал: «Держите молитву! Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Эта молитва вас спасет. Имя Христово вас просветит, вам поможет, восполнит все, чего вам недостает, вас возрастит, станет для вас всем. Если вы не говорите эту молитву, это означает, что вы не положили доброго начала».

Все учительство Старца состояло в том, что он нас побуждал, подталкивал, наставлял, напоминал и следил за тем, чтобы мы помнили Бога посредством молитвы, умного делания, и посредством

Божественная литургия не входит в число тех церковных служб, о которых здесь говорится. Поэтому в общине Старца Иосифа, в то время как все службы суточного круга совершались по четкам, Божественная литургия совершалась всегда, когда была такая возможность.

⁴³ По всей видимости, речь идет о практике умной молитвы, когда слова «Господи Иисусе Христе» произносятся на вдохе, а «помилуй мя» — на выдохе.

исихастского метода боролись со злом. Обучая нас обязанностям монаха⁴⁴, он придавал большое значение этому практическому методу умной молитвы.

Поскольку его собственная жизнь была сплошным понуждением себя к молитве, он настаивал на том, чтобы и мы понуждали себя, сколько можем. И все это ради того, чтобы глубоко утвердить в уме и сердце Имя Господне, которое есть краеугольный камень всего духовного строения. Старец мне говорил: «Если ты возьмешь себе послушника, не учи его ничему, кроме молитвы. Молитва даст ему и благоговение, и устремленность к Богу, и внимание, и исповедь, и готовность к послушанию — все это ему дарует молитва».

Вся наука Старца состояла в том, чтобы мы вдыхали и выдыхали Имя Христово. Чтобы на нашем бдении мы часами сидели, низводили ум в сердце и дышали молитвой «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!»

Не знаю, есть ли сейчас такие люди (их, наверное, можно пересчитать по пальцам), которые и сами так трудятся, и других учат этой богопросвещенной, спасительной науке, действительно обновляющей, воссоздающей и исцеляющей душу молящегося. Душа человека, и особенно монаха, остается больной, если эта наука ему известна, но не применяется на деле.

* * *

Бывало, что, когда я молился, ум не встречал абсолютно никакого препятствия и, как пуля, с невообразимой и непостижимой скоростью летел ввысь и прикасался к тому, что превосходит вещественную природу. А иногда я чувствовал, как молитва не может подняться выше потолка. Недоумевая об этом, я спросил Старца:

— Старче, иногда бывает, что у меня не получается молиться, мой ум не может подняться выше крыши келлии. Почему так? Почему я чувствую это препятствие?

⁴⁴ Под «монашескими обязанностями» в греческой монашеской терминологии подразумевается прежде всего исполнение келейного правила, состоящего из чтения Иисусовой молитвы по четкам и земных поклонов. Обычно в состав келейного правила входит также чтение Священного Писания и аскетических поучений святых отцов. В данном случае отец Ефрем говорит, что Старец Иосиф монашеской обязанностью считал непрестанную Иисусову молитву и, в частности, упражнение в умной молитве.

— Это бесы, дитя мое, которые невидимо находятся рядом. Это они препятствуют тебе по попущению, по домостроительству Божию, ради науки, которой, возможно, тебя обучает Бог для твоей опытности.

И еще он мне говорил:

— Дитя мое, посмотри, как поступает моряк. Когда дует ветерок, он без труда идет вперед под парусами. Однако если случится безветрие, штиль, он берется за весла. И тогда он трудится, потеет, но все же продвигается вперед. Так и мы. Когда приходит благодать Божия, тогда Иисусова молитва говорится сама собой. Однако когда, по домостроительству Божию, благодать удалится, мы должны взяться за весла, подвизаться, показать наше произволение.

* * *

Старец был очень строг. Он хотел сделать своих послушников достойными монашеского звания. И поэтому говорил мне: «Дитя мое, дело не в том, чтобы уйти из мира и где-нибудь постричься, надеть рясу, принять схиму и тем самым как бы стать монахом. Нет, дело не в этом. Монахом будет тот, кто уйдет из мира, найдет наставника, останется жить с ним, храня ему верность, и почувствует молитву. Если он не почувствовал молитвы, если он не имеет ее внутри себя, если он не приобрел непрестанной молитвы, то он не монах. Если он не молится постоянно или не старается хотя бы приблизиться к этому, то нельзя и подумать, что это монах, монахом он не стал. Внешне — стал, а внутренне — нет.

Человек двояк: он состоит из внешнего и внутреннего, тела и души. Он одевается и снаружи и внутри. И обнажается снаружи и внутри. И питается вещественной пищей и духовной. Если человек не изменится внутренне, то наружность — это ничто. Не очищайте наружность чаши, оставляя ее внутри немытой. Вымой чашу изнутри — и снаружи она будет чистой. Вымой себя внутри, наведи порядок внутри себя, в помыслах и во всем остальном — и увидишь, что и внешние твои действия будут правильными».

Так слово Старца укрепляло нас в подвиге молитвы.

* * *

Он нам также говорил: «Когда человек станет усердно заниматься молитвой и немного преуспеет в ней, поначалу призывая

Имя Иисусово вслух, тогда ум начнет постепенно избавляться от парения, от рассеяния во все стороны. Ибо от устного призывания он уже почувствует сладость молитвы. Ум в этом состоянии начинает овладевать Именем Христовым. Насколько уменьшается парение, настолько молитва делается достоянием ума. А когда ум приобретет всю молитву, тогда начинает открываться сердце и принимать низводимую в него молитву. Спустя годы, после всеобъемлющего понуждения себя, то есть понуждения всего себя на все подвиги аскезы, сердце принимает всецелую молитву и занимается ею непрестанно. Тогда возникает особое сердечное состояние: сердце по-царски овладевает молитвой и владычествует над страстями. Господствует некий мир⁴⁵ и подчинение всего правлению Христову, Который царствует посредством Своего Божественного Имени».

* * *

Согласно правилу святых отцов и нашего Старца, молитва была главной заботой братии. И Старец, и все братья старались творить молитву непрестанно. Занятие умной молитвой было долгом послушания. Молитва была авангардом, оружием, щитом, была фундаментом, залогом того, что продолжение воспоследует. То есть в будущем должна была укрепить братию своими плодами. Иисусова молитва была для нас первостепенной добродетелью и целью жизни.

* * *

Как-то Старец сказал одному из братьев нашей общины:

— Говори, дитя мое, молитву. Я не слышу, чтобы ты ее говорил.

— Ну, Старче, неужели теперь, после стольких лет монашеской жизни, я буду говорить ее вслух? Мне стыдно.

— Стыдишься, что ты, будучи монахом столько лет, будешь говорить молитву вслух? То есть что ты как бы опустишься на ступеньку ниже в духовном смысле? Потому что молитва вслух тебе кажется способом для новоначальных, а ты считаешь себя продвинутым? Позор тебе! Это тщеславие и гордость! Стыдно должно быть тогда, когда мы не говорим молитву, когда ум наш блуждает там и сям, когда рот наш совсем не закрывается от

⁴⁵ Εἰρήνη.

разговоров. Разве не это стыдно? Вот что стыдно! И в глазах Бога, и в глазах людей.

* * *

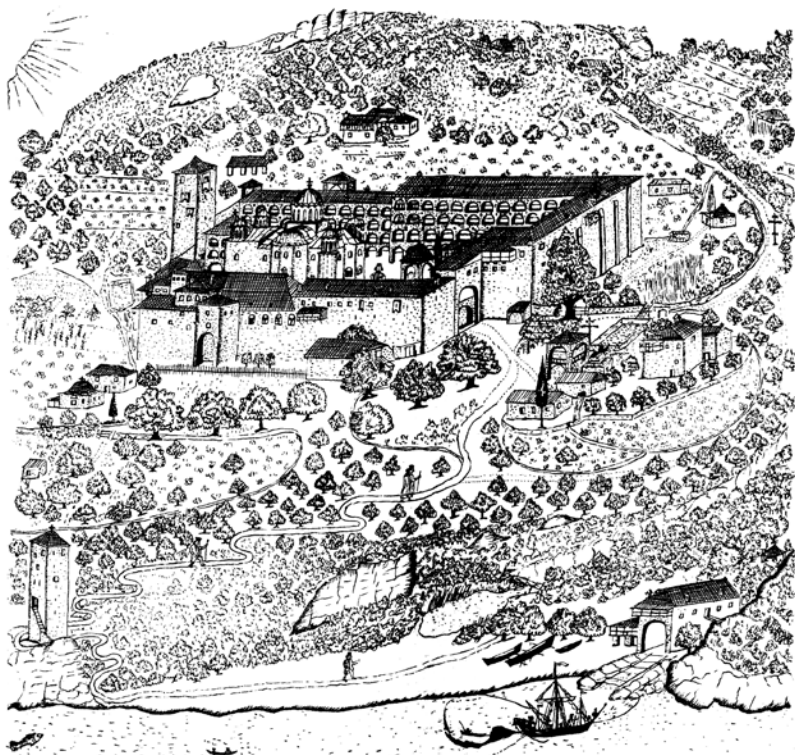
Некий брат творил Иисусову молитву непрестанно. Его ум и сердце желали извещения о природе всего сущего и о сладости рая. И хотя благодать Святого Духа бывала с ним по временам, однажды она посетила его особым образом. В один из дней, после долгого устного призывания Имени Христова, внезапно он пришел в восхищение и, когда вскоре упразднились его телесные чувства, он осознал, прочувствовал язык, которым творение славословило Творца. Глаза этого брата, как душевные, так и телесные, открылись настолько, что он стал видеть все совершенно иначе. Но как именно, этот человек объяснить не мог даже самому себе и не мог это описать хотя бы в малейшей степени. Все, что он видел и слышал, было каким-то странным, связанным со сверхъестественным. Поющие птички, распустившиеся цветы, цветущие и благоухающие деревья, солнце, сияющий день — все они говорили о Славе Божией. Брат видел это, как если бы видел рай. Совершилось откровение, некое приоткрытие, явление некоего таинства, которое столь сокрыто от нас, что мы не видим обычными глазами этих духовных реальностей. *Всякое дыхание да хвалит Господа!* (Пс. 150, 6) Как животное царство, так и растительное говорили о славе, о величии, о красоте и великолепии Бога. Брат удивлялся, изумлялся, но не мог говорить. Глаза источали слезы — не из-за грехов, а из-за красоты Божией. Как могло сердце вынести это откровение прекрасности Божией?! Но ведь и для Адама весь рай был неким созерцанием, одним из созерцаний Бога. Радовался его дух и веселился, когда он вникал во всякое создание и слышал его голос, воспевающий Бога.

Подобное случилось однажды и со святым Нектарием Пентапольским⁴⁶. Когда он пребывал в своем монастыре на острове Эгина, монахини попросили его истолковать, что значит стих «Всякое дыхание да хвалит Господа». Он ответил: «Я вам объясню, подо-

⁴⁶ Свт. Нектарий, епископ Пентапольский, Эгинский чудотворец (1846–1920) — один из самых почитаемых святых Греческой Церкви.

ждите». И однажды ночью, когда они совершали бдение во дворе и святой чуть-чуть отошел от них, чтобы самому творить молитву, монахини на какое-то мгновение сверхъестественным образом, так что не могли этого объяснить, услышали, почувствовали, ощутили все творение рокочущим в едином дыхании единым гласом. Только тогда они поняли, как истолковываются слова «Всякое дыхание да хвалит Господа». Все творение единым дыханием хвалило Господа, Творца и Создателя своего!

Старец учил нас Иисусовой молитве и говорил: «Без Иисусовой молитвы, без трезвения, без усердия, без порядка, без такого священного отношения к порядку, какое у нас есть к Евангелию, мы не сможем приобрести ничего из того сокровища, о котором говорят отцы-исихасты».

Глава шестнадцатая

ДУХОВНЫЕ ПЛОДЫ

Наш труд состоял в многочасовом бдении, молитве по четкам, поклонах, чтении, созерцании, исповеди, искреннем откровении помыслов, а также в рукоделии и других работах. По субботам и воскресеньям у нас была Божественная литургия и мы причащались⁴⁷. Молчание — полное, совершенное. Особенно мы, молодые, совершенно не дерзали беседовать между собой, не было и следа празднословия. Все это стало для нас краеугольным камнем. Наша жизнь была освященной, прекрасной с духовной стороны. И воздаянием за эти труды, конечно по молитвам Старца, была благодать.

* * *

Мы старались строго соблюдать наказы Старца об Иисусовой молитве вслух, о внимании к помыслам, о молчании. И что в результате происходило? Если брат все это соблюдал, можно было видеть, как он орошал землю слезами, даже когда шел по естественной нужде. Он шел спать — и сон не брал его из-за слез. Только он открывал глаза — память смертная становилась у изголовья. Чем бы он ни занимался, ум внимал духовному. Вот плод послушания!

⁴⁷ Данный отрывок описывает жизнь общины во время Великого поста. Поэтому здесь говорится о Божественной литургии по субботам и воскресеньям, согласно великопостному уставу.

Итак, прилагал ли этот человек труд, когда плакал, когда текли слезы? Нет. Эти слезы, бывшие, в сущности, духовным веселием, приходили потому, что человек не мог удержать внутри себя благословения Божия. Или, скорее, не мог скрыть созревшего плода, принесенного трудами послушания.

Я помню, что, когда я был новоначальным, изредка приходили письма от моей матери. После того как послание проходило цензуру Старца, он мне говорил: «Возьми-ка, почитай его и ты». И прибавлял: «Напиши ей пару слов». И я писал: «Мы здесь, мама, не умываемся водой. Мы умываемся слезами. Плачем — и так омываем свои лица».

* * *

Я никогда не забуду случившееся со мной очень страшное⁴⁸, исключительное происшествие, бывшее, конечно, по молитвам Старца Иосифа.

Я был тогда еще послушником — в годы беззаботности, о которых часто вспоминаю. На первой седмице Великой Четыредесятницы мы жили отдельно друг от друга. Из-за усиленного подвига, из-за многих трудов я очень исхудал и ослаб, сильно болело в груди. В пятницу я вышел в пустыню, на скалы, один и собирал траву.

Я говорил Иисусову молитовку вслух, когда вдруг услышал некое тихое псалмопение, почувствовал радость и у меня случилось, не знаю как, некое восхищение ума на Небо. Конечно, Божественное не передается человеческим языком. Вот все, что я могу сказать немногими словами: ум мой был захвачен, и я оказался в ангельском месте, посреди ангельских чинов, конечно, без тела, одной душой, одним умом. Там ангелы пели вокруг Престола Божия, и я тоже славословил Бога. Я пришел в то состояние, которое бывает, когда человек умирает и душа его идет на Небо, когда мы переходим в иную жизнь. Я пребывал в каком-то изумлении, в неизреченной радости.

Это состояние длилось немногие минуты. Это было такое наслаждение, радость и блаженство, что если бы оно продолжалось

⁴⁸ Слово «страшное» употреблено здесь в значении «великое, приводящее в трепет».

хотя бы десять минут, то вряд ли я сохранил бы рассудок! То есть, рассуждая по-человечески, вряд ли моя душа осталась бы во мне, что-нибудь случилось бы со мной, столь крепкой и сильной была благодать, сладость, блаженство, извещение иной жизни. Сейчас мой ум в замешательстве, и если я буду его принуждать сказать, что в точности со мной происходило, я только его утомлю. Это было неимоверно!

Поэтому говорят, что человеческое естество не может вынести сверхъестественного. Поэтому апостол Павел открывает нам: *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9).

Я думал о том, что эта благодать часами и днями пребывала с великими отцами, потому они и не ощущали усталости, молясь всю ночь. Так святая Ирина Хрисовалантская⁴⁹ воздевала руки в молитве на закате солнца, а сестры опускали их ей на следующий день, когда Бог освещал и согревал ее лицо.

Боже мой! Что это было? Я на одно мгновение стал другим человеком. А представьте себе, каково будет в иной жизни, если в этом состоянии человек останется навечно! Поэтому апостол Павел сказал: *Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18). Скорби, искушения, лишения — что бы ни претерпел человек ради любви Божией, все это совершенно не стоит вечных благ, уготованных Богом для претерпевших, и не может быть даже сопоставлено с ними.

Я был послушником, когда со мной произошел этот страшный случай. Я не был пустынножителем. Я жил со Старцем, имел заботы, терпел наказания. Ох как наказывал меня Старец! Нынешним послушникам даже во сне такое не может привидеться. Однако именно этот труд даровал мне такую благодать Божию.

Конечно, все это было достоянием Старца, от которого немного перепало и мне. Это были его молитвы, имевшие силу низводить благодать Святого Духа. У него было великое дерзновение. То, что он говорил, сбывалось. Мы это видели постоянно: Бог его слышал

⁴⁹ Преподобная Ирина Хрисовалантская (или Каппадокийская) — святая IX в., игуменья Хрисовалантского монастыря в Константинополе. Ее память православные греки празднуют 28 июля.

Молодой монах Ефрем вырезает печати для просфор

и посылал Свои благословения. Все это было плодом его трудов. Он посвятил всего себя Богу и предал всего себя подвигу. Мы слышим, читаем о подвигах святых, которые совершались во время оно. Однако этот человек имел такую же благодать и в наши дни. И как апостолы познали Христа и Его чудеса, так и я, живя рядом с этим человеком, своими глазами видел и познал вещи, о которых мы читаем только в книгах.

Итак, кто понудит себя к послушанию, молитве, молчанию, к исполнению духовных обязанностей, к трезвению, тот соразмерно приложенным усилиям познает и благодать Божию, ибо *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8).

* * *

В один из дней я делал печати для просфор⁵⁰, и наступил час, когда нужно было остановиться, поменять воду, довести ее до кипения, погрузить в воду печать и затем пройти по ней по второму разу. В это время мы могли делать еще что-нибудь. И когда я продолжал говорить Иисусову молитву вслух, молитва Старца действовала таким образом, что я душой почувствовал себя так, как, должно быть, чувствовал себя Адам в раю до падения. Это было чем-то таким, чего никто не смог бы выразить. И достойно удивления, что я не говорил молитву умно, я говорил ее вслух, хотя и непрестанно. Я был один. Но если бы слышал рядом и другого брата, молящегося вслух, это мне помогало бы еще больше. Потому что, если бы я отвлекся и мои уста остановились, я, слыша его, начал бы молиться снова.

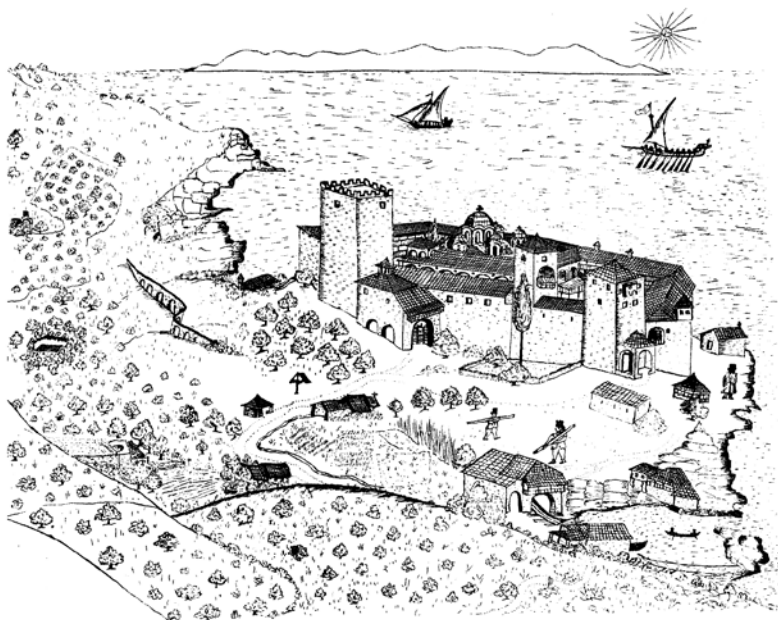
Несмотря на то что я был один, я исполнял наказ Старца о молитве вслух. Ибо мы верили, что его слова не пустые, но имеют значение и силу, и на основании этой веры исполняли его слова. Нас не волновало, рядом Старец или нет. Чаще всего его рядом не было. После 1953 года, когда мы переселились из Малого скита Святой Анны, мы видели Старца обычно лишь в полдень, когда приходили на трапезу, вечером, когда клали ему поклон, и когда брали его благословение, чтобы служить литургию.

⁵⁰ Речь идет о рукоделии, которым занималась община Старца Иосифа. Об этом подробно см. в главе XX «Наше рукоделие».

И все. Но, пребывая одни, мы как бы имели Старца рядом с нами, поэтому продолжали делать все, что должно.

Иисусова молитва не прекращалась, и помысл не мог нас обмануть и начать бродить там и сям. Почему? Потому что, раз Старец сказал, мы должны были слушаться. Вот я сам зачем пришел сюда? Если бы не пришел слушаться, то сидел бы в миру. И если я пришел не для того, чтобы стать монахом — не по внешности, не по черной одежде, но внутренне, тогда зачем я вообще сюда пришел? С какой целью? Чтобы делать что? Изучать ремесло? Что мне здесь изучать? Я пришел сюда, чтобы изучить искусство из искусств и науку из наук. Мы все пришли, чтобы стать учеными в духовном, в монашеском смысле, а не в мирском.

Все это — истина. И кто хочет вкусить истины, должен предать себя определенному труду ради нее. А если не потрудится, не найдет ничего. И речь не о том, чтобы немного потрудиться и потом остановиться, нет. Он должен продолжать. Главным образом, он должен понуждать себя, трудиться, сколько может, в Иисусовой молитве днем и ночью, вдыхая и выдыхая Имя Божие.

МОИ БОЛЕЗНИ

Как я уже говорил, я приехал к Старцу больным. В тех трудных условиях мое состояние вскоре ухудшилось, и появились признаки туберкулеза. У меня были боли в груди, боли в легких. «Ну вот, — сказал я себе, — дело идет к концу». Старец мне говорил: «Ну, дитя мое, я тебя постригу и провожу в иной мир, чтобы закончить дело, раз уж к тому все идет. Пошлем посылочку на Небо, к Богу. Ты не жалец, ты еле ноги таскаешь». Он не шутил. И начал готовить меня для иного мира. Стал рассказывать об умершем Иоанникии⁵¹.

Одновременно, однако, он делал все, чтобы я остался жив. Старец понимал мою немощь и разрешил мне готовить пищу для себя отдельно. Он дал мне также благословение употреблять оливковое масло и вино в течение многих месяцев, даже во время постов. Так было и с отцом Ефремом Катунакским, когда тот был на грани заболевания туберкулезом во время оккупации. Тогда Старец ухаживал за ним с большой отеческой любовью, давая ему в изобилии укрепляющую пищу, главным образом сыр. И отец Ефрем избежал опасности.

Видя, что мое состояние не улучшается, Старец, бывало, говорил мне: «Ступай, налови себе рыбки, приготовь ее и поешь».

⁵¹ Об о. Иоанникии см. во второй книге (глава VII. «В Малом скиту Святой Анны. Отец Иоанникий»).

Видя же, что я никак не могу поправиться, Старец посылал кого-нибудь в Дафни, чтобы купить мяса, и сам мне его готовил.

— Неужели я буду есть мясо?

— Да, будешь есть мясо. Закончится это — сам сходишь, купишь еще. И никаких разговоров. Держи деньги.

Я перестал есть мясо, только когда умер Старец.

Другие братья удивлялись тому снисхождению, которое мне оказывал Старец, поскольку знали, каким строгим он был по отношению к самому себе. Конечно, Старец считал необходимым труд поста для здоровых людей, но он обладал рассудительностью и оказывал снисхождение больным, придавая основное значение тому, чтобы человек имел страх Божий.

* * *

Старец вооружал нас своими наставлениями. Он все время говорил нам о смерти, рассказывал полезные для нас истории о смерти различных людей. Поэтому мы жили как странники. Но ведь мы и на самом деле странники в этом мире! И наш взор всегда был обращен к Небу, мы непрестанно думали о том, когда уйдем. Смерть мы превратили в ничто. Однажды я поднимался по тропинке, идя на литургию. Прямо на моем пути лежала черная змея, и я отодвинул ее посохом, который всегда держал в руках. Это была большая ядовитая змея, но мы не боялись ничего, даже смерти.

Я размышлял: «Обо что может споткнуться послушник, так что из-за этого попадет в ад? О своеволие, о преслушание, о прекращение». Иными словами, о то, что связано с послушанием. В таких согрешениях он может погрязнуть и не достичь Бога. Старец нас полностью погрузил в послушание. Он следил за всем, что мы делали. И я постоянно думал о том, что послушание должно быть совершенным, дабы мне не встретить препятствий, когда я буду проходить мытарства.

* * *

Когда я был послушником, меня ничто не заботило. Так однажды у меня образовался сильный нарыв, я был при смерти и если бы опоздал хоть на день с лечением, то сознание оставило бы меня и я бы скончался. Но Старец послал меня к врачам-практикам, и с по-

мощью пенициллиновой мази, которой обработали нарыв, с помощью трав и уколов я пришел в себя, остался жив. Поскольку от такого нарыва человек умирает обычно дня через три, скитские отцы говорили мне: «Легко ты отделался, Ефрем, одной мазью». Я не отвечал, ибо с почтением относился к отцам, но про себя думал: «Что вы говорите, отцы! Как хорошо было бы, если бы я умер. Ах! Лучше бы я умер сейчас, когда у меня есть Старец, когда со мной благодать Божия и когда я пребываю в послушании. Чего мне бояться? За что я был бы осужден?» У меня не было никакого беспокойства. К сожалению, я остался жив, чтобы взвалить на себя нынешнюю ответственность.

* * *

Всему, что говорил мне Старец, я верил как закону Божию, как заповеди Божией. Я говорил себе: «Это так и никак иначе». Когда я был новоначальным, у меня по этому поводу была брань с помыслами, как обычно и бывает. Но они не возмogli поколебать это мое правило. «Нет, — говорил я им, — у вас ничего не выйдет». Они напирали. «Здесь, — отвечал я, — мы с вами поборемся. Я не отступлю и флаг не опущу. Я буду держать его высоко. Приди и возьми!»⁵²

Старец, видя мои помыслы и мою борьбу с ними, как опытный военачальник, желая меня испытать, сказал:

— Ну-ка, как же ты справишься, доходяга? Ты весь просто надут помыслами. Ты посмотри, какая у тебя война! Не верится мне, что ты справишься.

Я расправил плечи и ответил:

— Старче, как дважды два справлюсь. Никакого отступления! По вашим молитвам — «приди и возьми!» Я брошу себя в огонь — и будь что будет. Нет — отступлению и поражению!

— Ну хорошо.

О чем было еще говорить? Старец услышал, что хотел. Видя мальчика-с-пальчик, который так говорит, он, наверное, подумал:

⁵² В греч. оригинале — «μολὼν λαβέ» — «приди возьми», легендарный ответ спартанского царя Леонида на требование посла персидского царя Ксеркса сложить оружие накануне битвы при Фермопилах. Этот ответ спартанцев стал крылатой фразой.

«Ну, может быть в нем и есть что-нибудь». И кажется, устроив мне это испытание, он определился, что ему со мной делать. Ведь для того чтобы победить, нужно решиться умереть. Тот, кто хотел остаться со Старцем, должен был подписать себе смертный приговор.

Немного времени спустя он сказал мне:

— Готовься, я тебя постригу в схиму. Ты только должен подписать себе смертный приговор. Какая бы болезнь с тобой ни приключилась, ты должен держать в уме, что только смерть разлучит тебя с этим местом. Не требуй тогда утешений, не требуй лечения. Ты готов умереть? Оставайся. Если нет — уходи.

После моего согласия: «Буди благословенно, Старче, смерть так смерть!» — Старец исполнил обещание и постриг меня в монахи 13 июля (по старому стилю) 1948 года. Постригал меня отец Ефрем Катунакский. Удивительно, что Старец Иосиф постриг меня в великую схиму через девять месяцев после моего прихода к нему. Обычный порядок требует, чтобы времени для испытания прошло, конечно, больше. Но опыт Старца превосходил общепринятые соображения и правила. Как теперь не торопятся постригать, так тогда это делали быстрее. Тогда все было иначе. Определения отцов исполняются в соответствии с временами и состоянием людей. Старец считал, что не следовало тянуть с моим постригом, следовало меня побыстрее и получше вооружить благодатью, подаваемой в нем.

Когда меня постригли в великую схиму, мы сделали пончики. Так у нас бывало и впредь.

ОТХОД ОТ ЗИЛОТОВ- СТАРОСТИЛЬНИКОВ

ВВЕДЕНИЕ К ВОСПОМИНАНИЯМ СТАРЦА ЕФРЕМА ОБ ОТХОДЕ СТАРЦА ИОСИФА ОТ ЗИЛОТСТВА

Восемнадцатого января 1923 года греческое правительство по политическим причинам — для более тесной интеграции с европейскими государствами — приняло решение о переходе Греции на новый календарь, принятый в Западной Европе.

Конечно, Церковь могла продолжать жить по старому богослужебному календарю. Однако Константинопольский Патриархат окружным посланием от 3 февраля 1923 года предложил Поместным Церквам также перейти на новый календарь. Вследствие этого Греческая Церковь 10 марта 1924 года решила привести церковный календарь в соответствие с гражданским, оставив при этом в неприкосновенности пасхалию. Это решение встретило многочисленные протесты верующих и вызвало церковный раскол, который не уврачеван до сих пор.

Когда эта беда потрясла Церковь, афонские монастыри преимущественно сохранили единство с ней, продолжая следовать при этом старому стилю. Но большинство монахов в скитах Святой Горы стали зилотами — так называли себя те ревнители благочестия, которые не согласились с решением Архиерейского Собора Греческой Церкви и отделились от нее. Старец Иосиф вместе со своей общиной присоединился к зилотам. Конечно, Старца подвигла на это ревность

о сохранении святоотеческого Предания, но, в отличие от многих афонских собратьев, он был свободен от фанатизма и поэтому остался открытым действием Промысла Божия.

В течение одиннадцати лет у греческих старостильников не было епископов. А без епископа нет Церкви. Однако в 1935 году митрополит Флоринский Хризостом отделился от епископата Греческой Церкви и присоединился к старостильникам. Его примеру последовали Герман Димитриадский и Хризостом Закинфский. Эти три епископа совершили хиротонию еще четырех епископов, среди которых был и монах Матфей Карпафакис из скита Святого Василия, сосед Старца Иосифа. Заразительная ревность и красноречие монаха Матфея увлекли не только множество афонских подвижников, но и немало мирских людей по всей Греции.

До 1937 года между старостильниками горячо обсуждался вопрос: как относиться к новостильникам, следует их считать раскольниками или нет? К тому времени они все еще не определились с ответом на него. Хризостом Флоринский понимал, что большинство верующих склоняется к старому стилю. Следовательно, можно было надеяться, что и Греческая Церковь вернется к нему, если зилоты будут занимать разумную позицию сдержанного протеста, не переходя в крайности. Поэтому он в своем окружном послании заявил, что Церковью-матерью для старостильников является Греческая Церковь и что от нее они черпают благодать, занимая при этом позицию протеста против ошибочного решения о календаре.

Но когда он, таким образом, официально заявил, что таинства у новостильников действительны, старостильники сразу разделились на два враждующих лагеря: на умеренных, последовавших за Хризостомом Флоринским, и на крайних, последовавших за Матфеем Карпафакисом, который утверждал, что таинства Церкви, перешедшей на новый стиль, недействительны.

Многие зилоты и на Святой Горе, и за ее пределами предавали Хризостома Флоринского анафемам и проклятиям. Старец Иосиф со своей общиной также написал ему послание, в котором, обвиняя его в признании таинств у новостильников, утверждал, что сам Хризостом ничем от них не отличается.

Однажды иеромонах скита Святого Василия отец Варфоломей, принадлежавший к флоринитам, посетил Старца Иосифа, чтобы

обсудить с ним вопросы движения старостильников. Но Старец не хотел разговаривать об этом. Он сказал: «Оставь это, иначе мы дойдем до обидных слов и только расстроимся». Отец Василий, однако, продолжал настаивать и принялся защищать свои взгляды. Тогда и Старец разнервничался и в резких словах высказался против флоринитов.

Позже, оставшись один в своей келлии и попытавшись успокоиться, он почувствовал, что как будто лишился части благодати и ему стало труднее сражаться с бесами. Он старался молиться и, когда наконец успокоился, лег спать. Тогда Бог показал ему сон, о котором Старец рассказал так: «Я очутился на обломке скалы, отколовшемся от Афонской горы. Его окружало море, и волны норовили его полностью скрыть. Я недоумевал: как я оказался в таком опасном месте? Объятый ужасом, я понял, что, поскольку скала отделилась от горы и предалась волнам, вскоре она погрузится в пучину и я утону, ведь волны начали уже перехлестывать через нее. Совсем рядом я видел огромную Афонскую гору, о которую разбивались все волны. И я подумал, что как только расстояние между мною и горой уменьшится, я перепрыгну туда, и тогда мне уже ничто не будет угрожать. Так при первом представившемся случае я перепрыгнул на твердую почву горы. И правда, вскоре тот маленький обломок скалы погрузился в море, а я с облегчением воскликнул: “Слава Тебе, Боже!” — и проснулся».

Старец Иосиф понял значение сна и начал сомневаться в правоте зилотов. А отец Ефрем Катунакский, когда молился об этом, получил извещение, услышав громкий глас: «В лице Флоринского епископа ты отверг всю Церковь». Из всего этого они поняли, что дела обстоят не так, как о них говорят люди, и что таинства у новостильников действительны. Тогда они решили в письме попросить прощения у Хризостома Флоринского. Старец написал письмо, и все в его общине вместе с отцом Ефремом Катунакским под ним подписались. При этом один известный зилот, отец Антоний Калаидзис, который должен был отвезти это письмо и вручить Флоринскому митрополиту, предложил сделать в конце приписку: «Мы видим в Вас с Вашей паствой Православную Церковь». Все подписали и это и отдали письмо Калаидзису. Хризостом ответил, что простил их.

О том, что было после отправки этого письма, рассказал отец Ефрем Катунакский: «Был вечер вторника, когда ко мне пришли по-

мысли осуждения Старца. Я вспомнил то письмо, которое мы написали Флоринскому митрополиту, и подумал, что не согласен со Старцем. То есть я сказал в своем помысле: «Мы подписями заверили Хризостома в своей лояльности, но ведь завтра обстоятельства могут сложиться так, что мы присоединимся к монастырям и станем почитать Вселенского Патриарха (как впоследствии и произошло). Тогда, справедливости ради, мы должны будем отозвать свое письмо Хризостому. Мы не должны были так писать, надо было сказать только: Владыко, простите нас, мы ошиблись — и ничего более».

В субботу я пошел к Старцу служить литургию. Старец, как только меня увидел, сказал:

— Отец, что-то в твоей душе отделяет тебя от меня. Не отделяйся от своего Старца, не отделяйся от меня!⁵³

Со вторника до субботы я успел забыть об этих помыслах.

— Старче, я не помню ни одного помысла, который отделял бы меня от тебя.

— Лишь только я тебя увидел, моя душа сразу почувствовала, что какой-то твой помысл отделяет тебя от меня.

— Старче, я ничего такого не помню.

— Вспомни, — сказал Старец. — Перебери в своей памяти все, о чем ты недавно думал.

Я отслужил литургию. Утром после трапезы я поднимался по тропинке от Малой Анны к себе. И, поднимаясь, старался вспомнить обо всем, что занимало меня в последние дни. Наконец вспомнил о помысле, который неким образом отделял меня от Старца. Я вернулся назад и со слезами попросил прощения у Старца Иосифа. Так у нас все восстановилось».

* * *

Старец оставался умеренным зилотом до 1950 года. 13 (26) марта 1950 года было выпущено новое окружное послание, подписанное Хризостомом Флоринским и еще тремя старостильными епископами. Я его прочитал Старцу, сам он отказался его читать, при том что все еще считался зилотом. В послании, кроме прочего, заяв-

⁵³ Старец Иосиф обратился к отцу Ефрему более строго, отчужденно, потому что духовный сын сам отдалился от отца.

лялось: «Таинства новостильной Греческой Церкви недействительны! Миров у нас свое собственное. Официальная Греческая Церковь — раскольническая. Все, чему мы учили по этому вопросу устно и письменно ранее, недействительно». То есть все сказанное ими раньше: что наша Церковь имеет благодать, что они являются, так сказать, Церковью-дочерью и строго следуют канонам, чтобы побудить Церковь-мать вернуться к старому стилю — все это отменялось и вместо этого по данному вопросу предлагалось новое учение. Когда я это читал, скажу вам откровенно, у меня мурашки побежали по коже. Мне казалось, что тот, кто писал это послание и возглавлял их собор, — палач.

Была ночь. Старец только что закончил молитву, когда я пришел к нему, рассказал о послании и прочитал его.

— Старче, вот что говорится в окружном послании.

— Хватит! Уходим от них! — сказал Старец. — Они окончательно заблудились. Не может это быть истиной Божией. Мы должны присоединиться к монастырям. Но сначала мы помолимся и посмотрим, что скажет нам Бог. Итак, отцы, за молитву! Да откроет нам Бог, как быть, чтобы не совершить ошибки. Что нам Бог откроет, то мы и сделаем.

Старец и все мы приступили к посту и молитве, молитве и посту. Мы постились три дня, не ели ничего, только воду пили.

Через три дня Старец затворился на всю ночь в своей келии и предался слезной просительной молитве, а мы снаружи ожидали, что он нам изречет. Мы ждали его выхода из келии, как евреи — спуска Моисея с Синайской горы. До этой молитвы Старец не принимал окончательного решения. После молитвы ему было видение. Он вышел к нам и сказал:

— Елицы вернии! Извещение таково: мы присоединяемся к монастырям. Такова истина. Зилоты — в прелести!

Он говорил так, несмотря на то что сам до тех пор был зилотом. Все мы до тех пор были зилотами: старец Арсений, отец Афанасий, я, отец Иосиф Младший, отец Ефрем, зилот из зилотов, и отец Никифор-крикун. Но поскольку Старец Иосиф никогда не был фанатиком и никогда не следовал чему-либо по страсти, он видел, что открывшееся ему — православно.

— Старче, что ты видел?

— Сейчас я вам этого не скажу. Но это верное извещение. Сто процентов. Вопрос закрыт. Мы присоединяемся к монастырям.

Вскочил отец Афанасий:

— Я не буду поминать Патриарха! Он еретик!

Отец Арсений подошел сзади к Старцу и сказал:

— Старче, многие прельстились, и даже великие святые прельщались.

— Отец Арсений, вот эта дорога ведет туда, а эта — сюда. Выбери любую: или подчиняйся, или уходи. Иначе не получится. Я поступлю, как сказал.

— Старче, мне тяжело на это решиться.

— Отец Арсений, это как дважды два. Собирайся и уходи.

Мы все остоленели. Как только отец Арсений это услышал, он сразу сказал Старцу:

— Прости! Прости!

А отец Афанасий принялся возражать:

— Но ведь...

— Ты, отец Афанасий, бери свою торбу и ступай в Лавру. И скажи им, что мы подчиняемся монастырю и Патриархии. Потом вы все пойдете и запишетесь в официальный список. Давай! Закончим с этим. Вы возьмете удостоверение, и мы станем монастырскими. Таков путь Божий. Старостильники сошли с этого пути. Ты только посмотри: осуждают таинства как не имеющие благодати! И всех отправляют в ад!

Ведь тогда старостильники начали говорить, что все несогласные с ними попадут в ад.

Итак, отец Афанасий пошел со своей торбой в Лавру. По дороге его мучили помыслы. Он думал: «Неужели Старец прав? Ошибается он или не ошибается?» Утомившись, отец Афанасий присел отдохнуть и заснул. А во сне увидел нечто и через это убедился в правоте Старца. Он сразу возвратился назад и с жаром сказал:

— Старче, я с тобой и слушаюсь тебя! Все, что ты мне скажешь, я сделаю. Я согласен поминать Патриарха. Я увидел, что такова воля Божия.

Что же он увидел? Я тогда был мал и не расспросил его об этом. Мы действительно пошли в Лавру, выписали себе удостоверения. Мы все урегулировали, и после этого нам было очень хорошо.

Но многие зилоты соблазнились тем, что Старец изменил свою позицию, и принялись его ругать. Старец Никифор, по своему обыкновению, кричал, но Старец Иосиф не отступал ни на шаг. Даже отец Ефрем Катунакский сказал:

— Старче, будь осторожен, ведь святые отцы говорили, что в последние дни прельстятся даже избранные.

— Отец, если не хочешь служить, уходи! Ступай к своему Старцу.

Старец не слушал никого, потому что имел верное извещение от Бога. Споры тут были неуместны.

У нас, молодых, не было никаких возражений. Старец сказал «да» — значит, да. Сказал «нет» — значит, нет. У меня не возникло никаких вопросов и сомнений в правильности решения Старца. Я не колебался. Трое старших, у которых, возможно, и было право на собственное мнение, высказывали свои сомнения. Но я и отец Иосиф Младший были совершенно спокойны и согласны со Старцем.

* * *

Позже, когда отец Харалампий пришел к нам и стал членом нашей общины, Старец, чтобы помочь ему понять это решение, очень тактично объяснил ему наедине, в чем состоит заблуждение зилотов. Он ясно показал, что они, говоря о недействительности таинств в Греческой Церкви, хулили Святого Духа. Старец обратил внимание отца Харалампия на то, что одной аскетической жизни недостаточно для спасения, требуется еще и православная вера. Тогда и отец Харалампий начал мало-помалу понимать, как в действительности обстоят дела. Он нам рассказывал: «Тогда я вспомнил, во-первых, что благодать Божию я познал у новостильников, когда был еще в миру. Я вспомнил, что благодать была и у моих друзей и знакомых, следовавших новому стилю. Во-вторых, я тогда вспомнил и один случай из моей мирской жизни, когда я был крайне фанатичным старостильником. Один новостильный священник пришел отслужить в нашем доме водосвятный молебен. И я, будучи фанатиком и веря, что таинства новостильников безблагодатны, прогнал его. “Но, дитя мое, — сказал этот священник, — у нас тот же самый Крест, все то же самое, наши таинства

действительны». Но я не стал его слушать. И затем в течение всего дня у меня было бесовское смущение и дрожь, я скорбел в душе, но как мирянин не мог объяснить и понять причину всего этого. Когда я поведал о том случае Старцу Иосифу, он сказал мне, что и сам пережил нечто подобное, когда прогнал одного иеромонаха, не принадлежавшего к зилотам».

В то время навел нас и мой бывший духовник отец Ефрем. Старец его спросил:

— Скажи мне, отец, правда, что это окружное послание выпущено Синодом?

Отец Ефрем опустил голову и ответил:

— Не следовало выпускать такое окружное послание. Оно неправильное.

— Значит, отец мой, совершена ошибка, так ведь? Совершена ошибка. Мы сбились с пути. Итак, мы сами должны теперь позаботиться о себе.

* * *

Позднее Старец открыл нам, каким было известившее его видение. Во время молитвы он увидел прекрасную, залитую светом церковь. Из нее выходили разные люди. Во дворе они ругались и кричали друг на друга.

— Я прав! — кричал один.

— А я правее тебя! — кричал другой.

— Это мы — Церковь! — кричал третий.

И Старец нам объяснил:

— Это показывает, что, хотя люди и ругались, они принадлежали к одной Церкви. У них одна вера, у них есть благодать. Но у них нет свободного духа и святости. Потому они и ругались.

Церковь может совершить какую-нибудь ошибку: поменять календарь, еще как-нибудь ошибиться, — но все могут спастись. То есть, кроме догматических, бывают и другие отличия. А мы ныне ругаемся, поскольку нет у нас просвещения и святости великих отцов. Поэтому-то мы и не оказываем снисхождения. Святые отцы, однако, проявляли снисхождение — на какое-то время, в зависимости от конкретного случая, — а затем опять возвращались к строгому соблюдению канонического строя.

Старец не был пристрастным человеком, он был свободен. Если у человека нет упрямства, фанатизма, если он свободен, то он сможет увидеть собственную ошибку и согласится ее исправить.

* * *

Благодать Божия посещает святых людей и извещает их об истине. Кто попало не получает извещений. Когда разнеслась весть, что Старец Иосиф Пещерник присоединился к монастырям, стали говорить: «Бог известил его об этом. Этот человек беседует с Богом. Он получил от Бога извещение. Значит, вот какова истина».

Некоторые зилоты-фанатики, те, у кого зилотство было по страсти, начали нас ругать. Особенно же поносил нас самый ученый из них: «Э-э-э! В прелесть впал отец Иосиф Пещерник!» Он строил из себя самого грамотного и много чего говорил против нас, он объявил Старцу настоящую войну. Но Старец никогда не осуждал этого человека. Нам Старец говорил: «Мы не будем спорить. Мы будем заботиться о том, чтобы совершать бдение, молитву, и пусть о нас говорят что хотят. Бог да простит их». И мы ни с кем не вступали в спор. Мы не оборонялись, видя, что Старец молчит.

Но в итоге победа оказалась за Старцем. Когда он представился в преподобии и святости и мы, его чада, удостоились приобрести общины в монастырях (тогда это были единственные многочисленные братства на Святой Горе), тот человек сам был вынужден признать: «Вот это да! Какие монахи! Сколько добродетельных чад! Отцы, мы должны признать правоту Старца Иосифа Пещерника. Ведь не может гнилой корень произвести такие плоды — такие замечательные общины. По плодам познается дерево. Следовательно, мы ошибались, а Старец Иосиф был прав».

Наши братства были исключением на Святой Горе. Когда представился Старец, тогда и у меня появилась община, и отец Хараламбий собрал братию. Возникли две большие общины, которые положили начало возрождению афонского монашества. Тогда стало расти число монахов на Святой Горе. А затем из монастырей за пределами Афона пришли архимандриты с братией и влили новую жизнь и в другие афонские монастыри.

При жизни Старца Святая Гора переживала упадок, число монахов все время уменьшалось. Оставались одни старички, молодежь в монастыри совсем не шла, и монастыри чахли. Поэтому семя должно было упасть в землю, умереть и только после этого прорасти и принести плоды. А затем уже все пошло как заведенные часы.

Многие говорили, что Старец должен был уйти и уже после этого должно было начаться возрождение Святой Горы. С этим согласился и тот враждовавший со Старцем зилот. Когда у нас есть знание и нет смирения, это знание нас надмевает, и мы думаем, что правы только мы, что мы богословствуем правильно, а все остальные ошибаются. Но люди не совершают ошибок только в том случае, если их просвещает Бог. Поэтому монашество — это авангард христианства, это нервная система Церкви.

* * *

Отец Харалампий свидетельствует: «Когда мы были еще зилотами, отец Ефрем Катунакский во время Божественной литургии видел иногда на святом Престоле насекомых. После того как мы присоединились к монастырям, он больше этого не видел. Кроме того, в первую ночь после присоединения к монастырям, когда отец Ефрем служил литургию, нас переполняла благодать, слезы и мир: как Старца Иосифа, так и всех нас, его послушников. С тех пор обилие благодати приходило во время Божественной литургии. Но мы тогда еще, конечно, не поминали Патриарха».

Отец Ефрем Катунакский ради послушания своему Старцу, отцу Никифору, был вынужден вернуться к зилотам. Он оставался с ними до преставления своего Старца в 1973 году. Отец Ефрем рассказывал: «Поверь мне, с тех пор как Старец Иосиф присоединился к монастырям, я его часто видел во сне. Иногда он меня утешал. Иногда говорил мне несколько слов, потому что у меня были большие искушения. А теперь, когда я опять соединился с монастырями, я его вижу во сне и он мне говорит: “Приходи ко мне служить литургию. Когда ты ко мне придешь послужить?” Но все то время пока я оставался с зилотами, он ни разу мне такого не говорил. И я ему отвечаю: “Старче, приду, когда ты захочешь”. “Приходи в субботу”, — говорит он. И это трогает мою душу».

* * *

Было у нас и еще одно извещение, позднее, когда мы с отцом Харалампием стали священниками. Отец Харалампий рассказывает об этом так: «Присоединившись к монастырям, мы еще какое-то время Патриарха не поминали. Но когда мы перебрались в Новый Скит, я однажды должен был пойти служить в монастырь Святого Павла и там помянуть Патриарха обязательно.

— Что мне теперь делать? — спросил я Старца.

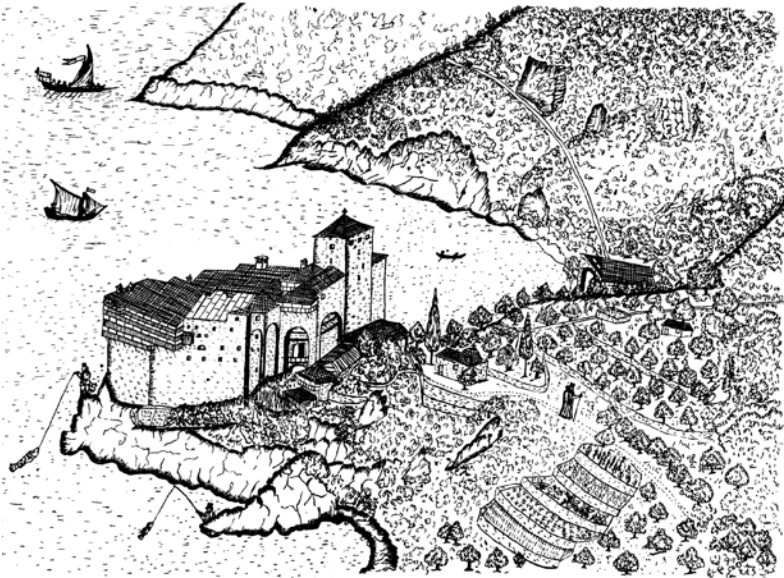
— Ступай, — ответил он, — и поминай. А когда вернешься, расскажешь мне, что ты при этом чувствовал.

В общем, редко я получал такую благодать на Божественной литургии. Слезы текли ручьем на протяжении всей службы. Я не мог произносить возгласы. Когда я вернулся, Старец мне сказал:

— У тебя наверняка было обилие благодати.

— Да, Старче.

— Видишь, дитя мое, — опять сказал Старец, — нет греха помянуть Патриарха, что бы он ни сказал и ни сделал, если он не извержен из священного чина».

НАШИ ХИРОТОННИ

Пока мы принадлежали к зилотам, у нас не было священника, и мы приглашали отца Ефрема из Катунак. Его Старец, отец Никифор, иногда отпускал его к нам, а иногда нет. И наш Старец из-за этого расстраивался. Однажды он мне сказал:

— Если бы Бог удостоил меня сделать тебя священником! Как было бы хорошо тебя рукоположить, чтобы у нас служилась литургия! Отправлю-ка я тебя на рукоположение.

Однако я никуда не мог выйти за пределы Афона, потому что мы были зилотами. В связи с этим я не был записан в официальный список святогорских монахов, и за мной охотилась полиция, чтобы отправить в армию. Но я по своей глупости думал, что могу выйти в мир для рукоположения и никто меня там не заметит. Я, недотепа, верил, что пойду туда, куда меня пошлет Старец, там меня рукоположат и я незамеченным возвращусь назад. Это были не просто размышления в теории, ведь так сказал сам Старец: «Я тебя отправлю рукополагаться, и там тебя никто не увидит». Всему, что он говорил, я верил, ибо знал, кто мой Старец. Но в конце концов Старец изменил свое решение, и я никуда не поехал. Вот как это было.

Старец собирался послать для рукоположения меня и отца Харалампия к митрополиту Флоринскому. Он говорил мне:

— Харалампия мы сделаем священником, а тебя — диаконом, потому что Харалампий простоват, он не сможет служить один. Ты будешь ему помогать.

И в тот день, когда мы уже были готовы отправиться в путь, лишь только рассвело, Старец нас позвал и сказал:

— Никуда вы, братья, не поедете. Я видел сегодня вот что: на причале в Дафни три змея, разинув пасти, поджидают, когда вы придете туда, чтобы вас проглотить. И я сильно беспокоился и старался задержать вас, и пришел в себя с этим беспокойством. Итак, никуда не ходите. Иначе случится какое-то зло.

И правда, в последующие дни начались гонения.

Вскоре мы присоединились к монастырям. Тогда Старец решил, что мы будем рукополагаться у себя, на Святой Горе. Был у нас Владыка Иерофей, святой человек. Когда он служил, он был похож на святителя Николая. Старец сказал нам:

— Я вас рукоположу у этого Владыки. Ведь иному за каждую хиротонию тысячу драхм подавай. Если этого Владыки не станет, я уже не смогу вас сделать священниками. Я хочу, чтобы вас рукоположил этот святой человек.

Ведь тот, кто рукополагается, приобретает нечто и от Владыки. Человек и от своего Старца, и от Владыки наследует то, что у них есть.

Итак, мы пошли в Великую Лавру, чтобы нам дали разрешение стать священнослужителями. Мы им кланялись, дарили им подарки. Приходя в Лавру, мы дрожали — так сильно мы их боялись. А они нас угощали сладостями, говоря: «Поешьте, у вас там тако-го нет». А с какими поклонами туда ходил отец Афанасий! Как он им целовал руки, как прикладывал их руки к своему лбу! Каким же подхалимом он был! Нет слов!

* * *

Когда мы получили разрешение от Лавры, одним субботним утром 1952 года Владыка Иерофей рукоположил отца Харалампия в диакона, а в воскресенье — в священника. Меня же посвятил в диакона. Это произошло в скиту Святой Анны. Мне было двадцать три с половиной года.

В ту субботу, перед рукоположением, которое должно было состояться в воскресенье, Старец нам сказал:

— Как только закончится литургия, сразу уходите! На трапезе там не оставайтесь.

Отец Афанасий подскочил:

— Старче, как же они уйдут?! Ведь Владыка должен поздравить рукоположившихся, а они должны будут всех угостить. Как они могут уйти?

— Ничего. Они там не останутся.

— И кого же тогда там будут поздравлять?

— Вместо священника и диакона там будете вы. После отпуста они придут сюда, а ты и отец Иосиф останетесь там и угостите всех.

Итак, Старец послал вместе с нами отца Афанасия и отца Иосифа. Нас рукоположили, и сразу после отпуста мы ушли. Согласно чину все отцы должны были остаться там, но Старец не шутил, поэтому сразу после литургии мы вернулись домой.

Когда служба закончилась, все отцы, бывшие там, собрались в архондарике. Пришел туда и Владыченька, бедный, на угощение.

— Где же батюшка и диакон? Надо ведь их поздравить.

Но мы уже были далеко.

— Их нет, но вместо них здесь мы, — сказал отец Афанасий и принялся всех угощать.

— Вы вместо них?

— Да, Старец им повелел уйти.

И все поздравления достались отцу Афанасию и отцу Иосифу. До чего же незлобив был Владыка! Отец Афанасий сказал ему:

— Ваше преосвященство! Старец приглашает Вас отведать хлебушка в нашей каливе.

И тот, вместо того чтобы разгневаться, сказал:

— Буди благословенно.

Таким кротким он был. Этому дедушке было восемьдесят лет. А ведь до нашего Малого скита от Святой Анны было не близко. И он своими ножками, усталый, сразу после литургии, пришел, бедный, в наши пещеры вместе со своим диаконом. Старец поцеловал и руки и ноги Владыке. Он приготовил рыбу и выставил на стол дыню, которую приберегал для этого случая. Но дыня оказалась так себе.

— Ваше преосвященство! Отведайте дыньки!

— А-а-а, замечательно, замечательно.

Попробовал ее диакон и не удержался:

Отец Ефрем — иеродиакон

— Фу, какая невкусная!

— Хороша, хороша дынька! — говорил Владыка, несмотря на то что дыня действительно была невкусной.

И затем добродушный Владыка отправился к себе. Святой был человек! Путь от нас к нему был очень утомителен и для молодого. А ведь к нам он пришел после шести часов службы с хиротонией. Это значит плюс еще два-три часа. Такими подвижниками были люди того времени! А мы — как вареные, толком не можем ничего. Быстро устаем, все время недовольны. А тот, бедный, со своей палочкой — тук-тук — как он только ступеньки находил там, где и мул с трудом проходил! Но он не обращал внимания на свои больные ноги. Таковы были его решимость, подвижнический дух, его страх Божий!

* * *

Я столь мало думал о своем диаконстве, что забыл о нем. Представьте себе: в самый день рукоположения, после трапезы, я пошел в церковь зажечь лампадки. И там святой Престол стал так меня к себе притягивать — некоей благодатью, некоей любовью, — что я себя спрашивал: «Почему это меня так притягивает святой Престол? Разве я первый раз зажигаю здесь лампы?» И только потом я вспомнил, что стал диаконом и буду теперь служить у святого Престола. Затем мы после полудня поспали, поднялись на бдение. И я чувствовал в себе нечто новое, некую благодать. Что это было такое? Нечто меня тянуло к Небу. Некая благодать священства. И тогда я опять вспомнил, что стал диаконом.

* * *

После рукоположения мы по желанию Старца служили Божественную литургию каждый день. Он знал, какую пользу литургия приносит всем: и живым, и усопшим. Нам он рассказывал, что во время владычества турок был один священник, который ходил по селам и служил там литургии, поминая на каждой службе множество имен усопших. Однажды его схватил сельский полицейский-турок и запер в тюрьме, сказав: «Ты, отец, — гяур и своими службами возмущаешь народ. Что-то плохое ты затеваешь». В ту же ночь турок увидел во сне сотни людей с палками в руках, которые надвигались

на него и строго говорили: «Или ты отпустишь батюшку из тюрьмы, чтобы он служил и поминал нас, или мы сейчас убьем и тебя, и твоих детей». Турок в ужасе проснулся и, хотя была еще ночь, побежал в тюрьму и попросил священника тотчас уйти восвояси.

* * *

На службах с отцом Харалампием у нас бывали славные моменты. Я был у него диаконом три года, пока сам не стал священником. Он привык к моей помощи и чувствовал себя спокойно. Он думал: «Раз уж у меня есть диакон, не о чем волноваться». И забывался в молитве. Я его толкал:

— Отец, говори «яко Твое есть».

— А-а-а... Яко Твое есть Царство...

Затем снова на ектении:

— Отец, «яко подобает Тебе».

— А-а-а... Яко подобает Тебе...

— Слушай, давай повнимательней! — говорил я ему.

Или еще бывало:

— Давай, отец, читать входные.

— Буди благословенно.

Кладем мы поклон Старцу, и отец Харалампий сразу отправляется в алтарь облачаться.

— Отец!

— Что такое?

— Давай читать входные! Что ты облачаешься? Мы ведь входные не прочитали!

— А-а-а, правда. Прости, диаконе.

И он снова выходил из алтаря читать входные молитвы.

— Отец, говори возглас «Благословенно Царство!»

— Буди благословенно. Бла-а-словенно...

— Не «бла-а-словенно», а «благословенно»!

— Хорошо, хорошо, сейчас скажу. Бла-а-словенно...

— Да не «бла-а-словенно», а «благословенно»!

Он был как ребенок. Выходило у него все очень мило. Пока не состарился, все «бла-а-словенно» говорил. Славный был человек.

Иногда он облачение надевал наизнанку, путал фелонь с подризником. Старец, когда об этом узнавал, говорил мне:

— Я рукоположил еще и диакона, потому что знал, что меня ожидает. Пока отец Хараламбий выучил бы литургию, мы бы замучились, не будь тебя с ним в алтаре.

Ведь я, когда жил в Волосе, всегда был со священником в алтаре и службу знал. А отец Хараламбий службу знал не очень хорошо. Я ему подсказывал:

— Отец, «паки и паки».

Обо всем, что нужно было говорить, я ему напоминал. Он весь уходил в молитву и созерцание. А я должен был следить за ходом службы, потому что иначе он делал бы ошибки. Позднее, когда я сам стал священником, ему пришлось нелегко, потому что, пока я был рядом, он был спокоен. Старец говорил ему:

— Отец, не витай в облаках, не делай ошибок!

Я очень любил отца Харалампия. Ошибки его были простительны, он их делал по своей простоте. Поэтому Старец ему как-то сказал:

— Отец, когда я уйду, слушайся малóго. Спрашивай его обо всем, что будешь делать.

* * *

В миру диаконов окружает слава. Они восходят на амвон, читают Евангелие, много чего делают. И люди им кланяются. И начал диавол вкладывать эти образы в мою голову. Я сказал себе: «Постойка!» Я был ошеломлен. Такие помыслы ко мне пришли впервые. Лишь только я увидел, как у меня в воображении вновь начинают возникать картины храмов, амвонов и множества людей, я сказал себе: «Пойду-ка расскажу об этом Старцу». Прибегаю к нему:

— Старче, вот что мне говорят помыслы. Диавол в моем воображении рисует амвоны и толпы народа. И я чувствую, как меня тянет туда.

Старец сказал мне:

— Так может быть, дитя мое, у тебя были такие помыслы до рукоположения? Почему ты в таком случае о них мне не сказал?

— Старче мой и отче мой, откуда мне было иметь такие помыслы? Я никогда и не думал об этом. Это появилось только сейчас.

— Ну, значит, какая-то гордость затаилась в тебе и Бог захотел тебя исправить, — сказал он.

Отец Ефрем — иеромонах

— Да, гордости и эгоизма во мне полно. Не беспокойся, Старче, я с этим разберусь.

— И что же ты собираешься сделать?

— Не переживай, Старче, я эту гордость поставлю на место.

«Что же он сделает, этот малой?» — должно быть, подумал Старец. Я положил поклон, взял благословение Старца, пошел в свою келлию, схватил палку, засунул под подрясник, пошел в церковь и встал перед Царскими вратами. «А ну-ка, иди сюда!» — сказал я помыслу. И лишь только я это сказал, меня всего охватила дрожь. «Гм! — сказал я себе. — Когда ты постригался в монахи, когда ты здесь стоял на коленях, что ты говорил Богу?» И палкой — бац, бац! Я аж подпрыгивал, а помысл мне: «Нет, нет, нет! Я молчу! Оставайся здесь, успокойся, я уйду!» Дело было кончено, все как ножом отрезало. Этот бес на меня больше не напал и не беспокоил меня.

Но если бы я этот помысл оставил и не вырвал с корнем, то покатылся бы по наклонной. Так на личном опыте я увидел, что если воевать со злом, с какой-нибудь страстью с самого начала, то человек избавляется от нее навсегда. Но вначале необходимо немного попотеть. Страстный помысл придет один раз, второй, третий — и в зависимости от того, как мы его отразим, будет нам или избавление, или пленение.

* * *

Однажды, когда я служил диаконом, Старец мне сказал:

— Малой, ты видел того, кто был рядом с тобой?

— Кого, Старче?

— Когда ты кадил храм, тебя сопровождал ангел со свечой. Он шел впереди, а ты кадил. Разве ты его не видел?

— Куда уж мне, болвану, это видеть!

К сожалению, у него был такой ученик, как я. Старец же все это видел.

Однажды я служил с отцом Харалампием. Во время самой важной части литургии Старец зашел в алтарь, чтобы сказать нам что-то. Когда литургия закончилась, он произнес:

— И я был причастен тому, что вы делали в алтаре.

— О чем ты, Старче?

— О том, что вы совершали. Вы тогда были не просто людьми, вы были ангелами. И лишь только я зашел в алтарь — уф! — и меня захватила эта благодать.

* * *

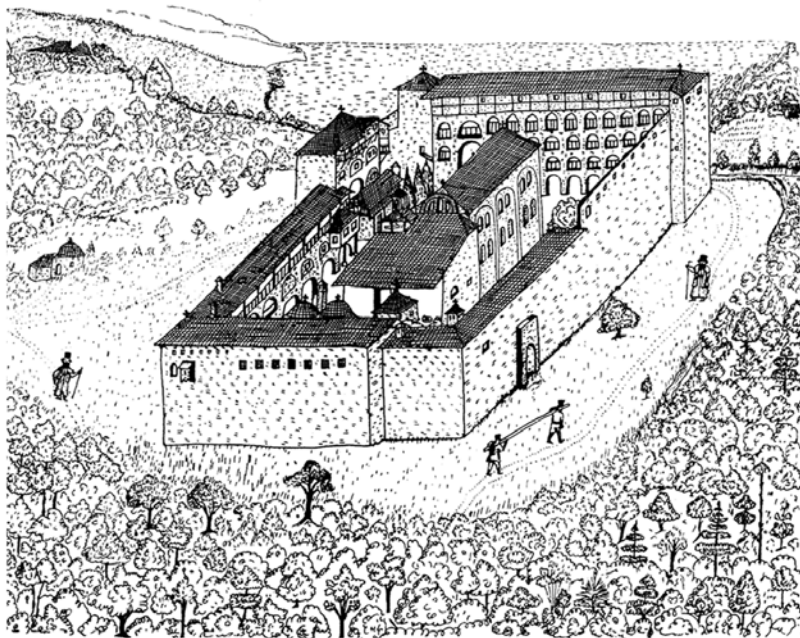
Старец испытывал большое благоговение перед священниками. Епископам он целовал и руки и ноги. И отцу Ефрему он целовал руку. И мне, когда брал антидор. Я свою руку у него выдергивал. Все у нас было по-простому.

— Подойди сюда, малой, я тебе поцелую руку!

После того как он читал Апостол, он также пытался поцеловать мне руку. Я ее выдергивал.

— А ну-ка, дай сюда руку, малой, я ее поцелую!

«Чмок!» — раздавалось на всю церковь, как будто это делал малый ребенок. До чего же это был бесхитростный человек! У него было столько радости, столько любви и столько благодати от Бога, что он весь просто летал!

НАШЕ РУКОДЕЛИЕ

Старец с большой охотой занимался всем: на бдениях он был первым, на литургиях — первым, в церкви и на послушаниях — тоже первым. Старец любил трудиться и не останавливался, даже когда это позволял наш распорядок. Старец мне говорил: «Когда человек знает, что в своем послушании работает Богу, тогда он трудится с большой охотой». Поэтому с самого раннего утра, лишь только рассветало, он брался за рукоделие, согласно отеческому изречению: «Тело мое, чтобы питаться, трудись. Ты же, душа моя, чтобы спастись, трезвись».

Почему Старец так поступал? Для того чтобы дать пример нам. Но также и потому, что на рукоделие есть благословение Божие: рукоделие помогает в борьбе с помыслами. Когда кто-нибудь не занимается рукоделием, его ум все время занят мыслями то об одном, то о другом, ему хочется поговорить — и тому подобное. Ведь это очень естественно для человека — желать что-нибудь делать. Если он не трудится, то захочет трудиться языком, захочет трудиться умом.

Старец рассказывал нам такую историю. Один брат ушел от своего Старца. Его спросили:

— Почему ты ушел?

— Э-э, он все время заставлял меня трудиться: и по воскресеньям, и по праздникам. Все работай да работай.

Тогда один великий Старец ему объяснил:

— Хорошо с тобой поступал твой Старец. Ведь если ты не будешь трудиться и в эти дни — воскресенья и праздники, то, поскольку ты не совершаешь духовного труда, ум твой будет все время бродить там и сям, по дурным местам. Твой Старец, зная, что ты не способен творить молитву и иметь духовное созерцание и что ум твой будет бродить там и сям, счел более полезным для тебя рукоделие, чтобы ты трудился и твои помыслы были связаны.

Поэтому Старец Иосиф не оставлял нас в праздности, ссылаясь на отеческие изречения: «Праздность научила людей всевозможному злу» и «Праздность — мать всякого зла». Праздный человек, во-первых, не зарабатывает на хлеб насущный, а во-вторых, ничего не может заработать на милостыню для помощи ближнему. Но прежде всего, труд и послушание приравнивались святыми отцами к молитве, считались средством спасения. Ибо трудящийся человек должен и молиться, и работу выполнять. Трудящийся человек полезен и нужен, а праздный и ленивый не удостоивается от людей никакой чести.

* * *

Нашим рукоделием была резьба по дереву. Мы делали по восемь-десять крестиков в день. Старец Арсений резал пилой на куски твердую древесину, отец Иосиф и отец Хараламбий делали из этого заготовки и предварительную резьбу на них, так называемый остов. Затем это брал Старец и вырезал готовую вещь. Отец Афанасий брал крестики, продавал их монастырям и приносил нам продукты. Давали мы крестики на продажу и в магазины в Карее, потому что получалось их у нас много. Отправляли мы их и в Америку, а нам присылали деньги. Вырезая по восемь-десять крестиков в день, мы собирали очень много, особенно во время Великого поста. Позднее мы делали и водосвятные кресты. Один раз я видел, как Старец сделал двадцать таких водосвятных крестов. Работу он делал очень быстро, он считал ее разновидностью молитвы. Позднее мы начали делать и резные печати для просфор.

У Старца получались замечательные резные крестики. Работал он очень ловко. Он был очень искусен в резьбе, потому что имел твердую руку. Он мог вырезать по дереву, просто держа вещь в

руке, тогда как мы могли вырезать, только опирая ее на что-нибудь. Благодаря твердой руке работа его была очень успешной. Но занимался он лишь одним видом резьбы. Он делал крест, на одной стороне которого вырезал Распятого Христа, а на другой — Пресвятую Богородицу. Если бы он захотел, он мог бы прекрасно делать очень тонкую резьбу. Это мы видели сами, когда он считал нужным сделать что-нибудь особенное. Однако ему не нравилось делать разнообразные или роскошные вещи с очень искусной тонкой резьбой, потому что они, говорил он нам, требуют большого умственного внимания и как бы отрывают ум от его обращенности к Богу, уведая его в плен. Кроме того, если бы мы делали более искусные вещи, ими интересовалось бы больше людей и мы потеряли бы безмолвие. А так, простой работой, мы достигали цели — зарабатывали себе на жизнь. Благодаря резьбе у нас были все блага, хотя мы не имели ни сада с огородом, ни оливковых деревьев.

Однако работа эта была нелегкой, и Старец уставал, как можно видеть из одного его письма: «Хотя в юности я был в расцвете сил, а сейчас состарился, как столетний старик, от мук многих изменений, я прежде всего делами рук своих добываю хлеб свой в поте лица, как ты видел из того, что я тебе прислал»⁵⁴.

⁵⁴ Письмо 18. В русском переводе письма Старца Иосифа Исихаста вышли в двух изданиях: «Изложение монашеского опыта» (СТСЛ, 1998) и «Выражение монашеского опыта» (СТСЛ, 2006). В настоящее время продолжается работа над третьим, исправленным и дополненным, изданием писем. В данной книге цитаты из писем, как правило, даются в новом переводе. В связи с этим здесь и далее при ссылке на письма приводится только порядковый номер письма.

Глава двадцать первая

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В НОВЫЙ СКИТ

Старец Иосиф прожил в пустыне Малого скита Святой Анны пятнадцать лет, до 1953 года. Но у нас, молодых послушников, стало сдавать здоровье от различных невзгод: от суровой жизни, от изнурения, от антисанитарии и, главным образом, из-за наших келлий, которые были настоящими склепами. Особенно моя келлия была сущим склепом, семейным, как называют такие в миру. У меня начались проблемы с легкими, появились симптомы, напоминающие туберкулез. Отец Иосиф Младший все время испытывал недомогание от постоянной боли в груди, от кровохарканья и желудочных расстройств. У отца Харалампия, бегавшего повсюду, от переутомления и таскания больших тяжестей появилась грыжа. Мы пришли в полную негодность. Мы были молодыми, но уже ни на что не годными.

Текло время, силы Старца таяли. От чрезвычайного подвижничества на протяжении всей жизни он стал часто болеть. У него, бедного, все время болела голова. Он стал очень чувствителен к холоду. Чтобы согреться, он надевал кучу теплого белья, подвязывался веревкой и становился похожим на вавилонскую башню. Мы тоже натягивали на себя все, что имели: теплые белье, шарфы, одеяла, пальто, так что были похожи на астронавтов в скафандрах.

Мы пили только горячую воду, потому что ничего холодного пить не могли. Я заматывал себе живот шерстяной попоной, чтобы

он согрелся и мог переварить пищу. Во что мы превратились! Холод и сырость, в которых мы жили долгие годы, нас подкосили. С тех пор я легко простужаюсь, и буду страдать этим до смерти. Мне было двадцать пять лет, а я был словно старик.

Летом мы мучились от жары, которая нам не давала толком выспаться. После хиротонии отца Харалампия выспаться стало еще сложнее, потому что мы служили литургию каждый день. Зимой еще было достаточно времени, чтобы отдохнуть после литургии, потому что солнце всходило поздно. Но летом ночи короткие — и времени на отдых утром не оставалось. Ибо литургия всегда должна была начинаться в шестой час ночи, то есть в полночь. Когда мы заканчивали, изнуренные недостатком сна и летней жарой, уже рассветало. Старец же постоянно понуждал себя приходить на литургию, несмотря на то что его калива была довольно далеко от церкви.

* * *

Тогда нас было шестеро: два старца — Старец Иосиф и старец Арсений, отец Иосиф Младший, отец Афанасий, священник отец Харалампий и я, диакон. Иногда у нас гостил и какой-нибудь старчик. Места нам не хватало. Площадка, на которой мы жили, находилась на краю обрыва, и за отсутствием места мы больше ничего там не строили. В пещерках же, которые там были и где раньше жили русские, могло поместиться два-три человека, а не шесть или семь. Кроме того, сверху часто падали камни и что-нибудь ломали, поэтому мы все время от них укрывались.

Нашим рукоделием тогда были большие печати для просфор, которые мы вырезали из крупных кусков дерева. Для этого рукоделия требовалось и больше инструментов, чем у нас имелось, и больше места для работы. Да и дерево для печатей приходилось таскать издалека, с Холодных Вод.

Много было трудностей. Все это сказывалось на нашем здоровье. Если бы мы не переселились, то не смогли бы выжить.

Старец понял, что мы не можем больше там жить, и сказал отцу Арсению:

— Молодежь надорвалась. А с нами, стариками, что будет? Скоро мы все придем в негодность.

Тогда мы решили перебраться в Новый Скит⁵⁵, где и климат помягче, и место более удобное. Он рядом с морем, так что трубо-
дов было бы меньше. Звал нас туда, со своей стороны, и отец
Феофилакт:

— Перебирайтесь в Новый Скит, ведь у меня здесь целый дом.

Старец сотворил молитву и сказал нам:

— Я получил извещение от Бога: пора переходить пониже, в
Новый Скит, ибо здесь все идет к тому, что никто не останется
на ногах. И как же тогда мы, старшие, сможем жить здесь, если
у вас, у молодежи, не будет здоровья? Оно у вас уже пошатну-
лось. Сегодня вечером мы начнем перебираться в Новый Скит
к старцу Феофилакту.

* * *

Сентябрьской ночью 1953 года, при свете луны, мы отправи-
лись к Святым Бессребренникам в Новый Скит, к отцу Феофилакту.
Каждый вскинул на плечи по одеялу, было у нас еще и три-четыре
книги. И все. Больше у нас ничего не было.

Мы немного пожили в каливе Святых Бессребренников, которая
находилась посредине скита. Это место нам не подходило, потому
что мы привыкли к безмолвию и затворничеству и Новый Скит ка-
зался нам очень густонаселенным. Старец сказал отцу Арсению:

— Здесь что-нибудь скажешь, а на другом конце тебя слышно.
Кашлянешь — и все соседи услышат. И если мы начнем молиться
вслух или заплачем, то превратимся в театр.

Кроме этого, случились и кое-какие споры с тамошними от-
цами. Нас, любящих безмолвие, такая жизнь не устраивала. Оста-
ваться там было невозможно. Спустя несколько дней после пере-
селения Старец мне сказал:

⁵⁵ Новый Скит находится чуть севернее скита Святой Анны, рядом с мона-
стырем Святого Павла, которому он и подчиняется. Расположен он очень
низко, почти рядом с морем. Климат здесь самый приятный на Святой
Горе, здесь очень мягкая зима и не очень жаркое лето. Его устав и общий
распорядок жизни примерно такой же, как и у соседнего скита Святой
Анны. Когда туда перебралась община Старца Иосифа, Новый Скит со-
стоял из двадцати восьми калив, в которых жило около пятидесяти пяти
отцов. — *Прим. греч. ред.*

— Дитя мое, что нам делать? Мы не подходим для жизни здесь. Мы люди мирные и не можем участвовать в этих раздорах. Мы должны уйти. Ступай-ка ты к игумену монастыря Святого Павла и скажи, что мы уходим.

* * *

Я пришел в монастырь и передал то, что мне было велено, игумену, Старцу Серафиму. И он мне сказал:

— Зачем вам уходить? Мы вам дадим большой тихий участок за пределами скита: от скитской башни и вниз, до самого моря, с четырьмя уединенными каливами. Мы вам дадим его даром, только не уходите.

Я возвратился, сообщил это Старцу, и он мне сказал:

— Сходи посмотри, что это за каливы.

Я пошел, посмотрел их: они мне понравились. Место было пустынное, что позволяло нам хранить безмолвие, и при этом всего в пяти минутах от скитского храма. Я вернулся и сказал:

— Старче, я сходил и посмотрел. Это то, что нам надо.

— Тогда встаем и перебираемся туда.

— Погодите, Старче, лучше посмотрите прежде и вы, вдруг они вам не понравятся. Меня совесть замучает, если вы туда переберетесь, а вам не понравится.

— Нет, дитя мое, раз тебе понравились эти каливы и это место, то понравятся они и мне. В общем, отправляемся.

Мы собрались и пошли туда. Старец был в восторге:

— Как здесь тихо! Мы и здесь нашли себе пещеры! Мы уже не в скиту, а отдельно от него. Не будет теперь скит нами заведовать. Значит, будем жить спокойно и сможем держаться устава, который был у нас в пустыне.

И действительно, мы придерживались его до самого конца.

* * *

Итак, мы переселились туда. Однако тамошние маленькие хижины находились в жалком состоянии: у них не было ни окон, ни дверей, ни потолков, ни пола. Все они были заброшены. Когда мы их нашли, там не было ничего, совершенно ничего. Там остался только глиняный горшок, в котором когда-то варили еду. Нашлось

там и три тарелки с кое-как замазанными трещинами, такие обычно выбрасывают. Еще мы нашли три вилки: у каждой было отломано по зубу, так что целых зубов у них оставалось только по три. Чтобы поесть, я ждал, когда кто-нибудь закончит свою еду, чтобы и мне взять тарелку и вилку. В такой нищете мы жили!

Денег на приобретение необходимых вещей у нас не было. Мы были очень бедны. Вначале нам было трудно, но мы привыкли к лишениям и, вооружившись терпением, мало-помалу обустроивали нашу жизнь. Трудности нас не очень беспокоили, поскольку все наше внимание было сосредоточено на духовном подвиге: на послушании, трезвении, молитве, молчании.

* * *

В каждой каливе мы жили по одному или по двое. Старец и отец Арсений жили в одной каливе. Отец Харалампий жил ниже. Моя калива была еще ниже, рядом с морем. А отец Иосиф Младший жил в Скиту вместе с отцом Феофилактом. Все вместе мы собирались только на литургию. И в полдень Старец звонил в колокольчик, чтобы собрать нас на трапезу.

После того как мы более-менее обустроились в каливах, первым нашим делом стало строительство церкви, так как Старец не мог оставаться без святого Причащения, ходить же куда-либо ему было трудно. Итак, мы построили очень простую церковку в честь Святого Иоанна Предтечи. Старец имел особую любовь к честному Предтече, основателю и покровителю монашеского жительства.

Позднее мы построили еще одну церковку — в моей каливе. Старец пожелал посвятить ее Благовещению, потому что начало его монашеской жизни было положено в Благовещенской келлии в Катунаках. Он мне сказал:

— Мы, дурачок, посвятим ее Благовещению, и Бог тебя известит, что так и надо.

Старец мне так сказал, зная, что я хотел посвятить ее Предтече. Но я ответил Старцу:

— Как вы пожелаете.

Спустя какое-то время я был в церковке Святых Бессребреников со старцем Феофилактом. Я там над чем-то трудился и вспоминал. Рядом находилась каливка, и я пошел туда сменить одежду. Там

Отец Ефрем у своей келлии в Новом Скиту

была крошечная икона Благовещения. И эта икона стала меня притягивать к себе с такой любовью, с такой благодатью, что если бы было возможно, я бы ее просто съел. Я рассказал об этом Старцу, и он мне ответил:

— Разве я тебе не говорил, что тебя известит Бог о том, что это Его воля назвать церковку в честь Благовещения?

У нас была одна большая и одна маленькая пещерка, которые мы очень хорошо обустроили: окошко, дверка, лесенка. Потому люди и называли Старца Иосифа Пещерником, что он всю жизнь жил в пещерах: и в Катунаках, и в Святом Василии, и в Святой Анне, и, наконец, в Новом Скиту. Все время он охотился за пещерами.

* * *

Когда мы поселились в Новом Скиту, к нам постепенно вновь вернулось здоровье. Дело было не только в более мягком климате, но и в том, что все было рядом, и поэтому нам уже не нужно было таскать так много тяжестей.

Мы забросили шерстяные попоны, могли пить уже и холодную воду. Как только мы сменили климат, так ожили. Мы снова стали молодыми. Все поздоровели, кроме Старца. Он был болен всю оставшуюся жизнь. Возможно, от поста, возможно, от трудов бдения,

от молитвенных трудов или же от вражеских козней — во всяком случае, от всего этого Старец превратился в сплошную рану.

* * *

Весь подвижнический опыт Старца привел его к выводу, о котором он сказал мне однажды:

— Дитя мое, я понял, что жить нужно где-нибудь невысоко, как мы и живем сейчас здесь, где легко находим все необходимое. Жить нужно в таком месте, чтобы не тратить много времени и сил на переноску грузов, которые приходится таскать на спине далеко и высоко, так что все силы уходят на это и мы устаем настолько, что не можем спокойно совершать бдение ночью. Жить надо где-нибудь внизу, чтобы волны бились о порог келлии. Это доступно любому. И тогда можно с нерастраченными силами полностью посвящать время молитве, ибо все необходимое для жизни имеется.

Подобный вывод сделал Старец и относительно еды. Поначалу наша еда постоянно была без елея. Однако когда у него появились молодые послушники, он понял, что у нового поколения нет сил для непрестанного поста. Поэтому мы ели пищу с елеем в дозволенные дни, так же как сыр и рыбу, когда они у нас были.

Старец мне сказал:

— Вывод, к которому я пришел на сегодняшний день после стольких лет подвижничества, таков: лучше всего найти такого духовного наставника, который, накладывая на учеников небольшие телесные труды, вроде переноски тяжестей и других подобных занятий, дает им хороший устав молитвы и воздержания.

* * *

Именно так мы и жили в Новом Скиту. Мы строго держались нашего устава, нашего чина, нашей молитвы. Служили литургию каждый день, постоянно исповедовались, были очень внимательны в том, чтобы не празднословить. И наша жизнь была прекрасна и благословенна. Старец писал: «У нас здесь, благодатью Христовой, все хорошо. Благодаря Божественным литургиям мы достаточно обеспечены. Нам присылают сорокоусты, и мы немного занимаемся кое-каким рукоделием. Младший священник часто болеет. Иосиф

Община Старца Иосифа в Новом Скиту

в этом году — дикей⁵⁶. Занимается с паломниками, и нам от него нет никакой помощи. Афанасий живет один в своей хижине. Отец Хараламбий делает понемногу печати. Отец Арсений — садовник, а я — повар. Феофилакт — с Иосифом. Было у нас и два старчика, они умерли, ты их не знал. Есть у нас еще Никодим, который моет нам посуду. Живем, благодатью Божией, очень хорошо»⁵⁷.

* * *

От наших старцев, и от святых отцов, и из самого установления духовничества мы узнали, что послушник имеет опору в своем Старце. Нет у тебя доверия к Старцу — нет у тебя и опоры. Тогда рушится все — бдение, труды... Что бы ты ни делал — все впустую. Это я узнал на практике.

⁵⁶ В афонских скитах существует между общинами череда по несению ответственности за общескитские дела (административные вопросы, прием паломников, поддержание порядка, необходимое строительство и т.п.). Старший в несении этого послушания называется дикеем. Иными словами, дикей — это очередной глава скита. Срок дикейства, как правило, — один год.

⁵⁷ Письмо 60.

Незадолго до преставления Старец нам сказал:

— А ну-ка посмотрим, чада. Представьте себе, что меня нет, и разойдитесь, как вы это сделаете, когда я умру и вы останетесь одни. Каждый сам по себе готовьте, занимайтесь рукоделием и творите молитву.

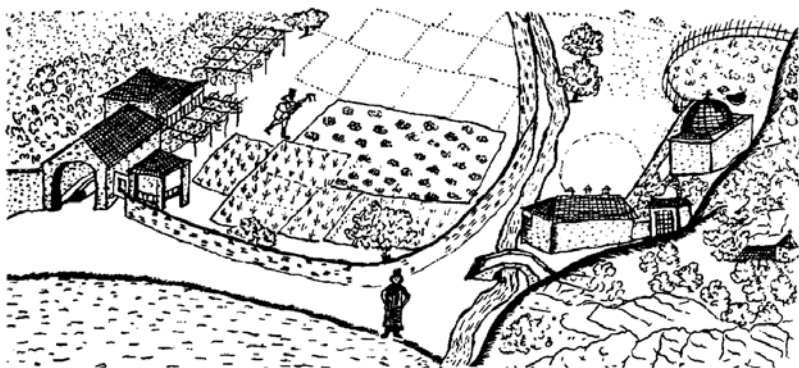
— Буди благословенно.

Старец сказал — мы разошлись. Нам помогло то, что наши каливы были достаточно далеко друг от друга. Я оставался в своей, отец Харалампий — в своей. Я точно исполнял слово Старца: «Как сказал Старец, так я и сделаю». Итак, я сам готовил себе еду, сам молился... Только литургию служили вместе. Прекрасно! И бдение я совершал, и Иисусову молитву творил. Но чего-то не хватало. «Вот ведь! — говорил я себе. — Все застыло на месте! Не сдвигается с мертвой точки». Почему все застряло? Потому что при живом Старце у меня не было Старца. Вот что хотел нам показать Старец Иосиф. Какой бы ты духовный подвиг ни совершал, если у тебя нет Старца, если ты от него оторвался, все бесплодно. Я сказал про это Старцу:

— Старец, я совершаю бдение, слежу за своими помыслами, тружусь, но молитвы не нахожу.

Он мне ответил:

— Знаешь, почему ты ее не находишь? Потому что я устроил для вас этот эксперимент: ты поверил, что у тебя нет Старца, тогда как Старец жив. И это при том, что ты сделал все по послушанию. А что получилось бы, если бы ты это сделал по своей воле? Запомни этот ценный опыт.

НАШИ КОТЫ

У Старца было пять или шесть котов. Он их жалел и кормил, поэтому мыши у нас не переводились. Как-то одна мышь попала в мышеловку. Старец мне сказал:

— Отдай ее коту.

Я открыл мышеловку, мышь выбежала, но кот даже не обратил на нее внимания. Старец расстроился.

— Поймай ее, — сказал он мне. Я побежал, нашел ее, прыгнул, схватил ее за загривок и посадил обратно в мышеловку. Хоть мне и было противно, но я сделал это, чтобы Старец не расстраивался.

* * *

А у меня были два кота, Пардалис и Арапис⁵⁸. Своих котов я дрессировал. Однажды, когда дело у меня шло к чахотке, мне прислали свежее сливочное масло. Я занимался рукоделием в мастерской и вдруг заметил, что у моего кота поседели усы. Он нашел масло! Досталось ему от меня на год вперед:

— Чтобы это было в первый и последний раз!

Ночью я отпускал котов, чтобы и у них было свое бдение:

— Давайте, я — за бдение, а вы — за мышей.

⁵⁸ Обычно греки дают клички своим домашним животным в зависимости от их расцветки. «Пардалис» значит «пестрый», «Арапис» — «черный».

Никто не спал. Когда я заканчивал литургию и возвращался назад в скит, я им говорил:

— Идите, я вам дам антидор — печенье и карамельки.

Если Арапис ловил мышь, он считал своим долгом мне ее принести. Арапис знал, что я в келлии и не сплю: он приносил мышь и мяукал. А я должен был ему сказать: «Благословляется!» — и после этого он ее съедал. Потрясающие коты!

Когда я работал, коты сидели у меня в корзине, задирали друг друга и ссорились. Я их спрашивал:

— Кто на этот раз начал первым?

Они становились на задние лапы, а передние поднимали вверх. Какие же они были смешные! Старец мне говорил:

— Они, отец, над тобой потешаются.

Когда мы были со Старцем в пустыне, у нас был один кот, который воровал еду прямо из кастрюли, когда та готовилась.

Как-то мы увидели, что Пардалис ел картошку. Где он ее только нашел?! Старец захотел его поймать, кот перевернулся на спину и поднял лапы. Я его не стал бить, тем дело и кончилось. Не мог я бить его, когда он показывал такое смирение. Как можно было его ударить? Я сказал ему:

— Бог тебя простит. Доедай уже свою картошку, и кончено.

Какой бы грех ни совершил человек, если он смирится, Бог его не наказывает. Если же не смиряется, то Бог начинает его бить, пока тот не попросит прощения. А как попросит прощения, Бог человека прощает.

Однажды Старец мне сказал, чтобы я принес рыбы. Я спустился к морю. Со мной пошли и коты. Я обычно брал их с собой на рыбалку. Они садились на берегу, ждали меня и разглядывали рыб. Я им сказал:

— Не прикасайтесь к ним, иначе я вас брошу в море.

Дисциплина! Когда рыбалка закончилась, я сказал:

— Ты, Пардалис, сиди здесь у каливы.

Я взял корзину с рыбой и принес к каливе Старца.

— Ты, Арапис, сторожи рыбу.

Я зашел, положил поклон Старцу, а он меня спросил:

— А рыба?

— Ее сторожит кот.

— Ну, отец, он ее съест.

Мы вышли и увидели, что Арапис выдержал битву с другими котами, охраняя рыбу. Он разогнал стаю сытых котов Старца, покусав их и загнав на крышу. Старец, как только это увидел, спросил:

— Как тебе удалось так их выдрессировать?

— Они оказывают послушание, Старче.

Когда я сидел на трапезе, Арапис садился рядом со мной. Братя ему говорили:

— Пошел вон!

А он не обращал внимания, словно хотел сказать: «Нет, я буду рядом со своим Старцем».

Для наказания кота у меня был горький перец, которым я натирал ему нос. Ох и жгло его! Потом я его звал: «Арапис!» Он приходил, я ему давал поесть. У меня был для него антидор — шоколадки, фрукты.

Однажды Старец мне сказал:

— Ступай в кедровник, поешь орешков, подкрепишься, наберешься сил.

Я пошел туда. Ночью я не мог заснуть, так как оставил котов на Старца. В пятницу я вернулся, по дороге пел «Воскресения день». Когда я пришел, Старец мне сказал:

— Должен тебя расстроить: коты пропали.

— Они не пропали, Старче, — ответил я ему.

Я пошел вниз, в свою каливу, но забыл ключи и крикнул:

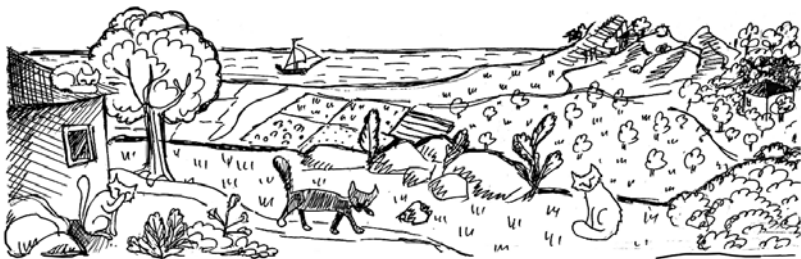
— Старче! Бросьте ключи!

— Мяу-мяу, — повылазили мои коты.

Старец изумился:

— Ну и выдрессировал ты их!

Прекрасной была жизнь: я — и два котика, пустыня, мы одни.

ИИСУСОВА МОЛИТВА И БЕСНОВАТЫЙ ЮНОША

Когда мы жили в Новом Скиту, к нам пришел один бесноватый юноша. У него был бес публичной женщины. Когда он овладевал юношей, голос его становился подобным голосу блудницы. И он говорил вещи, о которых, по словам апостола, *срамно есть и глаголати* (Еф. 5, 12). Он был бондарем. Прожил он в нашей общине довольно долго и помогал нам, чем мог, когда мы работали.

Я работал в мастерской, делая печати. А он чинил бочки во дворе. На третий день он зашел ко мне и сказал:

— Отец, не научишь ли ты и меня делать печати? Эти бочки, которыми я занимаюсь, — работа тяжелая. К тому же сидит во мне и этот — он не хотел говорить слово «бес», — который все время меня позорит.

— Я тебя научу, брат. Буди благословенно! Вот, смотри, делай так-то и так-то, вот инструменты, вот заготовки, образец перед тобой. Работай здесь, за этим верстаком. Только имей в виду, что здесь, в нашей общине, как видишь, никто из отцов не разговаривает, они все время творят Иисусову молитву.

Говоря это, я хотел, насколько возможно, избежать празднословия и рассеянности во время молитвы. Но и кое-что еще пришло мне на ум в то мгновение. «Интересно, — думал я, — могут ли бесноватые творить Иисусову молитву?» Итак, мы взялись за рукоделие и молитву.

Не прошло и нескольких минут, как взбудоражился в нем бес. Парень покраснел, нахмурился. Внезапно — бах! Он пнул стол ногой, печать полетела в одну сторону, инструменты — в другую. Как только он не отхватил мне пальцы! Я схватил парня в охапку, чтобы он не упал и не ударился! Голос его изменился, и начались крики, сквернословие, угрозы, ругань.

— Заткнись, паршивый! Заткнись! Прекрати это бормотание! Что ты заладил одно и то же! Брось эти слова! Ты меня достал! Мне здесь у тебя хорошо. Чего тебе надо, что ты меня будоражишь? Я тебя сожру! Разорву тебя в клочья!

Я крепко его держал, чтобы он не упал. А бес его мучил. Наконец он его оставил и тот успокоился.

— Видел, что он со мной делает? — сказал этот бедняга. — Вот так я мучаюсь постоянно.

— Терпение, брат мой, терпение. Не обращай на него внимания. Все это не твое, чтобы тебе огорчаться. Ты заботься о молитве.

* * *

Мы закончили работу и собрались идти к Старцу. По дороге он меня спросил:

— Как вы совершаете по ночам бдение?

— Сейчас лето, и мы выходим с четками во двор. Там, на воздухе, мы часами совершаем правило и поклоны.

— И я буду читать Иисусову молитву по четкам. Не буду теперь петь. Теперь и я буду говорить эту молитву.

В то время как мы поднимались к Старцу наверх, я впереди, а он сзади, ему пришло в голову вот что.

— Отец! — сказал он.

— Что, Алексей?

— Можно, я помолюсь и о том, который у меня внутри, чтобы и его помиловал Бог?

И что его, беднягу, дернуло сказать это? Мгновенно бес им овладел, поднял на воздух и грохнул оземь! Аж земля задрожала. Улетела его торба, улетела скуфейка. Я опять схватил юношу, чтобы он не ударился обо что-нибудь и не убился. Голос его изменился, и он опять начал:

— Заткнись, паршивый! Заткнись, говорю тебе! Что это ты говоришь? Какая еще милость? Никакой милости! Не хочу милости! Нет! Что я сделал, чтобы просить милости? Бог несправедлив! За малый грех, за какую-то гордость Он меня лишил моей славы. Мы не виноваты! Это Он виноват! Пусть Он кается, а не мы! Долой эту милость!

Сильно бес его потрепал и бросил, как тряпку. Я дрожал, слыша, что́ говорит бес. За несколько минут я на опыте понял то, чего не смог бы понять, прочитав о бесах тысячи книг. Спустя какое-то время Алексей пришел в себя, я надел на него скуфейку, и мы продолжили путь к Старцу.

* * *

Старец его принимал и говорил с ним всегда с большой любовью. И всегда при разговоре был спокоен. Он много молился о таких людях, ибо знал, какое мученичество они претерпевают от бесов. Нам он объяснял:

— Если мы, сталкиваясь с ними снаружи, так страдаем от помыслов и страстей, какие же мучения переносят эти несчастные, имея их день и ночь внутри себя?

И качая головой, печально заканчивал:

— Наверное, они проходят адские муки здесь. Но горе тем, которые не покаются, чтобы Бог их милостиво наказал тем или иным образом еще в этой жизни.

И затем он приводил слово одного святого: «Если ты видишь человека, который открыто грешит и не кается, и с ним не случается ничего печального в этой жизни до самого смертного часа, то знай, что истязание этого человека будет без милости в час Суда». И слушая эти слова Старца, мы со все большей симпатией глядели на брата, которого терзали бесы.

* * *

На службы в церковь этот брат не ходил. Он бродил по скалам с четками и кричал непрестанно Иисусову молитву. «Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Эхо разносилось по всей округе. Он узнал на опыте, сколь пополяет беса Иисусова молитва.

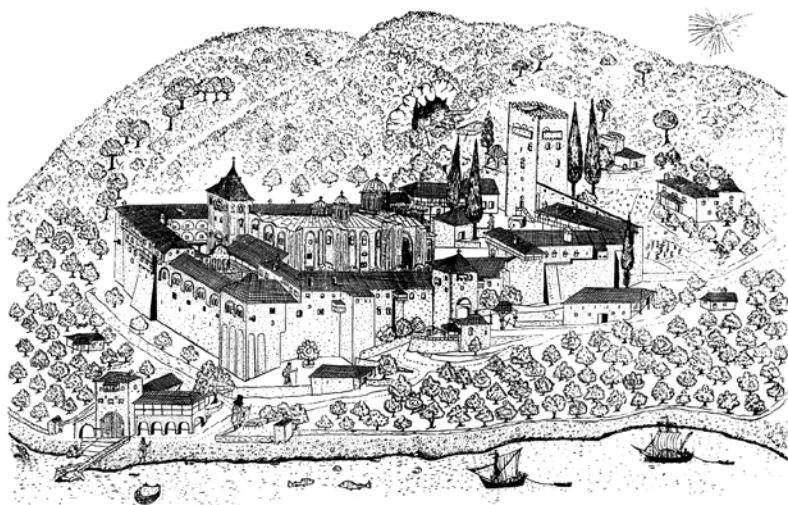
И в то время как он, бродя по скалам, не переставая говорил молитву, вдруг менялся его голос и бес начинал кричать:

— Заткнись! Заткнись, сказал тебе! Ты меня извел! Что ты сидишь здесь, во дворе, что ты бродишь по скалам и бормочешь? Ступай с другими в церковь и брось это бормотание! Ступай и помоги Старцу! Ты его оставил читать одного! Он не сможет один вычитать всю службу, а ты схватил четки и бур-бур-бур. Что ты все говоришь и говоришь одно и то же день и ночь и не даешь мне ни на миг успокоиться? Ты меня достал, ты меня замучил, ты меня жжешь — разве ты не понимаешь?

А когда час искушения заканчивался, брат снова принимался за молитву с четками:

— Господи Иисусе Христе, помилуй мя!

Он очень хорошо понял то, что, как казалось диаволу, он не сможет понять. И когда мы видели, как он мучается, как он борется, как он терпит, мы испытывали боль в душе, но одновременно была и надежда. Он прожил у нас немало времени и ушел в гораздо лучшем состоянии. Но больше мы его не видели. Только Бог знает, что с ним стало.

ОТЕЦ СИМОН

Старчик по имени Симон до монашества был портовым рабочим в Волосе. По утрам он обычно опохмелялся, выпивая ракию, и снова засыпал, чтобы проснуться на следующий день. Однажды кто-то пырнул его ножом неизвестно за что, перерезал ему сухожилие, и с тех пор он сгорбился. Милость Божия привела его на Святую Гору, где он стал монахом. Он жил ниже той каливы, которую мы устроили в Новом Скиту и в которой упокоился Старец Иосиф.

Я служил тогда в церкви Святых Бессребренников, в одноименной каливе. Отец Симон время от времени приходил к нам, и Старец кормил его. Однажды он пришел туда, где я занимался рукоделием, вырезая печати для просфор.

— Батюшка мой, как поживаешь?

— Присядь, отец Симон, присядь, побудь со мной.

— Отченька, сказать тебе кое-что?

— Скажи.

— Я раньше ничего не боялся. А сейчас бьют часы — и я вздрагиваю. Что-то нехорошее происходит.

— И чего же ты боишься?

— Вот именно: раньше не боялся, а сейчас почему-то вздрагиваю. Это достойно удивления. Знаешь, если я помру, то, когда ты об этом узнаешь, приди и подготовь меня к погребению.

— Отец Симон, давай сделаем так, чтобы было наверняка. Ты каждый день будешь сидеть на балконе, чтобы здороваться со

мной, когда я буду идти в Святых Бессребреников. А я буду здороваться с тобой, и так буду знать, что ты жив. Если же не увижу тебя на балконе, то пойму, что ты помер.

— Не стоит, ты и так все узнаешь.

— Но ты все-таки делай то, что я тебе сказал.

В общем, мы посылали ему еду, брал он кое-что и в других местах. Он сидел на балконе и кричал мне:

— Благословите, отченька!

— Благословите, отец Симон! Хорошо!

Наступил канун памяти святого Симона. Было 27 декабря. Пришел отец Симон к Старцу взять еду. Старец был прозорливым, поэтому сказал:

— Отец Симон, не ходи в Новый Скит, приходи сюда, я дам тебе поесть, дам тебе и большую чашу вина — и будет у тебя все прекрасно. Не ходи никуда.

Старец был очень сообразительным.

— Окажешь мне послушание?

— Хорошо, Старче Иосифе, я никуда не буду ходить. Хорошо.

Итак, в тот день взял он еду и пришел посидеть в нашем с отцом Феофилактом дворе. Перед этим мы все вместе пообедали у Старца и пришли в нашу каливу Святых Бессребреников.

— Отец Симон, почему ты не идешь домой?

— Боюсь, отченька.

— Чего же ты боишься?

Старец, будучи опытным, понимал, в чем тут дело. Он старался устроить все с отцом Симоном так, чтобы смерть не застала его пьяным. Он знал его слабость и поэтому говорил ему:

— Не ходи ни к кому в Скит! Не ходи ни к кому в Скит!

Вскоре мы отправились поспать два-три часа перед бдением. И отец Симон ушел. Тогда-то он, должно быть, и подумал: «Куда мне идти?» Забыл наказ Старца и отправился в Скит, чтобы развеять страх. Побывал у кого-то в гостях, провел там вечер, там его угостили ракией: «Выпей одну рюмочку». И когда стемнело, отец Симон был уже пьян. Как ему добраться домой? Дали ему в качестве фонарика керосиновую лампу.

Утром прохожу я мимо его каливы, а отца Симона нет. Прохожу в полдень — был канун Нового года — его не видно.

— Старче, отец Симон помер.

— Да брось ты, откуда ты знаешь? Пообедайте и потом сходите посмотреть.

— Буди благословенно.

Мы поели и легли спать, думая после этого пойти. Но отцу Иосифу Младшему не спалось. Он поднялся и пошел к отцу Симону.

Калитка была отворена. Поднялся он на террасу — дверь в каливу также отворена. А за ней на полу лежал отец Симон. Видимо, идя с керосиновой лампой, он, будучи выпившим, упал, ударился головой и тут же умер. Как только не случился пожар!

Отец Иосиф рассказал все Старцу. Мы отнесли покойника в Скит. К счастью, была зима, стояла холодная погода, и мы оставили его на ночь в своей каливе. Переодели и ночью молились о его упокоении, а от тела уже исходил запах. Мы старались перебить его ладаном. На следующий день — третий после смерти — похоронили отца Симона. Вид у него был такой, будто он спал.

Старец сказал, чтобы мы отслужили по нему, бедному, сорокоуст. И начали мы служить о нем литургии. К середине сорокоуста является мне отец Симон, расстроенный. Я обнял его.

— Отец Симон!

— Отченька мой, отченька!

— Как тебе сейчас?

— Отченька, дела мои не очень хороши.

— Имей надежду! Мы отслужим по тебе сорокоуст — и будет тебе хорошо.

— Благодарю тебя, отченька!

— Мы тебе поможем.

На этом видение закончилось.

«В чем тебя застану, в том и сужу»⁵⁹. Поэтому и сказано: «Стареют и умирают вместе с человеком страсти, которым он поработен». И Бог попускает человеку умереть в этом, чтобы обнаружилось, чем он был пленен.

⁵⁹ Слова Господа, не вошедшие в четыре Евангелия, известные из произведения св. Иустина Философа «Разговор с Трифоном иудеем» (гл. 47).

Глава двадцать пятая

ПОСЛЕДНИЙ ГОД СТАРЦА

Труды, подвиги, посты, лишения — все это сказалось на телесном здоровье Старца Иосифа настолько, что он выглядел стариком. Один посетитель, познакомившийся со Старцем, когда ему только что исполнилось шестьдесят, принял его за семидесятипятилетнего. Старец уже с трудом ходил. Еще в Малом скиту Святой Анны ноги начали ему отказывать. Он мог с передышками перемещаться лишь на небольшие расстояния, а подниматься и спускаться самостоятельно не мог совсем. Мы должны были его толкать на подъеме и поддерживать на спуске. Поэтому-то ходить на литургию было для него большой проблемой, пока мы не переселились в Новый скит.

Помню, как мы шли и я его толкал на подъеме сзади. «Толкай!» — говорил мне Старец. И я изо всех сил его толкал. Снег, дождь... Он не мог идти. Когда я толкал Старца, то его ботинки вешал себе на плечо.

— Подойди, надень мне ботинки, балбес.

Я заходил в церковь и надевал ему ботинки. До самого конца он не прекращал меня испытывать и тренировать, но как благодарен я ему сейчас!

Все тело его время от времени опухало от водянки. Если ему случалось поранить себе руку, то вместо крови выступала вода. Со временем опухание стало подниматься от ног к груди, и тогда у него начиналась одышка при малейшем усилии. Несмотря на это,

он продолжал строго соблюдать свой устав в отношении пищи. Старец и не помышлял о том, чтобы поесть что-нибудь, кроме обычной нашей пищи, в иной час, кроме установленного. Вдобавок, его больной организм не давал ему спать, и он страдал от недосыпания.

* * *

Уже давно Старец желал смерти, ибо спокойная совесть извещала его, что он подвиг добрый совершил (ср. 2 Тим. 4, 7). Чем больше христианин преуспевает в духовной жизни, тем больше он жаждет уйти из жизни земной, чтобы встретиться со Христом. Как пишет святой Иоанн Лествичник: «Тот без сомнения благорискусен, кто ежедневно ожидает смерти; а тот свят, кто желает ее на всякий час»⁶⁰.

Одно из писем Старца свидетельствует, что он был таким святым: «Смерть, которая для многих великое и страшное событие, для меня — одно отдохновение, сладчайшая вещь, которая сразу избавит меня от скорбей мира, как только придет. И я жду ее с минуты на минуту. Она воистину великое событие. Но очень велик и подвиг взять на себя все тяготы сегодняшнего мира, когда каждый требует исполнения всех заповедей от другого... Из-за этого и из-за всего я и стал трупом. Прошу Бога забрать меня, чтобы я отдохнул»⁶¹.

* * *

В конце 1957 года, накануне Нового года, Старец Иосиф почувствовал недомогание и онемение тела. На шее у него образовался большой нарыв. Старец сказал нам:

— Это новогодний подарок.

На следующий день мы увидели, что это место опухло и сильно покраснело. Старца начало лихорадить. Он чувствовал полный упадок сил. У него болела вся левая часть тела. Но он не хотел обращаться на это внимания, он хотел возложить все это на Бога. Поэтому нам не удалось его убедить, чтобы он допустил к себе врача. Однако через два-три дня состояние сильно ухудшилось. Впослед-

⁶⁰ Лествица. Слово 6, 7.

⁶¹ Письмо 30.

ствии мы узнали, что этот нарыв был проявлением серьезного заболевания — фурункулеза. Если в такой ситуации вовремя не оказать медицинскую помощь, наступает заражение крови и смерть. Но Старец по-прежнему не хотел, чтобы мы пригласили врача. Он говорил:

— Если святые бессребреники пожелают, то пусть они меня исцелят. К врачу я обращаться не буду.

Вскоре он оказался на пороге смерти. Мы позвали отца Артемия из скита Святой Анны, который немного разбирался в медицинской премудрости, и сказали с беспокойством:

— Что делать? Старец не хочет, чтобы мы приводили врача.

— Не волнуйтесь. Когда отравление организма усилится, он начнет плохо соображать. Когда он не будет понимать, что говорит, тогда сразу меня позовите, чтобы я ему помог.

Как он сказал, так и случилось. Опухоль на шее стала величиной в два кулака. В какой-то момент Старец начал говорить:

— Арсений, что нам делать? Как мы будем служить литургию? У нас сегодня нет священника.

— Но у нас же два священника, Старче! — ответил отец Арсений.

— А-а-а, действительно. Я думал, что мы в Святом Василии.

Я, как только это услышал, помчался как заяц и через десять минут уже был в скиту Святой Анны.

— Артемий, бежим скорее! Старец начал бредить и не узнает нас.

Отец Артемий пришел к Старцу.

— Как поживаешь, Старче?

— Хорошо. Как ты здесь оказался?

— Да вот, пришел тебя повидать. Что это у тебя с шеей? Вот тут, посмотри. А ну-ка, дай-ка я пощупаю. Не волнуйся.

Он надрезал это место ножом, и оттуда хлынул гной. Отец Артемий тут же очистил рану и залил ее молоком. А нам сказал:

— Если бы вы позвали меня на три дня позже, он бы умер.

* * *

Старец был как парализованный, он не мог держать голову. Мы все плакали и просили его согласиться на лечение. Так как мы силь-

но настаивали, он сжалился над нами и разрешил делать то, что мы сочли нужным. Тогда мы попросили помощи у отцов Нового Ски-та, и отец Макарий предложил сам делать Старцу уколы антибиотиков. Как-то раз он долго не мог найти вену на руке Старца, и тот его ободрил:

— Дырявь, отец Макарий, дырявь!

Между тем отец Артемий продолжал применять мази, а мы ему, как могли, помогали. Отец Хараламбий немного знал хирургию, его научили в армии. Он сидел рядом со Старцем, каждые полчаса помогал ему переворачиваться и каждые два часа менял ему белье. Отец Хараламбий почти не спал. Он лишь иногда позволял себе часок вздремнуть. Также он все время следил за тем, чтобы топилась печка, поскольку была зима. Рядом со Старцем находился и отец Арсений, поэтому отец Хараламбий уходил спать в его комнату, где печки не было.

На протяжении всего лечения мы сделали Старцу сто двадцать уколов антибиотиков и вдобавок столько же укрепляющих. Гнойников было много, и отец Хараламбий резцами для печатей вскрывал их, чтобы выходил гной. Мы резали его по живому, семь разрезов по всему плечу, сверху донизу.

— Режь меня! — кричал Старец.

Кровь текла ручьем. Мы израсходовали более ста пачек ваты. Каждые два часа мы меняли ватную повязку. На рану накладывалось много ваты, которая впитывала в себя кровь и гной. Мы скупили всю вату, которая была в Дафни. Какой большой была рана! Мы чашечкой вычерпывали оттуда гной. В этой ране мог поместиться лимон.

Старец не мог есть ничего, кроме вареной травы⁶² без хлеба. Три ночи мы дежурили рядом с ним, созвав к нему всех, думая, что он умрет. Он нас благословил в последний раз, а мы плакали над ним день и ночь. Но час его еще не пришел.

На протяжении месяца болезнь мало-помалу отступала. Нам прислали одно особое лекарство, и оно, с Божией помощью, могло его выздороветь. Сорок дней Старец ничего не ел. После

⁶² Съедобный вид дикорастущей травы, обычная в посты еда у греков. Едят эту траву вареной с добавлением оливкового масла и сока лимона.

того как он принял лекарство, он поел, уснул, и ему стало лучше. Начав поправляться, Старец говорил:

— Слава Тебе, Боже! Дайте мне поесть, чтобы я мог подняться и исполнять свои обязанности.

Но он оставался в постели еще пять месяцев, не способный двигаться, и мы ему помогали поворачиваться. Ответы на письма, которые он постоянно получал, я записывал под его диктовку.

В конце концов Старец поправился и стал ходить с палочками. Он опять начал готовить еду и писать ожидавшим от него ответа на свои послания. Прошел почти год, прежде чем он окончательно выздоровел. Но и после этого шея и плечо у него болели и он был очень слаб. Одному человеку Старец Иосиф писал в то время: «Большое было испытание. Очень благодарю Бога за то, что Он явил на мне Свою большую любовь. Да прославится Его Божественное Имя. Из мира моим единственным помощником стала только сестра, которую ты знаешь. Как мать, часто присылала все необходимое для больного. Матерь Божия воздаст ей должную награду за любовь»⁶³.

Упомянутой в письме сестрой была госпожа Мария Пападимитриу, муж которой владел известным издательством «Астир».

* * *

Когда Старец уже более-менее вылечился, я его спросил:

— Старче, когда у тебя начался бред, и ты перестал нас узнавать, и был близок к кончине, что ты тогда чувствовал? О чем ты тогда думал?

— Я тебе скажу, дабы ты знал, что в это время происходит. Это будет тебе полезно. Знаешь, что мне сделал диавол? Знаешь, что он хотел со мной сделать?

— Что, Старче?

— Он засунул лом под фундамент и хотел перевернуть все строение моей веры. Все, что построили подвиг и благодать, он хотел опрокинуть. Он хотел убрать Бога из основания моей веры. И когда я увидел, что шатаются устои моей веры, я сказал себе: «Куда я иду? Куда меня ведут?» И когда я ему говорил о благодатных

⁶³ Письмо 60.

состояниях, он представлял их никчемными: «Вот это было по случайности, а это — чисто человеческое». Дескать, это со мной произошло из-за прелести, то — из-за разных обстоятельств, другое — из-за простого обмана чувств, телесных или душевных, и за всем этим ничего не стоит, кроме прелести, дьявола, человеческого естества. То есть все, что было от благодати, все, что я познал из своего опыта, он все это мне объяснял и отбрасывал. И лишил меня всего. Я сказал: «Ого!» Поэтому и просил Бога выздороветь, чтобы отразить эту атаку. Бог соблаговолил — и я вернулся к жизни. Ты видишь, что хотел мне сделать враг!

А я тогда подумал: «Ничего себе! Горе мне! Если уж он Старца хотел запутать, то со мной-то что будет?»

Но такие искушения делают человека более опытным, так что он становится внимательнее и думает: «Без Бога я ничего не могу сделать, даже верить не могу. Если хочет Бог — я верую. Если отнимает Свою благодать — я отпадаю от веры». И если человек будет стоять на этом, то он будет опираться на прочную скалу. А если у него не будет такого помысла, то он стоит на песке, и песок может уйти из-под ног. Скала же не проваливается, и волны не могут ее сокрушить. А дом, построенный на песке, разрушается и морем, и ветром и падает. Дом же, основанный на скале, — не падает. Скала — это осознание того, что человек не может ничего сотворить без силы и благодати Божией. Поэтому, чтобы возникла такая скала, человек должен пройти в своей жизни через многие искушения, отбросить, в итоге, все человеческое и уверовать, что ничего не может он сотворить без благодати Божией. В этом может хорошо убедиться каждый. Но он должен многому подвергнуться и через многое пройти, чтобы в этом удостовериться.

Это подразумевал Старец, когда писал: «Пусть никто не надеется на себя, пока душа его еще в теле. И когда он восходит на Небо, то должен ожидать, что на следующий день спустится в ад. Не говорю уже о том, что в то же самое мгновение может произойти спуск. Поэтому пусть человек не удивляется изменениям, но зарубит себе на носу, что ему свойственно и то и другое»⁶⁴.

Вот почему Бог попустил Старцу испытать это, когда он был болен: чтобы, когда он будет умирать, он оградил себя

⁶⁴ Письмо 10.

смирением, чтобы он не рассчитывал на свои силы и пережитые им ранее божественные явления и благодатные состояния. А также чтобы и нам, молодым, передал Старец свой опыт, чтобы мы все это знали.

* * *

В то время как мы радовались улучшению здоровья Старца, пришел новый недуг — сердечная недостаточность. И если при фурункулезе симптомы были видны сразу и мы могли принять соответствующие лечебные меры, то, когда проявились симптомы сердечной недостаточности, было уже поздно и мы ничем не могли ему помочь.

Первого января 1959 года Старец плохо себя почувствовал: ему стало трудно дышать, он начал задыхаться. Я увидел, как он радуется и говорит отцу Арсению:

— Отец Арсений, благословение Божие!

— Что такое?

— Болит вот здесь. Мне кажется, что теперь это случится. Ах, Матерь Божия! Пусть уже это усилится, чтобы мне поскорее уйти отсюда. Эх, отец Арсений, что-то надвигается!

Он даже крестил грудь, чтобы болезнь усилилась и он ушел. С этого времени у него стали случаться сердечные приступы. И чем хуже ему становилось, тем больше он радовался. Он торжествовал. Я не видел другого такого отважного человека, который с подобной доблестью встречался бы с тем, чего боится каждый. Это видно из письма, которое он написал в те дни: «Я не очень здоров. У меня водянка, и я весь постоянно распухаю, и ко мне подступает что-то вроде обморока. Может быть, мне осталось не много дней. Прошу Бога забрать меня, чтобы я отдохнул. Я устал от этой жизни. Если умру, не забывай меня на своей литургии. И я оттуда буду о тебе молиться еще больше, если обрету большой покой!»⁶⁵

* * *

Слезы у него текли все время, особенно же в начале болезни. Как только он просыпался, у него начиналась сильная

⁶⁵ Письмо 57.

одышка, так что он почти задыхался. Поэтому-то он и не спал. Я, став сиделкой Старца, вел его под руку, куда ему было надо. Через пять минут — рыдания: «Я только что вспомнил Пресвятую Богородицу, нашу Матерь, и не смог удержаться». Он любил Пресвятую Богородицу, можно сказать, страстно. И как ему удавалось при такой одышке и недосыпании сохранять ясный ум!

* * *

Мы хотели позвать врача, но Старец этого не желал. Некоторое время мы уступали Старцу в этом и, когда у него случался приступ, просто соборовали его — и ему становилось лучше. Но день ото дня его состояние ухудшалось, отек поднялся до середины живота. Но и тогда он не хотел, чтобы мы позвали врача.

Мы, братья, разошлись во мнениях. Одни говорили — да, другие — нет. Мы — отец Афанасий, отец Иосиф Младший и я — говорили, что нужно пригласить врача, пусть посмотрит. Старец может этого не хотеть, но мы как его дети должны позаботиться об отце. Другие говорили — нет. Отец Арсений сказал:

— Отец Афанасий, если Старец не позволяет приводить врача, не зови его.

— Мы уморим Старца! Отец Арсений, Старец это говорит из-за самоотречения.

Отец Ефрем Катунский говорил:

— Сказал Старец «нет», значит — нет.

Я же спросил:

— В конечном счете, что нам скажет наша совесть и люди? Будут говорить: как же это вы несколько не помогли человеку? Какие же вы тогда духовные чада?!

В конце концов возобладало наше мнение, нас было больше. Сразу после этого мы позаботились о приходе врача.

* * *

Я отправился в Дафни, позвонил в Иериссос и пригласил к нам врача-терапевта. Когда он пришел, я ему сказал наедине:

— Слушай, скажи Старцу: «Я — паломник, шел мимо, и монахи попросили меня посмотреть вас, поскольку вы больны».

Я вошел к Старцу:

— Старче, знаешь, тут пришел один паломник, он врач. Привести его к тебе, чтобы он тебя осмотрел?

— Это, должно быть, от Бога, дитя мое. Приведи его сюда.

Врач осмотрел Старца и сказал:

— У вас кардиопатия, произошедшая от гнойных миндалин. Вы умрете, если не будете лечиться.

— Спаси Господи! Это вы хорошо сказали: умрете. Я и хочу умереть.

— Чтобы миновала опасность, я вам назначу таблетки от отеков и уколы: общеукрепляющие и от миндалин.

— Ладно, пускай.

Когда уколы закончились, Старец сказал:

— И почему я не умер? И руки свои я обнажил для уколов, и зад. Вот что со мной случилось. Ведь я говорил Богу: «Я не хочу врачей. Хочу, чтобы Ты, Боже мой, был моим врачом».

После таблеток и уколов Старцу стало легче. Однажды, когда я к нему зашел, он сказал:

— Хорошо! Это был первый врач в моей жизни. Хороший врач. Разобрался, что со мной.

После этого он повернулся и посмотрел мне в глаза:

— Подойди сюда, малой. Врач сам пришел?

— Бог его послал.

— Да, дитя мое, от Бога это было. Спаси его Господи! О Боже мой!

Прекрасно. Но ведь я солгал, так получается?

Вечером, перед тем как мне служить литургию, Старец сидел в своей стасидии. Я подошел к нему положить поклон. Как же мне теперь служить литургию, после того как я солгал, причем солгал своему Старцу? Я ему должен сказать правду! Должен исповедаться. Я подошел к нему и сказал:

— Старче, простите меня, врача пригласили мы. Но мы это сделали, Старче, по любви, как ваши дети. Ведь вы — наш отец, и мы должны о вас заботиться.

Он посмотрел на меня. Конечно, он понял, почему я это сделал, и, улыбаясь, взял мою голову в руки и сжал ее:

— Ума палата в этой головушке. Ладно, дитя мое, ступай и

служи литургию. Бог простит тебя. Я знаю, что ты это сделал по любви.

* * *

В день накануне Сретения я должен был идти в монастырь Святого Павла на престольный праздник обители, так как мы подчинялись этому монастырю. Едва я подошел положить поклон Старцу, у него сильно схватило сердце, сердечная недостаточность была такой, что, казалось, он умирает. Вид у него стал как у покойника. Он еле дышал.

— Иисусе мой, помилуй мя! Иисусе мой, помилуй мя! Иисусе мой, помилуй мя! Иисусе мой, помилуй мя!

Только это он и говорил. На последнем дыхании он непрестанно говорил молитву. Как только я это увидел, так сразу подумал: «Все, дыхания нет, отходит, кончается». Взял его за руку, чтобы послушать пульс. Где там! Спросил его:

— Старче, ухóдите?

— Нет.

Он мне сделал знак, чтобы отслужили елеосвящение. Как только мы пособоровали Старца, ему сразу стало лучше, сердечный приступ как рукой сняло.

Когда наступила Великая Четыредесятница, еще раз проявилась его рассудительность. Так как состояние организма было очень плохим и он был, как говорится, одной ногой в могиле, Старец первый раз за всю монашескую жизнь позволил себе ослабить пост. Это послабление было для того, чтобы он мог держаться на ногах. Он видел, что, ослабляя пост, сможет лучше подвизаться в молитве.

После Пасхи у него случился еще один сердечный приступ, который продолжался целых три часа. Я видел, как он угасает, и спросил:

— Старче, уходите?

— Нет, отец, — ответил он мне.

Пульса у него не было.

— Пособоровать вас?

Как только мы его пособоровали, сердечный приступ прекратился.

После приступа Старец заплакал и произнес строку из заупокойной службы: «Увы мне, яковый подвиг имать душа разлучающийся от телесе!»⁶⁶

Сколько было слез, как он плакал! Старец Арсений говорил:

— Ты все еще плачешь? Почему ты плачешь? Ведь с твоим здоровьем нельзя столько плакать.

Старец отвечал:

— Оставь меня, отец Арсений, успокойся, оставь меня, оставь.

* * *

В то лето с ним случился еще один сильный сердечный приступ. Накануне Старец ответил на несколько писем: он диктовал, я писал. Сам он тогда писать не мог. Утром я ему сказал:

— Старче, я пойду отправлю письма.

— Побыстрее возвращайся, ты мне нужен рядом.

Я все понял. Молнией бегу вниз. Отправил письма, возвращаюсь — а у него только что схватило сердце. Он это предвидел. Старец непрестанно повторял:

— Иисусе! Матушка моя! Иисусе! Матушка моя!

Пресвятую Богородицу он называл Матушкой.

Поскольку его сердце не могло произнести Иисусову молитву, он говорил ее устами. Я сел рядом с ним, взял его за руку. Началась, как мне показалось, агония. Он стал как мертвый. Тем временем повидать Старца пришел один монах.

— Что вы хотите, отче?

— Увидеть Старца.

— Старец кончается.

— Мне уйти?

— Да, он не сможет с вами поговорить.

Четыре часа продолжался приступ, и четыре часа потребовалось, чтобы Старец пришел в себя. И когда он пришел в себя, тогда спросил:

— Что хотел отец Константин?

Как он его увидел, если пульса совсем не было?

⁶⁶ Стихира 2-го гласа прп. Иоанна Дамаскина из Службы погребения.

— Он хотел вас навестить, Старче. И я ему сказал, что вы не можете.

— Хорошо.

— Старче, вы уйдете?

— Нет.

В душе он знал, уйдет он или нет.

— Что вы чувствовали, Старче, во время приступа?

— То, что чувствует человек с босыми ногами на горящих углях. Так я себя чувствовал. Так я горел из-за сердца. Молитесь обо мне.

Несмотря на всю меру своей святости, он хотел человеческого участия, хотел нашей молитвы по четкам.

* * *

Старец говорил нам:

— Не трудитесь напрасно, пришел мой час уйти. Вы только меня мучаете. Но если вы настаиваете, делайте как знаете.

И мы старались, особенно отец Иосиф Младший, с помощью разных врачей и различных лекарств поддерживать его жизнь. Мы описывали его симптомы в письмах к тем его духовным чадам, которые были врачами, и они нам присылали лекарства. Нам присылали и деньги, потому что мы неоднократно приглашали врачей из мира и каждое такое посещение стоило более тысячи драхм, не считая лекарств. Но не было воли Божией на то, чтобы он оставался здесь. Пришло его время уходить. Это видно и из писем, написанных им тогда: «Я уже совсем больной. Я, как какой-нибудь ослабленный, десять шагов не могу сделать»⁶⁷. «Врач поддерживает меня уколами и говорит, что я выздоравливаю. И братия моя плачет, не дает мне уйти»⁶⁸.

И в другом письме: «Много расходов и лекарств, а здоровья нет совсем. Потихоньку шагаю на ту родину. *Не имамы бо zde пребывающаго града* (Евр. 13, 14). Братия старается всеми средствами возратить меня обратно, но, к сожалению, я быстро шагаю в могилу. Пойду туда ждать вас»⁶⁹.

⁶⁷ Письмо 7.

⁶⁸ Письмо 76.

⁶⁹ Письмо 61.

И еще он писал: «Я написал тебе, что одышка — от болезни сердца. Но в глубине истины — это от Бога. Ибо молодым я подвизался по произволению, а теперь настала необходимость подвизаться вопреки произволению, дабы иметь и большую награду. Я вижу все, дитя мое, но что поделать? Братья твои не успокаиваются. Хотят меня оживить. Я вижу: надо мной рука Господня. Плачу я, нищий, безутешно и бесполезно. Кричу им: “Дайте мне умереть!”»⁷⁰.

В то время, незадолго до его преставления, отец Ефрем Катунакский попросил Старца написать ему письмо, которое хранилось бы у него как сокровище. И Старец написал ему такие слова: «Утроба моя божественная и священная, возлюбленное чадо мое отец Ефрем, отечески тебя целую. Дарю тебе всю свою любовь, тебе даровано мое последнее благословение — то, которое мы преподали всего два дня назад. Последние десять дней мне было очень плохо, я ничего не ел. Два дня как пришли какие-то лекарства из Америки, и я начал их принимать и получил от них пользу. Посмотрим, до каких пор они будут помогать. Я не думаю, что поправлюсь. Как ни бьется братия, ничего у них не получается, только задерживают мой уход. Организм мой отравлен. Тело мое не понравится червям и останется целым. Им не захочется его есть. Итак, будь спокоен. Пока еще не пришел час. Обнимаю вас от всей души. Смирный и многострадальный С. Иосиф»⁷¹.

⁷⁰ Письмо 81.

⁷¹ Γέροντας Ἐφραίμ Κατουνακιώτης, ἔκδοσις Ἱεροῦ Ἠσυχαστηρίου «Ἅγιος Ἐφραίμ», Θεσσαλονίκη, 2000. Σελ. 58. См. также рус. пер.: Старец Ефрем Катунакский. М., 2002. С. 56.

ПРЕПОДОБНИЧЕСКАЯ КОНЧИНА СТАРЦА

Шли дни. Старцу становилось все хуже. Мы уже не оставляли его одного, всегда кто-нибудь из нас был рядом. Однажды я сидел вместе со Старцем в его келии. Он был в своем креслице, а я поддерживал его сзади. Вдруг открылась дверь церкви, и затем распахнулась дверь келлии, где были мы со Старцем. Я увидел огромного монаха без бороды, в кукуле, с крестом на нем, в великосхимническом облачении с красным рисунком — как это было при явлении ангела святому Пахомию. Вид его был приятен и строг одновременно. Он весь сиял белым светом. Он вызывал в душе страх и любовь, два этих чувства одновременно — страх и любовь. Как только открылась дверь, он посмотрел мне прямо в глаза и затем на Старца. Потом закрыл дверь и ушел. Когда он ушел, у меня было четкое ощущение, что он нам сказал: «До времени». Я был на тысячу процентов уверен, что это был архангел Михаил. Тогда Старец мне сказал:

— Малой, ты видел его?

— Видел.

— Это был архангел Михаил. Он нам сказал: «До времени».

Он не отверзал уст, но ангелы и святые говорят внутренней речью. И я понял: «до времени» означает, что спустя какое-то время он придет вновь. Действительно, не прошло и месяца, как он пришел и забрал Старца.

* * *

Как-то раз я исполнял свое послушание: готовил для братии и ухаживал за Старцем. Когда я готовил во дворе, я произносил устами Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» По заповеди и совету Старца я во время послушания читал Иисусову молитву вслух. Держа в руках четки, Старец наблюдал за мной. Слыша, что я непрестанно говорю молитву, он очень радовался. Ибо если он видел, что кто-то не говорит Иисусову молитву, то думал: «Молится ли брат про себя? Не блуждает ли его ум?» И как духовный отец он беспокоился. Но когда Старец нас слышал, тогда был уверен, что мы действительно молимся. И в то время как я готовил с молитвой, Старец мне сказал, радуясь моей молитве и зная о своем скором уходе:

— Дитя мое, говори Иисусову молитву — она будет утешением в твоей жизни. Держи ее — и все будет идти как часы. Держи Иисусову молитву — и во всем преуспеешь. Не бойся. После моего отшествия эта молитва будет для тебя всем, будет тебя поддерживать на твоём духовном и монашеском пути. Не оставляй ее, дитя мое.

Он нашел, где бьется пульс. И сила его слова была не такая, как у рассуждающих в теории.

— Вашими молитвами, Старче, я буду ее держать.

И я продолжил готовить. А Старец сидел рядом со мной и слушал, как я молился.

* * *

Незадолго до его преставления, я задумался: «Когда преставится Старец, что я буду делать? Я пойду в тихое место, где меня не найдет ни один человек. Я не буду служить, буду делать крестики, брать за них немного пищи, сухарей раз в пару месяцев и вновь уходить к себе. И как меня научил Старец молиться, так и буду делать. Мы знаем, что такое четки и поклоны. Так я исчезну. Общаться с людьми я не буду».

Однако Старец понял, о чем я думаю, и сказал:

— Смотри, ты весь скукоженный и ни на что не годный, поэтому, когда я уйду, ты останешься здесь. Я тебе оставляю Благовещенскую церковку и послушника отца Тимофея⁷².

⁷² Об о. Тимофее см. подробнее во второй книге (глава IX. «Благословенная община. Новые члены общины в последний год жизни Старца»).

— Буди благословенно.

Я не возражал. Обычно, когда Старец умирает, ты освобождаешься. Но мы сохранили послушание и после смерти нашего Старца.

* * *

Хотя Старец был очень болен и слаб, он за несколько дней до преставления сказал мне ради наставления и духовной помощи: «Дитя мое, я чувствую в себе целый рай. Очень большая благодать. Иисусова молитва идет как часы. Ни одна страсть не шевелится. Благословение Божие! Войны я не ощущаю, помыслов у меня нет, нет никаких восстаний. Все это — не сегодняшнее достижение, все это — с молодости. Это плод юношеских трудов. Тогда все это родилось, а теперь приходит заслуженная награда.

Видишь, какую пользу принесли труды молодости? Видишь, что ничто не пропало даром? Бог посчитал все до мелочи. И за один стакан воды христианин удостоивается награды. Тем более труды монашеские пред Богом удостоиваются воздаяния: здесь — благодатью и благословением, а в ином мире — “кладутся на счет” в банке Божиим. И когда монах отойдет из этого мира, когда окажется наверху, в мире ином, тогда всю эту сумму трудов он “снимет со счета”. То есть его ожидают сбережения, собранные его трудами. И чем больше сумма, которую он, пребывая здесь, положит туда, тем богаче он станет в раю.

Поэтому если вы не будете подвизаться, не будете трудиться, не поработаете теперь, в вашей молодости, то в вашей старости у вас не будет никакого дохода. Вы не получите духовной пенсии. Так постарайся, дитя мое, потрудиться, чтобы, когда пройдут годы и ты состаришься, все это обрести. Как говорили наши деды: трудись в молодости, чтобы обрести в старости.

Вот и мы с отцом Арсением очень много потрудились, а теперь приходит Бог и воздает за труды. Теперь, когда мы в преклонном возрасте и уже уходим из земной жизни, мы чувствуем все это в своей душе. Я говорю тебе об этом, чтобы ты помнил. Ведь ты еще мал, и мои слова тебе пригодятся завтра».

* * *

Каковы же были труды Старца? Прежде всего, это было молчание. Очень важная добродетель для того, чтобы преуспеть в умной

молитве. Молчание не только телесных уст, но главным образом уст душевных, уст ума. Ум не должен рассеиваться и бесцельно бродить там и сям. Такое рассеяние ума — серьезное препятствие для умной молитвы.

Старец был последним учителем умной молитвы. Он имел не только молитву, но и трезвение. Он познал таинство сердечной молитвы во всей его полноте. Познал, воспринял и носил в себе нетварный свет. Такова была красота, таков был плод трудов Старца, трудов тяжелых и многолетних.

Сам он признавался за несколько дней до блаженной кончины: «Дитя мое, Бог удостоил меня познать всю глубину, высоту и широту умной молитвы. Я был очень дерзновенным и проник во все виды молитвы. Я испытал все. Ибо когда благодать приблизится к человеку, тогда ум — эта бесстыдная птица, как его называет авва Исаак, — желает проникнуть всюду, испытать все. Он начинает от создания Адама и заканчивает такими глубинами и высотами, что, если Бог не поставит ему преград, он не вернется назад».

* * *

Я не могу забыть еще один случай, произошедший незадолго до преставления Старца. Я был во дворе его каливы. Старец вышел во двор, посмотрел на небо и сказал:

— О Боже мой! У Тебя есть такое сокровище, но нет людей, которые бы его стяжали и приняли. У нас такое огромное богатство, а нам некому его передать и оставить в наследство.

Я, младенец в духовной жизни, не мог тогда постичь весь глубочайший смысл этой скорби Старца. Теперь я его понимаю.

Где ныне такие великаны? Их нет. Есть духовные отцы, но не такой меры.

* * *

В самом начале моего послушничества Старец привел мне святоотеческое изречение: «Угодил своему Старцу — угодил Богу». Угодение Старцу стало для меня целью жизни: «Если я в этом не преуспею, то окажусь ни на что не годным». И я всегда стремился к этой цели. Я молился: «Удостой меня, Боже, унаследовать благословение Старца». Я служил Старцу до последнего мгновения и делал все, чтобы наилучшим образом исполнить

свой долг перед ним. Но в последние мгновения его жизни я хотел знать, угодил я ему или нет, независимо от того, что мне говорила совесть. Я хотел это услышать от Старца. Конечно, мне не хотелось спрашивать об этом своевольно и опережать Старца своим вопросом. Но я сильно беспокоился, достиг ли я своей цели, и поэтому спросил его:

— Старче, я прожил все эти годы, день и ночь беспокоясь о том, чтобы вам угодить. Поэтому все, что я делал, я делал для вас. Преуспел ли я в этом по благодати Божией?

— Как ты утешил меня, дитя мое, Бог да утешит тебя, — ответил он мне.

Уф, я успокоился. В этих словах было для меня все.

Незадолго до смерти Старца я ему сказал:

— Старче, можешь помолиться обо мне теперь?

— Подойди, дитя мое, я тебе сделаю «елеосвящение».

Он меня обнял, прижал мою голову к своей груди и своей рукой меня крестил, крестил, крестил, говоря молитвы. Это было воздаянием за все мои труды. Ничего другого я не желал. Но кроме этого, к моему великому утешению, он мне сказал и кое-что еще:

— Если я обрету дерзновение пред Богом, то, прежде чем ты уйдешь из этого мира, я приду известить тебя о твоём уходе и приду, чтобы забрать тебя, когда ты будешь умирать.

Придет? Поможет мне, когда будет выходить моя мрачная и черная душа? Велико было его дерзновение пред Богом!

* * *

За некоторое время до его кончины я спросил:

— Старче, служить нам по тебе сорокоуст? Один — я, и один — отец Харалампей?

Этот великий и мудрый человек Божий мне ответил:

— Если бы я надеялся спастись только этим, то пусть восплачет обо мне моя мать! Тогда я был бы самым несчастным человеком. Но чтобы ваша совесть была спокойна, отслужи половину ты, и половину — отец Харалампей.

Вся его забота была о том, чтобы заранее быть готовым и не дожидаться помощи от других, дабы обрести спасение. Он был готов потому, что каждую ночь на своем бдении размышлял о том, как

прожил день, какая страсть его беспокоила, и снова принимался бороться с ней, чтобы ее уничтожить. Такая работа, готовящая его к исходу, происходила в молитве Старца каждую ночь. И она готовила его к встрече со смертью, я бы сказал, в совершенстве. Старец сделал все, что возможно сделать человеку. Поэтому-то он мне и сказал однажды, когда приближался конец:

— Дитя мое, как я пройду через мост? Вся трудность в этом. После этого, по благодати Божией, счет с Богом улажен, насколько это зависит от человека. Только мост как пройти?

Такой чистой и спокойной была его совесть. То, что он был очень хорошо подготовлен, показали его последние минуты: он плакал от большой любви ко Христу и Пресвятой Богородице. Совесть его не обличала ни в чем. Он ожидал смерти как праздника, как счастливого дня, как высшего избавления от пут этого мира. Он с нетерпением желал увидеть Лицо Божие и насладиться и насытиться Его красотой, войти в ангельский чин, к которому непрестанно стремился принадлежать всю жизнь.

* * *

Любовь Старца к Пресвятой Богородице невозможно описать. До сих пор я еще не встретил человека, который так сильно любил бы, так почитал бы, после Бога, Пресвятую Богородицу, как Старец. Из глаз его текли слезы уже от того, что он произносил Ее имя, или видел Ее икону, или слышал, как кто-то поет какое-нибудь песнопение в Ее честь. Однажды у него случилась бессонница, и он объяснил мне ее причину: «Только из-за того, что я вспомнил Матерь Божию, я не мог уснуть». Так он Ее любил.

В его письмах мы видим, как он любил Пресвятую Богородицу: «Я не могу поцеловать один раз икону Богородицы и отойти. Но когда подхожу к ней близко, она как магнит притягивает меня к себе. И нужно, чтобы я был один. Ибо хочу часами ее целовать. И какое-то живое дыхание наполняет изнутри мою душу, и я наполняюсь благодатью, и она не дает мне уйти. Любовь, речение Божие, огонь пылающий, который, как только ты войдешь в церковь, тебя опережает — если икона чудотворная — и распространяет такое благоуханное дыхание, что остаешься часами в восхищении, будучи не в себе, а в благоуханном раю. Такую благодать дает наша

Богородица тем, кто сохраняет свое тело в чистоте... Все святые сотворили много похвал нашей Матери Божией, но я, убогий, не нашел более прекрасной и более сладкой похвалы и имени, чем так призывать Ее в каждый миг: “Матерь моя! Сладкая моя Матушка!” И как только мы Ее призовем, Она сразу спешит на помощь. Не успеваешь сказать: “Пресвятая Богородица, помоги мне!” — и сразу как будто молния озаряет ум и наполняет светом сердце. И влечет ум к молитве и сердце — к любви. И часто проходит целая ночь в рыданиях и сладкозвучных гласах, воспевающих Ее, а прежде всего — Носимого Ею»⁷³.

Он давно уже просил Ее забрать его, чтобы отдохнуть. Бывало, он держал в объятиях икону Матери Божией и со слезами говорил: «Когда Ты придешь за мной? Когда примешь мою душу?» Поэтому благой Бог и Пресвятая Богородица удостоили Старца великой чести: в день Ее Успения даровали успение и ему, ясно показав, как Матерь Божия отозвалась на его желание встречи с Ней, как явно его встретила и наградила.

* * *

Старец сильно страдал. Поэтому в начале июля он решил позвать священника из скита Святой Анны, отца Ананию, для соборования. Старец хотел, чтобы мы попросили Бога забрать его душу. Однако Бог не забрал его сразу, но известил, что он уйдет в день Успения Пресвятой Богородицы. Тогда Старец мне сказал:

— На какой день недели, дитя мое, выпадает праздник моей Матушки?

Я посмотрел по календарю и сказал ему день.

— В этот день я уйду из мира. Принеси-ка сюда, дитя мое, одежду, в которую меня оденете, а то, может быть, вы ее не разыщете в тот день. Расстроитесь тогда, что не можете найти. Поэтому приготовим ее сейчас, чтобы ты был спокоен и не думал уже об этом. Вон там — моя ряса, там — мой подрясник, там — пояс, там — схима. Принеси все это сюда, дитя мое, положи в пакет и повесь вон туда, навверх. И когда придет час, у тебя все будет готово.

⁷³ Письма 34, 36, 33.

Все как у хорошего хозяина.

Проходили дни, было очень трудно, все время было плохо с сердцем. Еще оставалось немало дней до преставления, когда он мне сказал:

— Смотри, купи накануне арбуз, возьми и сырка, замеси тесто, чтобы был свежий хлеб. Пусть будет у тебя достаточно и свечек, и четок, чтобы ты раздал их отцам и они потянули бы за меня четку. А похороните меня вон там.

Я все приготовил, все нашел. Старец заботился о своем исходе так, что могло показаться, будто речь идет о путешествии и он просто ожидает повозку.

Мы же, напротив, делали все возможное, чтобы удержать его в жизни или, по крайней мере, чтобы он не страдал от своей болезни и не задыхался. Старец, однако, говорил нам:

— Не трудитесь, дети. Чтобы вы ни делали, я все равно уйду. Вы лишь молитесь обо мне, чтобы не встретилось мне какого-нибудь неожиданного препятствия.

Я служил литургию, причащал Старца каждый день. Он ничего не ел, только немного сухарей и арбуз, чтобы заесть таблетки.

* * *

Наступил канун праздника Успения, 14 августа по старому стилю. Я и отец Арсений были на кухне, когда Старец мне сказал:

— Замоchi, дитя мое, рыбу, пусть выйдет соль, чтобы приготовить трапезу отцам на Успение.

А когда я замочил, он мне сказал:

— Смотри, не передержи ее в воде, чтобы она не испортилась.

Этот человек готовился уйти, но даже и в этот момент заботился, чем он нас будет угощать!

В тот день рано утром я ему сказал:

— Старче, помыть тебе ноги?

Никогда раньше он мне этого не позволял. Но в тот день согласился.

— А ногти тебе подрезать?

— Подрежь.

Никогда он мне не позволял их подрезать. И они выросли... Матерь Божия! Он их никогда не подрезал. Это был бесподобный

человек! Еле-еле я смог их подрезать ножом. Куда там было ухватить их даже кусачками!

— Старче Арсений, помыть и тебе ноги?

Он не хотел, но Старец сказал:

— Позволь ему, пусть у малого останется память.

Итак, я им помыл ноги, подрезал ногти. Потом он начал сильно задыхаться. Я стал его обмахивать — ему полегчало. Потом, от большого сокрушения, Старец начал плакать. Смерть он ожидал всю жизнь. Ведь пребывание его здесь было подвигом, и трудом, и болью. Его душа жаждала упокоения, и тело тоже. И хотя с самого начала он нам привил отчетливую память о смерти, на нас произвело очень сильное впечатление, как он сроднился со страшным таинством смерти. Казалось, он готовится к празднику. Настолько его совесть извещала его о Божией милости. Однако в последние дни он плакал более обычного.

Отец Арсений подошел и, как мог, стал утешать Старца:

— Старче, столько трудов, столько молитв ты совершил за всю свою жизнь, столько слез пролил! И опять плачешь! Не плачь больше, а то опять начнешь задыхаться.

Старец посмотрел на него и вздохнул:

— Арсений, Арсений... — как будто он ему говорил: «Ничего-то ты не понимаешь, Арсений».

Старец плакал не о своих грехах. Он проливал слезы, ибо чувствовал, что уходит и направляется к возлюбленному Богу и к возлюбленной Пресвятой Богородице. Поэтому то, что он чувствовал, знал только он. Для нас же это было покрыто мраком.

* * *

После слез лицо его просветлело. Было даже и не видно, что он болен. В это время пришел господин Сотирис Схинас, издатель церковного бюллетеня Святой Горы. Господин Схинас Сотиракис — так мы его ласково называли — был нашим хорошим знакомым. Он пришел, чтобы оформить подписку. Старец сказал:

— Добро пожаловать, дорогой господин Сотиракис.

— Как поживаете, Старче, как себя чувствуете? — спросил тот и поцеловал его руку.

— Я болен.

— По вам не скажешь, что больны. Вы выглядите прекрасно.
— Завтра вы об этом услышите.
— Да ну! Не бойтесь, Старче. Я буду на праздничном бдении в скиту, рядом с вами.

— Тогда вы услышите и зауспокойный колокол.

— Ах, Старче, не верьте в это!

— Хорошо.

Затем Старец мне сказал:

— Вавулис, отдай деньги господину Схинасу и угости его.

Я ему дал один кусочек лукума, холодной воды, деньги, и он ушел. Он не придавал значения словам Старца, потому что видел, как бодро Старец разговаривает. Старец сиял, но господин Схинас не знал, почему он сияет.

Перед тем как уйти, господин Схинас сказал:

— Прекрасно, Старче!

А потом спросил его:

— А все эти монахи — твои?

На минуту Старец задумался. Потом улыбнулся и ответил:

— Видишь этих монашков? Они покорят Святую Гору!

Так и случилось. Община отца Иосифа Младшего восстановила монастырь Ватопед, отец Харалампий стал игуменом в монастыре Святого Дионисия, я — в монастыре Филофей, а мои духовные чада возродили монастыри Ксиропотам, Каракалл и Констанонит. А отец Ефрем Катунакский особенно полюбил монастырь Симонопетра и очень помог этой обители. Старец предвидел наше будущее. Поэтому накануне смерти сказал:

— Нет вам благословения жить вместе после моей смерти. Каждый будет жить отдельно.

* * *

Наступил вечер, и я должен был служить в своей Благовещенской церковке, а затем в домике Старца, потому что у нас было несколько церковок и мы служили в них литургии по очереди. Это был единственный день, когда Старец не смог молиться в церкви как из-за жары, так и потому, что задыхался. Он сел на балконе рядом с окном храма и помогал петь. С трудом он спел Трисвятое вместе с нами. Я служил в алтаре, он подошел, причастился. Когда причастился, сказал: «В напутие живота вечного».

Я собрался идти в свою келлию. Пошел и Старец в свою келейку, сказав мне:

— Ты теперь ступай отдохни и быстро приходи, как только рассветет: может быть, ты мне будешь нужен.

Я положил поклон, пошел к себе, немного поспал, проснулся, пришел к Старцу и застал его с отцом Арсением во дворе, под виноградом. Вся нижняя часть его тела опухла. Это была сердечная недостаточность. Отек дошел до сердца.

Старец встал, вышел ненадолго на открытое место и посмотрел ввысь, окинув взглядом все вокруг с одного края до другого. Как будто он все это видел в последний раз, как будто прощался с миром. Затем снова сел и сказал мне:

— Отец, смотри, чтобы рыба у вас не протухла. Ты дашь отцам арбуз, хлеб, сыр и каждому четки. Дай-ка мне мою таблеточку.

— Хорошо, — сказал я.

Я принес и водички, он ее выпил.

— Дитя мое, отведи-ка меня в келлию, есть одно дельце.

Я обнял его, чтобы поднять. Но так как он был сильно опухший, а я совсем слабый, он мне сказал:

— Ты не можешь один меня поднять, позови Бранко.

Это был могучий телосложением и очень благоговейный послушник-серб, сильно любивший Старца⁷⁴. В тот момент Бранко занимался чем-то в саду напротив. Я его позвал, и он пришел. Мы подняли Старца и, поддерживая, потихоньку отвели внутрь. Подождали снаружи, а затем снова посадили его на скамеечку под виноградом во дворе. Там он мне сказал:

— Дитя мое, что-то я сегодня плохо вижу.

— Старче, даже если бы кто был из железа, то и тогда он не вынес бы того, что ты терпишь. То, что ты теперь не видишь, это пусти. Все это зачтется тебе как мученичество.

— Да, — ответил он, — правильно.

* * *

Спустя немного времени Старец мне сказал:

— Солнце поднимается, дитя мое. Что же Бог меня не забрал?

⁷⁴ О Бранко см. подробнее во второй книге (глава IX. «Благословенная община. Новые члены общины в последний год жизни Старца»).

Это же было решение Божие, почему Он медлит меня взять? Солнце все выше, я уже должен был уйти.

Это было последнее посещение лукавого. Как только он увидел, что терпение Старца немного поколебалось, так сразу вцепился в него, словно все время следил за ним. Дьявол сказал ему: «Раз солнце уже поднялось, значит, извещение было неверным. Еще протянешь, не умрешь». Подумать только! Хотя Старец и был исполином и боговидцем, но и он в последнее мгновение подвергся опасности. Лишь только Старец пожаловался, враг в ту же минуту в него вцепился, ему хватило и одной минуты. Лишь только появилась трещинка в стене дома его души, как дьявол сразу постарался туда подложить динамит, чтобы взорвать его душу. Потому и подсунул ему помысл: «Ты не уйдешь, будешь дальше мучиться». Так он хотел подорвать его веру.

Старцу пришлось пережить этот момент слабости, чтобы он не надеялся на самого себя, не полагался на свои силы и со смирением прошел смертный путь. Ведь в тот момент дьявол мог бы ему сказать: «Вот ведь, ты раскусил меня, я тебе устроил ловушку, но ты победил меня своей опытностью и своей смекалкой!» И Бог, чтобы удержать Старца в смирении, как будто сказал ему: «Смотри, если в последнее мгновение Я тебя оставляю, то тебя, великого и премудрого в глазах людей, дьявол одним лишь ложным помыслом поймает на крючок. Настолько ты никуда не годный, глиняный человек. То, чему ты учил, то и увидел на деле: ты — глина».

Земля уходила из-под ног Старца. Он желал уйти, потому что страдал и потому что это желание было от Бога. Но он не ушел в тот час, в который рассчитывал. Он думал уйти на рассвете, но Бог восхотел, чтобы это случилось спустя два часа после восхода солнца. Старец не ошибся в предвидении того, что уйдет, он правильно понял извещение от Бога, что уйдет в день Успения. Но Бог дал ему последний урок познания человеческой немощи, урок ненадеяния на себя. «Ты поверил в себя? Поверил, что на что-то способен? Тогда ты будешь бессилен без Моей благодати. Ты не сможешь сделать ничего, сколько бы лет ни прожил, сколько бы опыта ни приобрел. Сила Моя в немощи совершается». Потому-то святые Божии и были непоколебимы, что сознавали: «Без благодати Божией я бессилен совершить и малейший подвиг».

— Старче, — сказал я ему, — так хочет Бог. Он не отменяет Своего решения.

Я видел, как он печалится. Вдруг — сам не знаю, как меня просветил Бог, — я в произвольном порыве дерзновенно сказал ему:

— Старче, не расстраивайтесь. Мы сейчас сотворим молитву — и вы уйдете.

Этого Старец и ждал. Он был очень сообразительным, духовным, быстро схватывал даже мелочи. То есть он ждал, каким образом Бог укажет ему, что зеленый свет зажегся. Бог его предуведомил, но до этого мгновения еще не зажег зеленый свет. И я ему сказал:

— Не расстраивайтесь, в последние мгновения у дьявола много козней и он все ставит с ног на голову.

Что я ему говорил! Ученик — учителю! Я, мальчишка рядом с этим исполином, в тот момент оказался его благодетелем. Старец, должно быть, подумал: «Этот малой получил извещение от Бога». Он понял это, и слезы его прекратились. Он меня попросил:

— Вытри мне слезы.

Я их вытер, и Старец сказал:

— Возьми меня и посади возле дверей, позови отцов, пусть они положат поклон и возьмут мое благословение.

— Отцы! Идите возьмите благословение Старца!

Они положили поклон, и он им сказал:

— Разойдитесь по келлиям и молитесь по четкам, чтобы я скончался быстро: я спешу отойти ко Спасителю Христу.

— Я, — сказал отец Арсений, — никуда не пойду!

— И ты ступай, — сказал ему Старец.

— Будь благословенно.

Мы все разошлись: отец Арсений в свою келейку рядом, серб ушел в келию напротив, отец Харалампий и отец Тимофей — в свою каливу внизу, а я — в мою каливу еще ниже. Там я преклонил колени и начал просить:

— Архангеле, прииди и забери Старца, потому что он больше не может. Раз уж Бог решил, что он уйдет, пусть это будет на час раньше. Нельзя больше медлить, ибо много чего хочет и может сделать нам сатана. Зачем Старцу так мучиться, так задыхаться?

Лишь только мы все ушли, пришел откуда-то отец Афанасий и сказал Старцу, сидевшему на скамеечке:

— Старче, скит поручил мне сделать сбор пожертвований на престольный праздник, на расходы. Дай мне благословение, чтобы я пошел по монастырям.

— Отец Афанасий, посиди здесь. Позже пойдешь.

— Но, Старче, я не могу! Я должен идти, а то не успею.

— Отец Афанасий, садись, иначе будешь каяться.

— Но я не могу, Старче! Дай мне свое благословение, и я пойду. Я не могу, я должен идти, я не успеваю.

Увидел Старец, что тот не слушает, и тогда внезапно сказал:

— Ох, воздуха! Задыхаюсь!

— Что случилось?

— Возьми картонку и помаши мне!

Конечно, дышать ему было трудно, но в тот момент он не задышался, он сказал так, чтобы удержать отца Афанасия, ведь потом того мучила бы мысль, что он не оказался рядом со Старцем в его последние минуты, и им овладело бы отчаяние. Только Старцу удавалось удерживать его в рамках. Старец, видимо, подумал: «Теперь, когда меня не будет, если им овладеет отчаяние, кто его остановит?» И чтобы тот не мучился, Старец, снисходя к его состоянию, сказал, что ему не хватает воздуха. Бедный отец Афанасий взял картонку и стал обмахивать Старца — и таким образом Старец его удержал. Дело одной минуты. Несмотря на то что Старец готовился умереть, ум его работал прекрасно.

Отец Арсений, услышав отца Афанасия, вышел из своей келлии рядом, поскольку тот обычно сильно докучал Старцу. Он вышел, чтобы оградить Старца, и начал ругать отца Афанасия:

— Не разговаривай так со Старцем! Не смей так себя вести с ним!

Но лишь только отец Арсений увидел, что Старец, похоже, опять задышается, он дернул за веревку, привязанную к колокольчику в каливе отца Харалампия внизу. Это служило сигналом в случаях, когда тому и отцу Тимофею было необходимо подняться. Когда отец Арсений отчитывал отца Афанасия, Старец, уловив момент, сказал:

— Отец Арсений, сними-ка мне носки и разотри немного ноги, от этого мне легче, а то они опухли.

Он хотел, чтобы ему было полегче? Человек уходил! Никогда в жизни Старец так не делал. А сейчас он это сделал, чтобы отец Арсений не видел, что он уходит, ибо тот был весьма прост. Лишь только отец Арсений наклонился — подошел конец.

Старец две-три минуты пристально смотрел вверх, на небо, он, казалось, видел, что кто-то идет. Это, должно быть, был архангел Михаил, который пообещал ему прийти, сказав: «До времени». Старец попытался заговорить с отцами, сказать им, что он видит: он всегда оставался учителем. Он хотел заговорить, но остановился, словно онемел. Ему не было позволено заговорить в тот час.

Затем он обернулся и, исполненный ясности и невыразимого душевного восторга, сказал:

— Все кончено, ухожу, благословите.

С этими словами он взял за руку отца Арсения, своего неразлучного сподвижника, чтобы приветствовать его в последний раз. Затем приподнял голову вправо, два-три раза спокойно приоткрыл уста и глаза, три раза вздохнул — и все. В здравом уме и ясной памяти предал душу в руки Того, Которого желал и Которому работал от юности.

Но отцы не верили, что Старец умрет. И они не сразу поняли, что он ушел, так как он ушел очень спокойно и в полном рассудке. Поэтому отец Афанасий все еще продолжал его обмахивать, а отец Арсений держал его голову, когда пришли отец Хараламбий и отец Тимофей.

Как только отец Тимофей приблизился, так сразу сказал им:

— Остановитесь, старцы. Оставьте его голову. Он умер! Что вы держите его? Кончено! Умер!

Тогда они поняли и послали отца Тимофея сообщить мне и другим. Когда ко мне пришел отец Тимофей, я только прикрыл глаза для молитвы. Не прошло и четверти часа, как Старец сказал нам разойтись.

Это была смерть настоящего святого. На нас она распространила ощущение Пасхи. Перед нами лежал мертвый человек, и была уместна скорбь, но в душе мы переживали Воскресение. И это чувство не иссякло до сих пор. Им всегда сопровождается воспоминание о принопамятном святом Старце Иосифе.

ПОГРЕБЕНИЕ

Старец словно спал. Мы подготовили его тело к погребению, облачили. Но когда мы начали это делать, его тело выскальзывало из наших рук, так как не потеряло гибкости. Монахи и монахини не окоченевают после смерти. Как гибко тело человека, когда он спит, таково и тело монаха после смерти. Он не окоченевает, как мирской человек, тело которого делается как деревянное. Сколько бы часов, сколько бы дней ни прошло до погребения — монах словно спит. Как если бы кто-нибудь спал и его переодевали, переносили и тому подобное, так бывает и с телом умершего монаха. От одного только пострига человек сразу приобретает это свойство, этот характерный и сверхъестественный признак. Почему? Потому что Бог, во-первых, хочет показать, как угодно Ему монашество, посвящение своей жизни Господу, а во-вторых, чтобы удостоверить, что смерть христианина — это сон. Поэтому и места погребения называются усыпальницами. Человек уснул и однажды проснется.

Даже если умрет грешный монах, он делается словно уснувший! Как только человек примет постриг, изменяются естественные телесные свойства. Сколь прекрасно, что Бог показывает нам, как Он любит монашество — девственный, подвижнический, вышеестественный образ жизни! Эта гибкость тела после смерти — сверхъестественное знамение, потому что и монашеская жизнь вышеестественна. Это таинство, потому что ни с кем другим такого не происходит, только с монахом, даже если он монах всего один час. Случается и такое.

Мы его положили в храме, и на следующий день я служил литургию. Мы ощущали Пасху, у нас было Воскресение, была Светлая Седмица. Скорби не было, была большая пасхальная радость. Так вышло само собой, нарочно мы этого не хотели. Я спросил у одного большого подвижника:

— Отче, почему мы ощутили Пасху, когда преставился наш Старец?

— Это характерное чувство, ощущение Пасхи, извещает нас, указывая на святость человека.

Когда радость закончилась, мы все недоумевали. Когда же посчитали дни, то оказалось, что это случилось на сороковой день. Ведь на сороковой день, по вере Церкви, душа Старца водворилась на своем месте — вот тогда наша радость закончилась. Сорок дней со дня преставления Старца мы чувствовали радость!

Действительно, святые оставляют людям свои мощи как источник радости, потому что они идут на Небо, не подвергаются суду, не испытывают затруднений на мытарствах. Они уладили свои дела с Богом, уладили свои счета, им не грозит наказание. Поэтому-то мы и не печалились. И в течение многих дней чувствовали такую радость, какую не чувствовали никогда при жизни Старца. Конечно, мы ощущали печаль от того, что лишились Старца, но основными чувствами в душе были мир и блаженство. Так возникло некое радостопечалие: радость и скорбь вместе.

Мы знаем, что в миру, когда люди умирают, они оставляют по себе скорбь, горечь, страх, ужас. Люди боятся войти в дом, где есть покойник, боятся привидений ушедших людей и тому подобное. Мы же, напротив, ощущали благодать. Конечно, с уходом Старца мы потеряли великую опору, нашего учителя, нашего отца, нашего, после Бога, хранителя. Но мы знали, что этот редкий для нашего времени человек Божий восходит к встрече с Богом, имея все необходимое для вечной жизни. И это было нашей честью и нашей славой.

На следующий день мы похоронили Старца. Погребение совершилось по его воле в том месте, где он и скончался. Пришли все отцы Нового Скита, ибо он любил всех и его все любили и почитали.

ЧУДЕСА ПОСЛЕ ПРЕСТАВЛЕНИЯ

Когда Старец преставился, благословение Божие проявилось у нас не только в радости и блаженстве, но и в способностях ума. Отец Харалампий заметил, что после преставления Старца его ум очень прояснился. На погребение, в числе прочих, пришли два скитских священника, чтобы петь заупокойную службу, поскольку сам отец Харалампий петь не умел. Но тут начал петь и он, и возымел такое глубокое понимание тропарей, что ему трудно было это вместить. После такого он не мог спать два или три дня.

На третий же день, как рассказал нам отец Харалампий, ему было видение: «Я читал Евангелие, а напротив был Старец. Все происходило так, словно я служил литургию. Старец был очень светел, весь в наградах. Он весь сиял. Я читал Евангелие и боялся на него взглянуть. А когда я закончил Евангелие и повернулся к нему, тогда проснулся и пришел в себя. Я сразу подумал, какое же дерзновение имеет Старец на Небе!»

* * *

Монахиня Евпраксия ясно видела своими собственными глазами Старца Иосифа в тот день, когда он преставился. Он вошел в ее комнату в Салониках.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она с изумлением. — Не умер ли ты?

— Да, — ответил Старец, — но я зашел к тебе попрощаться. И исчез. Все это — признак его святости.

* * *

Когда Старец был еще жив, он сказал отцу Ефрему Катунакскому: — Перед тем как уйти, я зайду с тобой проститься.

Тот подумал, что он собирается это сделать прежде своей кончины. Но Старец умер внезапно, и отец Ефрем думал: «Ведь он же мне сказал, что известит меня, прежде чем умрет. Почему он меня не известил?» Прошло тридцать девять дней. Вечером тридцать девятого дня, когда отец Ефрем сидел у себя в саду и занимался рукоделием, делал печати, он внезапно ощутил сильное благоухание и большую сладость в сердце. Он подскочил: «Что это за благоухание?» Осмотрел весь дом, но никто не возжигал фимиам. Тогда он вспомнил Старца и понял, что это он его посетил. Отец Ефрем посчитал дни. Оказалось тридцать девять, канун сорокового дня — того дня, когда Старец водворился на своем месте. Тогда отец Ефрем вспомнил, что тот сказал: «Перед тем как уйти, я зайду с тобой попрощаться».

* * *

До того как преставился Старец, я выполнял все работы: занимался рукоделием, принимал посетителей, ухаживал за Старцем, помогал ему вести переписку — он диктовал, а я писал. А вместе с этим и литургия каждый день, и бдение. Поэтому я все время чувствовал сильную усталость.

Как-то ночью я пришел к Старцу положить поклон перед тем, как служить литургию. Отец Арсений и Старец, облокотясь на ограду террасы, тянули четочки, было уже за полночь. Стояло лето. Я устало присел на землю.

— Почему, — сказал Старец, — ты сидишь на земле?

— Устал, Старец.

— Гм... Да, действительно, ты устал, малыш. Сильно устал. Я знаю, что много нагрузил на тебя. Но потерпи немного, еще несколько дней. А когда я уйду и обрету дерзновение пред Богом, я пришлю тебе мешок благодати. Не грамм и не килограмм, а целый мешок я пришлю тебе оттуда.

— Благодарю, Старче.

Прошло около двух месяцев, как Старец ушел из этого мира. Я был с отцом Тимофеем, которого Старец мне оставил послушником. Он попросил меня:

— Старче, благослови сегодня вечером пойти в Карею. Что-то зубы у меня разболелись, пусть мне там их подлечат.

— Ступай.

Когда отец Тимофей ушел, я остался один, совершенно один. И присел на террасе, там, где преставился Старец. И вдруг ощутил большую сладость внутри. Это было прологом того, что совершится нечто весьма серьезное. Я почувствовал в себе то, о чем говорит авва Исаак Сирий: «Когда должно совершится рождение Христово в сердце человека, то как жена ощущает взыграние младенца прежде его рождения и знает поэтому, что он жив, так и человек по взыгранию благодати чувствует, что в его душе родится Христос»⁷⁵.

Обычно мы этого не чувствуем, это случается редко, с редкими людьми. Но теперь я чувствовал это и переживал. Я сказал себе: «Что происходит? Кажется, это взыграние благодати Святого Духа. Что сейчас будет? Пойду-ка я в свою келлию и закроюсь там».

Я не успел уйти. Пришло такое благословение Божие, такая благодать Божия, такое блаженство благодати и сладость! Это не то, что называют «Святым Духом» пятидесятники, которые на самом деле беснуются. Мой ум стал ангельским, душа моя преобразилась, и слезы от радости потекли ручьем! Сердце источало воду, бегущую в жизнь вечную. Я и шага не мог ступить. Я присел на той террасе и облокотился на ограду, чтобы не упасть вниз.

Я мог смотреть только на небо, хотя, конечно, глядел я не на это небо. Умные глаза моей души глядели в глубину Небес. Я чувствовал в своей душе неизреченное счастье, великое блаженство. И оттуда, с Небес, как через воронку по трубке, Бог вливал в мое сердце Свое блаженство. Снисходили знания, многие знания, веселье, сладость, восторг. Из глаз лились слезы. Я прямо с ума сошел. «Что за благодать Божия!» — говорил я себе.

⁷⁵ См. прим. 41.

Не знаю, сколько времени я был пригвожден к тому месту и не мог уйти, пока благодать немного не отошла. Тогда я смог потихоньку пойти в келлию. И когда все это чуть ослабло, я взял ручку и стал писать. Под внутреннюю диктовку я записывал дарования Святого Духа. И позже послал это одной монахине. Тут пришел ко мне помысл: «Это тот самый мешок Старца! Это извещение, что Старец обрел дерзновение пред Богом!»

Видите, как благодать Божия посещает человека, когда он имеет послушание? Естественно, чему еще мы могли научиться у Старца? Мы научились оказывать совершенное послушание. Не только телесное, но прежде всего духовное. Не могло быть такого, чтобы Старец сказал что-нибудь, дал какой-нибудь совет, а мы не исполнили бы это на деле. Для нас простые наставления Старца были заповедями. Мы не говорили: «Да ладно, ничего страшного».

Старец — великий святой. Христос сказал апостолам: *Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам* (Ин. 16, 7). Вот так в малом, в случае со Старцем, и исполняется Евангелие. Таковы дела Божии.

* * *

При жизни Старца я как-то спросил его, стоит ли ремонтировать нашу церковку, расширять его келлию и так далее. Старец мне ответил:

— Хорошо, делай это — потихоньку, спокойно и мирно.

За день или за два до его смерти, когда я пошел зажигать лампы, а другие отцы были вместе со Старцем, он им сказал:

— Смотрите, отцы, теперь, когда я уйду, постарайтесь быть беспопечительными. Насколько возможно, посвятите себя молитве и не занимайтесь многими делами.

В тот момент меня с ними не было. И после его преставления я сильно переживал об этом деле, потому что отец Хараламбий и отец Ефрем Катунакский мне говорили, что Старец перед смертью велел ни о чем не заботиться, тогда как я думал заняться стройкой, как он мне и велел.

Однажды вечером, расстроенный, сел я на скамейку, на которой обычно сидел Старец. У меня было много печальных помыслов об

этом деле. Внезапно я услышал в себе некий глас: «Делай, как я тебе сказал, и успокойся». И действительно, я сразу успокоился.

Ночью, когда я лег спать, я увидел во сне, что Старец сидит на своей скамье, как всегда. Я подбежал к нему и сказал:

— Старче, благослови!

— Бог тебя благословит, дитя мое.

— Старче, что мне теперь делать? Ты сказал отцам, чтобы мы ни о чем не заботились, но мне дал благословение расширить твою келлию и отремонтировать церковку.

Я его тогда поднял со скамейки и показал, как собираюсь обустроить церковку. Тогда он повернулся ко мне и ответил:

— Вчера вечером, когда ты сидел на моей скамье в моей келлии, разве я тебе не сказал? Итак, делай, как я тебе велел, и успокойся.

Увиденное мной было подтверждением гласа, который я услышал внутри себя.

* * *

После погребения Старца отец Тимофей посадил один кипарис в изголовье могилы и еще несколько — вокруг. Первый, который был в изголовье, очень быстро вырос. Чудо! Это увидели другие отцы и с изумлением сказали: «Чудо! Чудо! Как это он так вырос?» Таким большим он стал.

* * *

Отец Прокопий был сподвижником отца Ефрема Катунакского. Он был простым человеком. Однажды у него случилось большое искушение: его бороли помыслы уйти от своего сурового старца, отца Никифора. Отец Ефрем ему сказал: «Пойди к Старцу Иосифу, положи поклон на его могиле — и получишь облегчение в своих помыслах». Отец Прокопий сам рассказывал так: «Когда я ушел из нашего дома в Катунках, меня окружило некое благоухание. Я пришел к могиле Старца и положил поклон. Сказал свой помысл и помолился. Возвратился домой. И когда я возвращался, меня окружало то же самое благоухание. А когда я пришел в келлию, благоухание исчезло. Искушения же пропали совершенно, и я успокоился от всех помыслов, которые у меня были».

ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ

Когда спустя три года после преставления Старца Иосифа мы извлекли из земли его мощи, они оказались янтарного цвета. Это признак святого человека. Все святые мощи — янтарного цвета. Даже и у обычных людей, которые, по всей видимости, спаслись, косточки янтарного цвета. Святые отцы считают это очень обнадеживающим признаком.

Во время обретения мощей Старца все говорили: «Я возьму то, а я — то». Я же сказал про себя: «Я не буду ничего об этом говорить. Что мне дадут, то и будет». Отец Афанасий взял руку Старца, сказав при этом:

— Эта рука меня спасла. Моей голове частенько доставалось от нее.

И в то время, когда все, кроме меня, брали себе какую-нибудь часть мощей Старца, отец Арсений сказал:

— Главу отдайте отцу Ефрему.

И я ответил:

— Буди благословенно. Очень тебя благодарю.

Старец Арсений сказал так, потому что на мне было послушание ухаживать за Старцем. Главу хотел взять другой человек, ведь тогда там собралось много чад Старца — конечно, все из нашей общины. Но старец Арсений — Бог его просветил — сразу сказал: «Главу отдайте отцу Ефрему».

И так было всю жизнь: я не проявлял своей воли, и все мне давалось. Таково природное свойство моего характера, таким я родился и так живу.

Я взял главу Старца, она теперь находится в церковке рядом с моей келлией и источает благоухание. Я каждый день кладу перед ней поклон, беру благословение Старца и иду заниматься своими делами. Я оказываю послушание до сих пор.

Мощи Старца всюду благоухают. Куда бы они ни путешествовали, они совершают чудеса по мере веры каждого. Это — великое таинство: чем больше проходит времени, тем больше благоухает его глава. «Если не прославит Господь, слава человеческая суетна». Я говорю сам себе: «Какой у меня был Старец, а я и не знал!» У нас был Старец, о котором мы и не знали, кем он был на самом деле. Со временем мы это осознали, но птичка уже улетела. Великий был человек!

От благодати молитвы благоухает его глава и все его мощи, потому что Святой Дух, когда глубоко проникнет в человека, освящает даже его кости. Поэтому и источают мощи святых неизреченное благоухание и в наше время, и до скончания века. Ведь Святой Дух Сам есть многообразное благоухание, и когда человек его ощущает, он наполняется вдохновением и столь воодушевляется, что делается как будто вне себя и говорит тогда: «Подвиг и труд стоят всего этого!»

В монастыре на праздник Успения Пресвятой Богородицы мы всегда совершаем поминальную службу о Старце Иосифе. Мы абсолютно уверены, что он — современный святой. Его мощи находятся у нас в украшенном ковчеге. Однажды, когда мы вынимали главу из ковчега ради поминальной службы, сильное благоухание источалось от уст Старца. Мы недоумевали, почему более всего благоухают уста? И в то время, когда мы размышляли, отчего да почему, вдруг один монах сказал мне:

— Старче, знаешь, почему такое благоухание исходит от уст? Потому что Старец этими устами говорил Иисусову молитву.

«Действительно, он прав, — сказал я себе. — Так и есть». Ибо будь то Иисусова молитва вслух, будь то слова Божии, будь то отказ от празднословия и осуждения, будь то польза от спасительных слов, которые Старец всегда говорил, будь то песнопения — все это исходило от человеческих уст. Эти уста благословенны и трижды благословенны. Поэтому в его главе уста его благоухают более, чем все остальные святые мощи Старца.

Однажды брат отца Ефрема Катунакского пришел поклониться главе Старца Иосифа. И как только открыли ковчег, все вокруг наполнилось благоуханием. Благоухание было таким сильным, что он сказал:

— Я никогда раньше не ощущал такого благоухания, ни от каких других святых мощей.

Позднее отец Ефрем Катунакский нам сказал печалась:

— Много чего нам оставил Старец, но мы этого не унаследовали. Однажды Старец мне сказал, что, в то время когда он переживал Божественную любовь, у него был один платок, которым он отирал свои глаза, свои слезы. Когда этот период прошел и наступил затем период созерцания, он отложил этот платок и держал его рядом с собой. Старец мне говорил позднее, что этот платок имел в себе все ароматы мира, так он благоухал.

Когда мы спросили отца Ефрема, где же этот платок, он нам сказал:

— Его взяли монахини. Мы потеряли бесценное сокровище, брат. Мы его потеряли. Его унаследовали монахини.

ПОСМЕРТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ЧУДЕСА

Приснопамятный отец Ефрем Катунакский не один раз видел Старца Иосифа после его преставления. Нам он рассказывал о своих видениях так: «Я нередко вижу Старца Иосифа. Особенно часто это было в шестидесятые годы, когда я имел большие скорби. Он приходил ко мне во сне, я видел его в прекрасных залах. Он меня целовал — и у меня прибавлялось сил. Старец давал мне советы, ласково говорил:

— Чадо мое, не печалься. Прояви терпение, душа моя, ведь прибыток и вознаграждение — здесь.

В последнее время я вижу Старца во сне каждые пятнадцать-двадцать дней. Как-то раз я его спросил:

— Старче, там, где ты сейчас, ты о нас молишься?

— А как же! Я молюсь и о вас, — ответил он.

Прошла пара недель, и я его увидел опять. Я подошел его поцеловать, и он мне сказал:

— Я — твой Старец.

Видите, не только здесь, на земле, но и на Небе существует это духовное единение.

Был день, когда я семь раз видел Старца Иосифа. Увидев его, я просыпался, а когда засыпал, то видел его опять. Так было семь раз. Душа моя наполнилась благодатью. Я видел, как он идет, и бежал, чтобы его догнать. Догнав, я ему сказал:

— Старче, помоги мне.

— Помочь? — ответил он.

— Да, Старче, дети становятся наследниками отца. Детям достается отцовское наследство.

Однажды я его увидел глазами души, но очень живо, во время пострига в рясофор моего первого послушника Панайотиса, в котором он получил имя Иосиф. Служил отец Харалампий, а я находился в алтаре. Когда пришло время читать молитву пострига, я ощутил присутствие Старца Иосифа и сказал отцу Харалампию: “Пришел Старец Иосиф”. После этого отец Харалампий читал Евангелие и, придя в большое сокрушение, непрестанно плакал. А затем я увидел Старца Иосифа как живого — не так, как мы видим во сне, — и он сказал мне: “Ты дал Панайотису мое имя? Что ж, он хороший человек”».

И еще один раз, на праздник Пятидесятницы в 1989 году, Старец посетил отца Ефрема во сне. Когда они горячо поцеловались, Старец ему с радостью сказал: «Я хочу передать тебе экклезиологию». Отец Ефрем давно не видел Старца таким радостным. Самым удивительным было то, что отец Ефрем не знал слова «экклезиология».

* * *

Старец Иосиф являлся всем нам. В дни, когда мы служили по нему сорокоуст, однажды, после Божественной литургии, я пошел отдохнуть. Тогда я имел видение, которое не было сном, я был на грани сна и бодрствования. Я увидел, что оказался в некоем прекрасном зале, пронизанном атмосферой таинства. Там ощущалась сильная благодать и было много света. Там был трон, как будто некоего владыки, и на нем я увидел Старца. Он на нем стоял. Он не был владыкой, но стоял на нем как Старец, только он был моложе и сиял духовной красотой. Он был исполнен жизни, весь светился, лицо его испускало лучи, искрилось. Справа от него был отец Арсений, слева — отец Афанасий. И когда я смотрел на Старца, он виделся мне когда Христом, когда Старцем. Отец Арсений виделся Пресвятой Богородицей, а отец Афанасий — Иоанном Предтечей. Как бывает на иконе: Христос, Пресвятая Богородица и честной Предтеча. То я видел этих трех святых отцов, то — Христа, Богородицу и честного Предтечу. Глядя на это, я удивлялся. Старец, казалось, о чем-то беспокоился, ему словно хотелось, чтобы пришли

его духовные чада. Я же как будто шел туда издалека, и там, откуда я шел, казалось, не было стены. Был вечер, мы входили туда. Войдя первым, я подошел к Старцу. Он сказал:

— Кто пришел, кто пришел? Может быть, придут еще и другие.

— Старче, это я.

— Кто ты?

— Ефрем.

— О! Как я рад, что приходят мои чада!

Он посмотрел, кто идет следом. Это был отец Харалампий. Пришел один, за ним шел другой, за ним — третий. Я их не видел, они были далековато. А Старец очень радовался. Он весь светился, весь сиял. Царила атмосфера священнодействия. И в то время, когда Старец пребывал в этом трепетном волнении, я пришел в себя.

Когда я пришел в себя, то думал, что был со Христом. И этот образ не оставляет меня до сих пор. Как я это видел, так это и пребывает во мне. Как будто это было некое таинство. Таинственным было это дело. Как нам это понять? Так я получил извещение о том, какое дерзновение имеет Старец.

Теперь, в наше время, кто может стать святым? А тот подвиг, который совершал Старец, мы даже в мечтах своих не можем исполнить. И мне хочется спросить, где мы сегодня можем увидеть таинства Божии? Сегодня все это людям неведомо.

* * *

В 1978 году, когда я был уже в монастыре Филофей, представился один мой хороший послушник, отец Иов. Вскоре после этого было у нас всенощное бдение на праздник честного Предтечи. К этому святому я испытываю, так сказать, слабость, потому что в его день я появился на свет. На этом всенощном бдении я очень сильно чувствовал честного Предтечу, чувствовал очень живо. С огромной радостью я праздновал на этой службе его память. Закончилось бдение, мы пошли отдыхать, уснули, и мне было откровение.

Я видел, что отправился из нашего монастыря с кем-то невидимым. Это был ангел-хранитель отца Иова. Мы с ангелом как будто взяли брата Иова и повели к Старцу, в пустыню, в наши каливы в скиту Святой Анны. Я видел, что мы пришли туда. Я как будто

вспотел от трудной дороги и зашел в свою каливку переодеться. Наш спутник взял отца Иова и повел к Старцу, который был в своей каливе.

Сменив одежду, я пошел к Старцу положить поклон, сказать ему, что мы привели брата, а затем поговорить с ним и о другом. Я вошел и увидел Старца сидящим на полу, как он обычно это делал, рядом с ним — старец Арсений, а за Старцем Иосифом были и другие люди. Но поскольку была ночь и Старец совершал бдение в своей каливе, я, положив поклон, возложил его руку на свои уста, на лоб и на оба глаза для благословения. Я сказал:

— Старче Арсение, и вам положить поклон?

— Нет, мне не клади, только Старцу. Мне поклон не нужен.

— Нет, и вам я положу поклон.

Тогда я начал душевно, не устами, разговаривать со Старцем Иосифом. Мы понимали друг друга неким очень таинственным образом. Наверное, так общаются люди в ином мире. Я его спросил:

— Старче, где Иов?

— Внутри, в особой комнате.

— И ангел с ним?

— Да, они вместе.

— Старче, они прошли?

— Прошли. Хочешь, я тебе его приведу назад?

— Нет! Если они прошли внутрь, если ангел взял его на Небо, то все в порядке.

И во время этого разговора со Старцем я пришел в себя. Я проснулся и душевно чувствовал себя так прекрасно, так счастливо и блаженно, что не могу этого выразить. И душевно и телесно я был в состоянии благодати Божией, духовной сладости. Это было неким удостоверением, неким доказательством того, что увиденное было от Бога и что оно произошло в действительности.

Из этого можно видеть, что Старец свыше покрывает нас своими молитвами, защищает нас, просвещает и ожидает каждого из нас, чтобы устроить нас поближе к Богу, поближе к своему собственному месту, которое он получил от Бога как наследство, как некое воздаяние за свои подвижнические труды. В этом месте он ожидает каждого из нас. Пока мы еще здесь, он старается так

устроить нас там, чтобы мы составили одну общину, одну обитель в Царстве Божиим.

* * *

Старец любил море и деревья. Возможно, поэтому я его видел на Гавайях в 1987 году в апельсиновой роще. Там были высокие деревья, полные плодов. Висели апельсины, местами яблоки, а над ними я увидел Старца и отца Арсения, счастливого, рядом с ним⁷⁶. Отец Арсений оглядывал окрестности. Старец, увидев меня, обрадовался. А я, увидев его, положил поклон и сказал:

— Старче, дай мне один апельсин?

— Только один? Они все твои, дитя мое.

Он мне насыпал столько апельсинов, сколько я мог взять руками, а отец Арсений сказал:

— Малой, мы вырастим еще и другие деревья.

Если бы он был жив, он взял бы меня за ухо: «Малой, ты тут?»

Я увидел их вдвоем, поскольку Старец с отцом Арсением молились о том, чтобы после смерти было поделено между ними воздаяние за духовный подвиг, чтобы быть после смерти в одном месте. Это — признак любви и доверия между ними, поскольку разделяется на обоих не только все хорошее, но и плохое. Я хотел помолиться о том же с отцом Харалампием, но Старец нам не позволил.

* * *

Еще один раз я видел Старца в том же году во сне, после своего келейного бдения.

— Как, Старче, учил меня ты, так и я теперь учу в своей обители.

Он был радостным и выглядел молодым.

— Дитя мое, знаешь, когда вы оказываете послушание, тогда помогаете и мне в моих прошениях и молитвах. Мне лучше пред Богом, когда и вы благоугождаете Ему своим послушанием. Мои молитвы лучше слышны и просить мне легче, если я ходатайствую о людях, которые понуждают себя.

⁷⁶ Отец Арсений преставился в 1983 г.

— Да, Старче, мы стараемся оказывать послушание. Я стараюсь делать то, что ты мне заповедал. Я храню то, что ты мне сказал, когда был жив. Попросту, как жил ты, так живу и я.

Он радовался. И словно сказал мне: «Теперь проявляй терпение». Говорил он мне и другие хорошие вещи.

Как мне было приятно! Старец, отец Арсений, моя преподобная мать — все эти святые люди нам теперь помогают. Хорошо, когда святые люди уходят и оттуда помогают нам. Так они просят за нас Бога. Они, должно быть, думают: «Как мы находились в опасности, так теперь и они находятся в опасности и нуждаются в помощи». А обо мне они так, наверное, рассуждают: «Этот человек бьется, и он — вавулис. Он вавулис, а его окружает столько проблем. Давай-ка мы ему поможем немного, этому бедолаге. Глядишь, спасется он — спасутся и другие рядом с ним».

Я верю, что Старец беспокоится теперь, наверно, в ином мире, о том, чтобы мы не попали в ад, не лишились тех благ, которыми наслаждается он. Он видит и предвидит, что́ будет дано после Второго Пришествия победителям греха, победителям страстей, победителям бесов. Предвидит то, что будет открыто после окончания Страшного Суда, когда Христос — Бог наш, принесший Себя в жертву Агнец, — вместе со всем собором победителей придет к раю и откроет его с воскресной радостью. Когда они войдут туда, Он им скажет: «Вот рай, вот дар Божий вам».

Все это Старец — там, наверно, где он сейчас, — знает очень хорошо. И он опасается, вдруг кто-нибудь из нас погубит свою душу и не увидит всего этого, лишится великого божественного благословения и богатства, а вместо этого попадет вниз, в ужасную вечную муку, в сожительство с бесами. Видя все это: и ту и другую возможность, — Старец беспокоится и молится, просит Бога, чтобы никто не пропал и никто не погубил свою душу.

* * *

Старец воистину просиял в монашеском духовном подвиге и стал светом для находящихся во тьме. Об этом мы можем судить и по тому, с каким благоговением христиане почитают память Старца Иосифа. Люди просят его помолиться о них и получают большую помощь. Старец совершает много знамений и чудес. Многие его

видят, ощущают его присутствие и получают большое утешение. Примечательно, что по всему миру находятся люди с такой верой в святость Старца Иосифа, которой нет у нас в Греции. Они его видят, и он им чудесным образом помогает, оказывает им великое покровительство. Так и бывает: кто верует, тому и подается. *Якоже веровал еси, буди тебе* (Мф. 8, 13). И точка. Ты веруешь? Так тебе и будет. Не веруешь? Эта реальность тебя не коснется.

Даже бесы знают, кто такой Старец Иосиф. В Салониках одна бесноватая в некоей церкви во время закликательных молитв кричала перед всеми: «Этот Иосиф пошел в Филофей! Он стережет монастырь Филофей — и я не могу ничего поделаться!» И все недоумевали: откуда она его знает? Разве эта женщина была знакома со Старцем? Нет, конечно. Это бес ей говорил.

Как-то пришел один бесноватый в монастырь Святого Антония в Аризоне. Как только мы принесли святые мощи, они его стали жечь, а мощи Старца Иосифа жгли его сильнее всего. Он кричал: «Я не могу видеть эту Аризонитиссу⁷⁷. И этот Иосиф, это он замыслил этот монастырь!» Он говорил о Старце. И откуда же он его знал?

У дьявола свои счета со Старцем. Почему он не говорит о бакалаврах и магистрах, а говорит о каком-то необразованном старце, жившем в безвестности? Потому что Старец этот сражался с дьяволом и его попалил.

* * *

Один греческий хирург, живущий в Америке, рассказал такую историю: «Впервые я столкнулся с чудесной силой Старца Иосифа в 1995 году в операционной. Я оперировал одну женщину, которая поступила по “скорой” с полной непроходимостью тонкого кишечника. Симптомами были боли в области живота и рвота, а несколько рентгеноскопий с барием подтвердили непроходимость, требующую оперативного вмешательства. У больной уже была

⁷⁷ Аризонитисса — чтимая Аризонская икона Божией Матери, написанная для монастыря Преподобного Антония Великого в Аризоне (США), главного из содружества монастырей, устроенных Старцем Ефремом на Американском континенте.

пара подобных операций, которые прошли легко. Поэтому для нас было неожиданностью то, что мы на этот раз обнаружили.

Во время операции мы встретились со множественными массивными спайками, которые препятствовали прямому доступу в область непроходимости. Через четыре часа мне все еще не удалось пройти сквозь спайки к месту непроходимости. Меня начали одолевать досада и усталость. Нам было очень трудно выделить стенку кишечника из окружающих спаечных тканей. В результате чего, делая разрезы, мы трижды оказывались во внутренней полости кишечника. И хуже всего было то, что мы не могли сразу закрыть эти разрезы, поскольку должны были сначала пройти сквозь спайки и только тогда восстановить стенку кишечника. При всем этом мы еще не подошли туда, где была непроходимость!

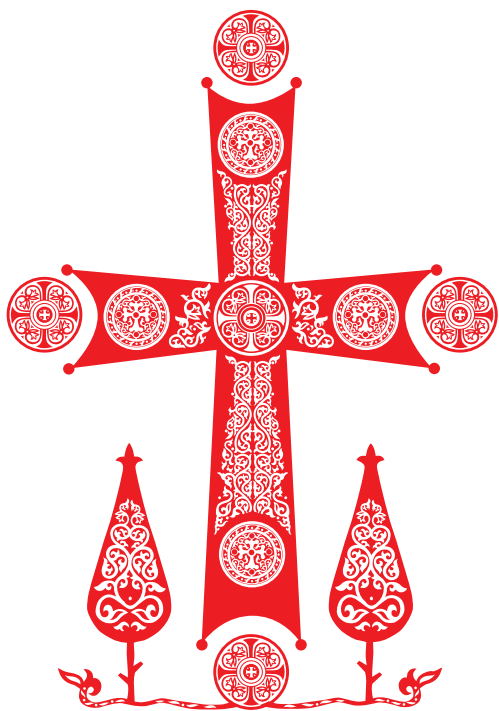
В этот момент мной овладел страх, что я не смогу закрыть эти разрезы кишечника и тогда жизнь больной окажется в реальной опасности. Такого страха никогда до сих пор я не чувствовал. В этой трудной ситуации я уже не знал, где мне делать очередной разрез. Тогда я решил сделать маленький перерыв, чтобы перевести дыхание.

До сих пор я мало что знал о Старце Иосифе и только несколько раз видел его известную фотографию, и то мельком. Но когда я присел в комнате отдыха при операционной, чуть не плача из-за страшно трудного положения, в котором оказался, я услышал некий голос, сказавший: "Режь справа". И когда услышал этот голос, прозвучавший, конечно, не снаружи, а внутри меня, внезапно образ Старца Иосифа возник в моем уме, словно святой стоял передо мной.

Хотя я и не понял значения этого полученного мною указания, я знал, что после шести часов операции я еще ничего не добился и поэтому решил сделать то, что Бог и Старец Иосиф мне указали. Я сделал разрез справа и, хотя вначале нашел все то же самое, затем встретил свободный от спаек участок, а чуть ниже обнаружил место непроходимости. После этого я сделал все необходимые разрезы в оперируемом кишечнике и соединил их, наложив швы. Операция, продолжавшаяся восемь часов, оказалась успешной, больная выздоровела, и необходимости в других операциях больше уже не возникало. Я всегда буду помнить этот случай как восьмичасовое чудо Старца Иосифа».

Книга вторая

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
СТАРЦА ИОСИФА
ИСИХАСТА**

Глава первая

В МИРУ

ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Родиной Старца Иосифа был маленький и тихий Парос, один из островов Кикладского архипелага. Этот остров известен знаменитым Стовратным храмом Богородицы, построенным в IV веке святой царицей Еленой, и славным монастырем Лонговарда.

На острове, окруженном лазурным Эгейским морем, находится только один город и восемь живописных сел. В одном из них, селе Левки в центральной части острова, родился Старец Иосиф. Ныне там живет примерно тысяча человек.

Мать Старца звали Мария. Она родилась в Левках в 1871 году. В юном возрасте, около семнадцати лет, она вышла замуж за Леонарда Зумиса. Родители Леонарда были переселенцами из Одессы. Мужу Марии было восемнадцать лет, когда они поженились. У них родился сын Михаил и еще один ребенок, умерший вскоре после рождения. А через два года скончался Леонард.

Второй раз Мария вышла замуж за Георгия Коттиса, который был на четыре года старше нее. Он был земледельцем, бедным и неграмотным, но очень благочестивым и скромным. Эти добродетели он передал своим детям. В браке с Георгием Коттисом Мария родила еще девяти детей. Но условия жизни были тогда очень тяжелыми, медицинской помощи почти не существовало. Поэтому три первых ребенка умерли в младенческом возрасте: дочери

Мать Старца Иосифа (справа внизу в платке) с родственниками

Марусо, Эргина и одна девочка, умершая сразу после родов. Двум выжившим дочерям дали имена прежде умерших детей: старшую назвали Эргина, а младшую — Марусо. Второго ноября 1897 года у них родился сын Франциск — таким было мирское имя Старца Иосифа. Других троих сыновей звали так: Эммануил, Леонард и Николай, в монашестве Афанасий¹. Сразу после рождения Николая, в возрасте всего сорока лет, умер их отец.

Маленький домик семьи Франциска находился в центре села, напротив сельской библиотеки. Чтобы в него войти, надо было подняться по восьми небольшим каменным ступенькам. Сразу за дверью находились две очень маленькие комнатки — три с половиной на два с половиной метра. В первой было большое окно, и она служила гостиной и спальней для родителей. Во второй, за ней, была кухня с деревенским очагом. В ней же спали дети.

¹ Известны следующие даты: Эммануил родился в 1895 г., Леонард — в 1902 г., Николай — в 1907 г.

В этих двух комнатках, вместе с родителями и остальными шестью детьми, Франциск прожил до семнадцати лет. Удивительно, как столько людей могли жить в таком маленьком домике! Но любовь и терпение все переносят, со всем справляются. Сейчас в этом бедном домике находится скромная лавочка.

* * *

Мать Старца Иосифа была воистину человеком Божиим. Она имела душу такой простоты и чистоты, что устаивалась видений и была уверена, что их видят все. Обычно это случалось в церкви: на службе или на уборке храма².

Одно из видений ей было, когда Франциск только-только родился и она еще лежала на постели с кричащим рядом младенцем. Она увидела, что кровля жилища раскрылась, и перед ней предстал некий славный юноша. Его окружало такое сияние, что Мария не могла глядеть на него. Ангел приблизился к младенцу и начал записывать его имя на дощечке. Мать удивилась и спросила с беспокойством:

— Что ты делаешь? Почему записываешь имя моего сына?

— Он нужен Царю. И теперь он записан.

— Нет! Ты не можешь его забрать, этот младенец — мой!

— Я тебе сказал, что он уже записан.

Мария решила, что Франциск скоро умрет, потому что к тому времени два ее ребенка уже умерли в младенчестве. Поэтому она плакала, когда вспоминала видение ангела. Но Франциск подрос и не умер, и тогда Мария поняла: запись на дощечке означала, что Небесный Царь призовет Франциска в Свое монашеское воинство.

В другой раз ей было страшное видение ада. Придя в себя, она сразу же сказала Франциску:

— Ох, дитя мое, что я видела!

— Что ты видела?

— Я видела, что спустилась в ад и люди там варились, как фасоль. Они всплывали и снова тонули.

² Сельская церковь в Левках, посвященная Святой Троице, является памятником благочестию небогатых жителей села. Это величественный храм с прекрасным мраморным иконостасом, редко встречающимся в Греции. — *Прим. греч. ред.*

Дарованиями Марии, которые она передала своим детям, были чувство греховности и самоукорение. Этим объясняется отсутствие семейных фотографий: Мария не желала фотографироваться сама и научила избегать этого своих детей. Поэтому от тех лет до нас дошла только одна ее фотография и одна — Франциска.

* * *

Маленький Франциск был послушным и разумным, но при этом и очень живым ребенком. Отец временами гневался на него из-за шалостей и, бывало, хотел хорошенько выдрать сына. «Дам-ка я нагоняй Франциску за то, что он сделал!» — говорил Георгий. Когда Франциск слышал это, он тихо и спокойно подходил к сидящему в кресле отцу, чтобы тот наказал его, и склонял голову, показывая полное послушание. Он не убегал, не гневался, не кричал — он проявлял послушание: «Раз уж ты хочешь меня выпороть, то пори». И отец, верующий и добросердечный человек, бывал пленен этим жестом своего маленького сына и говорил: «Ладно, беги отсюда! Даже выпороть тебя не могу из-за твоего смирения».

В те годы даже у мирских людей было большое благочестие. Старец Иосиф помнил, что, когда он был маленьким, ему говорили: «Дети, сейчас Великий пост, не балуйтесь слишком много, не шумите, не смейтесь. Сейчас — святое время».

В 1904 году семилетний Франциск был записан в первый класс начальной школы. Его учительницей была София Пемпсиаду-Кандиоту, мать известного митрополита Флоринского Августина.

Из архивов видно, что методикой преподавания в этой школе было взаимообучение. Ученики всех классов сидели в одной аудитории, и старшие помогали младшим. Объяснялось это просто: в сельских общинах не хватало школьных помещений для учеников.

Франциск был очень сообразительным и способным учеником, уроки он выучивал сходу. По школьному журналу, который сохранился до сих пор, видно, что он был отличником. Если бы Франциск продолжил обучение, то занял бы высокое положение в обществе. Но когда он закончил четвертый класс начальной школы, умер его отец, и ему пришлось оставить учебу, чтобы помогать матери и братьям и сестрам.

Село Левки на острове Парос — родине Старца Иосифа

* * *

Западные путешественники того времени писали, что жизнь в сельской Греции на рубеже XIX–XX веков отличалась патриархальной простотой и была похожа на жизнь во времена Гомера.

На маленьком же гористом Паросе жизнь всегда была нелегкой. Природные ресурсы острова, за исключением пользующегося большим спросом лихнита — белоснежного паросского мрамора, очень скудны. Паросцы обеспечивали себе пропитание, выращивая на небольших полях хлеб и занимаясь животноводством, что на островах Греции означает обычно разведение кур и коз.

Так жила и большая семья Франциска. А со смертью его отца в 1907 году жизнь стала совсем трудной. Удар был очень большим для всей семьи, но особенно — для Марии. Ей выпал тяжелый жребий: к тридцати шести годам она потеряла двух мужей и четверых детей.

Франциск выполнял различные работы, чтобы помочь семье. Как хороший хозяин, он прилежно убирал дом и даже заботился о приготовлении пищи. В окрестностях села он собирал съедоб-

ные травы, с помощью рогатки охотился на зябликов. Вернувшись в село к матери, сын говорил: «Мама, я принес тебе зябликов!» Он варил собранную траву, запекал добытых птиц. Тем они и питались. Впоследствии Старец Иосиф рассказывал: «Была у нас пара курочек. Мы брали их яйца, отдавали бакалейщику, а он нам за них давал пару сардин. Эти сардины мы резали на кусочки, клали их на хлеб и ели. Отдавали яйцо за сардину, потому что яйцо как поделишь? А сардину можно порезать. Иногда я, ребенком, бегал к козочке и сосал ее молоко».

* * *

Отметим, что все братья и сестры Франциска вступили в брак, кроме Николая, который стал монашествовать вместе с братом приблизительно с 1932 года. Еще две родственницы Франциска стали монахинями. Первой была дочь Эргины Варвара, впоследствии игуменья Вриена, которую Франциск чрезвычайно любил и во многих письмах называл «душа моей души». Второй была Мария, супруга его брата Леонарда. Она стала монахиней в 1975 году в обители Богородицы Миртидиотиссы, в монастыре своей племянницы монахини Вриены, и была названа в постриге Меланией. Она прожила много лет и преставилась сравнительно недавно, в 1997 году. Мать Мелания помнила, что с детского возраста Франциск отличался от братьев духовным настроением и исключительной чистотой души. Они все уже тогда поняли, что Франциск — человек Божий, которому суждено стать избранным сосудом.

Позднее, когда он уже уехал из Афин на Святую Гору, его мать переселилась в Афины, чтобы жить вместе с любимым внуком Леонардом Зумисом, сыном ее первенца Михаила. Уже став монахом, Франциск посетил их один или два раза. Леонард удивлялся полным благодати словам своего дяди. В то же время на него произвело впечатление, что он совершенно не говорил на духовные темы с теми людьми, которым все духовное было неинтересно. Мария же, под влиянием светлого примера сына, также решила стать монахиней. Старец Иосиф присутствовал при постриге матери. В великой схиме ей было дано имя Агафангела. Умерла она восемь лет спустя, в 1937 году, в возрасте шестидесяти шести лет.

В АФИНАХ

В 1914 году, когда Франциск был семнадцатилетним юношей, Мария отослала его в Афины на постоянную работу. По прибытии в афинский порт Пирей Франциск поселился в доме своей тети Александры в Лаврионе, пригороде Афин. Он сразу ревностно принялся за работу, чтобы разбогатеть и помочь родным выбраться из нужды. Он сказал себе: «Или разбогатею, или умру! Я сыт по горло нашей нищетой и нуждой!»

Вначале Франциск работал поваром и пекарем в богатых домах Пирея. Там он изучил поварское искусство, которое ему пригодилось на Святой Горе, когда рядом с ним собралась братия. Теперь сын мог посылать матери кое-какие деньги.

Спустя несколько месяцев он устроился работать кондуктором на городскую электрическую железную дорогу. В поезд заходило много людей, и некоторые, заплатив за проезд, в спешке проходили в салон, не взяв билета. Франциск тем не менее отрывал и выбрасывал билет. Он легко мог оставить эти деньги себе: начальство не заметило бы и об этом никто не узнал бы. Но, как рассказывал Старец Иосиф, он думал: «Не могу я пойти против совести, ведь вся компания зависит от этого билета. Как же я плату за него положу к себе в карман?» Несмотря на это, в конце дня Франциск часто обнаруживал излишек денег — пятьдесят или шестьдесят драхм. Это была довольно внушительная сумма для бедного юноши, равная его месячной зарплате. Так Бог вознаграждал честность Франциска.

До юношеского возраста Франциск почти не ведал Бога. Он был совершенно нерелигиозным. Но он унаследовал многие добродетели своей матери, поэтому был чистым юношей, разумным, справедливым и честным.

К деньгам Франциск относился бережно, но не забывал о милостыне. Однажды он увидел на базаре старенькую монахиню, купавшую виноград. У бедной монахини не хватало денег. Франциск, увидев это, сказал: «Бери, бери виноград, я за него заплачу!» Монахиня купила виноград и рассказала об этом игуменье. Та ответила: «Пригласи его к нам».

Монахиня разыскала Франциска и привела в свой маленький монастырь. Придя к ним, он спросил:

— Есть ли здесь больные?

— Есть, дитя мое, — отвечала игуменья, — одна чахоточная.

Тогда он отдал страждущей три золотые лиры, и та залилась слезами.

* * *

Через год, когда Франциску исполнилось восемнадцать лет, он был призван на срочную службу в Королевский флот. Там он научился очень хорошо плавать, так что догнать его было невозможно. Позже он рассказывал сам: «Хотя бы и с десятью я состязался в плавании, всех могу обогнать. Какой бы зверь мне ни встретился в воде, я могу его убить», — такой он обладал сноровкой. «Сумасшедшие поступки совершал я, когда был на флоте, — рассказывал он. — Если бы захотел, то, нырнув, я мог бы так ударить кого-нибудь, что он там бы и остался. Так нас обучили на флоте»³. За добросовестную службу командование наградило Франциска часами.

* * *

Закончив службу на флоте, Франциск уже ни к кому не нанимался, а стал работать сам на себя. Начал он как мелкий лавочник. Благодаря сообразительности и способностям, Франциску удалось за короткое время преуспеть в торговле, сделаться торговым агентом и приобрести некоторое состояние. При этом он никогда не шел на сделки с совестью, если подворачивались удобные случаи разбогатеть нечестным путем.

Другой отличавшей его добродетелью была чистота души. Тете Александре удалось обручить племянника, но Франциск, как сам рассказывал, вел себя так внимательно, что ни разу не притронулся к своей нареченной, боясь дойти до того, что обвинит ее.

Франциск был очень отважным юношей. Он писал впоследствии о своих молодых годах: «Когда я был в миру, мог подражаться с кучей народа, сердце у меня было львиное»⁴.

³ Как нам кажется, он прошел обучение, которое в наше время проходят боевые пловцы.

⁴ Письмо 7.

Франциск Коттис (слева) с братьями Леонардом и Эммануилом
в годы работы в Афинах

Однажды Франциску было нужно отлучиться из лавки, и он сказал младшему брату Николаю, который к тому времени также приехал в Афины:

— Мне нужно сходить кое-что купить, смотри внимательно, чтобы у тебя ничего не украли.

— Да-да, ступай, я буду здесь, — ответил тот.

Вернувшись, Франциск, будучи очень сметливым, с первого взгляда заметил, что в лавке кое-чего не хватает, и закричал:

— Слушай, где ты был?! Недостает платков!

Младший брат понятия ни о чем не имел, потому что все это время играл на скрипке.

— Кто-то заходил сюда? — спросил Франциск.

— Да, какие-то русские беженцы были. Посмотрели немного и ушли. Ничего не взяли.

— Мозгов у тебя нет! Они украли дюжину платков, а ты спишь! Куда они пошли?

— Да вон туда.

Франциск бросился за ними и видит: семь-восемь человек делят платки между собой. Особо не задумываясь, он прыгнул и оказался среди них. Прежде всего он выхватил у них платки, а затем начал драться. Нанес каждому по два-три удара кулаком, и тем закончил дело. Разобравшись с ними, он вернулся и сказал брату:

— Вот платки!

Позднее, став монахом, он употребил свою физическую и душевную крепость на то, чтобы суровейшим образом подвизаться на иноческом поприще. Удалившись на Святую Гору, он сказал себе: «Каким я был в миру, таким я буду теперь с бесами!»

ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ

Бог, видя чистую жизнь Франциска, послал ему луч благодати, чтобы его уловить. Однажды ночью юноша увидел сон, о котором рассказывал так:

«Я увидел, что прохожу мимо дворца. И вдруг меня взяли два офицера дворцовой стражи и провели во дворец. Я не понял, зачем они это сделали, и протестовал, а они мне любезно ответили,

что я не должен бояться и должен идти с ними, потому что такова воля царя. Мы поднялись в чрезвычайно красивый, выше всякого земного здания, дворец, меня одели в белоснежную драгоценную одежду и сказали: “Отныне и впредь ты будешь служить здесь”, — и повелели поклониться царю.

Я сразу проснулся. Виденное и слышанное так сильно запечатлелось во мне, что я ни делать ничего не мог, ни думать о чем-либо. Я прекратил работу и пребывал в размышлениях. Я постоянно слышал внутри себя это повеление, и так живо, будто оно постоянно повторялось: “Отныне и впредь ты будешь служить здесь”. Все во мне, внутри и снаружи, изменилось. Ничто из находящегося на земле меня не забыло, хотя я и не знал, что же это я видел и что должен делать»⁵.

У Франциска возникла в душе некая печаль и скука, все мирское стало его тяготить. Дочери хозяина дома, где он жил, видя его в таком настроении и узнав, в чем причина, захотели ему помочь и дали почитать «Новый Эклогион»⁶ — книгу с очень хорошей подборкой житий святых. Прочитав ее, Франциск изумился. Он не мог поверить, что существовали такие люди, которые в своей жизни столь сурово подвизались ради Бога и совершили с Его помощью столько знамений и чудес.

* * *

Тогда пришла к нему память о Боге, и с тех пор Бог послал ему покаяние, послал Свое просвещение, отверз ум, и Франциск начал думать о своей душе. С тех пор началось его новое, духовное, поприще. Он со многими слезами первый раз в жизни исповедал духовнику грехи.

Франциск начал охладевать к торговле, которую стал считать грехом и препятствием на своем новом поприще. Он оставил это занятие и трудился на простых работах то здесь, то там, лишь бы заработать на хлеб, чтобы ни о чем не заботиться и иметь возможность заниматься молитвой.

⁵ Γέρωντας Ἰωσήφ Βατοπαίδιου. Ὁ Γέρωντας Ἰωσήφ ὁ Ἠσυχαστής, ἡ ἔκδοσις, ἡ ἔκδοσις Ἱ.Μ. Βατοπαίδιου, 2008. Σελ. 39. См. также рус. пер.: Монах Иосиф. Старец Иосиф Исихаст. СТСА, 2000. С. 20–21.

⁶ См. русский перевод: Новый Эклогион. Псков, 2008.

Из своих сбережений он раздавал милостыню ради упокоения души своего отца.

В это же время Франциск стал совершать паломничества, чтобы укрепить веру и покаяние. Он побывал в монастыре Преподобного Герасима на острове Кефаллиния, в церкви Пресвятой Богородицы на острове Тинос⁷, где чудеса происходят непрестанно. Услышав от людей о множестве разных чудес и увидев некоторые из них своими глазами, Франциск понял, что истории, прочитанные в «Новом Эклогионе», были истинными.

Он уже не мог больше оставаться в городском шуме и убегал в безлюдные места, чтобы молиться нерассеянно. Чаще всего он уходил в Пендельские горы, в шестнадцать километрах северо-восточнее Афин, где тогда никто не жил. Там он нашел убежище в одном заброшенном монастыре.

Франциск хотел испытать свои способности к монашеской жизни. Он старался подвизаться насколько мог, соответственно немногим своим знаниям. Он усиленно постился, довольствуясь в течение дня небольшим количеством хлеба и парой кусочков лукама, одевался просто, раздавал деньги — одним словом, начал подражать святым.

Желая уподобиться столпникам, Франциск проводил ночи на деревьях. Однажды он залез на миндальное дерево, как святой Давид Солунский, и попробовал там подвизаться. Он старался молиться всю ночь, но в какой-то момент, изнемогши от поста и бдения, заснул. Проснувшись, Франциск увидел, что все вокруг белым-бело от снега и сам он, как в сугробе, весь в снегу. Окоченев

⁷ Здесь упомянуты два святых места, которые чрезвычайно почитаются православными греками. Монастырь в Омалах на острове Кефаллиния (Кефалонья) — самом крупном из островов Ионического архипелага — был основан прп. Герасимом (1506–1579) в 1560 г. Святой ктитор обители почивает в ней своими нетленными мощами, от которых происходит множество чудес и исцелений. Его память празднуется 16 августа (преставление) и 20 октября (обретение мощей). Храм Божией Матери Евангелистрии (Благовещенской) на острове Тинос в Эгейском море (Кикладский архипелаг) был построен в 1823–1880 гг. в честь обретения на этом месте в 1823 г. чудотворной иконы Благовещения Пресвятой Богородицы. День обретения иконы, 30 января, — один из главных праздников для жителей острова, собирающий множество паломников со всего мира.

Пустынная церковка на горе Парнифа, к северу от Афин,
куда часто приходил молиться Франциск

от холода, он думал: «Как же мне слезть?» — и смеялся над своим приключением. Мало-помалу он спустился с дерева.

Каждый день юноша ходил в город за едой и покупал полкоробки лукума. В то время лукум готовили большими кусками и продавали по шесть кусков в одной коробке, общий вес ее был более килограмма. Как-то раз он подумал: «Зачем мне спускаться в город каждый день, чтобы покупать полкоробки? Буду-ка я покупать целую и тогда смогу ходить в город через день». Так он и сделал. Но когда наступило время еды, Франциск был настолько голоден, что не удержался и съел всю коробку. Он сильно любил сладкое. Тогда он сказал себе: «Лучше я потружусь и буду покупать лукум только на один день, иначе не получается».

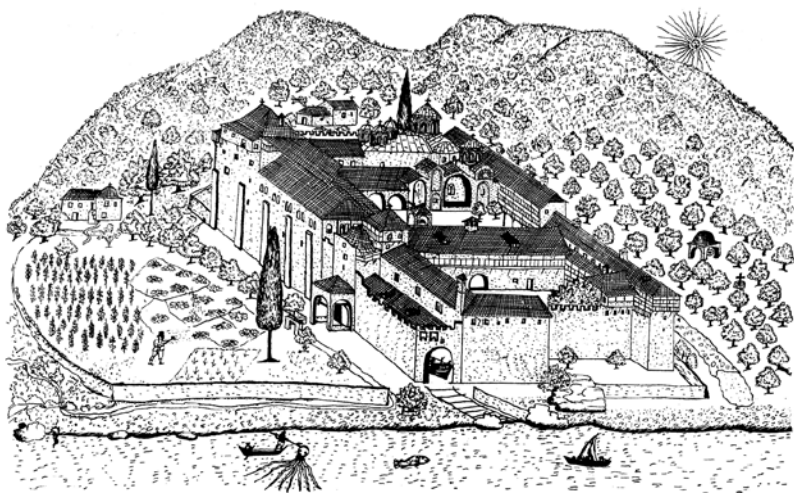
Постепенно он совершенствовался в подвиге. Как Старец Иосиф сам писал позже: «Жил я в миру и тайно творил суровые, до пролития крови, подвиги. Ел после девятого часа и раз в два дня. Пендельские горы и пещеры познали меня как ночного ворона (ср.: Пс. 101, 7), алчущего и плачущего, ищущего спастись. Испытывал, могу ли я вынести страдания, уйти монахом на Святую Гору. И когда хорошо поупражнялся несколько лет, тогда про-

сил, чтобы Господь меня простил, что я ем раз в два дня, и говорил, что, когда приду на Святую Гору, буду есть раз в восемь дней, как пишут жития святых»⁸.

Через пару лет Франциск, убедившись, что может стать монахом, решил отправиться на Святую Гору при первом удобном случае. И однажды, когда он спустился в Афины, ему посчастливилось встретиться с монахом-святогорцем из Кареи. Франциск попросил взять его с собой, когда тому нужно будет возвращаться. Так он добрался до Святой Горы. Прежде чем уехать, он выдал замуж свою сестру Эргину, оставил приданое для маленькой Марусо, а остальные свои деньги раздал как милостыню. В начале 1921 года, в возрасте двадцати четырех лет, свободный от обязательств, он отправился в благословенный сад Божией Матери⁹.

⁸ Письмо 37.

⁹ Франциск прибыл на Святую Гору спустя всего девять лет после ее освобождения от многовекового турецкого владычества. Афон был полон жизни, он давал пристанище пяти тысячам монахов, из которых примерно половину составляли греки. Кроме них, на Афоне жили русские, румыны, болгары, сербы. — *Прим. греч. ред.*

Глава вторая

НА СВЯТОЙ ГОРЕ

ПЛАМЕННЫЙ НОВОНАЧАЛЬНЫЙ

Целью Франциска было поступить в послушание к какому-нибудь подвижнику, который совершал бы бдение всю ночь и занимался молитвой и трезвением. Он говорил себе: «Пойду искать человека, который питается травой, а не хлебом», — поэтому сразу направился в пустыню Святой Горы, на отлогие склоны юго-западной оконечности полуострова. Это каменистые, безводные, обрывистые, труднодоступные места, где расположено большинство скитов и жилищ пустынных¹⁰.

В пустыне он бродил по ущельям и пещерам и если слышал, что где-то находятся духовные люди, подвижники, пустынные, то бежал туда, как молодой олень, чтобы найти источник для

¹⁰ Как и всякий новоначальный, юный Франциск, решив посвятить себя Богу, должен был выбрать место подвига и способ жизни, который более всего подходил бы его характеру. Святая Гора предлагает для такого выбора все возможности, ведь она сохраняет в неприкосновенности древние формы монашества. Есть жилища отшельников, в которых монахи живут обычно в одиночестве. Есть кельи, похожие на деревенские дома и дающие кров маленькому общежительному братству. Есть скиты, которые издалека кажутся деревеньками и состоят из многих самостоятельных келий, собравшихся вокруг одного главного храма. Есть общежительные монастыри, в которых все монахи живут как братья, в послушании игумену и всё имеют общим. — *Прим. греч. ред.*

утоления духовной жажды (см. Пс. 41, 2). Как он писал сам: «Мы стали искать, звать, плакать. Не пропустили ни горы, ни дыры, ища непрельщенного наставника, чтобы услышать слова жизни, а не праздные и тщетные... Я смотрел, где есть жизнь, где могу приобрести пользу душе»¹¹.

Франциск еще в миру, по просвещению от Бога, из чтения книг и из своего опыта подвижничества, когда испытывал себя, сможет ли стать монахом, постиг, каким должен быть настоящий монах. Он стремился найти такого духовного наставника, у которого можно было бы научиться строгому монашескому жителю, Небесному созерцанию и деланию. Нам, своим ученикам, он говорил так: «Монашеская жизнь состоит не в том, чтобы удалиться из мира, прийти сюда, на Святую Гору, и постричься в монахи. Это сделать легко. Суть же в том, чтобы найти Старца, который тебя научит, как приобретается благодать Божия, как обретается, раскапывается, обнаруживается драгоценная жемчужина. Тот, у кого нет молитвы, нет Иисусовой молитвы, нет трезвения, не может называться монахом. Ведь без трезвения не бывает очищения. Следовательно, внешне мы можем быть монахами, а по сути — нет. Внутри мы — не монахи. Мы еще не возродились, еще не познали особой благодати монашеской жизни».

* * *

Но Франциску не удалось найти таких подвижников, о которых он читал в книгах. Возможно, потому, что, как ему говорили, такого рода подвижники исчезли. Были такие, которые вкушали пищу один раз в день, но не только траву. И он нашел лишь одного, который соблюдал девятый час¹². Конечно, телесный подвиг — это только одна из сторон духовной борьбы, но по нему можно судить об общем духовном произволении подвижника. Ибо тот, у кого есть произволение подвизаться в вещественном, как правило, имеет произволение подвизаться и в духовном.

Франциск не нашел того, о чем читал в житиях святых, когда был в миру, и это его сильно печалило. Как он сам говорил позже:

¹¹ Письмо 26.

¹² То есть, согласно церковному уставу для монахов, не вкушал пищу до девятого византийского часа, соответствующего нашим трем часам пополудни.

«Затрудняюсь вам рассказать о слезах и боли моей души и возгласах, от которых раскалывались горы: день и ночь я плакал о том, что не нашел Святую Гору такой, как о ней пишут святые»¹³.

Но Франциск не стал сидеть сложа руки. Он продолжал искать, бродя по всей Святой Горе от пещеры к пещере, в надежде найти такого подвижника, который, возможно, был неизвестен другим. Он искал человека, который показал бы ему подвиг больший, чем уже известный ему. Но найти не смог: может быть, тот не открылся ему. Тем не менее Франциск побывал у всех старцев-пустынников, которые могли принести ему хоть немного пользы.

* * *

Так он нашел строжайшего безмолвника — девяностолетнего Старца Герасима. Этот удивительный подвижник упражнялся в умной молитве. Он рассказал Франциску, что семнадцать лет провел на вершине скалы. Претерпевая не только страшный зимний холод, но и удары молний, разрывавшие одежду и обжигавшие его самого, он проявлял крайнее терпение. Сражался Старец Герасим и с бесами, оставаясь неколебимым столпом терпения. Он улаживался призыванием Имени Иисусова, его глаза источали непрерывные слезы.

Застал Франциск и отца Игнатия, опытного духовника девяностопяти лет, давно уже слепого, советовался с ним и слушал его духовные наставления. Этот Старец всегда давал Франциску мудрые отеческие советы. В частности, он говорил: «Кто будет работать в молодости, у того будет пища в старости. Сейчас, пока ты молод, молись, постись, подвизайся, делай поклоны, чтобы тебе было что поесть, когда состаришься». Кроме дара подавать драгоценные советы, он имел еще удивительное свойство: вместе со словами от его уст исходило прекрасное благоухание. От Иисусовой молитвы, которую он произносил умно и непрестанно, уста его благоухали, и всякий рад был говорить с ним вблизи его уст.

Ходил Франциск и к известному подвижнику Старцу Каллинику, жившему в пустыне близ скита Катунаки. Он был значительной личностью, о нем говорили как о святом. Старец Иосиф позднее

¹³ Письмо 37.

описал его так: «Прекрасный подвижник. Сорок лет затворник. Упражняющийся в умном делании и вкушающий мед Божественной любви. Ставший и для других полезным. Ему было дано вкушать восхищение ума»¹⁴.

Однако по неизвестным причинам Старец Каллиник не передал Франциску умную молитву. Когда новоначальный спросил его, как ему самому приступить к умному деланию, тот дал неутешительный ответ, что только после его смерти Франциску придет время этим заняться. Франциск пробыл там в послушниках месяц, но не найдя того, что искал, ушел.

Нашел он и одного слепого старца в Катунаках, который говорил непрестанно: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Господи, помилуй мя». Когда он хотел отдохнуть, то произносил это внутри себя. А после телесного отдыха начинал снова: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Господи, помилуй мя». Франциск ходил к нему за советом, открыть свои помыслы, а тот говорил ему: «Дитя мое, дитя мое — Иисусова молитва! Иисусова молитва, дитя мое! Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Господи, помилуй мя...»

Еще он нашел подвижника, жившего в пещере, который плакал семь раз каждый день. Таково было его делание. Ночь же он проводил в слезах всю. И подушка его была всегда мокрой. Он не хотел, чтобы кто-то постоянно был рядом с ним, дабы не прерывался его плач. Поэтому послушник лишь навещал его два-три раза в день. Он спрашивал:

— Старче, почему ты столько плачешь?

— Когда, дитя мое, человек созерцает Бога, у него от любви текут слезы и он не может их сдержать¹⁵.

Другой отец-аскет рассказывал Франциску, что дал однажды антидор нагим подвижникам, которые были невидимы¹⁶. А еще

¹⁴ Письмо 11.

¹⁵ Там же.

¹⁶ На Афоне бытует предание о нагих подвижниках: семь (или двенадцать) аскетов живут в пустынных местах Святой Горы, скрываясь от всех людей, пребывая в непрестанной молитве за весь мир и в подвиге настолько суровом, что не имеют ни постоянного жилища, ни одежды. Когда один из нагих подвижников умирает, остальные приглашают восполнить их число того афонского монаха, которого выберут сами. По благодати Божией они обладают способностью быть невидимыми для людей. Рассказ о них см. также в гл. V.

один — что он причастил их, когда служил литургию в полночь. Встретился Франциску русский отшельник, много лет живший на вершине горы и раз в десять лет спускавшийся, чтобы встретиться с другим пустынником. Он сказал Франциску, что теперь как раз пришел сюда, ожидая этой встречи, и таким образом Франциск должен был увидеть пустынника. Но, видимо, тот умер в пустыне, и Франциск его не встретил. Все эти подвижники благоухали, как святые мощи.

Позднее Франциск говорил: «Были и многие другие созерцатели, которых я не удостоился увидеть, так как они скончались за год или два до моего прихода. И мне рассказывали об их чудесных подвигах, ведь я этим непрестанно интересовался. Я шаг за шагом обходил горы и пещеры, чтобы найти именно таких»¹⁷.

Когда новоначальный все это видел и слышал, в нем еще больше разгорался огонь. Он расспрашивал, как они едят, как молятся, что видели, что постигли. Он всегда спешил к тем, кто умирал, дабы видеть и слышать, что они говорят. Один говорил, что видит Богородицу, другой — что видит ангелов. Перед смертью они имели Божественные видения, поскольку Бог хотел, чтобы душа, которую он принимает, была спокойна.

И от этих святых Франциск приобрел чин и устав, как устраивать свою жизнь. По его собственным словам, именно эти святые наставили его, и поэтому от себя он не говорит ничего. Но, к сожалению, все старцы находились уже на закате жизни и не могли принять на себя груз духовного наставничества.

* * *

Эти замечательные отцы были, скорее, исключением, потому что в то время преобладало духовное равнодушие. Так, например, Франциск нашел в пустыне одного старенького слепого монаха. Он держал на руках кота и играл с ним. Франциск, который тогда горел ревностью, подошел к старцу и спросил:

— Отче, зачем ты держишь кота и почему не творишь Иисусову молитву?

Бедный старец, надеясь дать ему полезный совет, ответил:

¹⁷ Письмо 11.

— Боюсь, дитя мое, впасть в прелесть.

— Но, старче, разве это правильно — играть с котом и совершенно не творить молитву?

Что тут скажешь? Что ни говори глухому, ему — как об стену горох. Этот простой старчик понятия не имел о подобных вещах. Так он был воспитан, так прожил. Ему казалось, что творить Иисусову молитву — это прелесть. Просто беда!

К сожалению, и в наши дни встречаются монахи, считающие умное делание причиной прелести. И хуже всего то, что они настойчиво стараются отговорить и отвратить от истинной духовной жизни тех, кто к ней стремится, вместо того чтобы смиренно сказать «не знаю». А во времена Старца Иосифа с этим было еще хуже, и он писал своему духовному чаду: «Однако не рассказывай многим то, о чем я тебе пишу, ибо людей века сего это не занимает. Поэтому, если кто-нибудь им говорит об умном делании и молитве, они думают, что речь идет о какой-то ереси. Таковы, к сожалению, люди нашего лукавого времени. А истинный монах должен день и ночь быть занят созерцанием Бога: ест ли он, спит ли, трудится или идет».

ПОД ПОКРОВОМ СТАРЦА ДАНИИЛА

В поисках наставника Франциск направился опять в Катунски, в общину Старца Даниила¹⁸. Старец обладал глубоким умом, у него

¹⁸ Старец Даниил Катунский (1846–1929) и Старец Калинин (1853–1930) были тогда одними из самых известных старцев Святой Горы. О. Даниил был выпускником богословского отделения известной Евангелической школы в Смирне, в которой некогда учился прп. Никодим Святогорец. Уже в юности он заучивал наизусть целые отрывки из «Добротолюбия». До своего прихода на Святую Гору он был духовно связан с прп. Арсением с о. Парос — родины Франциска. Старец Даниил начал монашескую жизнь в монастыре Св. Пантелеимона. Около 1880 г. о. Даниил направился в Катунский скит. Там он прожил до конца своих дней в подвиге и писательских трудах. Он поддерживал дружескую переписку со свт. Нектарием Пентапольским. О добродетельной жизни Старца и его великой рассудительности скоро стало известно на Святой Горе и за ее пределами. — *Прим. греч. ред.* В 2005 г. был издан русский перевод жития и избранных сочинений Старца Даниила «Ангельское житие».

было высшее богословское образование, он имел священный сан. Франциск решил остаться в этой общине. Когда ему на службе давали читать Псалтирь, он читал превосходно, без ошибок и без запинок. Он обладал прекрасным даром чтеца. Исполнял он это послушание и на престольных праздниках в других каливах. Читая, Франциск плакал непрестанно.

Старец Даниил в своей маленькой общине придерживался золотой середины: не очень строгая, но и не расслабленная жизнь. Он предпочитал такой путь, который и доступен, и безопасен. Но подвижническая ревность Франциска требовала большего. В общине все послушники Старца Даниила за трапезой ели, а Франциск лишь смотрел в тарелку. Ему говорили:

— Ешь, Франциск, ешь.

— Буди благословенно.

Отвечал «буди благословенно», но не ел и не противоречил.

Отцы спали, а он бодрствовал и читал Иисусову молитву. Имея подвижнический и духовный настрой, он много трудился. С него, новонаначального, уже можно было брать пример. Но успокоения он там не находил, потому что жаждал безмолвия.

Старец Даниил это понял и сказал Франциску:

— Дитя мое, жизнь здесь не такая, какой ищешь ты. Ты очень аскетичен. Ты не подходишь для нашей общины. Возвращайся в свою пещеру, а я найду тебе брата, чтобы вас было двое, потому что жить одному не годится: есть большая опасность впасть в прелесть.

— Буди благословенно, Старче, — ответил Франциск.

* * *

По совету Старца Даниила Франциск поселился в уединенной и безмолвной местности Вигла, неподалеку от пещеры Святого Афанасия¹⁹. При этом он продолжал ходить за советами к Старцу Даниилу.

Франциск сурово подвизался, постился, ночи проводил в бдении. Ночью он стоял или ходил, понуждая свое естество, насколько возможно, противостоять сну. Ему удалось провести восемь

¹⁹ Пещера Св. Афанасия находится в полутора часах ходьбы от Великой Лавры, к югу от нее, вблизи румынского скита Честного Предтечи. — *Прим. греч. ред.*

дней стоя, без пищи и без сна. Франциск прожил там шесть месяцев, ежедневно приходя в пещеру Святого Афанасия. Ради любви к Пресвятой Богородице он следил, чтобы лампада перед Ее иконой в пещере всегда горела. Он старался постичь, что такое умная молитва, читая святоотеческие писания и пользуясь редкими советами разных духовных отцов. Франциск желал умной молитвы так сильно, что никогда не прекращал молиться Богу об ее обретении.

У Франциска был обычай каждый вечер сидеть два-три часа в пустыне и безутешно плакать, так что земля под ним становилась мокрой от слез. И устами он читал Иисусову молитву. Он тогда еще не знал, как читать ее умом, и просил Пресвятую Богородицу и Господа, чтобы Они дали ему благодать читать молитву умно, как он узнал об этом из «Добротолюбия».

* * *

Чтобы иметь свободу подвизаться, сколько он желал, и продолжать поиск духовного наставника, Франциск не пошел в послушание ни к кому из живших в тех местах старцев. Он попросил у одного из них позволения пожить вместе с ним, с условием, что тот оставит ему свободу, прежде чем он найдет постоянного Старца. Они пришли к соглашению, и Франциск дал ему небольшую сумму денег в уплату за проживание²⁰.

Но старчик не сдержал своего слова. Вскоре он лишил Франциска какой бы то ни было свободы и стал вести себя так, словно был его Старцем. Он возлагал на него епитимии, ограничения и вел себя по отношению к молодому подвижнику грубо и жестоко. Несмотря на это, Франциск с терпением продолжал подвиг.

Как-то раз Франциск пригласил одного духовника, чтобы тот совершил водоосвящение в комнате, где он жил. После этого юный подвижник взял поднос, чтобы угостить иеромонаха чаем. Старчик, увидев это, ударил снизу по подносу: все попадало на землю, чай разлился, сахар рассыпался. Юноша склонил голову, положил поклон и смиренно сказал: «Прости, отче!» Так он вышел из искушения победителем.

²⁰ Собственно, Франциск попросил разрешения пожить в каливе старца как «кавиот», то есть как мирянин, живущий какое-то время на Афоне за небольшую плату. — *Прим. греч. ред.*

Но событие это все же сильно обескуражило Франциска. Приглашенный духовник постарался успокоить юношу, ведь тот был еще мирянином. Он сказал ему, что смог, но Франциск убежал и скрылся в одном из ущелий, подобном пещере. Там он проливал слезы с утра до вечера, пока не изнемог от продолжительного плача. Франциск плакал о том, что не может найти ни одного человека на Святой Горе, который занимался бы умной молитвой и мог бы стать его учителем. Этот помысл досаждал ему сильнее всего. Он думал: «Даже в пустыне я сталкиваюсь со страстностью». Искушитель, пользуясь этим случаем и неудачами Франциска в поисках желаемого наставника, начал внушать ему помысл: «Такого, как ты ищешь, ты не найдешь. Возвращайся назад. Приехав сюда, ты напрасно потрудился». И много еще чего подобного внушал Франциску изобретатель зла.

Но юный подвижник противостоял бесовскому нападению и говорил: «Вернуться назад? Опять мирская жизнь? Нет! Или умру, или разбогатею духовно: не хочу быть фальшивым монахом».

Наконец вечером, когда уже заходило солнце, Франциск, голодный, измученный слезами, успокоился. Он смотрел на церковь Преображения Господня на вершине Афона и молил Господа от всей своей истерзанной души: «Господи, как Ты преобразился пред Своими учениками, преобразись и в моей душе! Угаси страсти, умири мое сердце. Дай молитву молящемуся и удержи мой неудержимый ум». И когда он с болью это произносил, оттуда, от храма, пришло некое легкое дуновение, исполненное благоухания, и наполнило его душу радостью, светом, Божественной любовью. И начала у него из сердца изливаться непрерывная молитва с такой сладостью и блаженством, что он думал: «Вот он, рай! Другого рая мне не нужно». Франциск видел себя как двух разных людей: снаружи — одного, а внутри — другого, который говорил молитву с математической точностью, как часы. И удивительно было то, что он продолжал ее говорить без всякого собственного старания.

Как только Франциск это осознал, он удивился и сказал: «Что со мной сейчас случилось? Как во мне говорится молитва? Я так долго прилагал столько стараний и не мог достичь этого».

До сих пор он искал молитву, как слепой. Читал и слышал о свете умной молитвы. Верил, что он есть, поэтому у него и была огромная жажда этого света. И теперь, увидев, что молитва не прекращается и он чувствует блаженство и наслаждение, Франциск сказал: «Так вот что такое умная молитва, о которой я читал в аскетических книгах! Вот какой у нее вкус! Вот каков этот свет!»

Он встал, полный благодати и беспредельной радости, и вошел в пещеру, ибо уже наступила ночь. Прижав подбородок к груди, он начал умно говорить Иисусову молитву, на вдохе и на выдохе, и вкушать сладость, проистекавшую от дарованной молитвы. И всего несколько раз произнеся эту молитву, он внезапно был восхищен в созерцание. Хотя телесно он находился в пещере, за закрытой дверью, он очутился вне ее, на Небе, в некоем чудесном месте, с беспредельным миром и тишиной в душе. Было совершенное успокоение. За пределами всякого желания. Без тела. Только об одном он думал: «Боже мой, пусть я уже не вернусь в мир, в эту израненную жизнь, но пусть я останусь здесь!» После того как Господь успокоил его, насколько изволил, Франциск снова пришел в себя и увидел, что он в пещере. С тех пор Иисусова молитва, столь чудесным образом дарованная от Бога, не прекращала умно твориться в нем до последнего вздоха²¹.

* * *

Когда кто-нибудь из христиан, мирских или монахов, удостоивается дара умной молитвы — это настоящее чудо, это благословение Божие. Однако от человека требуется, чтобы он сделал то, что должен сделать. Все человеческие усилия должны быть к этому приложены. Должны умолкнуть внутренние и внешние уста человека — рассудительно, осознанно, не бессознательно и бессмысленно, а с пониманием того, что молчание — это путь к умной молитве и помощь для ее обретения. Когда монах молчит и внутренне понуждает себя к единению с Богом посредством умной молитвы, он поначалу встречает немалые трудности. Если христианин, а особенно монах, положил этому начало, поставил себе именно такую цель —

²¹ См. Письмо 37. Франциск удостоился этой великой милости Божией около 1921 г., в возрасте всего 24 лет. — *Прим. греч. ред.*

обрести умную молитву, которая есть средоточие, предназначение, основание и вершина монашества, то стоит только диаволу почуять это, как он приложит все силы, употребит все возможное и невозможное, чтобы заградить человеку путь, создать препятствия, лишь бы христианин не приблизился к этой цели, лишь бы ничего не вкусил от благ молитвы. Ибо если человек хоть что-то вкусит от умной молитвы, кто тогда его сможет удержать? Кто ему сможет воспрепятствовать? Ведь тогда человек думает: если так прекрасно пребывать с молитвой уже в самом начале, если у нее такой чудесный вкус, если в ней столько света, столько силы веры, если она так соединяет с Богом, то что будет, если еще больше углубиться в нее? Что будет, если мне откроется это таинство умной молитвы? Стоит или не стоит трудиться ради этого? Вот почему диавол думает: положу-ка я человеку препятствия сразу, чтобы он случайно чего-нибудь не познал. Поэтому-то мы и сталкиваемся с трудностями в умной молитве. Приходит вслукавый и приводит нам на ум тысячи помыслов, лишь бы только воспрепятствовать в достижении той святой цели, которую Бог положил перед человеком, монахом, христианином.

Проходит время, утекает драгоценное время, бегут года, ум приобретает привычку рассеиваться на то и на се, а язык — болтать то об одном, то о другом, то о третьем деле. И так время исчезает как сон, как тень, улетает как птица. Летит птица и не оставляет после себя следа — так и время покидает нас непрестанно. А диавол лишает нас цели, ради которой мы приняли монашество, а если сказать истину — ради которой к монашеству нас привел Бог по Своей беспредельной любви и великой милости. Надо осознать, что мы как монахи должны продвинуться в молитве. Должны что-то познать из умной молитвы. Увидеть немного красоты, вкусить немного благоухания умной молитвы. Увидеть, как разговаривает душа с Богом: что она Ему говорит, что Бог ей отвечает, каково Лице Божие, каковы черты Божественного Лица, как Бог показывает Себя человеку, какова связь Бога с душой. Умная молитва укрепляет веру в Бога. Когда умно молящийся ощущает величие веры, пусть приходят миллионы философов, чтобы говорить ему против веры. Они не поколеблют его ни в каком случае. Простой монах с большой, ощущаемой им верой разобьет все их доводы.

Ибо философы будут говорить исходя из своих заблуждений и мудрований, тогда как монах будет исходить из того, что он вкусил, из того, как он ощущает истину бытия Божия.

Обретение человеком молитвы — это чудо. Но чтобы это чудо произошло, человек должен упорно его добиваться, понуждать себя приближаться к нему. Чтобы Бог увидел: этот смиренный человек, хотя он и нищий, и ничтожный, приложил все силы, какие имел. Так было и с Франциском: сначала он весь сделался одной сплошной сердечной болью, всего себя отдал подвигу самоотречения и аскезы. Всю свою жизнь, все здоровье и молодость он израсходовал на подвиг в надежде стать обладателем этой молитвы и благодати. И на этом основании произошло чудо, которое было чисто Божественным вмешательством. Умную молитву ему передал не какой-нибудь человек, она пришла к нему прямо с Неба. То же происходило и с преподобным Максимом Кавсокаливом, и с другими великими подвижниками.

* * *

После всего этого Франциск отправился к Старцу Даниилу и, рассказав ему о происшедшем, поделился своим помыслом:

— Я обрел молитву. Теперь, после того как я ее ощутил, мне уже не нужен никто. Пойду поселюсь на какой-нибудь скале.

— Будь внимателен, — сказал Старец Даниил, — ты можешь впасть в прелесть, или в нерадение, или диавол тебе причинит какое-нибудь зло, какой-нибудь вред, так что ты сойдешь с ума.

— Что он мне сделает, если у меня есть молитва? Я ничего не боюсь. То, что искал, я нашел.

— Хорошо, но тебе нужно найти собрата, чтобы ты был не один.

После этого Франциск удалился из Виглы и, найдя под одной скалой пещеру, поселился там для большего упражнения в умной молитве. Он совершенно избегал людей, чтобы ум его не отвлекался от молитвы.

Но ненавистник добра, диавол, не спал и однажды в полдень явился перед ним в образе льва. Когда Франциск увидел его, у него от страха душа чуть не вышла из тела. Он осенил себя крестом — и лев исчез.

Два месяца Франциск прожил под той скалой. Пещера была такая тесная, что он не мог в ней встать в полный рост. У него не было даже места, где сложить сухари. Он хранил хлеб на выступе скалы, осеняя его крестом перед тем, как туда положить. В пещере водились мыши, но он не тревожил их, а напротив, даже гладил, говоря: «Не ешьте этот хлеб, он мой». Однако мыши не слушали его и грызли немногие имевшиеся у него сухари. Он их прогонял, а они снова брались за свое. Но все эти два месяца Франциск проявлял терпение.

Живя там, он делал из веток кустарников метелочки. Франциск приносил их в Лавру, и там ему за них наполняли сумку сухарями. Ибо в общежительных монастырях отцы собирают остатки хлеба на трапезе, сушат их в печке, чтобы они не плесневели, и отдают отшельникам как благословение. В то время у врат обителей стояли большие бочки, куда складывали эти сухари, а отшельники приходили и брали их оттуда. Так и Франциск, когда у него сухари кончались, снова шел в Лавру.

БОРЬБА С БЕСАМИ

Однажды ночью, когда Франциск в безмолвии подвизался в молитве, вдруг засиял свет и внезапно он опять был восхищен в созерцание. Он рассказывал об этом так: «Мой ум был восхищен на некое поле. И были там монахи — по чину, по рядам собранные на битву. И один высокий военачальник приблизился ко мне и сказал: “Хочешь войти и воевать в первом ряду?” Я ему ответил, что весьма желаю сразиться в единоборстве с черными эфиопами, которые находились прямо напротив нас, рыкающие и испускающие огонь, как дикие собаки, так что один их вид вызывал страх. Но у меня не было страха, потому что была такая ярость, что я зубами разорвал бы их. Правда, я и будучи еще мирским, имел мужественную душу. Так вот, тогда выделяет меня военачальник из рядов, где было множество отцов. И когда мы прошли три или четыре ряда по чину, он поставил меня в первый ряд, где были еще один или два монаха перед лицом диких бесов. Они готовы были броситься на нас, а я дышал против них огнем и яростью. Там военачальник меня оставил,

сказав: “Если кто желает мужественно сразиться с ними, я ему не препятствую, а помогаю”. И снова я пришел в себя. И размышлял: “Интересно, что же это будет за война?”»

* * *

С тех пор началась жестокая брань с плотью, бесы не оставляли Франциска в покое ни на мгновение ни днем ни ночью. Каждую ночь — бешеная борьба, а днем — помыслы и страсти. Он не мог глаз сомкнуть: только закрывал глаза, как случалось осквернение. Избежать этой яростной брани ему не удавалось. Он спал стоя в углу или на деревянном сидении наподобие кресла, которое соорудил сам, чтобы облокачиваться руками. Так он спал целых восемь лет — столько, сколько продолжалась эта война, ни разу не позволив себе лечь.

В прошлом у Франциска не было никакого опыта плотской жизни. В миру он хранил себя в чистоте. Он был девственником в полном значении этого слова. Несмотря на это, по домостроительству Божию с ним случилась такая брань, чтобы проявилось его произволение и подвижнический дух.

Франциск подвизался сурово, ибо вполне осознавал, что это за брань. Он упражнялся в крайнем посте и всю ночь проводил в бдении. Ел сухой хлеб и пил очень мало воды. Когда наступала невыносимая усталость, его укрепляла благодать, и он продолжал снова. Время шло, а война с бесами становилась все более жестокой, почти непрерывной. Но и он яростно нападал на них.

По шесть часов подряд Франциск сидел пребывая в умной молитве и не позволял уму выйти из сердца. По телу его потоками струился пот. У него была палка, и он безжалостно бил себя ею, особенно по бедрам и икрам. Они были избиты до черноты. Он колотил себя дважды или трижды в день. Много палок переломал он о свои бедра. Как палач он стоял сам над собой. Все его тело дрожало, когда видело, что он берется за палку. Бесы убегали, страсти успокаивались, приходило утешение, и радовалась душа. Ибо есть Божий закон: все, что приносит наслаждение, исцеляется страданием. Со многими слезами просил Франциск, чтобы Бог сжалился над ним и отвел от него эту брань, однако брань не прекращалась.

Но Франциск был очень мужественным. Он нападал на врага, понуждал себя, проявлял неопишное терпение. Он говорил: «Либо я тебя, диавол, либо ты меня». При таком произволении, выказанном Франциском, как могла не помочь ему благодать Божия, как могла не возвести его в то высокое духовное состояние, в котором он потом находился!

* * *

Целых восемь лет каждую ночь — мученичество. Во все ночи полчища бесовские с палками, топорами и со всем, что есть вредоносного, яростно мучили Франциска. Один бес хватал его за маленькую тогда еще бороду, другой — за волосы, за ноги, за руки. Они творили всякий вид зла и муки. И все кричали: «Душите его! Убейте!» «Заступи, Матерь Божия!» — восклицал Франциск и, схватив одного из них, колотил им других. Он их бил, как если бы они были во плоти, бил их об стены так, что ранил и свои руки. Стены келлии были разбиты ударами его кулаков. Франциск видел, что только от Имени Христа и Богородицы они исчезали и сила их растворялась как дым. Бесы убегали и кричали: «Он нас сжег! Он нас сжег!»

Тем не менее борьба с бесами продолжалась. Старец Иосиф нам рассказывал: «Однажды я начал плакать: “Что же это такое, Боже мой? Ведь я не ем, я столько подвизаюсь, а победить не могу. Враг меня уничтожит”. Не прошло и пяти минут, как вот и сатана. Плешивый хватает меня за горло и начинает душить. Я с яростью схватил его за бока и укусил. Я настолько реально почувствовал, как кусаю его, что ощутил прикосновение его щетины к моим губам. Я проснулся от того, что произошло, и ощутил такую вонь, что не смог усидеть в келлии! Я выскочил наружу, а вонь все продолжалась».

В этой борьбе Франциск не один раз получал помощь от Пресвятой Богородицы и понял, что Матерь Божия очень любит чистоту. Поэтому он более всего воевал с плотской страстью. Он говорил: «Не могу вам описать, как любит Матерь Божия целомудрие и чистоту. Поскольку Она — единая чистая Дева, постольку желает, чтобы и мы все были такими, и любит нас такими»²².

²² Письмо 33.

Он плакал, воздыхал, умолял Владычицу Богородицу, Которая часто его утешала, но никакой развязки не было видно. Война ненадолго затихала, но едва он переводил дыхание, возобновлялась с новой силой. Тело его начало сдавать, и мужество поколебалось, поскольку его оружие теряло силу.

* * *

В это время Бог утешил Франциска чудесным видением, о котором он сам писал впоследствии так: «Видел я брата, истину говорю и не лгу, который пришел в исступление, сидя лунной ночью в глубочайшей пустыне. Полнейшая тишина: ни одного человека или жилища там не было. И когда он бдел и молился, явился ему сладкозвучный птичий голос, и увлек весь его ум, и вобрал в себя все его чувства. Брат последовал за ним, чтобы увидеть, откуда исходит этот столь сладкий голос. И будучи вне себя, глядя по сторонам, видит и идет, только не ногами и глазами, а в исступлении. Он прошел дальше и увидел пресветлый свет, полный благоухания и благодати. И, оставив пение птицы, вознесся, или, скорее, был пленен созерцанием ослепительного света. И, шагая, как новый юродивый, вышел на дорогу, белую как снег.

То здесь, то там стены были бриллиантовые. Обо всем, что там было, не рассказать словами. А заглянул внутрь — там прекраснейший рай, украшенный всякими цветами. Они все — златолистные, так что язык человеческий не в состоянии этого высказать. Как сумасшедший, он на это смотрит и, весь плененный, этому удивляется. Проходит далее, а посреди — огромный, размером с небо, белоснежный дворец. И в дверях стояла Госпожа наша Богородица, Царица ангелов, единая наша отрада, неизреченное благоухание и утешение всякой души христианской, несущая в Своих объятиях блистающего, как снег, Младенца, сияющего паче тысячи солнц. И когда приблизился тот брат, тогда припал к Богородице, как сын к своей матери, весь пламенея Божественной любовью. И Она его обняла как подлинное чадо и поцеловала.

О рачение любви Божией! О любовь Матери к сыну! Она облобызала его, как Свое чадо. Наполнила его несказанным благоуханием. И тот правдивый человек сказал мне, что, когда он вспоминает

это созерцание, все эти годы чувствует благоухание и услаждение в своей душе. Его лицо погладил Своей полной ручкой тот несказанный и сладчайший Младенец. Была ему возвещена Матерью и тайна, открыть которую он горячо умолял Ее в течение многих дней. А Сын еще сказал ему, что ради наслаждения такой радостью он должен подвизаться, страдая до конца жизни.

И затем, отойдя, он вышел туда, откуда пришел, не желая того. И, удаляясь, снова слышал птичье пение, пленившее его вначале. Взглянув наверх, он увидел большую тысячецветную птицу, которая крыльями покрывала весь тот рай. Вокруг были троны, и малые, похожие друг на друга птички сидели и исполняли ту неизреченную мелодию, а те, кто там был, веселились. Видящий снова пришел в себя и оказался в том месте, где находился перед началом видения»²³.

Мы спрашивали Старца Иосифа:

— Старче, каким деланием ты достиг такой степени, что Пресвятая Богородица тебя поцеловала?

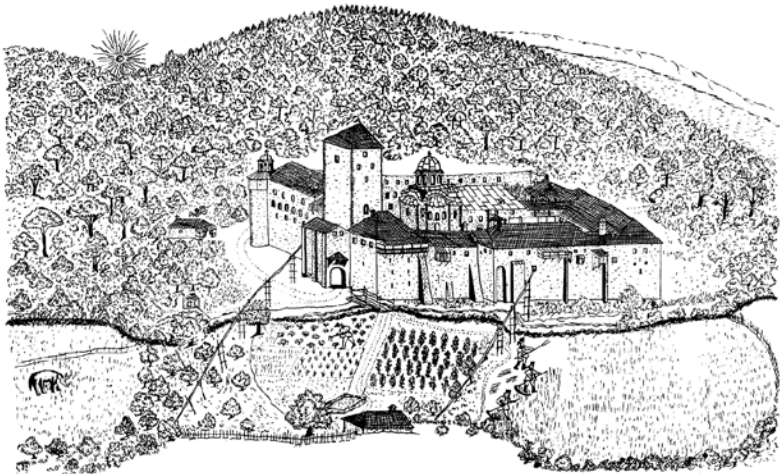
И он ответил, что более всего остального принял к сердцу и из всех сил пытался постичь и исполнить заповедь «познай самого себя». Что ты такое есть? Ничто. Ты даже не червяк, ты — ничто. Когда благодать приходит к человеку, она его делает богом. Когда благодать покидает человека, тогда он готов принять любую ересь, совершить любое преступление, тогда он готов для ада. Все зависит от благодати Божией. Но и благодать требует от человека выполнения определенных условий, чтобы прийти к нему и поселиться в нем. Франциск был занят познанием самого себя, познанием того, что такое человек. Человек подвижим извне, он не самодвижим. Если им движет благодать, он становится ангелом. Если человек согрешил и благодать ушла, он становится демоном. Вот что усвоил Старец Иосиф, как он сам признавался. Он нам говорил: «Если меня оставит благодать Божия, я совершу самые худшие преступления, потому что в нас есть все семена, и хорошие и плохие. То, что в человеке возобладало, то им и овладеет. Сколько людей изгоняли бесов, а затем пали».

²³ Письмо 43.

* * *

После этого видения передышка длилась только несколько дней, а затем плотская брань еще более ужесточилась. Утешение приходило от слез и молитвы, но бывали моменты, когда благодать Божия отходила и борьба становилась невыносимой.

Но, к сожалению, не было никого, кто мог бы ему помочь, ободрить и наставить. Напротив, другие отцы, не имевшие опыта таких сверхъестественных борений, еще больше расстраивали Франциска, говоря ему, что он в прелести. Поэтому он всех избегал, оставаясь большую часть времени в своей пещере или бродя по пустыне.

Глава третья

ОТЕЦ АРСЕНИЙ

ЖИЗНЬ В МИРУ

Прошло немного времени с тех пор, как Франциск получил великий дар сердечной молитвы, и вот тогда сбылись слова Старца Даниила: Божественный Промысл послал ему отца Арсения, который сделался его сподвижником до конца жизни.

Невозможно рассказывать о Старце Иосифе, не рассказав и о преподобном отце Арсении, ибо после того, как они познакомились, они жили вместе, как братья, до гроба. Они никогда не разлучались, ни разу не сказали друг другу холодного слова, ни разу не позволили, чтобы между ними пролегла какая-либо тень.

У отца Арсения не было столь острого ума, как у Старца Иосифа. А некоторые обстоятельства его жизни даже могут показаться комичными, *ибо Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых* (1 Кор. 1, 27). Невзирая на свою блаженную простоту, отец Арсений показал себя великим подвижником, совершенным послушником, Небесным человеком и опытным молитвенником — одним словом, истинным исихастом.

* * *

Отец Арсений, в миру Анастасий Галанопулос, родился в 1886 году в Самсуне, на черноморском побережье Турции, в очень благочестивой семье. Когда ему было всего двенадцать лет, жестокие гонения на христиан со стороны турок вынудили его семью

переселиться в православную Россию, на Кавказ. Поэтому с детства он знал понтийский диалект греческого, турецкий и русский языки. Новогреческий язык он услышал гораздо позже, из-за чего и в дальнейшем не очень хорошо говорил на нем.

Дедушка юного Анастасия был живым примером доброты и терпения. Он никогда не гневался. Наставлял он всегда с любовью и никогда не учил тому, чего не исполнял сам²⁴.

Отец Анастасия был священником. Он был настолько праведным человеком, что молитвой изгонял бесов. Мать, бывшая дочерью священника, тоже была святой женщиной и привила детям многие добродетели и любовь к молитве. Поэтому Анастасий и его младшая сестра Парфена с детства мечтали о монашеской жизни.

Его старший брат, Леонид, тоже желал монашествовать. Однако родители, не ведая про это желание, позаботились устроить его брак с очень скромной, смиренной, трудолюбивой и целомудренной девушкой Деспиной. Сам Леонид получил от Бога некое откровение и потому согласился создать с ней семью. От этого брака произошел благой плод — преподобный Старец Харалампий. О нем мы подробно расскажем позже.

* * *

Анастасий с детства чувствовал призвание посвятить себя служению Богу. Слыша с ранних лет о Святой Земле Палестины, он мечтал поселиться и служить там, где ходил Своими стопами Господь. Но нашлось одно замечательное препятствие.

У понтийцев бытовало поверье: если кто не станет крестным ни для одного ребенка, тому в иной жизни в его протянутые руки Христос положит камень. Это поверье возникло из-за того, что

²⁴ В православной России понтийские греки сохраняли свои традиции вплоть до большевистской революции 1917 года. Согласно понтийским традициям, все дети мужского пола, пока был жив дед, продолжали жить в отцовском доме и после женитьбы, живя вместе с родителями до кончины деда. Все это походило на маленькие общежительные монастыри, в которых, подобно Старцу, дед был главой, которому оказывалось особое почтение. Так каждый член семьи, прежде чем начать утром свои дела, должен был обязательно подойти к деду и поцеловать его руку, чтобы взять его благословение. Добродетели послушания, уважения и благоговения были сами собой разумеющимися. А в посте эти семьи могли бы соперничать с нынешними монастырями. — *Прим. греч. ред.*

греки испытывали постоянное давление турок, стремившихся обратить их в ислам. Поэтому они чувствовали, что должны свято хранить христианскую веру. Но простодушный Анастасий истолковал это для себя буквально и решил, что не уедет до тех пор, пока не крестит какого-нибудь младенца.

Как только он узнал, что Деспина беременна, он сказал: «Леонид, младенец, которого родит Деспина, — мой, крестить его буду я. Ты понял?» Так и случилось. Ребенка крестил Анастасий, дав ему имя Харалампий. Новорожденный действительно оказался его приобретением. Ибо Харалампий позднее последовал по стопам своего дяди на Святую Гору и стал монахом рядом с отцом Арсением и Старцем Иосифом.

* * *

Освободившись от житейских обязательств, Анастасий решил, что время для исполнения его мечты о монашестве наконец пришло. Его семья несколько не возражала против этого. Более того, они считали это за честь для себя. А мать даже дала ему наказ: «Смотри, храни то, что исполняют там».

Взяв с собой немного денег и сунув под мышку сверток со сменной одежды, Анастасий отправился в путь. С Кавказа в Иерусалим, в путешествие длиной две тысячи километров он отправился пешком! Отсюда можно понять, насколько простым был этот человек.

Встречавшиеся ему в пути спрашивали:

— Куда идешь?

— В Святую Землю.

— А дорогу знаешь?

— Какой дорогой ни пойдешь, она выведет туда, в Святую Землю.

Конечно, многие смеялись над ним. А кое-кто, воспользовавшись его простотой, выманил у него все деньги. Поэтому, чтобы продолжить путешествие, он был вынужден немного подзаработать на рудниках Аргирополя.

* * *

Когда он ушел из дома, его мать продолжала заботиться о спасении сына, непрестанно о нем молясь. У них была бахча, на которой

они выращивали арбузы. Она говорила младшей дочери: «Пойдем на бахчу». А придя туда, объясняла:

— Я пришла сюда не ради арбузов, а чтобы помолиться о твоём брате.

— Но он же ушел в монахи!

— Да, ушел в монахи. Но значит ли это, что он уже спасся? Он совсем молодой, неизвестно, что за люди там, куда он пошел. Поэтому день и ночь я молю Христа и Богородицу помочь ему сохранить его обеты.

Столь разумной была эта женщина. Как помогли Анастасию с его младенческой простотой ее слезы и молитвы!

* * *

Обязательной остановкой для всех паломников, путешествующих из России в Иерусалим, был Константинополь. Там они садились на корабль и морем отправлялись в Святую Землю. Так и Анастасий, после многонедельного путешествия и разнообразных бедствий, прибыл в столицу Османской империи. Как в любом большом городе, здесь можно было встретить и добро и зло. Но простодушный Анастасий, выросший в маленькой сельской общине, в безопасном окружении своей благочестивой семьи, не имел ни малейшего понятия о подстерегавших его опасностях.

Когда юный ревнитель искал корабль в Палестину, к нему подошел какой-то мошенник, по всей видимости из портовых грузчиков, и предложил показать город. Своей вкрадчивостью «экскурсовод» завоевал доверие простодушного путешественника и, естественно, легко выманил у него деньги, собранные на проезд. Мало того, «заботливый» гид привел его ночевать в дом, пользующийся дурной славой. И в довершение всего, наказал «добрым» хозяевам особо позаботиться о юноше.

«Я, страшно уставший от путешествия, — рассказывал позднее отец Арсений, — только лишь зашел туда, попросил, чтобы меня положили куда-нибудь спать. Какая-то женщина мне показала на закуток в коридоре. Я сразу лег и уснул. Но ночью я часто просыпался от шума, песен, непристойных разговоров и тому подобного».

Когда рассвело, Анастасий поднялся, поблагодарил и ушел, так и не поняв, где он провел ночь. Как только он вышел на улицу, к нему подошел один прохожий, остановил его и спросил:

— Что это ты бродишь в таком месте?

— Меня привели сюда на ночлег.

— У этого дома, дитя мое, дурная слава, но тебя сохранил от зла твой ангел. Уходи-ка ты поскорей отсюда и на будущее будь внимательней.

Вновь без гроша в кармане, Анастасий, по милости Божией, как-то смог найти деньги на проезд и отплыл в Палестину.

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Около 1910 года, после многих приключений и бед, Анастасий добрался наконец до Иерусалима²⁵. Ему было тогда двадцать четыре года.

Посетив разные места Святой Земли, Анастасий некоторое время жил на Сорокадневной горе. Когда он, кланяясь, пытался взять благословение у местных монахов, они выдергивали у него руку, так как не были священниками. А Анастасий говорил себе: «Ох, сколь же я грешен, что они мне даже не дают поцеловать руку! Вот, оказывается, какой я грешный!»

Наконец, он стал монахом в монастыре Святого Саввы Освященного²⁶, получив имя Анатолий. При всей его почти детской простоте его отличали горячая вера и сильное желание молитвы. Игумен возложил на Анатолия обязанности кладовщика.

²⁵ В то время Палестина входила в состав Османской империи. Иерусалим тогда был небольшим городком, население которого насчитывало 60 тысяч жителей, из которых 13 тысяч были христианами. — *Прим. греч. ред.*

²⁶ Монастырь Святого Саввы Освященного основан в конце V в. В его строительстве участвовал св. император Юстиниан. Насельниками этого монастыря были многие святые, в числе которых преподобные Иоанн Дамаскин, Косма Маиумский, Андрей Критский. В этом же монастыре незадолго до описываемых событий монашествовал и приснопамятный архим. Иоаким Специерис. — *Прим. греч. ред.* Об архим. Иоакиме см. прим. 82.

* * *

В то время отец Анатолий познакомился с одним благоговейным иеродиаконем, отцом Василием, впоследствии прославленным Старцем Иеронимом Эгинским (1883–1966). Это был замечательный, очень добродетельный человек, большой молитвенник. Он также происходил из восточных областей Османской империи и в Иерусалим прибыл в 1911 году в возрасте двадцати восьми лет.

Общая любовь к умной молитве и духовной жизни связала этих двух мужей тесной дружбой. После исполнения послушаний они встречались, беседовали на духовные темы, вместе молились. Оба они считали свое знакомство благословением Божиим.

Тем временем младшая сестра отца Анатолия в шестнадцать лет стала монахиней в обители Феоскепасту на Черном море, приняв имя Евпраксия. Воспламенившись божественной ревностью, она также пришла поклониться святым местам в Иерусалиме. Когда брат и сестра повстречались, отец Анатолий сразу познакомил ее с отцом Василием, чтобы и она могла воспользоваться его мудрыми наставлениями о молитве.

Игумен обители разрешил монахине Евпраксии остаться в гостинице монастыря на неделю. В течение этого времени они собирались втроем каждый вечер и отец Василий обучал их Иисусовой молитве до полуночи.

Монахиня Евпраксия, воистину преподобная душа, настолько прониклась наставлениями и добродетельной жизнью отца Василия, что избрала его своим Старцем. И когда позднее отец Василий окончательно поселился на острове Эгина, она поехала туда и служила ему до конца его жизни, целых сорок семь лет. А когда ее возлюбленный Старец преставился, благословенная старица не раз удостаивалась его явлений.

* * *

Как-то отец Анатолий сказал игумену:

— Старче, а я еще не крестился в Иордане.

Поскольку в Иордане крестился Христос, христиане испытывают к Иордану благоговение и, когда есть возможность, погружаются в него. Верующий человек получает от этого утешение,

помощь и благословение. Естественно, никто не считает это таинством крещения.

Игумен, знавший, насколько прост отец Анатолий, пошутил:

— Как же это так, что ты до сих пор не крестился в Иордане?

— Да, нужно мне в этом поисповедаться.

— Ну конечно! Запиши и другие свои грехи на листе бумаги.

Отец Анатолий исполнил это.

— Ну, теперь иди, крестись.

Отец Анатолий собрался и отправился на Иордан. Вошел он в воду и по простоте своей говорит:

— Разрываю рукописание грехов моих! Крещается раб Божий Анатолий во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

И, погрузившись в Иордан, почувствовал, что прощен.

* * *

В другой раз отец Анатолий прочитал житие преподобной Марии Египетской. Узнав из него, что у святой было великое покаяние, он пожелал уподобиться ей и стал делать пять тысяч поклонов каждый вечер²⁷. По своей простоте он думал, что многочисленными земными поклонами будет подражать ей. А когда он прочел, что преподобная подвизалась в пустыне, сказал себе: «Не пойти ли и мне туда подвизаться, подобно ей?» Так он и сказал игумену.

— Старче, я пойду подвизаться, как Мария Египетская.

— Иди, дитя мое, — ответил игумен.

Положил отец Анатолий в свою торбу сухари, свечи и отправился. Перешел через Иордан и двинулся в заросли колючек и тростника. И Бог вел отца Анатолия так, что в конце концов он нашел церковку Преподобной Марии! Он вошел в нее. Как рассказывал он потом: «Днем я спал в тростнике, как бык, и меня не кусали ни змеи, ни звери, ни что другое». А по вечерам он совершал бдение, брал Часослов и читал его от начала до конца, зажигая при этом свечи.

Когда же закончились у него сухари и свечи, закончился и подвиг. Взял он пустую торбу и отправился в монастырь. Увидел его игумен и спрашивает:

²⁷ В греческом языке слова «покаяние» и «поклон» являются омонимами: μετάνοια.

- Анатолий, ты вернулся?
— Вернулся!
— Ну что, подвизался?
— Подвизался.
— Что же ты там не остался?
— Да сухари кончились.
— А, ну тогда оставайся с нами, раз подвиг закончился.

Спустя какое-то время, когда отец Василий уже уехал из Палестины, отец Анатолий сказал: «Что мне делать на этой горе? Пойду-ка я в Вифлеем».

Отправился он в Вифлеем и стал там пономарем на несколько лет. Понадобилось как-то отцу Анатолию приобрести себе новую рясу. Жалование у него было небольшим, но так как бедолага совершенно не разбирался в тканях, он купил себе рясу самую дорогую — из шелка.

* * *

Отцу Анатолию как пономарю приходилось теперь исполнять службу среди множества паломников. Арабские женщины подходили к нему и говорили: «Отче, зажги и мою свечу. Возьми и от меня масло». И отец Анатолий, уразумев опасность, сказал себе: «Вот, начались у меня помыслы. Давай, Анатолий, собирайся и беги отсюда, а то пропадешь ты здесь».

Он уже был наслышан о великом даре умной молитвы. Знакомые отцы говорили, что если он хочет ее обрести, то должен пойти на Святую Гору Афон. Услышав об Афоне, отец Анатолий сказал одному своему земляку-понтийцу: «Давай пойдем на Святую Гору и станем подвижниками». И, взяв благословение у игумена, они отправились в путь.

* * *

Выехали они в 1918 году по только что открытой железной дороге из Иерусалима в Александрию, чтобы оттуда плыть морем в Константинополь. Из этого города ходили корабли на Святую Гору.

Прибыв в Александрию, они захотели побывать в Патриархии. Бывшие на железнодорожной станции носильщики, увидев его шелковую рясу, подумали, что он богат, подошли и взяли его вещи,

чтобы доставить в Патриархию. Бедный отец Анатолий сказал себе: «Смотри, какие здесь добрые христиане! Смотри, как они нам служат! Даже у нас, монахов, нет такого услужения друг другу». А придя в Патриархию, носильщик ему сказал:

— Ну, давай.

— Что вы хотите?

— Деньги.

— Разве вы берете деньги?

— А что же, задаром?

— Разве вы не по любви Христовой потрудились?

— Нет, отец мой. Как бы мы иначе выживали?

— Ну хорошо.

Заплатил им в конце концов отец Анатолий, так как было у них кое-что, собранное в Вифлееме. Чуть позже пошли они пообедать — и там та же история. Отец Анатолий думал, что им накроют стол, как гостям, даром, так как они монахи. Ведь отец Анатолий знал только монастырскую жизнь и думал, что и здесь все будет по-монастырски. После обеда подошел к ним официант:

— Вот ваш счет.

— Не буду я платить! Разве здесь не как в монастырях, даром?

— Нет, батюшка, мы ведь купили эти продукты. Мы не можем кормить просто так. У нас семьи, как же мы будем жить?

Короче говоря, все деньги у них так и вышли. Пошли они к Патриарху и сказали ему: «У нас нет денег, чтоб добраться до Святой Горы». Патриарх дал им денег, они сели на корабль и прибыли в Константинополь. Пошли они и там обедать — официант тут как тут к их услугам:

— Чего желаете? У нас есть и то, и то, и то.

— Вот это да! Какое изобилие! Как эти люди гостеприимны!

Но когда пришло время платить...

Невозможно себе представить, каким простым был отец Анатолий. Поэтому по своей простоте он и не испытывал искушений.

В Константинополе они должны были получить разрешение на дальнейшее путешествие от турецких властей. В этом деле им помог отец Василий, который жил здесь с 1912 года и служил на Иерусалимском подворье, в церкви Святого Георгия на острове Халки. Получив нужные бумаги, они отправились на Святую Гору.

НА СВЯТОЙ ГОРЕ

Наконец, добрался отец Анатолий до Афона. Прибыв в Дафни, главный порт Святой Горы, бедный отец Анатолий по своей простоте думал, что сейчас выйдут ему навстречу из своих пещер все подвижники и скажут: «О, добро пожаловать, Анатолий! Добро пожаловать, Анатолий!» Но никто не вышел его встретить. «Что здесь творится? — говорил он. — Ты смотри, никто не вышел навстречу!» Надел он свою шелковую рясу и начал бродить по Святой Горе в поисках, где бы ему поселиться. Но тогда на Афоне было очень строго и у отцов рясы были самые простые. Лишь только его замечали в такой рясе, сразу спрашивали:

— Отче, ты из Ватопеда?

В то время только в Ватопеде носили такие роскошные вещи.

— Нет, из Иерусалима.

— Ну, ты даешь! Из Иерусалима — и в такой одежде!

Все обращали на него внимание и недоумевали. Когда он наконец это заметил, до него дошло: «Раз все на меня так смотрят, что-то у меня не то». Продав он рясу и на вырученные деньги заказал сорокоуст о своих родителях.

* * *

Не найдя никого, кто научил бы его умной молитве, отец Анатолий остался в монастыре Ставроникита. Это был особножительный монастырь: каждый мог жить как захочет²⁸. И отец Анатолий отдал предпочтение Ставрониките, чтобы иметь возможность больше подвизаться в Иисусовой молитве.

Отец Анатолий, живя в миру, работал в России на табачных плантациях. По молодости, из-за постоянной доступности табака он приучился курить. Став монахом, он прекратил курение, но страсти имеют способность легко возвращаться. Стоит лишь немного ослабить внимание и возникнуть предлогу, как они вновь

²⁸ Поскольку в особножительных монастырях, в отличие от общежительных, как правило, нет строгого духовного надзора и послушания, для души возникает множество опасностей. И если кто начнет свою монашескую жизнь расслабленно, то затем его ожидает путь по наклонной, чего он может и не заметить. — *Прим. греч. ред.*

поднимают голову. Поскольку в этом монастыре у некоторых отцов была эта страсть, он вновь стал склоняться к ней. Начал он привыкать и к винопитию. К счастью, он познакомился с Франциском, который все это отсек.

Там, в Ставрениките, отец Анатолий был садовником. Везде он исполнял послушание охотно. А все ночи проводил в бдении, как его научил отец Василий.

Спустя какое-то время духовник отца Анатолия в Карее постриг его в великую схиму с именем Арсений.

СПОДВИЖНИК ФРАНЦИСКА

Прожив несколько лет в Ставрениките, отец Арсений как-то услышал, что некий подвижник стяжал умную молитву и подвизается в пещере под скалой. Он помолился святителю Николаю, говоря: «Отче Николае, если я найду его, то, хотя и не знаю, грех это или не грех, а пойду и поселюсь вместе с ним, раз он имеет умную молитву». И Бог известил его. Он явно услышал глас: «Арсение, бегай и спасайся», — как был извещен и святой Арсений Великий.

Отец Арсений выбросил свою одежду из окна, вышел за врата обители, подобрал одежду и незамеченным ушел. Он пришел в Катунаки, к Старцу Даниилу, и сказал ему:

— Хочу найти человека с умной молитвой и подвижничать вместе с ним.

— А ты откуда?

— Из Ставреникиты.

— Ох, ты из особножительного монастыря и хочешь стать отшельником, дитя мое?

— Да, хочу стать отшельником.

— Хорошо, здесь поблизости есть пещера, ступай туда, там ты найдешь одного хорошего паренька по имени Франциск. Если он тебе позволит жить вместе с ним, будет хорошо. *Двоим лучше, нежели одному... ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего* (Еккл. 4, 9–10). И Франциск не впадет в прелесть, и ты найдешь хорошего друга.

Отец Арсений нашел Франциска под скалой, где тот подвизался, и спросил:

— Как ты здесь поживаешь, брат мой Франциск? Есть ли у тебя умная молитва?

— Зачем тебе это знать?

— Да вот и я хотел бы ее иметь. Я покинул Иерусалим ради этого.

— Да, отче, у меня есть умная молитва, я пришел сюда, чтобы плакать о грехах моих.

— Можно и мне с тобой здесь подвизаться?

— А ты сможешь?

— Смогу.

— А ты молишься? Кладешь поклоны? Плачешь о грехах своих?

— Не плачу. Поклоны кладу, молюсь, а плакать — не плачу.

— Надо плакать о своих грехах, надо проливать слезы. Если ты хочешь остаться здесь, чтобы нам вместе подвизаться, пойді спроси духовника, Старца Даниила.

Ушел отец Арсений, ощутив большую пользу. Пришел он к Старцу Даниилу и сказал:

— Он очень духовный человек. Таких слов я не слышал даже в Иерусалиме.

— Ну, значит, ты теперь нашел себе друга.

— Надо мне идти к нему, потому что я очень грешен и должен подвизаться больше. Отцы здесь святые, и у них нет такой нужды в покаянии. А у меня — много грехов и надо мне идти в пещеру. Дашь благословение?

— Ступай.

Итак, пришел отец Арсений в пещерку, принес с собой для Франциска инжир, немного сухарей и скамеечку.

— Ну что, принимаешь меня? Я тебе принес инжир, принес сухарей.

Подумал Старец Иосиф: «Добрый малый, простодушный».

— Ну, располагайся. Станем подвизаться вместе.

И с тех пор стали они подвизаться вместе. Целых тридцать пять лет они прожили, никогда не разлучаясь. Были они как братья.

* * *

Поначалу отец Арсений, старший по возрасту и по монашеству, был Старцем для Франциска. Видя, однако, не только духовность, но и ум Франциска, он уступил ему первенство. Однажды отец Арсений сказал ему:

— Исполнишь послушание? Сделаешь то, что я тебе сейчас скажу?

— Да.

— Хорошо. С сегодняшнего дня Старец — ты.

Так и стал Франциск Старцем, но при этом так почитал отца Арсения, что относился к нему, как к своему Старцу. Тех, что пришли позже и стали послушниками, Старец Иосиф называл своими чадами, а отца Арсения неизменно называл братом и сподвижником. И на общих собраниях братии он справедливо воздавал ему почести Старца. Они были сподвижниками, соратниками, хотя законным Старцем являлся Старец Иосиф.

Позднее отец Арсений рассказывал: «Я хотел, чтобы моим Старцем и наставником был Старец Иосиф, хотя я и был старше. У того был ум, а у меня — нет. Тот был знатоком, теоретиком. А я был практиком. Однажды два человека захотели перейти реку: один слепой, а другой — безногий. Поднял на свои плечи слепой того, у кого не было ног, но были глаза, и так они перешли реку. У Старца Иосифа были открыты глаза ума, но у него не было достаточной телесной силы. У меня, у практика, есть ноги, но нет умных глаз. Я не богослов. Я взял его на свою спину, он меня вел — так мы перешли реку этой жизни».

* * *

Отец Арсений приобрел в особножительном монастыре некоторые нехорошие привычки. Франциск сразу их отсек. Бывало, что он и поколачивал отца Арсения за нарушение запрета:

— Это безобразие, ты это прекращай! Или прекратишь курить и будешь вести себя пристойно, или убирайся отсюда!

— Хорошо, я исправлюсь!

— Говоришь «хорошо, я исправлюсь», но до сих пор не исправился!

— Ну потерпи немного!

Франциск спас отца Арсения. Он был настолько строг, что, когда

отец Арсений приходил и говорил ему: «Такой-то монах сделал то, сделал другое», Франциск отвечал: «Смотри, не приноси сюда то, что кто-то где-то делает. Что делает один, что делает другой — об этом говорить запрещается. Надо смотреть, что делаем мы».

Спустя немного времени отец Арсений забывал об этом и вновь приходил, говоря:

— Был здесь только что один монастырский. Ох, какой нерадивый человек!

Бах! Получал затрещину.

— Молчи! Ничего не говори ни про кого! Разве ты судья? Как тебе не стыдно!

— Хорошо, я больше не буду.

Проходило несколько часов, и отец Арсений опять говорил:

— Такой-то...

Бах! Снова затрещина.

— Хорошо, больше не буду.

— Молчи, отец Арсений!

Таким образом Франциск его воспитывал. Отец Арсений шагу лишнего не мог ступить. И в итоге достиг святости.

СТАРЕЦ ДАНИИЛ ИСИХАСТ

Недалеко от границ земли Великой Лавры, на оконечности Афонского полуострова, находится место, называемое Криа Нэра (Холодные Воды). Здесь святой Иоанн Кукузель пас козлов, которые, когда он пел, становились на задние ноги. Чуть далее, в известной каливе Святого Петра Афонского, Франциск и отец Арсений отыскиали одного исихаста, знаменитого отца Даниила, которому тогда было около семидесяти лет. Этот преподобный отец тридцать пять лет жил как послушник. Согласно афонской традиции, после смерти Старца-настоятеля каливы новым настоятелем становится монах, дольше всех проживший в этой обители. Отец Даниил стал настоятелем каливы 1 апреля 1909 года.

К сожалению, мы мало знаем об этом замечательном человеке, поскольку жил он в смирении и безвестности — истинных добродетелях монаха. При этом он был исихастом, совершенным затвор-

ником и имел дар созерцания. Он всегда был обращен внутрь себя, ни с кем легко не заговаривал и даже никогда не давал советов. Он совершал бдение до полуночи по четкам, а после полуночи служил литургию. Литургия его продолжалась три с половиной или четыре часа, ибо от слез он не мог давать возгласы. От этих слез земля под ним становилась мокрой. И пока земля не станет мокрой, он не заканчивал литургию. На литургии он весь парил. Потому так долго и шла его служба, и потому он никого не пускал на свою литургию, кроме помогавшего ему послушника Антония.

Когда Старец Даниил заканчивал службу, то целый час приходил в себя после созерцания Божественной литургии. Затем шел в свою келлию, чтобы и там часами продолжать плакать. Более пятидесяти лет он был священником и не мог помыслить оставить литургию даже на один день. А во время Великого поста он во все будничные дни совершал Преждеосвященную. Ел подвижник только двадцать пять драми хлеба в день. Преставился он в 1929 году, прожив около семидесяти пяти лет, не болея до последнего дня. Устав монашеской жизни и распорядок дня общины был воспринят Старцем Иосифом от Старца Даниила Исихаста.

* * *

Несмотря на то что отец Даниил никого не пускал на литургию, Франциску он оказал снисхождение и принимал его, потому что тот был очень настойчив и горячо его упрасивал. В конце концов отец Даниил понял, что Франциск и отец Арсений — подвижники, и согласился пускать их на свою службу. С тех пор они стали приходить к нему и получали большую пользу. Он их укреплял в духовной ревности.

Они шагали всю ночь, чтобы увидеть воистину божественное зрелище его службы, которая продолжалась часами. Затем они ему исповедовали свои помыслы, а отец Даниил говорил им пару словечек. Он почти никогда не давал советов, но уже только от того, что они его видели, они получали утешение.

* * *

Однажды, когда выпало очень много снега, Франциск сказал отцу Арсению:

— Давай сходим к нашему духовнику, поисповедуемся и причастимся.

— Пойдем.

Но снегу выпало очень много, на целый метр. В тех местах, в пустыне, снега вообще выпадает много. А идти им было несколько часов.

— Но мы пойдем босыми, ради подвига, ведь многие подвижники ходили босиком.

— Пойдем, — согласился отец Арсений.

Отец Арсений, хотя и был на десять лет старше Франциска, был более выносливым. Франциск от большого подвижничества к тому времени телесно ослабел. А отец Арсений был крепким понтийцем и весьма неприхотливым. Так они отправились босыми и шли несколько часов. Спустились от скита Святого Василия, который расположен очень высоко, через скалы и пустыню. Стоит только увидеть эту пустыню, как приходишь в отчаяние. Они шли по снегу, минуя пропасти, минуя скалы, минуя заросли кустарников и сухой травы, и добрались до Холодных Вод. В этом месте очень много воды, и зимой она превращается в лед. Когда они пришли туда, Франциск совсем замерз. У него заledenели ноги, так что он не мог дальше идти.

— Отец Арсений, давай-ка присядем, я больше не могу идти!

«У меня ноги горели, и я мог идти дальше, — рассказывал нам отец Арсений. — Но раз Франциск так замерз, мы остановились». Однако укрыться было негде. Они вырыли из-под снега какой-то колодец, поискав, нашли немного дров и разожгли в колодце небольшой костер. И давай делать земные поклоны всю ночь, чтобы не уснуть и не замерзнуть. Когда же рассвело, Франциск сказал:

— Отец Арсений, пойдем назад, так мы до Старца не доберемся. До нашего жилища отсюда ближе, пойдем обуюемся и не будем мечтать, что мы на такое способны.

И потихоньку, с помощью отца Арсения, Франциск добрал до скита Святого Василия. Через несколько дней он сказал:

— Отец Арсений, сходи-ка ты к духовнику, а заодно и в Лавру, чтобы нам дали немного сухарей, оливок и масла.

— Хорошо, Старче.

И он отправился, но теперь уже обутом. Когда он добрался до Холодных Вод, ему встретился один пещерник, спускавшийся с мулами.

— Отец Арсений, оказывается, у нас есть босые подвижники!

— Откуда ты знаешь?

— Мы видели их следы.

«Откуда ему знать, что это были мы», — сказал себе отец Арсений.

— Представь себе, отец Арсений, босые подвижники! Какие подвижники у нас есть, а мы о них и не знаем! Наверное, они скрываются в пещерах.

— Скорее всего, — ответил бедный отец Арсений. Не говорить же ему: «Это были мы!»

А когда он вернулся домой, сказал Франциску:

— Старче, нас приняли за босых подвижников.

* * *

Однажды услышал отец Арсений, что многие святые надевали на тело власяницы, и захотел испробовать на себе этот подвиг. Это оказалось очень тяжело, потому что толстая щетина колола его, как иголками, и все его тело покрылось ссадинами. Он терпел целый год, а потом решил прекратить чрезмерную аскезу.

* * *

Такой была их жизнь. Франциск уже прожил на Святой Горе два года, из них около девяти месяцев вместе с отцом Арсением, когда мудрый Старец Даниил из Катунак сказал им:

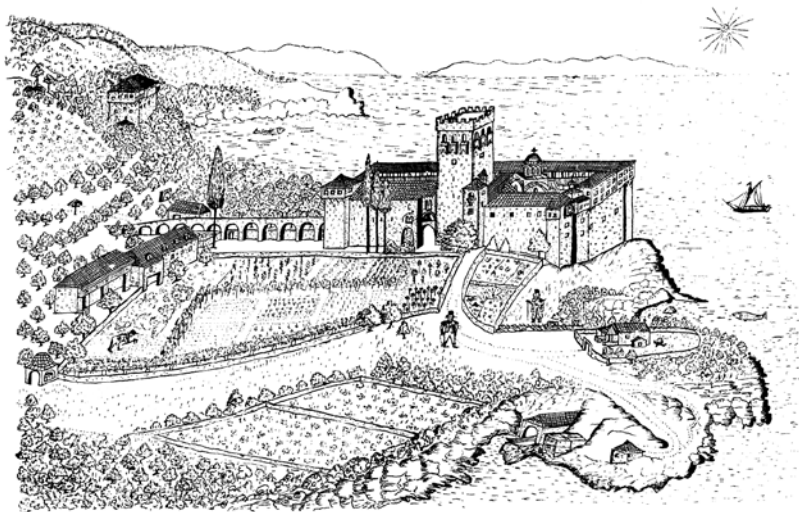
— Так никакого толку не будет. Послушайтесь того, что я вам скажу. Здесь, на Святой Горе, существует одно нерушимое правило: похоронишь Старца — станешь Старцем. А жить так, как живете вы, своевольно, не годится. Ты сбежал от послушания (сказал он отцу Арсению), а ты еще не постригся в схиму (сказал он Франциску). Без благословения какого-нибудь Старца ничего хорошего не выйдет. Без этой отеческой печати никакое духовное делание в монашеском жителстве не принесет плода. Если желаете иметь благодать Божию в течение всей вашей жизни, вы должны пройти через послушание.

— Но куда же нам идти, Старче? — ответил Франциск. — Ведь я не вижу вокруг ничего, кроме рукоделия. Если бы вся суть состояла в рукоделии, я мог бы жить и в миру. Мне нужна молитва.

— Хорошо, дитя мое. Я вижу, что твое призвание — молитва. Здесь, по соседству, в Благовещенской келлии, живут два старчика. Одного зовут Ефрем, а другого — Иосиф. Они долго не проживут, пять-десять лет максимум. Если вы примете от них благословение²⁹, то будете подвизаться, как пожелаете. Тогда что захотите, то и будете делать. Ступайте к ним на послушание и ухаживайте за ними, а когда они умрут, ты станешь законным Старцем.

Поскольку оба подвижника были исполнены ревности следовать воле Божией, они приняли этот совет без всякого колебания. Они восприняли его как настоящее откровение, словно исходящее из уст Божиих. Они пошли и предали себя в послушание этим старчикам.

²⁹ Имеется в виду благословение, которое Старец перед своей смертью дает своим послушникам.

Глава четвертая

ЖИЗНЬ ДВУХ ПОСЛУШНИКОВ

ПОСЛУШАНИЕ СТАРЦУ ЕФРЕМУ

Отец Ефрем и отец Иосиф были простыми, добрыми и незлобивыми старчиками. Они происходили из Северного Эпира, были сродниками и монашествовали вместе в Катунаках в Благовещенской келлии, чуть ниже общины Старца Даниила.

В миру отец Ефрем был женат и имел восемь детей. Однажды к нему пришло желание стать монахом. Жена его, однако, не хотела, чтобы он ее оставил. Поэтому он сотворил горячую молитву, чтобы ему открылся путь к монашеству. И вскоре его дети начали один за другим умирать. Тогда жена сказала ему: «Быстро собирайся и уходи! Иди в монахи, чтобы у меня осталась хоть пара детей в утешение!» И тот, получив ее согласие, собрался и ушел и стал монахом в Катунаках, где уже подвизался его тесть отец Иосиф.

Они прожили там много лет и были преемниками первого ктитора каливы, отца Никодима из монастыря Святого Дионисия. Отец Никодим был ученым писателем и исихастом. Он оставил административную должность в монастыре, чтобы больше предаваться аскетическому подвигу и молитве. Так он пришел в уединенные Катунаки и построил каливу с церковкой Благовещения Пресвятой Богородицы. Она была такой маленькой, что там могли поместиться только три человека. Отец Иосиф был у него послушником, а затем к ним пришел и отец Ефрем. Старцы Ефрем и Иосиф не только унаследовали аскетический дух этого преподобного мужа, но и получили его отеческое благословение.

Об их аскетизме и простоте говорит такой случай. У отца Ефрема однажды упал и разбился горшок с макаронами. Пошел отец Ефрем к своему Старцу, отцу Иосифу, и сказал:

— Старче, у меня упал и разбился горшок.

— Ну, тогда поедим прямо там.

И они сели и ели прямо с земли. Но как им было отделить пищу от земли? Поэтому они съели то, что было сверху.

Когда в 1924 году их нашли Франциск и отец Арсений, те уже достигли глубокой старости. Старец Ефрем очень радовался приходу двух новых послушников. Он часто плакал, расчувствовавшись, видя их готовность к совершенному послушанию.

* * *

Как-то раз один монах родом с Крита, живший по соседству в Катунках, начал кричать и ругать старца Ефрема совершенно несправедливо, из-за какого-то недоразумения с границей между их земельными участками. Он устроил старцу Ефрему жуткий нагоняй и выволочку, орал на него, не переставая: «Ты негодай! Такой-сякой!» Кричал он, кричал, а бедный старчик, поскольку был кроток и прост, не мог ответить ему тем же и потому только восклицал: «Что терплю я от этого человека! Что терплю!»

Молодой Франциск, страсти которого были еще живы, загорелся гневом. Он хотел выскочить и поставить на место зарвавшегося монаха, напрасно обижавшего старца. «Если я сейчас выйду, будет ему от меня», — подумал он. Негодование и гнев закипели в нем, ведь от природы он был очень гневлив. Гнев говорил ему: «Выйди и задай ему!» Но как только Франциск осознал, что выйди он — и страшно представить, что может случиться, так сдержал себя и сразу прибежал в церковь Благовещения. Там он пал на землю и стал призывать Пресвятую Богородицу, чтобы Она удержала его от крайностей: «Помоги мне, Матерь Божия! Не дай мне выскочить! Помоги мне, Христе мой, спаси мя, ибо, если сейчас выскочу, не знаю, что будет. Помоги мне, спаси мя, уйми эту страсть!»

Плача и рыдая, орошая землю горячими слезами, он увидел, что страсть гнева отступила, что он успокоился и к нему вернулась ясность ума. Только тогда Франциск вышел и уладил дело с большой

любовью и ласково: «Ну, полно, полно! Мы пришли сюда не для того, чтобы владеть каливами, оливковыми деревьями и скалами. Мы пришли сюда ради нашей души, ради любви. Если потеряем любовь, то потеряем Бога. Лучше ничего не иметь, но иметь любовь. И напротив, если оставим в себе ненависть, что выйдет, отче? Мы оставили родителей, оставили все, что у нас было, а теперь будем ссориться из-за земного? Станем посмешищем для ангелов, людей и всего света?» И монах тот утихомирился.

Позднее Старец Иосиф признавался нам: «Если бы я не совладал с гневом в тот день, то, возможно, и убил бы этого монаха, потому что у меня было столько отваги и силы, что мог схватиться с десятью и справиться с ними. Это была моя первая победа в начале послушнического поприща. С тех пор я почувствовал, что гнев и ярость во мне уменьшились и не имеют прежней силы. Кротость начала согреть мое сердце».

Новоначальный Франциск задушил свой гнев, а тот монах, не сделав того же, прожил со своей страстью всю жизнь. Говорят: страсти стареют и умирают вместе с человеком. Так и того невоспитанного старчика до глубокой старости сопровождал гнев, не задушенный им. Этот сосед-грубиян постоянно создавал множество искушений для Франциска. Не передать, что пришлось ему пережить от этого несчастного. Он проклинал Франциска, обвинял, не оставлял в покое. Но Франциск из всех сил проявлял терпение, как это видно из одного его письма: «Если бы я решил рассказать, что я выносил каждый день от этой страсти, то должен был бы написать книгу. Ибо Бог, желая меня освободить, посылал мне всякие ухищрения: чтобы несправедливо мне досаждали, чтобы меня оскорбляли, чтобы меня искушали. Не простые колкости, а способные убить. И терпя, и удушая в себе сатану крайним терпением, я получил избавление от этого зла»³⁰.

Итак, Франциск сказал себе: «Свое мужество на Святой Горе я должен проявить в борьбе с диаволом и страстями. Если я не сделаю этого, значит, проиграл». Так он и говорил про свои страсти: «Или я их, или они меня. Или победить, или пропасть». Из этой битвы и борьбы он вышел, в конце концов, великим победителем.

³⁰ Письмо 7.

* * *

Старец Ефрем благословил Франциска и отца Арсения подвизаться, сколько они могут, а исповедоваться — тому духовнику, какой будет им по душе. Они готовили для старчиков еду и после этого были свободны.

Чуть выше их каливы, в очень труднодоступном месте, была пещерка. Стоит поскользнуться — и костей не соберешь. Там и подвизался Франциск. Взяв благословение старца Ефрема, он шел туда, закрывал за собой вход и совершал умную молитву. Он сидел там часами и молился.

Иногда они ходили с отцом Арсением подвизаться в одно место пониже, называвшееся А́лики. Однажды они там отшельничали целую неделю. Когда они вернулись, старец Ефрем спросил: «Слушайте, дети, где вы подвизаетесь? Куда вы ходите? Возьмите и меня с собой». Но он, по старости, уже с трудом переставляя ноги. Взяли его Франциск с отцом Арсением и привели в одну пещеру внизу, возле моря. Была у них и удочка, чтобы ловить для старца рыбу. Но скоро он сказал: «Слушайте, дети, нехорошо мне. Отведите-ка меня назад». И как только они отвели его наверх, старец Ефрем слег по своей старческой слабости.

* * *

Вскоре умер брат отца Ефрема, Старец Иосиф. Старец Ефрем решил, что Франциск уже готов принять монашеский постриг. Но так как они были зилотами³¹, духовный собор Великой Лавры долго колебался, прежде чем дать на это благословение. В конце концов достойное поведение братии Старца Ефрема сняло все сомнения. Постриг Франциска состоялся 31 августа 1925 года, в воскресенье, на праздник Положения Честного Пояса Пресвятой Богородицы.

Франциск был пострижен в великую схиму³² с именем Иосиф. Он получил имя своего недавно преставившегося Старца. Ему было тогда двадцать восемь лет, четыре из которых он прожил на Афоне. Постриг был совершен в пещере Святого Афанасия Афонского.

³¹ О зилотах см. в книге первой, гл. XVIII, «Введение к воспоминаниям Старца Ефрема об отходе Старца Иосифа от зилотства».

³² На Святой Горе Афон в большинстве обителей все монахи после нескольких лет рясофорного послушничества постригаются в великую схиму.

Чтобы больше подвизаться в Иисусовой молитве, которая требует безмолвия, отец Иосиф у одной скалы соорудил с помощью досок что-то вроде пещеры. Эта пещерка была настолько мала, что он еле-еле туда помещался. Вряд ли ее длина, ширина и высота достигали хотя бы полутора метров.

Каждый вечер, после пробуждения на закате солнца, он шел туда и проводил в молитве и слезах шесть часов. Он заводил будильник, чтобы знать, когда пройдут шесть часов и пора остановиться, и ставил его подальше, чтобы тиканье не мешало.

Однажды отцу Иосифу было видение. Это произошло в ночь на Богоявление. В Катунках служилось всенощное бдение, а отец Иосиф редко ходил на праздничные бдения и престольные праздники, поскольку соблюдал не пустынноческую, а затворническую строгость. Около полуночи, как только он начал держать ум в сердце и творить Иисусову молитву, келлия его вдруг наполнилась светом, как бывает днем, но, конечно, не тем светом, который видим днем мы. Свет настолько усилился, что отец Иосиф вышел из себя, перестав чувствовать свое тело. И явились перед ним трое детей не старше десяти лет. Они были одного роста, одного вида, в одинаковой одежде, с одинаковыми по красоте лицами. И отец Иосиф, находясь в восхищении, созерцая их, удивлялся. Они, касаясь один другого, втроем благословляли его, как благословляет священник. Они то удалялись, то приближались и мелодично пели: «Елицы во Христа крестистесь» — приближаясь, «Во Христа облекостесь. Аллилуиа!» — удаляясь. Так они сделали три раза. Отец Иосиф подумал: «Где научились такие малыши так красиво петь и благословлять?» Ему и в голову не пришло в тот момент, что на Святой Горе нет таких маленьких и таких прекрасных детей. Затем снова стало темно, и они ушли, как и пришли.

Отец Иосиф остался в изумлении. Придя в себя, он увидел, что прошло уже много времени и будильник давно прозвенел. Шли дни, но радость оставалась, и из памяти это не стиралось. Такое не забывается никогда.

Когда мы его спрашивали позднее, что он думал в такие мгновения, Старец Иосиф отвечал, что, когда ум пленяется в созерцание,

мысли отсутствуют, поскольку ум озаряется благодатью и не действует самостоятельно. Он только чувствовал, что пребывал в некоем блаженном состоянии.

* * *

После этого видения благодать молитвы умножилась и, соответственно, возросло желание безмолвия. Ум молодого подвижника не был занят ничем земным. Вместе с тем умножались и искушения.

Старец Даниила регулярно поручал им исполнять необходимые для скита работы. И его послушники очень часто говорили им: «Спуститесь вниз и принесите то-то, пойдите туда и сделайте то-то», — и тому подобное. Все это ломало их распорядок. Отец Иосиф и отец Арсений огорчались, они хотели безмолвия. Старец же Ефрем был простым человеком и, хотя ему это и не нравилось, стыдился отказать отцам и посылал своих послушников туда, куда просили соседи.

Другой проблемой, мешавшей их безмолвию, была старая привычка всех окрестных отцов, идя в Катунки, сокращать путь, проходя через двор их калиты. Вдобавок, безмолвию препятствовали разнообразные общие работы, когда приближался престольный праздник какой-нибудь келлии.

Отец Иосиф долго все это терпел. Но после видения трех ангелов более не мог выносить отвлечений на суету. Душа его стремилась к уединению и безмолвию.

Рукоделие Старца Ефрема — изготовление бочек — также создавало много шума и хлопот. Как это обычно бывает, каждый вспоминал о необходимости заказать бочку в последний момент перед тем, как давить виноград. А так как Старец Ефрем был отличным бондарем, все окрестные отцы сбегались к нему и упрасивали поскорее закончить их бочки. Старец Ефрем, по своей доброте, никому не отказывал и в итоге страшно переутомлялся, потому что был вынужден работать день и ночь.

К тому же, он никогда ни с кого не требовал платы за свою работу. Поэтому многие пользовались его добротой и платили очень мало. Помимо монахов, о нем узнали мирские. Они заказывали работу стоимостью в тысячу драхм, настаивая на скорейшем ее окончании, а затем давали сотню драхм и с деланной наивностью спрашивали:

— Этого достаточно, Старче?

— Достаточно, достаточно, дитя мое, — смущенно отвечал тот.

Молодые послушники не могли спокойно глядеть, как их Старец убивается на работе день и ночь, а другие этим пользуются. Поэтому они стали обдумывать, не перебраться ли в более тихое место. Однажды отец Иосиф сказал отцу Арсению: «Это рукодействие, мало того что лишает нас безмолвия, еще и чересчур утомляет нашего Старца. Давай, отец Арсений, помолимся и спросим его, согласен ли он переселиться в более спокойное место». Так они и сделали. Выслушав их, Старец с большой радостью согласился с ними и благословил поискать такое тихое место.

Отец Иосиф — молодой монах

ПЕРЕХОД В СКИТ СЯТОГО ВАСИЛИЯ

Решив переселиться в более тихое место, отец Иосиф с отцом Арсением выбрали скит Святого Василия³³. Скит находится очень высоко, на высоте более семисот метров над уровнем моря, и поэтому там бывает очень холодно. Там растет только каменный дуб, напоминающий скорее кустарник. Далеко внизу виден небольшой плоский участок побережья, где собирают соль, а дальше —

³³ Скит Святого Василия, согласно преданию, был основан монахами, происходившими из Каппадокии и потому особо чтившими Каппадокийского свяителя. Это самая высокая и весьма труднодоступная населенная часть Святой Горы. В этот скит приходил прп. Паисий Величковский, который впервые обрел здесь святоотеческие книги на греческом языке.

беспредельная голубизна Эгейского моря. Смотришь — и словно паришь!

Скит этот почти ниоткуда не виден. Если не знать хорошо местные тропинки, найти его нелегко. Это самая пустынная и очень труднодоступная часть Афона. Там насчитывалось не более восьми калив, но и они располагались вдали друг от друга.

Тогда там жили: отец Герасим с послушником отцом Максимом, верно следовавшие традиции отцов-коливадов³⁴; отец Герасим Менайас³⁵, ученый-химик, оставивший все ради любви Христовой; Старец Херувим, достигший высочайшей степени нестяжания и безмолвия; старец Феофилакт, живший в дружбе с бессловесными животными, как Адам до падения; два румына — Старец Иона с послушником отцом Макарием. Все эти отцы вели исихастский образ жизни, безмолвствуя со знанием дела. Они внушали к себе такое почтение, что, когда отцам из других мест нужно было пройти через этот скит, они шли на цыпочках, чтобы не произвести шума и не потревожить подвижников. Но, вообще, подобные хождения в той пустыне были очень редким делом.

* * *

Это место идеально подходило для отца Иосифа. Но в тот момент там не нашлось свободных калив, и им пришлось самим построить маленькую простенькую каливу. Это оказалось очень непростым делом, поскольку у них не было самых необходимых строительных материалов. Таскать их на эти удаленные, пустынные и крутые скалы было выше сил. У них не имелось даже воды

³⁴ Коливады — группа афонских подвижников конца XVIII – начала XIX в., много потрудившихся для возрождения православного богословия через издание творений Святых Отцов, через привитие современникам святоотеческого отношения к Таинствам. Наиболее выдающимися коливадами являются прп. Никодим Святогорец, свт. Макарий Коринфский, прп. Афанасий Паросский. Первоначально слово «коливады» было ироническим прозвищем, которое было дано этим подвижникам их оппонентами за отказ совершать поминальные службы над коливом в воскресные дни, то есть тогда, когда это запрещал богослужебный устав, но к чему побуждали, как это казалось противникам коливадов, житейские нужды. Сейчас, когда вожди коливадского движения прославлены в лике святых, это прозвище звучит как похвала.

³⁵ Об о. Герасиме Менайасе см. в гл. VI книги второй.

Келлия Старца Иосифа в скиту Святого Василия

для строительного раствора. Дождевой воды из цистерны не всегда хватало и для питья. Поэтому для раствора они использовали воду после мытья посуды и стирки. Сами отцы не мылись.

Их очень маленькие келлии, ради безмолвия стоявшие поодаль друг от друга, были построены из досок, обмазаны раствором, побелены и покрыты жстью. Они напоминали курятники, в которых дверь служила одновременно и окном.

Свою церковку, также покрытую жстью, они посвятили Рождеству святого Иоанна Предтечи, ведь в таких пустынных местах и жил честной Предтеча, глава монашеского воинства. Построили они и особую каливку, чтобы иметь еще одно место для безмолвия и молитвы.

* * *

Закончив строительство к середине 1928 года, они собрались и ушли из Катунак. Большую часть своих вещей они оставили, чтобы нестяжание помогло им достигнуть цели. Согласно отцам, «нестяжательный монах — орел высокопарящий»³⁶. Свою каливу

³⁶ Прп. Нил Синайский. О восьми лукавых духах. О сребролюбии.

в Катунках они отдали одному монаху как благословение, попросив его поминать их в молитвах.

С собой они взяли немного самых необходимых вещей, несколько книг и кое-какую одежду — то, что могли унести на себе. Посадили своего Старца на мула и отправились.

В скиту Святого Василия отец Иосиф и отец Арсений со своим Старцем вели очень строгую жизнь. Они занимались несложным рукоделием: делали метелки из веток кустарников. Потом отдавали их в монастыри и получали взамен сухари.

Чтобы иметь немного овощей и поменьше таскать продукты наверх, они устроили огорожок и посадили несколько деревьев, назвав все это Эдемом. Но особого толку от садика не было по причине каменистой почвы и засушливости места.

* * *

Старец Ефрем, после того как избавился от тяжелых работ, на какое-то время словно помолодел. Поэтому он смог употребить свои силы на духовные труды: четки, поклоны, бдение. Но возраст все-таки давал о себе знать. И количество четок у него было уже не такое, как в молодости.

В то время подвизался в Святом Василии и монах Матфей Карпафакис, впоследствии вождь самого фанатичного крыла старо-стильников. Он во время общих собраний отцов имел привычку самочинно подниматься на амвон и агитировать монахов против нового стиля. Однажды отец Матфей сказал в своей проповеди: «Братие, сократились дни». Старец Ефрем, вернувшись после собрания в каливу, сказал с простотой:

— Bravo! Молодец, отец Матфей! Сегодня он разрешил мое недоумение. Вот почему у меня не получается теперь столько четок, как раньше, — сократились дни!

— Нет, Старче, это ты ослаб и поэтому засыпаешь, — ответил ему простодушный отец Арсений.

— Нет, Матфей правду говорит! Сократились ночи!

* * *

Старец Ефрем не прожил долго на новом месте подвижничества. Он удостоился предвидения дня своей кончины и соответ-

Внутренний вид келлии Старца Иосифа

ствующим образом подготовился к ней. Перед самым представлением Старца Ефрема отец Иосиф его спросил:

— Старче, что ты чувствуешь сейчас, перед отшествием из этой жизни? Может быть, ты чувствуешь извещение, что спасешься?

— Ах, что я могу чувствовать, дитя мое? Жена моя, и дети мои, и все другие пойдут направо, а я — налево.

— Но, Старче, зачем ты говоришь так после стольких трудов?!

— Нет, я пойду налево, потому что очень грешен, потому что не исполнил волю Божию. Вы все исполняете волю Божию. Только я один ее не исполняю.

Он был уверен в этом. Таково было его смирение. Позднее Старец Иосиф объяснял это так: Бог побуждает человека в конце жизни чувствовать себя очень грешным, желая предохранить от тщеславия и гордости, которые могут погубить его. Труд монашеской жизни упрочил в Старце Ефреме смирение и самоукорение. Никто уже не мог его поколебать. Это был освященный старчик.

После того как послушники получили его благословение и похоронили, отец Иосиф в тридцать два года стал законным Старцем, как и было ему сказано отцом Даниилом.

Глава пятая

ЖИЗНЬ ДВУХ ПОДВИЖНИКОВ

ВЫХОД В МИР

Спустя какое-то время после кончины отца Ефрема, в том же 1929 году, Старец Иосиф в первый раз за восемь лет выехал за пределы Святой Горы. Он отправился в Афины, чтобы постричь в монахини свою мать. С ним, естественно, поехал и отец Арсений.

Поскольку остров Эгина находится на расстоянии всего двух-трех часов плавания от Афин, они воспользовались удобным случаем и навестили сестру отца Арсения, монахиню Евпраксию. Брат и сестра не виделись одиннадцать лет, с тех пор как отец Арсений в 1918 году уехал со Святой Земли. На Эгине Евпраксия служила старцу Иерониму³⁷. Старец Иосиф познакомился с ним. Сестра Евпраксия, присутствовавшая при их беседах, изумилась услышанному и с тех пор глубоко почитала Старца Иосифа.

Старец Иосиф и отец Арсений воспользовались пребыванием в миру еще и для того, чтобы навестить понтийских сродников отца Арсения, которые к тому времени, после бегства из России

³⁷ После Малоазиатской катастрофы 1922 года — поражения Греции в войне с Турцией за исконные греческие земли в Малой Азии — Старец Иероним переселился из Константинополя на о. Эгину. Там он был рукоположен в священника и впоследствии ему было поручено духовное окормление монахинь обители свт. Нектария, который преставился всего за два года до прибытия туда Старца Иеронима. — *Прим. греч. ред.*

от большевиков в 1922 году, поселились в городе Дrame. Среди этих сродников были брат отца Арсения Леонид Галанопулос, его невестка Деспина и их сын Харалампий, крестник отца Арсения. Харалампию было тогда девятнадцать лет. Встреча с двумя монахами столь сильно повлияла на юношу, что впоследствии он сам стал монахом в общине Старца Иосифа.

Затем отец Иосиф и отец Арсений посетили в Салониках некоторых людей, с которыми Старец Иосиф переписывался. Там у него завязалось знакомство с несколькими благочестивыми вдовами, беженками из Малой Азии, которых со временем Старец Иосиф постриг в монахини. Со Святой Горы он посылал им письма с наставлениями о молитве.

В Салониках Старец познакомился с монахиней Феодосией, тоже из Малой Азии. Она получила большую помощь от переписки, последовавшей за их знакомством. Сестра Феодосия испытывала большое благоговение к Старцу Иосифу: после кончины монахини в 1979 году в ее кельи нашли фотографию Старца, сделанную еще в 1930-м.

ВНОВЬ НА СВЯТОЙ ГОРЕ

Старец Иосиф задержался за пределами Афона ненадолго. Но по возвращении его постигло двойное горе. 8 сентября 1929 года преставился о Господе Старец Даниил Катунакский, который столь много ему помог. В том же году в славной безвестности отошел ко Господу и отец Даниил Исихаст.

Старец Иосиф и отец Арсений пошли в его келью, чтобы стать послушниками у его преемника, предполагая, что он хотя бы в какой-то мере унаследовал духовное состояние отца Даниила. Но, как впоследствии говорил Старец Иосиф, придя туда, он увидел, что тот ничего не взял от своего блаженного Старца. И они ушли из этой кельи.

Старец Иосиф изыскивал способы постоянно предаваться подвигу. Он говорил: «Если бы я узнал, что где-то здесь есть человек, способный наставить меня в добродетели, которой у меня нет, я с готовностью пошел бы у него поучиться».

Несмотря на многие разочарования, Старец Иосиф не прекращал поисков опытного духовника. Все лето они бродили по Святой Горе ради получения пользы от какого-нибудь опытного монаха или же чтобы подвизаться в местах, где раньше совершал подвиги кто-либо из святых. Они бывали там, где жил святитель Григорий Палама, повыше Лавры, там, где подвизался святой Максим Кавсокалив, и в других подобных местах. Ходили и на одну гору, высокую, как пирамида, называвшуюся Кармил. На ее вершине они прожили некоторое время. Но главным образом они оставались в районе Лавры и вершины горы Афон.

Всем их имуществом были подаренные русскими монахами две теплые бурки, которые служили им постелью и которыми они укрывались, небольшая торба для сухарей и маленькая медная кастрюлька, чтобы варить собранные дикие травы и корни. Когда не было воды, они растапливали в ней снег и так утоляли жажду. Все это они всегда носили с собой. Особенно это пригодилось на вершине Афона. Ветер там очень силен, так как гора достигает высоты двух тысяч метров. Они находили защищенные от ветра места, в ущельях или пещерах, стелили бурки и спали там, где их заставала ночь. А иногда ночевали в храме Преображения Господня на вершине горы.

Зимой, в сильные холода, Старец Иосиф и отец Арсений приходили в скит Святого Василия и оставались в своих убогих каливах, а сразу после Пасхи вновь отправлялись в путь до октября. Из-за постоянных скитаний, в которых они избегали ненужных встреч, им удалось остаться почти никому не известными. В то время на Святой Горе подвизалось несколько тысяч монахов, и было несложно затеряться среди такого множества людей. Ночи они проводили в бдении, а в утренние часы отдыхали.

В то время Старец Иосиф и отец Арсений познакомились с игуменом монастыря Каракалл приснопамятным Старцем Кодратом³⁸. Он был человеком молитвы, приветливым, полным нежности

³⁸ Старец Кодрат (1859–1940) происходил из г. Вриулы в Малой Азии. На Святую Гору он пришел, когда ему было 20 лет, и всю оставшуюся жизнь, около 60 лет, прожил в уделе Пресвятой Богородицы. О. Кодрат стал примером для общежительного монашества. Он был первым на богослужении, на послушаниях, на общих работах. Трудился в послушании неумоимо, творчески,

и любви к нищим и пустынноикам. Никто не уходил из его монастыря с пустыми руками. Старец Иосиф и отец Арсений, босые, в потертых рясах, приходили в монастырь, и он принимал их с радостью и любовью, давая им все, в чем они нуждались.

* * *

Отец Арсений, хоть и был по природе прост, но подвизался в послушании со всей тщательностью и строгостью. О его духовной чуткости говорит такой случай. В то время как они бродили по Афону в поисках святых подвижников, они услышали об одном святом монахе в русском монастыре. Это был святой Силуан Афонский. Старец Иосиф спросил отца Арсения: «Отче, что скажешь, пойдем, повидаем этого подвижника?» Отец Арсений вежливо отказался, но не потому, что не хотел познакомиться со старцем Силуаном. Дело в том, что он хорошо знал русский язык, поскольку вырос в России, а Старец Иосиф не знал русского, и отцу Арсению было неловко, что он будет говорить, а Старец — слушать.

Однако ученик старца Силуана, приснопамятный отец Софроний (Сахаров), сам их нашел и бывал у них, потому что очень почитал Старца Иосифа. Он говорил, что Старец Иосиф был одним из величайших подвижников, которых он знал на Святой Горе.

* * *

Среди афонских монахов бытует предание о существовании на Святой Горе братства двенадцати нагих подвижников. Согласно этому преданию, они живут сокрыто от всех людей, лишены всякого человеческого утешения, предали себя всецело Промыслу Божию и имеют единственным занятием непрестанную молитву. Когда кто-нибудь из этого братства покидает земную жизнь, оставшиеся выбирают на его место самого добродетельного афонского монаха.

Старец Иосиф вместе с отцом Арсением усердно искали нагих подвижников, надеясь получить от них наставление, но не нашли.

радостно. Он прошел через множество послушаний, а когда в итоге был избран игуменом, то стал трудиться еще больше. В конце жизни он сказал одному послушнику: «В течение 26 лет, что я был игуменом, дитя мое, по благодати Божией, я ни разу не заночевал вне нашего монастыря». — *Прим. греч. ред.*

Позднее они слышали, что те приходили к отцу Косме, келлия которого была в скиту Панагии. К этому человеку нагие подвижники много лет приходили каждую субботу и причащались. Однажды, на каком-то панигире³⁹, отец Косма, забывшись, проговорился об этой тайне другим отцам. В следующую субботу, после того как нагие подвижники пришли и причастились, они сказали ему:

— Ты нас открыл, поэтому больше нас не увидишь.

Отец Косма упал им в ноги и просил прощения. Те же ему ответили:

— Ты прощен, но после того, что ты сделал, ты нас больше не увидишь.

И много дней отец Косма плакал о том, что навсегда лишился возможности их лицезреть.

* * *

Старец Иосиф до крови подвизался против страсти гнева. И с Божией помощью вышел победителем в этой борьбе.

Однажды, изнуренный голодом, Старец Иосиф сказал:

— Арсений, давай сходим в Кутлумуш, там нынче панигир — поедим немного рыбки, подкрепимся.

Вместе с остальными отцами они всю ночь были на праздничном бдении. А после службы собирались пойти на трапезу. Перед панигирной трапезой бьют колокола, из храма выходит торжественное шествие, которое возглавляет епископ вместе с игуменом монастыря, а за ними следуют отцы и паломники. Но Старец Иосиф вместе с отцом Арсением выглядели как оборванцы, грязные и босые. Поэтому они шли позади всех, самыми последними. Когда же они дошли до двери трапезной, им было сказано: «А вы ступайте прочь! Прочь!» И их выставили вон. Двери закрылись. Отец Арсений вспыхнул от гнева.

— Ты смотри, захлопнули перед нашим носом двери, такие-сякие!

— Тихо! — сказал ему Старец Иосиф. — Смотри, чтобы мы не потеряли сейчас то, что приобрели сегодня ночью. Идем со мной.

³⁹ Панигиром называется на Афоне престольный праздник монастыря, скита или келлии.

Сейчас и рыбы поедим, и гневаться не будем, и награды за бдение не потеряем.

Пошли они к заднему входу на кухню. Старец Иосиф был очень любезным:

— Благословите, отче, можете ли нам дать немного рыбки?

— Конечно, конечно, отче.

Тот, кто был на кухне, дал им много еды.

— Арсений, ты понял? Мы и поели, и с собой нам дали, и не согрешили мы — не разругались с теми отцами.

В то время отец Арсений легко вспыхивал. Но Старец вел себя безупречно.

В другой раз у Старца Иосифа было какое-то дело в Великой Лавре. Войдя в Лавру, он увидел, что во дворе обители собрались и беседуют отцы. Заметив Старца Иосифа, отцы, уже слышавшие о нем, захотели испытать его смирение, поскольку известно, что прельщенные и лжеподвижники горды, своевольны и гневливы.

— Иди сюда, — говорят они.

— Благословите.

— Садись здесь, посередине, — а сами стоят вокруг.

— Буди благословенно.

— А теперь ступай прочь!

— Буди благословенно.

И говорили потом отцы: «Вот это монах!»

* * *

Когда Старец Иосиф шел куда-нибудь вместе с отцом Арсением, например в какой-нибудь монастырь, тогда они разделялись, и всю дорогу шли на расстоянии в пятнадцать–двадцать метров один впереди другого, и творили молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Они не шли рядом, чтобы их не победил бес празднословия, а от празднословия не началось осуждение и все прочее. Ибо искушение пользуется удобным случаем и старается свергнуть человека в грех. Если Старец Иосиф встречал кого-нибудь по пути, он с легким поклоном говорил: «Благословите!» — и продолжал молитву. Что мог сказать встречный? Ничего.

Отец Арсений любил поговорить, частенько у него чесался язык. Когда ему по дороге кто-нибудь встречался, отец Арсений

его спрашивал: «Как поживаешь, брат?» И заводил с ним разговор: «Как поживает такой-то там-то? Как дела у того-то? Занимается ли тот-то рукоделием?» Отец Арсений беседовал, но, увидев, что Старец Иосиф заметил это, раскаивался и говорил себе: «Все, попался! Мы разделились, чтобы не болтать, а ты болтаешь с первым встречным». Старец слушал их беседу, терпеливо ждал, а когда повстречавшийся им монах уходил, он говорил отцу Арсению:

— Ну что, поисповедовал его? Годится он в священники?

— Ох, опять я впал в празднословие, — отвечал отец Арсений.

Хотя он и был старше, но признавал за Старцем право давать нагоняй. И в конце жизни признавался: «Если бы он мне не задавал жару, я бы пропал».

В дороге они уставали и, когда не успевали вернуться в свою каливу, отец Арсений говорил:

— Пойдем в какую-нибудь келлию, заночуем.

А Старец Иосиф отвечал:

— Нет, Арсений, не пойдем. Ведь если пойдем, потеряем молитву, станем празднословить, услышим что-нибудь бесполезное для нас, нам расскажут об одном, о другом. Так и в осуждение можем впасть. Лучше остаться здесь на холоде и мерзнуть, чем кого-нибудь осуждать и слушать болтовню. Ведь что мы там можем услышать? Ничего духовного мы не услышим.

Они оставались там, где их заставляла ночь, и разжигали костер. А если было холодно, дул ветер, шел дождь или снег, они, не обращая на это внимания, делали всю ночь земные поклоны. И совсем не разговаривали друг с другом. Когда рассветало — торбу на плечи и снова в путь.

Где бы они ни останавливались, Старец Иосиф следовал все той же тактике и не позволял отцу Арсению быть рядом: вдруг тот забудется, начнет празднословить, и они прекратят Иисусову молитву. Поэтому подвижники сидели на расстоянии друг от друга.

Часто, когда им нужно было пойти в Карею или еще куда-нибудь, они давали себе зарок, что по дороге не будут ни есть, ни пить, в том числе и в Карее, и, само собой, не будут разговаривать, пока не вернуться в каливу. Отец Арсений вспоминал, что, бывало, сходят они в Карею и вернутся и на всем пути их не побеспокоят ни голод, ни жажда, ни усталость. Такова сила веры.

Старец всегда ходил пешком и не плавал на моторной лодке, кроме каких-то особых случаев. Но даже когда он садился на корабль, например, чтобы плыть из скита Святой Анны в Дафни, наклонял голову и говорил непрестанно: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Подходил к нему кто-нибудь и спрашивал:

— Как поживаете, отец Иосиф? Как дела у отца Арсения?

— Хорошо, хорошо, благословите. Господи Иисусе Христе, помилуй мя!

И на этом разговор прекращался.

С таким подвижничеством, с таким понуждением себя — как не получить благодать от Бога?! Такова была строгость Старца. Так Старец Иосиф и отец Арсений проявляли усердие. Поэтому они и стяжали святость, обрели благодать Божию. Так они жили и так обрели спасение.

* * *

Однажды Старец решил ради подвига молиться всю ночь стоя. Десять-двенадцать часов стоя. Но как стоять столько часов? Он обдумал это и соорудил нечто вроде костыля в виде буквы Т. Он опирался на него и творил молитву, с четками или без четок.

Каждую ночь он творил в одиночестве Иисусову молитву, зажигая перед иконочкой Пресвятой Богородицы маленькую лампадку. В одну из ночей, после усердных подвигов, после многих дней поста и бдения, во время чтения повечерия — не известно, сколько часов он уже стоял, — он так был изнурен, что потерял сознание и упал. А когда падал, зацепил лампаду. Долго он лежал на полу без сознания. А когда пришел в себя, увидел: лампада разбита, масло разлилось, костыль в стороне. У него болела голова, и он не мог понять, что произошло. «Где это я?» — спрашивал он себя. Когда ему стало немного лучше, он понял, что во время повечерия его свалил сон из-за долгого стояния и бдения, он упал и зацепил лампаду.

Он жестоко подвизался против сна, потому что видел на деле, что никакой подвиг не приносит столько плодов, сколько ограничение себя во сне. Свою молодость Старец расточал на труды. Он, можно сказать, пограл свою жизнь, принес ее в жертву, нисколько с ней не считался, ради того чтобы приобрести благодать Божию.

Старец нам признавался, что жестокую борьбу со сном он вынужден был вести все молодые годы. Особенно утомляла его эта борьба зимой, потому что из-за холода он не мог выйти и прохаживаться вне келлии, чтобы таким образом противостоять сну. Эта брань происходила не только с человеческим естеством, но и с дьяволом, который безмерно ненавидит сознательное бдение с умным деланием. Часто Старец с отцом Арсением делали земные поклоны, стоя босыми на снегу, чтобы победить сон.

МОЛИТВА СТАРЦА

День и ночь умная молитва была главным занятием Старца. Всю свою силу он сосредотачивал на совершенствовании в молитве. Все свои дела Старец распределял так, чтобы ум мог свободно заниматься молитвой. Как писал он: «Умная молитва для меня — как ремесло для каждого человека, ибо я тружусь над ней более тридцати шести лет»⁴⁰. И действительно, на протяжении всей своей монашеской жизни он трудился над молитвой по-научному: молился систематически, четко видя цель, настойчиво и со смирением. Весь его день был лишь подготовкой к ночной молитве. Старец придерживался своего распорядка с абсолютной точностью. Когда уснуть, когда проснуться, когда начинать трудиться, когда принимать пищу — все происходило на основе строгого устава, чтобы телу и уму было легко на бдении.

Старец поднимался на закате солнца, выпивал чашечку кофе для подкрепления в бдении и закрывался в своей темной келейке. Летом же из-за жары он располагался под открытым небом. Он становился прямо, скрестив руки, и спокойно, тихо, в темноте, потому что заметил, что свет рассеивает ум, говорил такую молитву: «Господи Иисусе Христе, сладчайший Отче, Боже и Господи милости и вся твари Содетелю, призри на смирение мое и вся грехи моя прости, яже во все жития моего время содеях даже до сего дне и часа, и послѣ Пресвятаго и Утешительнаго Твоего Духа, яко да Той мя научит, просветит, покрывает, еже не согрешати, но с чистою

⁴⁰ Письмо 1.

душею и сердцем чтити и покланяться, славословити, благодарити и возлюбити от всея души и сердца Тебе, сладчайшаго моего Спаса и благодетеля Бога, достойнаго всякия любви и поклонения. Ей, благий Отче Безначальный, Сыне Собезначальный и Пресвятыи Душе, сподоби мя просвещения Божественнаго и духовнаго ведения, да созерцая сладкую Твою благодать, ею понесу тяготу сего моего ночнаго бдения и чистыя воздам яже к Тебе молитвы моя и благодарения, молитвами Пресвятыя Богородицы и всех святых. Аминь»⁴¹.

А иногда он молился так: «О возлюбленный мой, сладчайший Иисусе Христе! Кто обо мне Тебя попросил и кто помолился, чтобы Ты привел меня в этот мир и чтобы я родился у родителей, добрых и верных христиан? Ибо столь многие рождаются у турок, католиков, масонов, и евреев, и язычников, и прочих, которые не веруют, но суть как бы не родившиеся совершенно и вечно мучаются. Как же должен я Тебя любить и Тебя благодарить о такой великой благодати и о благодеянии, которое Ты мне сделал! Ведь даже если кровь свою пролью, не смогу Тебя отблагодарить.

Спасе мой сладчайший, кто обо мне Тебе молился, чтобы Ты меня терпел столько лет, с детства согрешающего, и не отяготился мною, хотя и видел меня обижающим, ворующим, гневающим, пресыщающимся, любостяжателем, завистником, ревнивцем, и полным всякого зла, и Тебя, Бога моего, делами своими оскорбляющим? Ты же, Господи, не послал смерть, чтобы та взяла меня во грехах, но с готовностью меня терпел. Ведь если бы я умер, то вечно бы мучился! О благодать Твоя, Господи!

И кто обо мне Тебя умолил, чтобы Ты привел меня к покаянию и исповеди и облек меня в великий и ангельский образ? О величие Твое, Господи! О ужасное Твое и величайшее Домостроительство! О богатство Твоего дара, Владыко! О неоскудные Твои сокровища и неизъяснимые таинства! Кто не содрогнется, дивясь Твоей благодати? Кто не поразится, взирая на Твою богатую милость? Трепещу, Владыко, поведать о Твоем богатом даре.

Владыка и Господь мой распинается, дабы спасти распинающего. Я грехами своими Создателя моего распинаю, и Создавший

⁴¹ Письмо исихасту-пустыннику.

меня меня освобождает! О сладкая любовь Иисусова, насколько я твой должник! Нет, Создатель мой, не за Вечную Жизнь, которую Ты мне обещаешь, должен я Тебя любить; не потому, что Ты мне говоришь, что дашь мне Твою благодать, и не за рай, но долг мой любить Тебя, ибо Ты освободил меня от рабства греху и страстям»⁴².

Он молился своими собственными словами, как мог и как знал, подвигая святое благоутробие Божие к милости и любви.

* * *

Для умной молитвы у Старца было особое сиденье. Оно было похоже на стул, только ниже и с высокими подлокотниками, чтобы меньше устать. Он садился, склонял голову, сводил ум в сердце на целые часы и там творил молитву в трезвении, в созерцании Бога.

Бдение его всегда было очень плодотворно. Шесть или семь часов ум его непрестанно пребывал в сердце. Он не позволял уму выйти оттуда, по крайней мере, с девяти вечера до трех ночи. У него были часы, которые били каждый час. Он становился мокрым от пота. Иногда молитва длилась восемь часов без перерыва. Таков был труд с Именем Христовым. Таково было возделывание сердца благодатью Божией. Отсюда, и прежде всего от любви и рачения к Богу, происходил плач.

Эта безмолвная молитва, духовная, внутренняя, очищающая сердце и проясняющая ум, дает сердцу и уму способность к восприятию молитвенной благодати и Небесного богословия. «Если кто хорошо молится, — говорит «Добротолюбие», — тот богослов. Если кто богослов — тот хорошо молится»⁴³. Следовательно, богословие Святого Духа проистекает от чистой молитвы, основание которой — умная молитва, а помощник — аскетическая жизнь.

* * *

А когда временами у Старца бывало рассеяние и не происходило посещения Божия, он продолжал его добиваться. Он начинал

⁴² Там же.

⁴³ Ср.: «Если ты богослов, будешь молиться истинно, и если ты истинно молишься, ты богослов» (*Прп. Нил Синайский. Главы о молитве. Гл. 61*).

петь скорбные тропарики, например «Хотех слезами омыти моих прегрешений рукописание, Господи, и прочее живота моего покаянием благоугодити Тебе»⁴⁴, а затем говорил: «Боже мой, дай мне слезы, чтобы я очистил согрешения, которые записаны в моем приговоре». И говоря это, Старец приходил в сокрушение.

А иногда он пел тропари из чина пострига в великую схиму, например «Объятия Отча», или из последования погребения. Так он воевал с рассеянием и давал себе передышку в молитве. А затем вновь принимался за молитву, ибо «желающий спастись предпринимает хитрости»⁴⁵ и изыскивает способы», чтобы помочь душе своей в поиске Бога.

Еще одним приемом, которым пользовался Старец, когда молитва не шла, было размышление о смерти, о Кресте Христовом, о вечной муке, о Страшном Суде. Тогда он говорил себе: «Каким будет пришествие Христово, как придут ангелы, как воскреснут мертвые, как их поднимут облака? Меня облако не поднимет, поднимет моего ближнего, поднимет такого-то подвижника, поднимет отца Арсения, а меня не поднимет». И сидел и плакал о том, что он останется внизу и что все пойдут направо, а он с грешниками пойдет в ад и его увлечет за собой огненная река. Сидел и плакал, размышляя об этом и вникая во все это, и так приобретал пользу. Если он не находил пользы от Иисусовой молитвы, то находил от созерцания. Таким образом, Старец тем или иным способом проводил время с пользой.

А затем он обращал ум свой к раю, к наслаждению праведников, к вечным благам. И благодарил благого Спасителя и благодетеля Бога. Еще Старец молился обо всем мире, ибо имел очень большую любовь к людям. Затем приводил себе на память других подвижников и старался, преодолев препятствия, прикоснуться к благодати Божией. Так Старец придавал еще один оттенок своей молитве, задавал ей еще и такой тон. Его ум немного отдыхал, и затем — только он и Бог знают как — он продолжал бдение.

⁴⁴ Октоих, глас 4, в неделю вечера стихиры покаянны на стиховне, стихира 1.

⁴⁵ Здесь слово «хитрость» употребляется в том значении, какое оно имеет в церковнославянском языке — искусство, мастерство.

* * *

Но Старец Иосиф не тратил много времени на такие размышления, ибо как только собирался его ум, он оставлял размышление и вновь обращался внутрь. Избежав подводных камней, вновь начинал с основания, с молитвы внутри сердца.

Если сердце успокоится, то человек спокойно восходит на высоту. Начинает, например, вспоминать свои грехи, думая: «Сколько же у меня грехов!» Это воспоминание сокрушает сердце, и потому с большим смирением и вниманием подвижник начинает молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» С умом, сосредоточенным внутри, ибо вся суть состоит в том, чтобы держать молитву нерассеянно.

Это самый благословенный час, когда человек может получить прощение от Бога. Ибо такая молитва — это словно бы кто крушил большим молотом гранит. Раз, другой, третий — и наступает момент, когда гранит разбивается. Это как если бы кто крепко обхватил ноги Христовы и, не отпуская Его, плакал: «Помилуй мя!» Не так, как мы это делаем во время псалмопения, когда воспеваем Ему гимны и песни, чтобы получить у Него прощение, открываем Ему расположение нашего сердца, чтобы Он нас помиловал. Псалмопение ведь имеет в себе слова Божии о милости, о прощении, говорит нам о любви Божией, о догматах, о богословии. И каждый тропарь — это словно мы стали бы перед Царем и пели какой-нибудь гимн, и Царю это нравилось бы, после чего мы принесли бы нашу просьбу и Царь ее рассмотрел и сказал, исполнит Он ее или нет. Иисусова же молитва — это как мольба хананеянки, которая настойчиво просила Христа помиловать ее.

* * *

Перед бдением Старец закрывал в своей келие дверь, которая одновременно была и окном, и внутри становилось совсем темно. Даже воздух почти не проникал туда, а он, закрывшись, оставался там часами. Он входил туда с заходом солнца и не выходил до глубокой ночи. Он брал свои четочки и совершал по ним службу, но делал больше, чем требует устав, откладывая себе про запас. Затем совершал свое правило и поклоны — то, что монах обязан исполнять. Но основные силы, так сказать «сливки» ума, он от-

давал исключительно Иисусовой молитве, Имени Христову, непосредственному соприкосновению с Богом. И уже затем исполнял уставную часть, чтобы отдать и этот долг.

* * *

Каждый вечер на бдении Старец совершал проверку своей совести. Об этом он рассказывал нам так:

— Дитя мое, знаешь, как я поступаю?

— Как, отче?

— Я сижу и подвожу «баланс» каждого дня.

— Что за «баланс», Старче?

— Вот я сижу и с молитвой испытываю себя и проверяю, что я сделал нехорошо? Какая страсть еще сильна во мне? На что мне надо обратить внимание? Ага, на нерадение. Ага, на то, что не слежу за языком. На то, на другое. И сразу занимаю боевую позицию, чтобы исправиться. А на следующий день смотрю, что у меня получилось. И совесть, словно стрелка, это показывает. Как стрелка термометра показывает температуру, сколько сейчас градусов, жарко сейчас или холодно, так и стрелка совести показывает, как мы проводим жизнь.

Так Старец каждый день полагал начало и исправлял себя. Всю жизнь он не делал ничего иного, кроме как испытывал свою совесть, советовался с ней и оказывал ей послушание. Таким образом он мало-помалу совершенно избавился от страстей и достиг того, что совесть не обвиняла его больше ни в чем. Отсюда — дерзновение в молитве, отсюда — уверенность в рае.

Закончив все, он садился и спал немного, до рассвета. А затем вставал, трудясь в исполнении остальных обязанностей. Начиная работу, непрестанно говоря умом или устами Иисусову молитву, как нам передали мудрые в Божественном Отцы:

Тело мое, чтобы питаться, трудись.

Ты же, душа моя, чтобы наследницей стать

Вечной жизни, молись.

Иисусову молитву он говорил непрестанно. Ничего, кроме Иисусовой молитвы, Старец знать не хотел. Когда же бывал праздник, он не работал, а читал жития святых. И от умиления плакал.

* * *

Старец держался своего распорядка со строгой точностью. Начинал он свое бдение всегда в один и тот же определенный час. Шел дождь, снег, плавилась от жары скалы — это не имело значения. Бдение должно было совершиться. Он чувствовал сильную усталость после дневных трудов, был болен — это не имело значения. Бдение должно было совершиться непременно.

Старец со строгостью хранил чин и канон бдения, трезвения, молитвы и поиска Бога. Глазами и души и сердца он созерцал Бога, каков есть Бог. Какая красота у Бога! Она не такая, как красоты лиц и вещей этого мира. У Христа — Святой Троицы, единого Естества, единого Света, Триипостасного Божества, единого Солнца — своя собственная красота. Ее знают только те, кто стал достоин ее увидеть, кто предал себя мученичеству совести, кто подвизался до крови, отдал свою кровь и принял Духа, Духа Божия. Наш Старец стал достоин сей великой чести от Бога — увидеть Нетварный Свет.

Когда он говорил о Нетварном Свете, он не мог найти слов, чтобы открыть, выразить, передать нам, что́ есть Бог. Каков этот Свет Нетварный? Какова эта Слава, которая сияет окрест Бога? Эта Слава, этот Свет есть сияние Его Естества, как нам открывает и святитель Григорий Палама.

* * *

Каждый может увидеть в письмах Старца, с какой свободой и глубиной он описывает различные этапы и состояния молитвы, вплоть до наивысшего состояния озарения и восхищения. Это свидетельствует о степени его совершенства и подлинности его опыта. Например, в одном письме он пишет: «За просвещением следуют прерывание молитвы и частые созерцания: восхищение ума, прекращение чувств, неподвижность и предельное молчание членов, единение Бога и человека в одно»⁴⁶.

Более подробно он изъясняет это Божественное единение так: «Если подействует благодать, сразу открывается дверь и как столп или огненное пламя восходит молитва и достигает Небесных врат. И в это мгновение происходит изменение. А если не подействует

⁴⁶ Письмо 35.

благодать и происходит рассеяние ума, тогда молящийся заключает ум в сердце круговращательно, и, как в гнезде, ум успокаивается и не рассеивается, так что сердце становится как бы местом затвора и хранения ума.

Если изменение происходит, то это случается посреди просительной молитвы. И когда приливает благодать, человек наполняется просвещением и бесконечной радостью. И когда настигнутый благодатью не может удержать огонь любви, тогда прекращаются чувства и он захватывается в созерцание. До сих пор были движения собственной воли человека, а после этого он более не властвует и не знает самого себя. Ибо сам уже соединился с огнем, весь пресуществился, стал богом по благодати.

Таково Божественное свидание, когда уходят стены и человек вдыхает другой воздух — воздух разума, свободный, наполненный благоуханием рая. Потом снова мало-помалу отходит облако благодати и застывает глиняный человек, как воск, и возвращается в самого себя, как будто вышел из бани: чистый, легкий, сияющий, изящный, сладкий, мягкий, как вата, и полный мудрости и знания.

Но тот, кто хочет сего, должен шествовать к смерти каждый миг»⁴⁷.

Сила молитвы Старца оказывала воздействие не только на него самого, но и на окружающий его тварный мир. Когда он молился, к окнам его кельии прилетали дикие птицы и стучали клювами в стекла. Могло показаться, что это дьявольское искушение, чтобы отвлечь его внимание, но на самом деле птицы привлекались благодатью его молитвы.

БРАНЬ С БЕСАМИ

Духовные победы никогда не приходят без бесовского сопротивления. Старец Иосиф всю свою жизнь боролся с бесами. Они противоборствовали ему разными способами. Иногда — помыслами, иногда — чувственным образом, иногда — используя немощных братьев.

⁴⁷ Письмо 25.

Однажды Старец вместе с отцом Арсением пошел в келлию, где подвизался когда-то святитель Григорий Палама, близ Проваты, чтобы пожить там. Поскольку Старец трудился в умном делании, он надеялся, что молясь там, где молились и великие исихасты, он удостоится их помощи. После многочасового пути они оба устали. Старец отдохнул, а после поднялся и начал свое бдение. А отец Арсений где-то задержался и подошел не скоро. По дороге он был страшно напуган, ибо услышал, как бесы сотрясали воздух и кричали: «Ты нас сжег! Ты нас сжег!» И мерзко бранили его. Отец Арсений испугался и поспешил к Старцу.

— Кто это кричит так? — спросил простодушный отец Арсений.

— Это бесы. Я их вижу, только не слышу. Не бойся, они уйдут. Им не нравится то, что мы здесь делаем.

После бдения, когда старец утром ненадолго уснул, он видел во сне, как в Великую Лавру входят свиньи. Утром он сказал отцу Арсению: «Искушение вошло в Лавру, я видел то-то и то-то. Приготовься к искушениям и скорбям».

И действительно, вскоре пришли лавриоты и сказали им: «Уберите отсюда, прельщенные». И прогнали их.

* * *

Одной тяжелой зимой искуситель приберег и возвел всяческие ухищрения, как он один умеет искушать, а Бог попускает испытывать. И вот бес сделал три или четыре попытки и увидел, что его нападки бесплодны. Тогда внезапно порыв ветра ворвался сквозь дверь так, что поднял кровлю со всеми опорами, крышу с тысячами ок⁴⁸ камней наверху — она пронеслась по воздуху, как самолет, — и бросил ее напротив, на скалы, в снег. И подвижники остались под открытым небом среди снега⁴⁹.

В другой раз во время Иисусовой молитвы Старец смежил глаза и перед ним в видении предстал бес. Началась борьба. В конце концов Старец крепко его схватил и как будто закричал отцу Арсению:

⁴⁸ Ока — греческая мера веса, равная 1280 граммам. Кровля на Афоне часто сооружается из тонкого плоского камня вместо черепицы.

⁴⁹ См. Письмо 7.

«Арсений! Неси огонь, сожжем его! Теперь, когда я схватил его, он не убежит». Но как только бес был схвачен и отец Арсений принес огонь, злой дух, увидев, что его хотят сжечь, превратился в ворона и улетел.

* * *

Как-то пришел повидать Старца один его мирской знакомый. На ночлег Старец поместил его в свою келлию, а сам совершал бдение в церкви. Явились, как обычно, бесы в келлию Старца и давай колотить гостя. Тот в ужасе заорал диким голосом. Он почти лишился чувств. Сразу прибежали Старец и отец Арсений, и Старец спросил его:

— Что с тобой случилось, дружище?

— Бесы чуть не задушили меня, — отвечал тот. — Чуть не забили до смерти!

— Не бойся, успокойся, они больше не будут. Каждую ночь они избивают меня, но по ошибке на этот раз досталось тебе.

Гость упал на колени, плача:

— Отведите меня поскорей в Святую Анну, я здесь не могу!

Старец попытался его ободрить и успокоить, но все было тщетно — он не мог больше оставаться в этом месте мученичества. Дрожа, он озирался кругом и умолял, чтобы его увели отсюда. Поэтому ночь-заполночь Старец отвел его в скит Святой Анны и вернулся обратно.

В первые годы бесы сильно били и Старца, и отца Арсения, но главным образом Старца, ибо его молитва их попоала. Отца Арсения они били меньше, потому что он находился не на той духовной высоте, которая была у Старца. Но более всего от бесовских нападений его избавляло то, что он был послушником. Ибо когда послушник творит истинное послушание и чистую исповедь, он лишает бесов права досаждать ему.

* * *

В скиту Святого Василия Старец Иосиф одержал наконец победу над бесом блуда.

После восьми лет непрекращающейся борьбы, в тот день, когда Христос захотел его избавить, отец Иосиф уже думал в отчаянии:

«Раз тело мое стало уже совершенно мертвым, а страсти действуют, как у совершенно здорового, значит, бесы оказались победителями. Конечно, они меня сожгли и победили, а не я их». И когда он сидел, израненный, в отчаянии, словно мертвый, он почувствовал, что открылась дверь и кто-то к нему вошел. Но он не повернулся взглянуть, а продолжал молиться. Вдруг он ощутил внизу себя, что какая-то рука раздражает его к наслаждению. Он обернулся и увидел беса блуда, каков он есть: плешивого, с изъязвленной головой, издающего зловоние. Словно зверь бросился отец Иосиф на него, чтобы схватить. А схватив, ощутил его щетину, как у свиньи, и тот стал невидим. Осталось лишь осязаемое ощущение щетины и зловоние. С этого мгновения закончилась наконец брань и все прекратилось. Пришел в душу мир, и Старец совершенно избавился от нечистых плотских помыслов.

Тогда отец Иосиф с невыразимой радостью воспел песнь пророка Моисея: *Коня и всадника вверже в море* (Исх. 15, 1). Всю ночь он радовался и благодарил Бога, что Тот его не презрел. На рассвете, когда он присел, чтобы уснуть, он пришел в восхищение и Бог ему показал злобу сатаны. Сам Старец рассказывал об этом так: «В тот вечер показал мне Бог злобу сатаны. Был я очень высоко, в каком-то прекрасном месте, а внизу была большая равнина, и рядом море. И были поставлены бесами тысячи ловушек. И проходили монахи. И когда они падали, ловушки хватали одного за голову, другого — за ногу, иного — за руку, за одежду, кого за что можно было ухватить. А глубинный змей держал голову над морем и, испуская пламя из пасти, глаз и носа, радовался и веселился падению монахов. Я же, видя это, бранил его: “О глубинный змей! Так-то ты нас обманываешь и нас уловляешь!” И пришел я в себя, и были у меня как радость, так и скорбь. Радость — ибо увидел ловушки диавола. Скорбь — о нашем падении и об опасности, которой мы подвергаемся до конца дней. С тех пор пришел я в великий мир и молитву»⁵⁰.

* * *

После этой окончательной победы Старец Иосиф признавался: «Мне дана как дар чистота, так что я не различаю женщину

⁵⁰ Письмо 24.

и мужчину. Страсть у меня совершенно не приходит в движение. По дару Господнему я обрел и ощутил благодать чистоты». Эту чистоту он приобрел, проливая кровь в жестоких борениях и неопишемом терпении. И теперь уже из собственного опыта Старец Иосиф учил: «У тех, кто подвизается и хранит свое тело чистым и свой ум не оскверненным нечистыми помыслами, жизнь и молитва, как благоуханный фимиам, восходят к Небесам. Это я видел воочию, то, что сейчас вам говорю. Не существует другой жертвы, более благоуханной пред Богом, как чистота тела, которая приобретается кровью и ужасной борьбой. Много я могу сказать об этой блаженной чистоте, которую вкусил и плод которой съел. Но сейчас вы не сможете понести этого. Сейчас только одно вам говорю, что и одежда их, когда они ее меняют, как мирохранительница освежающая, распространяет благоухание и наполняет им весь тот дом. И это — извещение Божие о блаженной чистоте, святейшем девстве»⁵¹.

В СУРОВОЙ ПУСТЫНЕ

Вскоре после возвращения на Афон из Уранополя Старец Иосиф решил жить по преимуществу в своей келие в скиту Святого Василия и подвизаться в затворе. Поэтому он должен был позаботиться о небольшом запасе пшеницы и о другом необходимом, как все келлиоты. Они с отцом Арсением дождались прихода корабля, спустились на пристань скита Керасья и купили шестьдесят килограммов зерна. Взвалив себе на спины по тридцать килограммов каждый, они начали подъем на высоту семьсот метров. Старец, однако, уже был изнурен суровым подвижничеством и постоянным постом настолько, что и сам-то поднимался в гору с трудом. После нескольких шагов он выбился из сил и, видя, что не может продолжать путь, сказал отцу Арсению: «Я оставляю свой мешок здесь, и пойдем дальше, тащить я больше не могу». Но он не был уверен, сможет ли даже без груза продолжить путь. Он остановился ненадолго и со слезами помолился: «Ты, Господи, все ведаешь

⁵¹ Письмо 33.

и можешь помочь мне». И сразу ощутил в себе утешение и понял, что Господь услышал его молитву. Он вновь взвалил на спину груз и сказал отцу Арсению: «Теперь пойдём». Отец Арсений взглянул на него с удивлением, но промолчал, и они продолжили подъем. На протяжении всего пути Старец чувствовал, что будто кто-то сзади поддерживал весь его груз.

* * *

В то время, прежде чем обрести собственную общину, Старец во всей полноте вкусил благодать безмолвия. Они жили как бесплотные. Их пищу составляла горсть вермишели с лимоном или ложкой масла, если оно имелось. Позже он говорил мне: «Молитва, общение с Богом... Поверь мне, я чувствовал себя так, словно был сверхъестественным человеком. Таким я был легким».

Старец продолжал подвизаться и против сна. Чтобы всю ночь проводить в молитве и не спать, он пропускал под мышками веревку и висел на ней. Тогда они начали делать по три тысячи земных поклонов каждый день.

Старец постоянно пребывал в келлии и неукоснительно соблюдал свой устав. Он следил за соблюдением чина и в питании, и в рукоделии, ибо с телесного благочиния начинается путь к духовному преуспеянию. Хотя они и значительно сократили путешествия по Святой Горе и почти все время оставались в каливе, но не забывали своей любимой вершины Афона. Обычно после Пасхи Старец и отец Арсений посещали любимую ими церковку Пресвятой Богородицы у вершины горы.

* * *

В первое время жизни на горе они не занимались рукоделием. У них не было нужды в деньгах, поскольку не было никаких расходов. Когда полностью изнашивалась их нищенская одежда, какой-нибудь милостивый монах из какого-либо монастыря давал им другую. Так они жили без всяких попечений. Старец и отец Арсений лишь плели маленькие метелки из веток кустарников, чтобы не брать в монастырях сухари даром. Позднее, решив не бродить по горе, а безмолвствовать в своей каливе, Старец Иосиф и отец Арсений начали заниматься резьбой по дереву.

В этот период жизни они ели так мало, что это может показаться невероятным современному человеку: каждый день только по семьдесят пять граммов сухарей после девятого часа. Оба они желали ради подвига питаться только хлебом и водой. Их правилом было всегда понуждать себя. Только по субботам и воскресеньям они ели пищу с растительным маслом.

Позднее Старец умерил суровость подвига, добавив к хлебу и другую пищу, например вермишель и фрукты. Они ели все дозволенные монаху виды пищи ради смирения и для того, чтобы не было искушения осуждать других. При этом у них были весы, на которых они взвешивали хлеб и другие продукты. Их тарелочки вмещали лишь несколько ложек еды. Пищу они принимали только один раз в день, даже если это была Пасха, или Рождество, или масленица. Ели они ровно столько, чтобы иметь силы стоять на ногах и подвизаться. Старец говорил: «Чтобы приобрести свободу от страстей, человек должен сгноить свое тело и презреть смерть»⁵².

Он тщательно соблюдал положение устава о питании только один раз в день, чтобы не беспокоил желудок. Ибо при таком беспокойстве нарушался бы телесный, а следовательно, и душевный мир, что принесло бы большой ущерб. Поэтому, желая во всем иметь меру и рассуждение, в три первых дня Великого поста они не соблюдали полного воздержания от пищи, но после девятого часа, когда вечерело, ели немного хлеба или сухарей и пили горячую воду.

Кроме Великого поста, Старец часто совершал и другие «четыредесятницы». В конце каждой он, как правило, имел какое-нибудь видение.

Однажды после длительного поста ему было видение некоего стола с тремя ножками. Одна ножка полностью отвалилась и лежала внизу, а другая покосилась, готовая упасть в любую минуту. Третья же стояла прямо, и лишь на нее одну почти полностью опирался стол. И некто, показывающий ему этот стол, сказал: «Это — Святая Гора». Это видение он имел около 1930 года.

⁵² Ср. «Чтобы приобрести свободу, человек должен сгноить свое тело и презирать смерть». Письмо 25.

После другой «четыредесятницы» Старец имел такое видение. Перед ним было поле, усеянное ловушками, и все святогорские отцы в какую-нибудь да попадались, главным образом в ловушку рукоделия и ловушку денег. Тогда Старец получил извещение, что происходит это по причине безрассудного рукоделия.

* * *

«Как-то раз, — рассказывал отец Арсений, — я пошел в один монастырь, чтобы взять немного сухарей. Служитель мне вынес целый мешок.

— Это много, — сказал я ему.

— Ничего, бери.

Представьте себе, каково нагрузить себя полным мешком и торбой с разными другими вещами и от этого монастыря подняться на вершину горы, где располагался скит Святого Василия. Наконец я добрался. Открываем мы со Старцем мешок и что же видим? Все сухари червивые. Я по немощи человеческой возроптал:

— Ну что за человек! Не мог он это дать мулам? Была нужда мне напрасно столько трудиться!

Тогда Старец сказал:

— Почему напрасно, отец Арсений?

— Так что же мы будем с этим делать?

— Что делать? Съедем их! Бог нам дал это. Если бы мы были достойны лучшего, Он послал бы нам лучшее.

— А как же быть, Старче, с червями?

Подумал немного Старец и ответил:

— Нашел решение! С сегодняшнего дня и впредь мы будем есть, когда стемнеет, — и не увидим червей.

Так и было, пока мы все это не съели. Поначалу, врать не буду, я испытывал затруднение. Но что было делать? Ведь так сказал Старец! А потом, поверьте мне, Бог сделал эти сухари такими вкусными, что они казались нам лучшими сладостями».

Таким был один из плодов крайнего послушания отца Арсения.

«В другой раз, чтобы меня испытать, Старец, как только заверело, сказал мне:

— Иди, отец Арсений, поедим сухарей. Читай молитву.

Я прочитал «Отче наш» и только собрался поесть, как вдруг Старец сказал мне:

— Давай представим, отец Арсений, что мы уже поели. Читай благодарственную молитву.

Хорошо. Но то же самое повторялось три-четыре дня. На четвертый день силы мои закончились, ибо днем я много трудился, а ночью еще больше трудился в бдении. Тогда я сказал Старцу:

— Прости, Старче, я больше не могу. Что мне делать?

— А, ну тогда сегодня вечером давай поедим, — ответил он мне»⁵³.

* * *

Старец Иосиф и отец Арсений жили в великом нестяжании не только ради подвига самоотречения, но прежде всего чтобы ничто не отвлекало их от внутренней молитвы. Ибо ограниченность в вещах и довольство малым помогают подвижнику оставаться беспопечительным, неразвлеченным и сосредоточенным. Их имущество было настолько ничего не стоящим и ничтожным, что они никогда не испытывали трудностей в своих частых переездах. Старец до конца дней сознательно жил в такой бедности, что, когда он преставился, не оказалось ничего на что-либо годного, что мы могли бы унаследовать. Только из благоговения мы оставили себе несколько мелочей.

К вещам общины Старец относился с очень большой бережливостью. Основываясь как на Священном Писании, так и на Святых Отцах, он учил нас, насколько необходима бережливость, чтобы не потерять нам благословение Божие. Поэтому, когда он случайно ронял немного пшеницы, или сухарь, или что-то еще незначительное, он всегда наклонялся, чтобы это поднять, даже в старости, когда ему было трудно из-за болезни. Он нам говорил: «Любое пренебрежение к какой-нибудь вещи, пусть и самой малой, вменяется в расточительность. Я знаю, что наш покровитель, честной Иоанн Предтеча, которому посвящена наша церковка, заботится о нас, чтобы обеспечить нас всеми благами. Ибо я видел много раз, как он бросает в нашу ограду многое из того, что нам необходимо. И я получил

⁵³ *Ἰωσήφ Μοναχοῦ Διονυσίου. Ὁ Γέρων Ἀρσένιος ὁ Σπηλαιώτης, ἔκδοσις «Λυδία», Θεσσαλονίκη, 2001. Σελ. 45–46* Ср. рус. пер.: Старец Арсений Пещерник, сподвижник Старца Иосифа Исихаста. М., 2002. С. 45–47.

извещение, что он нам подает это, потому что мы стараемся не расточительствовать».

И Старец никогда не боялся давать так много милостыни, что у него самого ничего не оставалось, зная из опыта, что честной Предтеча позаботится вновь дать ему то, в чем он нуждается.

Для них было очень естественным иметь такое доверие к своему покровителю. Отец Арсений нам рассказывал, что однажды, когда они подвизались на вершине Афона и начали голодать, им явился честной Предтеча и дал хлеб из собственных рук.

* * *

Всю жизнь Старец проливал реки слез. Однажды, когда он сидел в пустыне в одиночестве и, как обычно, плакал, он услышал шаги. Шел какой-то путник, и Старец хотел сдержать слезы. Он постарался прервать рыдания, но у него ничего не получилось, ибо слезы бежали так сильно, словно он был смертельно ранен.

Основываясь на собственном опыте, Старец говорил: «Сколько вы будете подвизаться в безмолвии и недерзновенном образе поведения, столько и слезы будут вас посещать». И еще он нам говорил: «Иисусова молитва с болью рождает печаль. Печаль приносит слезы. Слезы, в свою очередь, рождают более чистую молитву. Ибо слезы, как миро благоуханное, смывают грязь, и душа очищается».

* * *

Особо отличало Старца то, что он не только хранил, но и возвращал свою неповторимую подвижническую ревность с начала и до конца жизни. Он подчеркивал значение первоначальной ревности и для нас: «Если мы ее не можем взрастить, то по крайней мере не будем ее умалять. Ибо отсюда видно преуспевание. Но чтобы преуспеть в ревности, мы должны наблюдать за своим поведением и замечать изменения, которые всегда случаются со всеми».

Старец начал свой подвиг с очень большой ревностью. Такая ревность — редкое явление в нашем поколении и является исключением. Промысл Божий устраивает, чтобы в каждом поколении находились такие герои, дабы и мы могли прочно стоять на своих

ногах. Они не вводят ничего нового, они хранят то же самое Предание Церкви. Конечно, можно читать о том, что было «во время оно». Но если не видеть при этом, как Предание исполняется, то может наступить разочарование. Ведь в наши дни произошли огромные перемены, все изменилось, и нас постоянно волнуют вопросы: разве возможно сегодня исполнение Евангелия? Разве возможно, чтобы Божии обетования исполнились на современных людях? И Промысл устраивает, чтобы появлялись такие исполины, такие герои, которые удостоверяют, что действительно и тогда, и теперь, и завтра наш Иисус — Тот же самый, истинный (ср.: Евр. 13, 8).

НЕБЕСНЫЕ СОСТОЯНИЯ

В то время Старец Иосиф предпринял и подвиг затворничества. На протяжении целого года он не выходил из крошечной келейки, темной, как гроб, и настолько тесной, что в ней можно было задохнуться. Раз в несколько дней отец Арсений подходил к келлии и через окошко давал Старцу сухари.

Позднее Старец объяснил, что такой подвиг он предпринял из-за сильного посещения благодати, которого сподобился в это время. Ум его затворялся в сердце, и ощущал большую сладость и блаженство. Блаженство было таким, что слезы текли сами собой. Случалось даже, что он не чувствовал, в теле он или вне тела⁵⁴. Единственное, что он чувствовал в сердце, — это Иисусову молитву.

Чтобы не потерять это состояние, он решил лучше оградить себя. Поэтому и затворился в своей тесной келейке. Он оставался закрытым в ней много дней подряд, даже не проветривая ее. Однажды ночью, приоткрыв окошко, чтобы подышать, Старец вдохнул свежего воздуха, потерял сознание и выпал из окна. Но подвига своего он, конечно, не оставил.

* * *

В скиту Святого Василия Старец испытал много разнообразных чудесных состояний. Когда мы стали его послушниками, он

⁵⁴ Ср. 2 Кор. 12, 2.

иногда открывал нам кое-что из пережитого, чтобы воодушевить нас в подвиге.

О многих вещах мне рассказывал Старец. Он мне рассказывал о Божественном свете, но мой духовный возраст был мал. Мы ощущаем благодать в соответствии с нашей мерой. Мера Старца была такова, что куда нам до нее! Некоторые говорят, что монашество ничего не дает людям. Для живущих в миру людей невозможно принять озарение Святого Духа, для этого необходимы безмолвие и келлия.

Много раз он нам рассказывал вещи, которых мы не понимали, ибо не достигли соответствующей степени. Часто после своего бдения, утром или в полночь, Старец нам говорил: «Сегодня было свидание со Святой Троицей». Что он подразумевал под этими словами, мы не понимали, потому что не имели соответствующей меры. Можно понять только то, что соответствует твоей мере. Мы только видели, что он чрезвычайно радовался. Он силился сдерживать себя, но иногда от большой радости говорил: «Сегодня произошла встреча со Святой Троицей».

* * *

Старец не хотел становиться иеромонахом, чтобы не иметь забот с чредой служения в скиту и иметь возможность, не отвлекаясь, предаваться молитве. Он хотел быть безмолвником. У него не было препятствий к священству, в миру он жил очень целомудренно. Он и отец Арсений были не просто чисты, они были святы, но, однако, священнического сана избегали. Они говорили: «Если мы станем священниками, все нам будут говорить: приходи в эту калливу послужить, иди в тот скит. Так мы не сможем придерживаться нашего устава — значит, это нам не нужно. Найдем какого-нибудь батюшку, который будет нам служить литургию, чтобы мы могли причащаться».

Вначале Старец и отец Арсений, желая причаститься, ходили в калливу Успения Пресвятой Богородицы, где жил отец Варфоломей со своей общиной. Но так как там литургия всякий раз начиналась в разное время, они заставляли или начало службы, или середину, или конец. Это очень огорчало Старца, поскольку сам он был очень пунктуален. Он хотел, чтобы все происходило чинно, так, чтобы

он мог исполнять и свое бдение. Он говорил: «Их Бога я возьму, а своего Бога потеряю».

Действительно, беспорядок — это большое препятствие для ночной молитвы: если кто-нибудь не отдохнет в положенное время, то где возьмет он силы и чистый ум, чтобы предстать перед Богом? Поэтому Старец, чтобы не страдать из-за этого беспорядка, с большой печалью решил некоторое время не ходить на службу, пока Бог не даст решения этой проблемы.

Так прошло около трех месяцев без причастия. Однажды в праздничный день Старец послал отца Арсения причаститься вместе с другими отцами. «Ступай ты, — сказал он ему, — а я не могу идти, так как не знаю, какой момент службы застану. Я останусь здесь, буду продолжать молитву. А ты иди в церковь». Так он остался в своей келлии. Конечно, он сильно печалился, что не может причаститься.

Отец Арсений ушел, а Старец сидел, наклонившись, в своей темной и маленькой келейке и непрестанно творил в сердце Иисусову молитву. Ум его совсем не выходил из сердца. «На меня накатил как будто бы досада, — рассказывал он, — и я сказал сам себе: несчастный человек, по грехам твоим ты недостоин причаститься. Все остальные отцы причастятся Божественных Таин, а ты — никуда не годный».

В то время, когда он, плача, сидел на кровати, внезапно засиял некий свет, отверзлась кровля, спустился крылатый юноша и стал перед ним.

«Я еле мог смотреть на него, ибо вид его был как молния. Он вложил руку за пазуху и извлек прекрасный ларчик, круглый, светлый, весь сиявший преизобильным светом, светом иного мира. Тогда ангел со вниманием открыл ларчик, и дал знак, чтобы я приготовился, и взял оттуда лжицей частицу Хлеба. Находясь под воздействием этого духовного явления и видения благодатного таинства, я непроизвольно, не думая — ибо в эти мгновения человек прекращает мыслить и чувствовать обычным образом, — понял его повеление. И сделал то, что Бог мне велел сделать. Я открыл уста, и он меня причастил со словами: “Тело и Кровь Христовы, причащается раб Божий монах Иосиф”. Я почувствовал великую радость и блаженство, ведь такой благодати я не вкушал никогда.

Затем ангел сдержанно улыбнулся мне, закрыл сосуд и вознесясь через кровлю туда, где был и прежде. Затем в моей келлии вновь наступила тьма». Тогда Старец опять наклонил голову и продолжил молитву. После он признавался: «Целую неделю я не ощущал ни пищи, ни мира, ни тела — ничего».

* * *

Часто Старец закрывался в своей келлии и говорил себе: «Давай-ка, душа моя, будем пребывать умом в горнем». И ум его постигал горнее. Проходил день, проходила ночь. Проходил второй, третий день, а он пребывал в горнем. Конечно, это были страшные состояния.

Чем был занят его ум? Он размышлял, что у нас есть Царство Божие, рай, горний Иерусалим, ангелы, Небесные песнопения, иной мир. Созерцание того, что является нашим упованием, дает отдохновение человеку. И тогда человек говорит: «Когда же я наконец отложу это свое жилище? Это свое тело, которое страдает и обременяет меня, которое приносит мне искушения и заставляет меня соприкасаться с людьми, с мирскими мучениями, с бесами?»

И достойно удивления то, что Старец не надмевался гордостью из-за таких состояний и видений. Напротив, он приближался к отчаянию, ибо считал, что не достиг ничего, что еще даже не положил начала. Поэтому он говорил: «Я не прекратил и не прекращаю день и ночь взывать, прося милости Господней. Но каждый день творя начало, я нахожу себя обманщиком и согрешающим».

Поэтому он и оплакивал свою участь, когда мы праздновали память преподобных отцов, в подвиге просиявших, особенно отцов святогорских. Старец говорил: «Ах я, несчастный, оскверняю собой это место, чистое и святое, — место, где ступали натруженные и утомленные ноги отцов-подвижников, проливавших здесь свой пот, плакавших, молившихся, очистившихся, освятившихся. А я это место делаю бездейственным».

* * *

Там, в пустыне, в скиту Святого Василия, Старец и отец Арсений во всем испытывали лишения. Но поскольку они подвизались,

постольку имели в изобилии молитву и благодать, множество духовных состояний и восхищений. Бог явил Старцу множество таинств, ибо тот предпринял много трудов.

Бог утешал Старца созерцаниями, ибо у него не было человека, который мог бы его утешить, сказать хоть пару слов или побеседовать с ним. Он все переваривал в себе сам, пребывая все время в одиночестве. Был у него, конечно, отец Арсений, но это был очень простой человек.

Позднее, когда Старец жил в более мягком климате, в Новом Скиту, и у него были и простокваша, и рыба, и овощи, и фрукты, тогда он нам говорил, что нет у него уже больше той молитвы, которая была в скиту Святого Василия.

* * *

Приобретя опытность в духовной борьбе, Старец умел не обнаруживать свое внутреннее состояние ни перед кем, ибо в противном случае бесы лучше знают, как воевать с подвижником. Поэтому он нас учил: «В раю ли находимся или в аду, мы не должны это обнаруживать, но должны казаться бесстрастными».

Когда у Старца бывали видения, он не рассказывал нам о них на следующий день. Нет! Лишь когда приходило время и мы нуждались в утешении, он говорил нам: «Не отчаивайтесь, наш Бог велик, Он смотрит на нас, наблюдает за нами, и посредством скорбей мы к Нему приближаемся. После Креста Бог воскрес и взошел на Небо по человеческому естеству. После скорбей приходит утешение, видения и откровения той душе, которая страдает. Когда радуешься, утешение не приходит».

И он нам рассказывал один-два случая, чтобы подтвердить свои слова и воодушевить нас.

* * *

Сейчас мы рассказали только о его божественных утешениях. Но надо сказать и о невыносимых скорбях и ядовитых до смерти искушениях. Ибо каждому утешению предшествовала смертельная скорбь — удушье души и натиски преисподней тьмы. Это хорошо описывают его слова, сказанные нам: «Сначала я пил скорбь ведрами, а затем Бог давал мне благодать ложечкой».

Искушения его были невероятно жестокими, как он сам говорил об этом: «Если я вам стану описывать свою борьбу с искушениями, вы не в силах будете об этом слышать. Ибо вся моя жизнь была сплошным мученичеством. Но благодать Божия и Госпожа наша Богородица, всегдашнее мое предстательство, дали мне некий вид настойчивости и твердости, и я не отступал. Здесь более всего помогают и спасают слезы. Но все зависит от Божией благодати».

Старец нам говорил, что в великих искушениях он познал ощутимым образом благодать Божию. Ибо Бог отвечает человеку соразмерно величине искушения, которое тот претерпевает ради любви Божией. И когда человек трудится для Бога с добрым произволением, невозможно, чтобы Бог оставил его искушаться сверх сил. Но и воздаяние от Бога будет соответственным. Об этом нам говорит и Авва Исаак Сирин: «Когда кто-нибудь переживает большое искушение, и попросит Бога об избавлении от него, и будет услышан, тогда этот человек лишается благодати, соразмерной величине искушения, которое Бог отнял»⁵⁵. Это значит, что тот, кто очень хочет познать благодать Божию, должен проявлять терпение в искушениях. С верой и доверием к Богу он должен держать фронт, и Бог — рядом.

⁵⁵ См. Слово 78 (в греч. изд. Слово 46): «Если же душа в немощи, и нет у ней достаточных сил для великих искушений, а потому просит, чтобы не войти в оные, и Бог послушает ее, то наверное знай, что в какой мере не имеет душа достаточных сил для великих искушений, в такой же она недостаточна и для великих дарований, и как возбранен к ней доступ великим искушениям, так возбраняются ей и великие дарования, потому что Бог не дает великого дарования без великого искушения».

Глава шестая

ПЕРВАЯ ОБЩИНА СТАРЦА

ОТЕЦ ИОАНН

Несмотря на старания Старца оставаться в неизвестности, слух о нем как о большом подвижнике начал распространяться. К нему стали приходить мирские люди и монахи, желая сделаться его послушниками. Хотя Старцу и не хотелось терять безмолвие, он принимал их, надеясь передать им то богатство, которое обрел сам. Первым постриженным Старца стал отец Иоанн.

Отец Иоанн был родом из Северного Эпира. В миру он был угольщиком, работа его была пережигать дрова и делать уголь. Он пришел к Старцу, и тот постриг его в великую схиму, дав имя Иоанн. Но отец Иоанн не слушался Старца, поэтому Старец был им недоволен. Например, отец Иосиф говорил ему:

- Отец Иоанн, делай чуть больше поклонов.
- Не могу, Старче, — отвечал тот.
- Хорошо, потрудись немного в рукоделии, у нас много расходов.
- Не могу, Старче.

Что мог сказать на это Старец? Невозможно другого сделать святым насильно. Поэтому он говорил:

- Хорошо, дитя мое, делай, что можешь.

Поскольку отец Иоанн постоянно не слушался Старца и не обращал внимания на его советы, тот очень печалился. Поэтому Старец возложил это дело на Бога и молился о своем послушнике.

Хороший послушник не боится прелести, ибо своим смирением он лишает бесов возможности ее внушить. Но тут лукавый враг, видя непослушание молодого послушника, воспользовался этим и устроил ему ловушку.

Однажды ночью, когда тот спал, бес постучался к нему в дверь и сказал: «Молитвами святых отец наших. Поднимайся, брат, на свое правило». Лукавый бес, хотя и сказал: «Молитвами святых отец наших», но прочитать всю молитву до конца не мог. Он произнес лишь безопасные для себя слова. Отец Иоанн поднялся и начал с ревностью свое бдение, подумав, что его разбудил ангел. А ревность к исполнению правила дал ему бес, ибо молитву без смирения Бог не принимает.

В следующую ночь произошло то же самое. Отец Иоанн полностью поверил, что говорящий с ним — его ангел. Тогда бес начал поучать его. Отец Иоанн, конечно, не видел его, только слышал голос. Прежде всего бес его учил: «Будь внимателен, не проговорись своему Старцу о том, что я с тобой разговариваю, являюсь тебе и учу. Ибо иначе я больше не приду, и ты потеряешь мою помощь». Тот подумал: «Чем потерять моего ангела, лучше я не буду ничего говорить Старцу». Затем диавол очень ловко сплел ему ловушку. «Так как он ничего не рассказывает Старцу, — подумал лукавый, — этот монах теперь мой! Теперь я нанесу ему смертельный удар». И через несколько дней сказал ему: «Сегодня, на рассвете воскресного дня, после службы приходи в такое-то место, и я тебя оттуда заберу на небо. Я тебя вознесу ко Святой Троице, ты увидишь рай и многое другое».

Отец же Иоанн (и как только его просветил Бог! — наверняка, по молитвам Старца) решил пойти и поблагодарить своего духовного отца, а уже затем идти в церковь и туда, куда ему сказал темный ангел. Идет он к Старцу, ведомый его молитвами и благодатью Божией, падает ему в ноги со слезами и начинает благодарить за то, что тот сделал его монахом и за наставления. А Старец спрашивает:

— Дитя мое, откуда эти слезы и благодарности? Что тебя к этому подтолкнуло? Раньше ты этого не делал.

— Старче, я ощущаю благодать Божию, и признательность тебе побуждает меня благодарить тебя.

— Нет, тут что-то другое происходит. Ты не пойдешь в церковь, пока не скажешь, что с тобой случилось.

И тогда отец Иоанн был вынужден сказать все.

— А не сказал ли тебе твой ангел, чтобы ты мне ничего не говорил? — спросил Старец.

— Да, он мне это сказал.

— Если бы это был ангел Божий, зачем ему было запрещать тебе говорить об этом мне, твоему Старцу? Старец с ангелами сотрудничает, потому что он такой же раб Божий, как и ангелы. Раз он тебе сказал не открывать мне ничего, значит, это был не ангел, а лукавый диавол, пожелавший тебя прельстить и погубить твою душу. Так что, дитя мое, ступай в свою келейку. В церковь ты не пойдешь. И посмотришь теперь, придет ли он к тебе еще.

И действительно, отец Иоанн послушался Старца — и никто к нему больше не приходил. Вот как спасает духовный наставник. Если бы у Старца не было опыта, он бы принял благодарности, похвалил послушника, и тот со своим помыслом, что имеет благодать Божию, был бы увлечен бесом в душевную и телесную погибель. Но опытность духовного наставника не дала человеку погибнуть.

Часто диавол приходит и говорит о духовных вещах, желая нас обмануть и убедить, что наши мысли правильнее мыслей духовника, чтобы мы противоречили нашему духовному наставнику. Поэтому мы должны верить духовным отцам, ведь они бдят о душах духовных детей. В брань своего чада с врагом духовный отец вступает первым. Духовный отец — это представитель Бога, это словно видимая икона Божия. Человек с благоговением относится к иконе Божией, поклоняется ей, почитает, кадит — и все это почитание относится к Богу. Хотя икона состоит из дерева и красок, все, что посвящает ей человек, принимает Бог. Поэтому, когда послушник, духовное чадо, чтит и слушается духовного наставника, это послушание относится к Богу, и Бог с радостью принимает его, воздавая человеку благодатью.

В другой раз отец Иоанн впал в большую плотскую брань, он не мог себя сдерживать. Тогда он пришел к Старцу. Старец помолился и исцелил его. После этого такая брань уже никогда его не беспокоила.

ОТЕЦ АФАНАСИЙ

Как уже было сказано, отец Афанасий, в миру Николай, был родным братом Старца Иосифа⁵⁶. Он с отличием закончил торговый факультет и был по тому времени очень образованным человеком. Прекрасный каллиграф, он писал настолько четко, что казалось, будто это напечатано на машинке. Николай играл на скрипке и хорошо знал западную музыку.

После учебы в университете Николай был призван в армию и служил во флоте. Однажды пришлось ему чинить электрические провода высокого напряжения. И случилась беда: его ударило током. В это время Старец Иосиф пребывал у себя в келлии на молитве. И в тот момент, когда Николай падал с высокого столба на землю, Старец Иосиф был извещен об этом и громко воскликнул с беспокойством: «Николай!» Тот получил сильную травму руки, но все могло закончиться намного хуже. Николай был демобилизован, и ему была назначена пенсия. После лечения он оставил пенсию племянникам-сиротам и в начале 1932 года в возрасте двадцати пяти лет отправился к брату, чтобы стать монахом.

На Святой Горе он изучил византийское пение у старца Модеста. Отец Афанасий имел очень приятный голос, пение его было чудесным. Особенно хорошо он читал Апостол. Он был столь вынослив, что мог один петь и читать все всенощное бдение, обычно длящееся на Афоне семь-восемь часов. В то время большинство отцов на Святой Горе были малограмотны и немногие образованные пользовались большим почетом. Но смиренный отец Афанасий был столь равнодушен к этому, что даже не вспоминал о своем образовании.

* * *

Отец Афанасий больше, чем кто-либо иной, ходил в разные места по делам общины. Он брал рукоделие общины и относил его в монастыри в обмен на продукты, одежду и другие нужные вещи. На протяжении многих лет отец Афанасий был главным носильщиком общины, несмотря на болезнь сердца и наследственную астму.

⁵⁶ См. главу I книги второй.

Чтобы не встречаться с людьми, из-за чего обычно начинается празднословие, он путешествовал в основном по ночам. Те, кто ходил по святогорским скалам и лесным зарослям, знают, насколько опасными могут быть такие путешествия. Отец Афанасий носил совершенно обтрепанный, заплатка на заплатке, подрясник. Обычно он шагал с огромной, как шкаф, торбой на спине, всегда держа в руке большие потертые четки и полностью уйдя в молитву.

Отец Афанасий перенес столько грузов, что его ноги в конце концов искривились. Старец говорил:

— Ты войдешь в историю Святой Горы, и о тебе напишут, что был, дескать, у Старца Иосифа такой отец Афанасий.

— Ой, Старче, не говори так. Я — барахло, диавол.

— Ты, отец Афанасий, такой, какой есть. По какой только тропинке ты не ходил с ношей!

Иногда отец Афанасий возвращался в общину утром, к концу бдения братии. Однажды в нашу дверь раздался стук. Старец сказал:

— Пойду-ка я сам открою, вдруг это какой-нибудь зевака. Кто там? — спросил он.

— Тот, с тыквами, кого видел святой Макарий⁵⁷.

— А, отец Афанасий, пожалуйста, заходи.

Старец открыл ему, и отец Афанасий зашел: с торбой, кульками, корзинами, сгорбленный от таскания тяжестей, со склоненной головой. И Старец сказал ему:

— Точно, ты похож на того, с тыквами. Торба — выше головы, корзина справа, корзина слева, кулек там, бутылка здесь. Ты оснащен как горный стрелок. Как дела? Откуда и куда идешь?

Старец всегда был очень любезен.

— Да вот, на Каруле мы собирали опунцию⁵⁸. По пути от Заркади я съел семь пирожков, чтобы облегчить ношу.

То есть он съел полтора килограмма хлеба. Сколько же он съел, не заметив этого, до Заркади, чтоб облегчить ношу?

⁵⁷ См.: Об Авве Макарии, 3 // Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. СТСА, 1993. С. 102.

⁵⁸ Опунция — вид крупного древовидного кактуса, растущего на Афоне. Его плоды ярко-оранжевого цвета с многочисленными мелкими иголками после специальной обработки употребляются в пищу.

— Отец Афанасий, будь добр, скажи мне, а сейчас сколько тебе дать еды? Сколько ты съешь?

— Ну, с некоторым воздержанием — полкотелка.

У отца Афанасия не было того аскетического настроения, какой был у Старца. Но то, что он делал, было очень ценным: взяв на себя все необходимые хлопоты и беготню, он давал возможность Старцу и отцу Арсению полностью посвятить себя безмолвнической жизни и умной молитве.

ОТЕЦ ЕФРЕМ КАТУНАКСКИЙ

В Катунаках жил иеромонах отец Никифор. Он очень уважал Старца Иосифа и приходил к нему в каливу служить литургию. Рукоделием его было вырезание печатей для просфор. У отца Никифора было два послушника — отец Прокопий и отец Ефрем, с которыми он был очень суров. Если они за день не успевали сделать по восемь печатей, он им не давал хлеба. Вот где можно было увидеть терпение. Такое суровое воспитание было у отцов! Вот где выковывалось смирение, безгневие и кротость. И печати они делали самые лучшие.

В 1935 году на литургии к Старцу Иосифу вместе с отцом Никифором стал приходить и его молодой послушник, отец Ефрем⁵⁹.

⁵⁹ О. Ефрем Катунский (1912–1998) происходил из фиванского села Амбелохори от бедных родителей. Дед его был священником. О. Ефрем закончил гимназию, что в то время случалось не часто. В 1933 году, в возрасте двадцати одного года, он пришел монашествовать к о. Никифору. У юноши были очень добрые намерения. Но недостаток подлинного святоотеческого примера и богословской подготовки дорого ему обошелся. Единственной помощью в его духовном подвиге были для него жития святых и святоотеческие писания. Сам он описывал этот период своей жизни рядом с о. Никифором так: «Это были простые люди. Рукоделие, служба — и ничего сверх того. Когда я пришел на Святую Гору, я искал чего-то, но сам не знал, что именно. Рукоделием занимаешься днем, ночью исполняешь свои духовные обязанности, но это меня не наполняло, не приносило удовлетворения. Я хотел чего-то высшего, чего-то большего. Старец Никифор был хорош, но он не мог наставить на путь, который сам не прошел, ибо не знал его» (*Γέρωντος Ἰωσήφ. Ὁ Χάρισματοῦχος Ὑποτακτικός, ἐκδοσις Ἱ.Μ. Βατοπαϊδίου, Ἀθήνα, 2001. Σελ. 35*). — *Прим. греч. ред.*

Как молодой монах, он вел себя молчаливо и робко рядом со Старцами. Однажды Старец Иосиф спросил отца Никифора:

— Оказывает послушание Ефрем?

— Оказывает, оказывает, Старче, — ответил отец Никифор.

Отец Ефрем позднее признавался: «В то мгновение мне захотелось упасть на колени и поцеловать ноги Старца Иосифа, ибо я наконец услышал духовное слово! Я почувствовал, что в этом Старце пребывают жизнь и благодать». Ведь тогда все спрашивали обычно лишь так: «Этот молодой монах сообразительный? Трудолюбивый? Смыслит в рукоделии?»

С первого взгляда Старец понял, что отец Ефрем — человек духовный, и сказал про себя: «Жаль! Это дитя — жаждущий олень, а у его Старца нет воды, чтобы его напоить». Старец пожалел его, но помочь никак не мог. Он не мог вмешиваться в жизнь другой общины.

В 1936 году отец Ефрем был рукоположен в священника⁶⁰. Тогда Старец Иосиф воспользовался удобным случаем и попросил отца Никифора присылать к нему молодого иерея служить литургию. Что и исполнилось.

После первой литургии отец Ефрем попросил Старца поговорить с ним наедине, и они решили встретиться в одну из ближайших ночей. Отец Ефрем пришел к Старцу на пять часов раньше назначенного времени и присел на терраску рядом с его каливой, ожидая, когда тот закончит молитву. Он смотрел на каменистый берег, на море и наслаждался ночным видом дикой природы. К этому времени он уже приобрел дар слез, так что мог плакать, когда захочет. И все то время, пока он молился рядом с каливой Старца, все эти пять часов у него непрерывно текли слезы.

Между тем Старца Иосифа начали посещать помыслы сомнения: разумно ли было согласиться на разговор с отцом Ефремом?

⁶⁰ В 1936 году старец Никифор решил рукоположить о. Ефрема в диакона, чтобы иметь помощника на службах. Для этого, поехав летом по своему обыкновению в Фивы, он взял с собой своего молодого послушника. Его рукоположил в диакона Герман, митрополит Кикладский. Заметив, что молодой монах серьезный и благоговейный, архиерей через несколько дней рукоположил его и в пресвитера, несмотря на юный возраст. Так 20 августа 1936 года о. Ефрем в возрасте 24 лет стал священником. — *Прим. греч. ред.*

Старец Никифор (в центре), отец Ефрем (справа) и отец Прокопий (слева)

Он думал: «Зачем мне это? Стоит ли мне возиться с отцом Ефремом? Не будет ли и он, как все другие?» В конце концов он послал отца Афанасия позвать его. Отец Ефрем начал печально говорить Старцу:

— Я вижу, что все монахи ударились в рукоделие и невозможно найти человека, которому можно было бы сказать свой помысл и услышать духовное слово. Ну в самом деле, разве та жизнь,

которой мы живем — монашеская? Работа с утра до вечера плюс ругань. Доброго слова не услышишь! Где добродетель, где любовь, где молитва?

— Дитя мое, будь внимателен, таков твой Старец. Его тебе указал Бог. Поэтому ты ни уйти от него не можешь, ни осуждать его.

— Но разве такое обращение подобает Старцу? Почему бы мне не уйти, чтобы найти другого Старца, у которого больше духовного опыта?

— Послушай, дитя мое, ты ведь знаешь, что обещал отречься от мира, и при этом хочешь почестей и похвал? Ну так ты заблуждаешься. Если хочешь быть рабом Христовым, то должен принять и все то, что претерпел ради нас Он, то есть презрение, оскорбления, унижения и даже плевки и побои. Если ты все это вытерпишь, значит, и ты несешь малый свой крест и следуешь за Христом. С похвалами, лжечестями и любезным обращением спасение и преуспеяние не достигается.

Все эти слова жаждущая душа отца Ефрема впитывала мгновенно, как губка. Тогда же он рассказал Старцу о бывших с ним трех случаях посещения благодати и о том, как только что пять часов проплакал. Когда он закончил, Старец обнял его и сказал: «Ну, дитя мое, ты — для меня, а я — для тебя».

* * *

С того момента Старец взял на себя духовное руководство отцом Ефремом. Он рассказывал ему о послушании, безмолвии, самоукорении, памяти смертной и о молитве. Он научил его говорить непрестанно молитву «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» и следить за своими помыслами. Он дал ему и распорядок ночной молитвы, свое правило. Для начала Старец сказал ему творить Иисусову молитву в течение одного часа и прибавил:

— Ты, однако, расскажи это своему Старцу, чтобы это не считалось своеволием.

Отец Ефрем сказал ему об этом, и отец Никифор несколько не возражал.

С того дня воспряла душа отца Ефрема. С тех пор он называл Старца Иосифа своим Старцем. Формально его Старцем был отец

Никифор, но по существу — Старец Иосиф, который и соделал отца Ефрема большим человеком и знаменитым подвижником.

Когда он вновь пришел к Старцу Иосифу служить литургию, тот его спросил, исполнял ли он свое правило. Отец Ефрем ответил:

— Старче, от Иисусовой молитвы у меня ручьем текут слезы и в сердце моем горит огонь из-за любви ко Христу!

Тогда Старец увеличил ему правило и начал толковать о делании и созерцании и о плодах умного делания.

* * *

Вначале отец Ефрем ходил в скит Святого Василия раз в неделю. Постепенно, чем более он духовно сближался со Старцем Иосифом, тем чаще ходил туда. И по будням, и по праздникам, иногда четыре раза в неделю: во вторник, в четверг, в субботу и в воскресенье. Причащались они в субботу и на большие праздники. Не замечая усталости, он шел ночью наверх, в скит Святого Василия, чтобы послужить литургию и причастить Старца.

Отец Никифор с охотой посылал своего послушника к «учителю», как он называл Старца Иосифа из уважения и почтения к нему, поскольку видел, что от такого наставничества ученик становился все более послушным и кротким.

Отец Ефрем всей душой предал себя послушанию и любви к Старцу Иосифу. Он говорил: «Я не любил и не боялся так сильно ни одного человека в мире». Он подробно исповедовал свои помыслы и свое духовное состояние и с радостью принимал советы Старца. Он удивлялся его прозорливости, говоря: «Старец видит меня насквозь».

* * *

Однажды, в начале их знакомства, поднявшись в скит Святого Василия, отец Ефрем застал Старца за молитвой. Старец обнял его голову и продолжил молиться, не говоря ни слова. Таков у него был обычай молиться о нас. Отец Ефрем прошептал, желая тоже стать причастником благодати:

— Старче, ты один все пряники съешь?

В ответ — легкое давление локтем. Отец Ефрем воспринял это как указание замолчать. Спустя немного времени Старец пришел в себя и сказал:

— Дитя мое, твоя душа не только чиста, она непорочна.

Он получил об этом извещение в молитве.

В другой раз Старец положил ему руку на голову и начал творить о нем молитву. Внезапно он остановился и не мог продолжать, ибо преисполнился благодати. А потом рассказал отцу Ефрему:

— Я сотворил молитву о тебе, но и сам получил молитву.

Он получил новую благодать и преисполнился ею. Это было извещение: то, о чем он просил в молитве для отца Ефрема, будет исполнено.

* * *

Однажды у отца Ефрема случилась сильная плотская брань. Он лег спать, но брань плоти была слишком велика. Тогда он начал горячо произносить Иисусову молитву. Вскоре он уснул. Между сном и явью он имел видение: напротив, за калиткой ограды, стоял бес, как его описывают отцы: с рогами, черными крыльями и прочим, — и хохотал. Однако бес не мог приблизиться к его келлии. Отец Ефрем проснулся и затем рассказал это Старцу.

— Видишь, дитя мое, — сказал тот, — ты Иисусовой молитвой держишь его за калиткой, и он не может к тебе приблизиться.

Отец Ефрем постоянно открывал Старцу свои помыслы. Благодаря умной молитве, своим трудам и подвигу он мало-помалу приобрел обилие слез. Он говорил Старцу:

— Старче, слез — изобилие.

Тот отвечал:

— Слезы — это хорошо, они очищают душу. Сейчас ты расчищаешь землю, строишь дорогу, чтобы проехала колесница, чтобы могла пройти благодать, чтобы пришла к тебе благодать Христова.

Много раз Старец беседовал с ним о его даре слез:

— Да, так, с помощью слез ты найдешь благодать. Другой способ — это умная молитва. Умная молитва выше, чем слезы, и если во время умной молитвы придут слезы, ты оставь слезы и держи молитву. Слезы ослабляют умную молитву. Умная молитва больше, чем слезы, она дает человеку видеть благодать.

Прошло шесть-восемь месяцев с тех пор, как отец Ефрем познакомился со Старцем Иосифом. Однажды вечером с ним произошло следующее, как он сам нам рассказывал: «Когда я проснулся, встал и умылся, я начал совершать положенную молитву по четкам, стоя напротив выходящего на море окна. Исполнив довольно много четок, я вдруг вижу, как ко мне приближаются три сияющие фигуры. Моя комната наполнилась светом. Благоухание неизреченное. Мое духовное чувство известило меня, что это был Христос, которого сопровождали архангелы Михаил и Гавриил. Я упал на колени и обнял ноги Христовы. Я чувствовал такую радость и веселие, такое переживал состояние, что не описать (говоря это, отец Ефрем начал плакать).

В этом состоянии блаженства я оставался довольно долго. Мало-помалу оно стало проходить. Внезапно комната наполнилась бесами, и они окружили меня. Я пришел в ужас, остолбенел от страха. Я их не видел телесными глазами, но чувствовал их рядом с собой, и меня охватила дрожь и неописуемый страх. Благодаря молитве, они мало-помалу ушли. Хотя я еще дрожал от страха, в тот же час поднялся — была еще ночь, — взял фонарик и пошел к Старцу Иосифу. Придя туда, я сказал отцу Афанасию:

— Сообщи Старцу, что мне нужно срочно его увидеть.

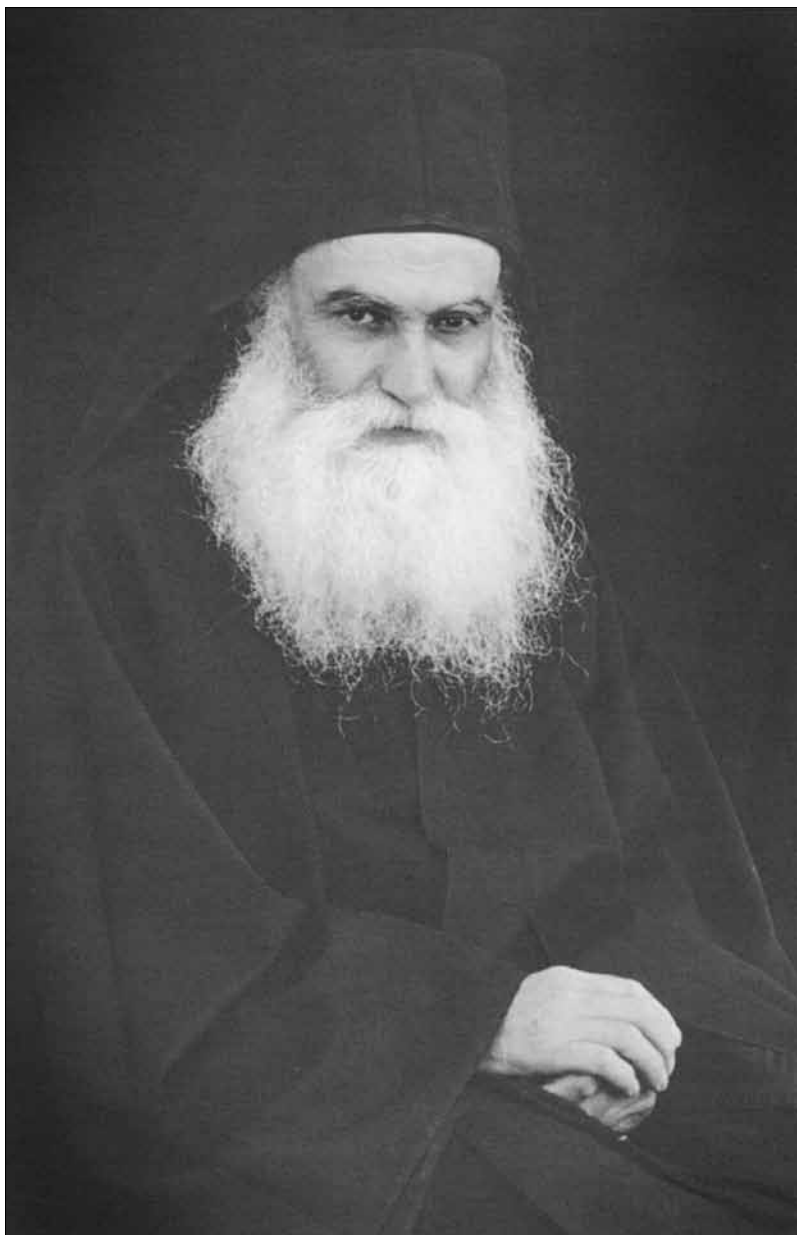
Старец принял меня сразу, хотя было уже неподходящее время для посещения. Как только я сел, он мне сказал:

— Что с тобой?

— Подожди, Старче, немного приду в себя и скажу.

От страха я не мог говорить. Когда пришел в себя, рассказал ему и о посещении Спасителем и архангелами, и о бесовском нападении после того. Тогда Старец Иосиф поднялся, обнял меня и с радостью сказал:

— Это, дитя мое, первая ступенька. Это благодать. Помнишь, как я тебе говорил, что слезами ты некоторым образом расчищаешь землю, чтобы проехала колесница. Теперь колесница проехала. Отныне и впредь у тебя будут откровения от Бога, Бог будет тебя извещать, ты будешь видеть иначе. Божественная благодать будет преображаться в образы и символы и будет тебе помогать. Тебя ожидают иное духовное облачение, иные горизонты, иная

Отец Ефрем Катунакский

духовная пища, иная молитва. И оттого-то следом пришли бесы, что почувствовали твое благодатное состояние и позавидовали».

Позднее отец Ефрем признавался: «То, что я обрел у Старца Иосифа, обретено благодаря его молитве, благодаря тому, что он как наставник говорил:

— Молись таким-то образом, произноси так-то. Когда становится трудно, не произноси молитву полностью. Произноси половину.

Он наставлял, как произносить Иисусову молитву, что делать при этом. Это подобно тому, как ходят в школу дети и их учат грамоте. Так и учеба у Старца. Одними собственными стараниями тут ничего не достигнешь. Старец Иосиф говорил:

— Чем больше у вас будет веры ко мне, тем больше всего духовного вы приобретете.

Это значило: «У меня есть духовное сокровище. Желаете его получить? Бери сколько хочешь».

* * *

Вскоре отец Ефрем получил в изобилии благодать от Бога, которая возводила его постоянно на высоты, понятные только тем, кто вкусил это. Старец говорил ему:

— Дитя мое, на пути, которым ты шел, ты и сам бы нашел благодать. Только ты не смог бы ее сохранить.

И советовал ему:

— Ты нашел благодать благодаря слезам. С помощью слез и продолжай.

Хотя сам он был опытным делателем умной молитвы, он не навязывал ее своему ученику. Иногда, исполненный радости, Старец говорил ему:

— Ты очень быстро бежишь, и я за тебя боюсь. Иные тратят целую жизнь на подвиг — и не вкушают этих состояний. А тебе Бог так быстро это дал!

И отец Ефрем смиренно отвечал:

— Старче, если Бог мне дает есть мясо, скажу ли я Ему, что хочу фасоли?

С другой стороны, и искушения его были немалыми. Однажды его жестоко мучили бесы какими-то помыслами о пустяковых вещах на всем протяжении его бдения. Утром он пошел к Старцу и

рассказал, что с ним было. Старец спросил его, желая докопаться до причины:

— Какое состояние у тебя было в эти дни во время молитвы?

— Очень хорошее состояние, Старче.

Тогда Старец решительно кивнул головой:

— Ага, не жди одних лишь сладостей. Ожидай и горького. Когда тебе будет дано благодатное состояние, вскоре ожидай искушения. Но и наоборот, когда у тебя искушения и огорчения, знай, что близко утешение от Бога.

* * *

Старец укреплял его готовность к подвигу, поддерживал словом и делом, давал ему советы, но не открывал духовный путь его души. Только однажды Старец сказал отцу Ефрему:

— Будь очень внимательным в том состоянии, в котором сейчас пребываешь. Может быть, ты увидишь некое видение, может быть, увидишь некоего ангела. Не кланяйся ему сразу. Будь внимателен. Это твое состояние обязательно столкнется с искушением. Невозможно, чтобы не столкнулось.

С тех пор отец Ефрем начал ожидать какого-нибудь бесовского обольщения или видения. Но вместо того чтобы напасть на него таким образом, диавол восставил против него людей. Лавра решила наказать его за то, что он был рукоположен епископом-старостильником без ее разрешения. Его вычеркнули из официального списка монахов, что повлекло за собой действия властей по призыву в армию. Полицейские скита Святой Анны начали его искать, но Старец скрывал отца Ефрема в Малом скиту Святой Анны, тем временем хлопоча о том, чтобы Лавра вновь внесла его в официальный список. Однако Лавра оставалась неумолимой. Наконец, предстательством Пресвятой Богородицы губернатор Афона изменил свое решение, и отец Ефрем смог остаться на Святой Горе.

Это был единственный раз за все время духовного наставничества Старца, когда он предупредил своего послушника, чего ему ожидать. Иными словами, он не говорил нам заранее, что мы встретим, что найдем, что с нами случится, какие состояния приобретем. Всегда сначала у послушника происходило какое-то изменение в молитве, а затем Старец ему это объяснял. Он говорил отцу Ефрему:

— Ты иди, а я буду за тобой наблюдать.

Это значило: «Я тебя поправлю, если ты свернешь направо или налево». И лишь еще один раз он предсказал ему будущее: «У тебя случится амнезия, ты потеряешь память, отче». Что и произошло позднее. Такое случается для смирения. Чтобы мы ничего не приписывали себе и не потеряли в результате все.

* * *

Благоговение отца Ефрема особо проявлялось в служении Божественной литургии. О литургии он начинал думать с предыдущего дня и готовился к ней непрестанной молитвой, трезвением и слезами. Служа, он весь воспарял. Очень внимательным он был к поминовению имен, особенно усопших.

Как произносить прошения и возгласы на Божественной литургии, он научился у Старца Иосифа, а тот, в свою очередь, — из бывшего ему откровения. В том видении, когда он оказался в раю и слышал райских птиц, Старец запомнил глас, мелодию, которую пели птички: тэ-ри-рэм. И после этого видения он показывал другим, как петь «Господи, помилуй»: тихонько, как подобает исихасту, чтобы звук приходил как будто издалека. Мы пели так тихо, что, хотя наша церковка была очень маленькой, наши голоса снаружи не были слышны. Мы пели тихо, потому что так человек остается спокойным. Только в покое он общается с Богом. Кричит душа. Уста при этом не кричат. А в церкви тогда чувствуется воодушевление.

Теперь Старец Иосиф не позволял никому, кроме отца Ефрема, служить у себя литургию и радовался той умирительной атмосфере, которая создавалась во время литургии. Старец говорил:

— Думаю, что на всей Святой Горе не служат литургию лучше, чем у нас, лучше, чем мы ее служим в нашей смиренной церковке.

Много раз он нам говорил это. Старцу принадлежала молитва в ее целокупности, мы же следовали за ним — и так совершалась литургия, литургия молитвы.

Отец Ефрем духовно преуспевал, у него было много явных посещений благодати. На литургии он видел Божественную благодать живой, осязаемой, наполняющей всю церковь. Поэтому он говорил из опыта, что «Дух Святой невидим, но благодать Его видима». Благодать наполняла сердца молящихся и церковь. Много

раз отец Ефрем видел Божественного Младенца на Святом Диско-се. Слезы его текли ручьем. Однажды на освящении Святых Даров он услышал: «Сын Божий и сонаследник Христов», и одновременно почувствовал сильную духовную теплоту. Многократно во время служения литургии он видел на Святом Престоле мертвое Тело Спасителя, подобно тому, как на Плащанице изображается Его мертвое Тело. Это случалось обычно к концу богослужения. Однажды после литургии, когда отец Ефрем пошел спать, он внезапно увидел херувима. С невыразимой радостью отец Ефрем обнял его и поцеловал. Когда он рассказал Старцу, что у него бывает, тот объяснил, что это проявления благодати. После таких случаев Старец ласково его смирял:

— Ты очень быстро бежишь, отче.

В другой раз отец Ефрем увидел Бога в Честных Дарах. Вот как он сам описывает это: «Я видел все Божество в Честных Дарах. Я видел Его глазами души. Не могу это описать. Конечно, Бога не может увидеть человек и остаться живым, но может увидеть неким образом, как это говорит Моисей, “задняя” Бога (см. Исх. 33, 23). Я оказался в тот момент в состоянии несказанного блаженства, мира, любви, Божественного рачения, слез. Живой Бог в святых сосудах! Как после этого дерзнешь приблизиться ко Святой Чаше?»

После таких событий никто не станет удивляться, почему до сих пор благоухает та покинутая пустынная церковка, в которой он служил столько лет.

Отец Ефрем нам говорил: «Большое умиление, много слез! Я не мог себя сдержатъ, когда служил литургию. И я должен сказать истину: все это — по молитве Старца».

Когда он служил и выходил из царских врат сказать «мир всем!», он думал: «Кто я такой, чтобы призывать мир сойти на Старца Иосифа?» Его беспокоил этот помысл до тех пор, пока он не получил извещение и не услышал глас от епитрахили: «Это не ты говоришь, это говорю Я». Тогда он понял, что это Дух Святой благословляет через священнослужителя.

Одно время во сне, после литургии, стали приходить к нему люди — оборванные, нищие, израненные: «Отче, ты нас забыл». Он поднимался после этих снов расстроенный: «Это души. Но я ведь все имена поминаю».

— Старче, у тебя есть еще какие-то записки с именами? — спросил отец Ефрем Старца Иосифа.

— У меня нет, отче. Только то, что на жертвеннике.

Искал он, искал — ничего не нашел. Стал служить опять с теми же самыми именами. После литургии, во сне, снова: «Отче, ты нас забыл».

— Слушайте, отцы, может быть, все-таки у вас где-то есть еще какие-то записки с именами?

— Ничего у нас нет, отче. Посмотри на святом Престоле.

Поискал еще и нашел записки между последним покровом и камнем-крышкой святого Престола. Он взял их, помянул — и больше никто не являлся.

Когда отец Ефрем находился в благодатных молитвенных состояниях и не мог себя сдержать, Старец говорил ему: «Радость у тебя или печаль — не выставляй этого напоказ. Внутри у тебя может бушевать ад или может бить ключом рай — не выставляй напоказ. Так лучше. Пусть твой ближний не знает, в каком состоянии ты пребываешь». И отец Ефрем с самоукорением признавался: «Следовать этому совету мне удавалось плохо».

* * *

Однажды выпало немного снега, но при этом дул ледяной ветер. В полночь отец Ефрем поднялся, чтобы идти служить к Старцу Иосифу. Пройдя половину пути, он почувствовал, что у него замерз подбородок. Оробев, он вернулся назад. Лишь только он добрался до своей келлии, как сразу рухнул почти без чувств. Когда он пришел к Старцу в следующий раз и рассказал, что с ним случилось, почему он не смог прийти, тот объяснил: «У тебя не было веры. Если бы у тебя была абсолютная вера, то ты пришел бы, и тебе не помешали бы ни снег, ни ветер». Старец никогда не давал ему расслабляться.

В другой раз выпало очень много снега. Отец Ефрем поднялся ночью и пошел служить к Старцу Иосифу. Когда он пришел, Старец сказал ему: «Как ты добрался по такой погоде, по такому снегу?» Отец Ефрем шел к Старцу с таким воодушевлением и самоотречением, что ничему не придавал значения.

Однажды, когда Старец жил в скиту Святого Василия, он спросил отца Ефрема:

— Когда будем служить?

— На Иоанна Златоуста.

— Хорошо.

Но случилось так, что у соседа отца Ефрема в Катунках, Старца Гавриила, был на Иоанна Златоуста престольный праздник келлии, и отец Гавриил хотел, чтобы и у него служилась литургия. Отец Ефрем, не подумав хорошенько, пообещал:

— Кто-нибудь из нас придет. Нас с отцом Никифором двое, один придет сюда, а другой пойдет в Святого Василия, к Старцу Иосифу.

Пришел затем отец Ефрем к Старцу Никифору и сказал ему:

— Прости, Старче, прости меня, я запутался: пообещал, что мы придем к отцу Гавриилу, а еще раньше пообещал, что приду к Старцу Иосифу, в Святого Василия.

Отец Никифор ответил ему:

— Когда ты что-то обещаешь, обещай за самого себя, а не за своего Старца! Знай свое место. Я буду обещать за своего сына, а не сын за Старца.

— Хорошо, Старче, прости меня, я напутал. Не знаю, как это получилось. Ну, сходи ты к отцу Гавриилу, а я пойду к Старцу Иосифу.

— Нет, не пойду. Что это такое ты мне говоришь? Ты мне приказываешь идти к отцу Гавриилу? Ты должен уразуметь свое место, знать, как разговаривать.

— Ну, хорошо, прости меня, я запутался, согрешил.

— Нет, ничего не выйдет.

Тогда отец Ефрем подумал: «Что мне теперь делать? К Старцу Иосифу я хожу часто. Схожу-ка я на этот раз к отцу Гавриилу».

Пошел он к отцу Гавриилу и отслужил там литургию. Потом он признавался: «Что тебе сказать? Мне казалось, что я совершил преступление против Старца Иосифа — так меня обличал помысл. То есть если ты согрешишь против кого-нибудь другого, это будет не так тяжело, как если ты согрешишь против своего Старца. Не послушаться кого-нибудь другого — ладно, еще терпимо. Но не послушаться Старца — это очень отягощает совесть!»

Когда он пришел к Старцу, тот ему сказал:

— Добро пожаловать, батюшка. Почему ты не пришел на Иоанна Златоуста?

— Старче, то-то и то-то у меня случилось, прости меня. Такие угрызения совести чувствовал и чувствую, что кажется мне, будто я совершил преступление.

— Ты впал в искушение, и тебе должен был помочь отец Никифор. Он должен был тебе сказать: «Послушай, дитя мое, ты — послушник. Ступай к Старцу Иосифу. Если отец Гавриил хочет, пусть придет сюда и попросит у меня. И если я тебе скажу идти к отцу Гавриилу, то пойдешь. Но если будешь мне приказывать идти ты, то я не пойду. Понимаешь, в чем дело? Однако раз уж ты пообещал, то я схожу к отцу Гавриилу. Но в другой раз ты так не делай». Какую же теперь епитимию мне тебе дать? Раз уж Бог сам дал тебе такую епитимию, другую я тебе не назначаю. Ибо Бог тебя известил, насколько серьезно, если священник обещает прийти, и тем более обещает своему Старцу, и не приходит.

— Старче, я напутал. Прости.

Конечно, Старец его простил. Но отец Ефрем признавался позже, что это весьма тяжело, когда совесть так обличает.

* * *

Поначалу молодому отцу Ефрему не очень нравилась еда, которой его кормили. Поэтому, чтобы утолить голод, он собирал грецкие орехи, не взяв на то благословения. Старец смотрел на это, смотрел и в один прекрасный день сказал: «Больше не приходи сюда служить». Что делать? Отец Ефрем возвратился в Катунки. У него пропала молитва, и он впал в отчаяние.

На следующий день он побежал назад, влетел в дверь и упал Старцу в ноги со слезами:

— Старче, прости меня! Я больше не буду!

После такого наказания отец Ефрем стал как ягненок.

В другой раз отец Ефрем чем-то огорчил Старца. Он попросил прощения, но Старец не смягчился. Он сказал ему: «Убирайся! И не приходи, пока я тебя не позову». Прошло несколько дней духовного омертвения. Наконец Старец позвал его служить литургии. После стольких дней его посетила благодать во время литургии, и он возрадовался. Когда же он рассказал об этом Старцу, тот

ответил в своей ласковой отеческой манере: «Хорошо, дитя мое, разве ты не понял, что я обнял тебя в духе?»

А однажды случилось так, что отец Ефрем в чем-то не согласился со Старцем и не послушался его. Как он признавался позднее, он тогда не только огорчил Старца, но и сам был сильно наказан Богом. Он говорил нам: «Исповедую тебе, что как апостол Петр, слыша крик петуха, плакал, вспоминая свое отречение, о чем рассказывается в житии его, так и я, когда вспоминаю то свое непослушание, плачу целыми часами, ибо знаю, что не должен был так делать и огорчил Святого Духа».

Отец Ефрем признавался: «Единственным человеком, которого я возлюбил в своей жизни, был Старец, и единственным человеком, которого я боялся, был Старец. Страх и любовь — вместе. Мы всегда были в ожидании, не скажет ли нам Старец чего-нибудь». Отец Ефрем имел такое благоговение к Старцу Иосифу и к отцу Арсению, что всегда говорил в начале и в конце своего молитвенного правила: «Молитвами святых отец Иосифа и Арсения».

* * *

Они так глубоко соединились духовно и так велика была духовная высота Старца, что отец Ефрем получал изобилие благодати. Как он сам нам говорил: «Я помню те годы. Водопад благодати, когда Старец Иосиф молился, когда он говорил. Уходя, я целовал его руку, прося благословения; и если он произносил с сердечным участием: “Ступай!”, то словно говорил: “Ступай и увидишь!” И я обогащался молитвой и благодатью. Напротив, если я его чем-нибудь огорчал, он мне безжалостно говорил: “Так, теперь ступай!” И я переживал духовную засуху и оставленность. Однажды, как это иногда бывало и в прошлом, он мне сказал: “У тебя не будет ничего до следующей субботы”. И действительно — омертвление! И я недоумевал, как исполняется слово Старца, как Бог утверждает слово Старца! Бог спасает тебя словами Старца — именно с этим мы столкнулись у Старца Иосифа прежде всего. Господь удостоверяет слова Старца. Это некое таинство, мы сами не можем его объяснить. Можем лишь сказать, что, чем больше соединяешься со Старцем, тем больше благодати получаешь. Это как железо, которое становится огнем, когда приближаешь его к пламени. А чем дальше его от огня уносишь, тем больше оно тускнеет».

Послушанием отец Ефрем достиг такой высоты добродетели, что отец Арсений удивлялся ему и говорил: «Гляди-ка! Мы совершали такие суровые подвиги, а он одним послушанием всех нас превзошел». Но послушание его было чистым мученичеством, ведь отец Никифор крайне сурово относился к нему на протяжении целых десятилетий.

Как-то раз он нам рассказал следующий чудесный случай, показывающий, как тесно они были духовно соединены со Старцем Иосифом. «Однажды, встав после сна, я начал молитву и чувствую, что болит моя душа. Чувствую, что причина этого — Старец. Что мне делать? Молитва. Молитва с двенадцати ночи до рассвета. До трех часов утра я испытывал боль. Говорю себе: “Старец страдает”, и продолжал молитву, сколько мог, чтобы ему помочь. Когда наступил третий час, моя душа прекратила страдать. Говорю себе: “Старцу стало лучше”. После, пойдя к Старцу, я спросил:

— Старче, скажи, в тот день и в тот час, что с тобой было?

— Дитя мое, я страдал от одного искушения, от отца Афанасия... Было очень тяжело.

— До каких пор?

— До трех часов утра, — ответил Старец.

— А затем? — спросил я его опять.

— Затем, — ответил он, — я предался молитве, и пришло утешение.

Тогда я сказал Старцу:

— Я был извещен о тебе. Поэтому и я, сколько мог, молился о тебе.

Хотя что я мог сделать для Старца? Но, наверное, это как те две лепты вдовы или, лучше сказать, даже половина лепты».

* * *

Следующий рассказ отца Ефрема показывает, насколько тонкая вещь — духовное послушание. «Однажды, когда был жив Старец Иосиф, я его за что-то осудил. Вечером я начал совершать молитву — и встречаю стену. Не могу продвинуться в молитве: “Господи Иисусе... Господи Иисусе...” — не продвигается! Где-то я совершил проступок, думаю, где-то согрешил. Итак, в прошедший день куда я ходил? Что говорил? Что делал? Ага, нашел. Я осудил моего Старца! Следующим днем было воскресенье, и я должен был служить

литургию. Что же мне теперь делать? Молитва: “Боже мой, прости меня за то, что я осудил моего Старца. Я согрешил, прошу прощения”. Без толку! “Ладно, неужели для меня нет прощения? Разве Ты не слышишь мое “прости”? Если я Тебя огорчил — прости меня!” Без толку! “Но, Господи, Петр от Тебя отрекся три раза и Ты его простил! Я от Тебя не отрекался, только осудил моего Старца. И вот теперь я кладу поклон: я раскаялся, что осудил его, и прошу прощения”. Без толку! Я вновь взял четки — молитва не продвигается! Я зарыдал, слезы текли ручьем. “Боже мой, Боже мой! Неужели для меня нет прощения? Ты — Бог милости и благоутробия, почему Ты меня не прощаешь? И преподобную Марию Египетскую, когда она покаялась, Ты простил, и многих грешников простил, и ставших мусульманами и покаявшихся в этом Ты простил, и помиловал, и соделал новомучениками. А для меня нет милости, нет прощения?!”

Так прошло три часа. Я совершил всю воскресную службу со слезами. В конце концов я почувствовал некий мир, некую сладость, некую радость внутри себя. Тогда начала произноситься молитва: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Господи Иисусе Христе, помилуй мя”. Ага, хорошо. И тогда я приступил к литургии.

Следовательно, не так серьезно осуждение кого-то, как осуждение своего Старца. Тогда — увы тебе! Это как если бы ты осудил самого Бога!»

* * *

Старец Иосиф говорил отцу Ефрему, что если имеешь духовный опыт и заходишь в какой-нибудь дом, то можешь сориентироваться, каким духом проникнут этот дом. Например, духом стяжательства, или лжи, или сребролюбия. Отцу Ефрему хотелось получше понять, что имел в виду Старец, ибо это казалось ему не только невероятным, но и нелепым. Однако сказанное было правдой. Сам отец Ефрем позже рассказывал: «Однажды я пошел служить к Старцу Иосифу. Как только я вошел к нему в келью, сразу сказал:

— Старче, что здесь происходит?

— Что такое? — спросил он.

— Здесь господствует дух молчания, он словно внушает мне — молчи! В душе у меня сразу возникло такое чувство, что здесь обитает молчание. Словно неким образом душе было дано извещение об этом.

— Я тебе скажу, — сказал Старец, — сейчас, Великим постом, в субботу, мы с отцом Арсением отслужим литургию, причастимся, поедим и до вечера воскресенья можем разговаривать. В воскресенье вечером мы положим поклон один другому, чтобы попросить прощения, и всю следующую неделю разговаривать не будем. Если захотим что-то сделать, будем объясняться только жестами. В субботу придешь ты, мы причастимся и тогда сможем поговорить. И так весь пост.

Тогда я наконец понял, уже на собственном опыте, то, что говорил нам Старец Иосиф.

Старец же прибавил к сказанному:

— Но я хочу, чтобы ты прочитал мне разрешительную молитву.

— Что случилось, Старче?

— Да вот, я показал жестом отцу Арсению, чтобы он пошел вниз вскопать землю, чтобы посадить горох. Отец Арсений пошел и вскопал. Тогда я взял горох и положил в платочек, и жестом показал ему, чтобы он вкопал колышки и под каждым посадил горошину, и бросил ему этот платочек. Отец Арсений не понял, чего я хотел, но, взяв платочек, сказал: “Угу, угу!” И в то же мгновение платочек развязался и весь горох рассыпался на землю. Тогда я укорил его грубым жестом. Поэтому я хочу, чтобы ты прочитал мне разрешительную молитву.

— Хорошо, Старче, прочитаю, — ответил я».

* * *

Однажды отец Ефрем пошел в скит Святого Василия служить Пасху. Они отслужили литургию Великого Четверга, вечером полагалась служба двенадцати Евангелий. Конечно, они эту службу совершали по четкам. На следующий день была Великая Пятница, в вечер которой была служба погребения. Когда они проснулись на закате солнца, отец Ефрем сказал:

— Старче, перекусим чем-нибудь? Завтра ведь у нас вечерняя литургия, а мы со вчерашнего вечера ничего не ели.

— А как вы делаете в Катунках?

— Ну, мы перекусываем малой долей хлебушка с чаем и чем-нибудь подкрепляющим силы, потому что вечером служим бдение, а на следующий день, в Великую Субботу, служим вечернюю литургию Василия Великого.

— Тогда давай и мы так сделаем, — сказал Старец.

Мы слегка перекусили хлебом и чаем. На следующий день, в Великую Субботу, мы встретились, чтобы служить литургию.

— Отец Арсений, — спросил Старец, — как ты вчера провел вечер?

— Старче, что мне тебе сказать? Я совершенно не мог открыть глаз. Этот чай, который мы пили, навел на нас сон.

— То же самое случилось и со мной, — сказал Старец.

Вскочил и отец Ефрем:

— Старче, и я не мог глаз своих раскрыть.

Тогда Старец сказал:

— То, что мы сделали, было противно нашему уставу, потому что мы ничего не едим ни в вечер Великого Четверга, ни вечером в Великую Пятницу, ни вечером Великой Субботы. Не едим ничего. Мы воздерживаемся от полудня Великого Четверга, когда у нас трапеза, до трапезы после литургии в Великую Субботу. Все это время мы ничего не едим, совершая как бы еще один трехдневный пост⁶¹.

* * *

В старости отец Ефрем, вспоминая давно прошедшие годы, говорил: «Ах! Блаженное послушание! Что тебе сказать? Когда я был послушником, у меня была иная благодать, иная молитва — я словно летал на крыльях. Теперь я сам уже Старец. Ты скажешь, что я этого не просил, что Бог это дал. Да, но я помню и состояние послушника. Лучшее состояние для монаха — это когда он послушник. Ведь молитва проистекает от послушания, а не послушание от молитвы. Оказывай послушание сейчас — и вслед за этим придет благодать. Старец Иосиф нам говорил: “Если человек слушается, то даже тогда, когда ему повелели что-то неправильное, за одно только послушание это идет ему на пользу. Не имеет значения, кто Старец. Какую пользу принесло Иуде то, что у него был Христос? Никакой! Какую пользу принесло Гиезию то, что Старцем у него был пророк? Никакой! Какую пользу принесло Адаму,

⁶¹ Трехдневным постом называется у греков обычай начинать Великий пост с полного воздержания от еды и питья в течение первых трех дней до Причастия на литургии Преждеосвященных Даров в среду первой седмицы.

жившему посреди рая, что Старцем его, в известном смысле, был Бог? Никакой! Да и рай не принес ему пользы, поскольку он совершил преслушание. Какой вред причинило великому Акакию в „Лествице“ то, что Старец его был сварлив, своенравен и драчлив? Никакого!”»

Десятилетия спустя, в конце своей земной жизни, отец Ефрем захотел посетить в последний раз каливу Старца Иосифа в скиту Святого Василия. Как только он приблизился с большим волнением и текущими ручьем слезами к заброшенной церковке келлии Старца, он сказал своему спутнику:

— Вечная ему память! Вечная ему память! Мы насытились благодатью! Насытились благодатью! Здесь в течение трех лет рядом со Старцем Иосифом я пил воду, воду из райских источников. О! В то время, когда я ходил в Святого Василия к Старцу Иосифу, какая это была благодать! Какие благодатные состояния! Какие литургии! Я шагал по этим тропинкам среди кустарников. Какие созерцания, какие таинства! Так и казалось, что деревья, скалы, природа славословили и воспевали Бога.

СКОРБИ И УТЕШЕНИЯ

Как-то к Старцу пришел один юноша, чтобы стать монахом в его общине.

— Старче, я тебя почитаю, люблю и преклоняюсь перед тобой. Я хочу стать монахом.

— Станешь, дитя мое. Христос никого не прогоняет. Вот твоя келейка, вот твой лежачок.

Так он остался подле Старца. Прошло несколько дней. И вот, когда по уставу общины настал час сна, он принялся прибавать к стенам иконы, производя сильный шум. Старец в своей келлии услышал этот шум. Он поднялся и сказал юноше:

— Дитя мое, позже ты сделаешь свою работу, а сейчас нам надо спать.

— Хорошо, буди благословенно.

Старец вернулся к себе, а юноша опять начал «бум! бум!» молотком. Старец опять терпеливо поднялся и сказал ему:

— Дитя мое, не стучи сейчас, сделай это позже.

— Хорошо, хорошо, буди благословенно.

Ушел Старец, но тот опять за свое. Тогда Старец собрал его узелок с вещами и сказал:

— Слушай, дитя мое, бери подмышку свои вещички и ступай. Если ты уже сейчас делаешь по-своему, завтра совсем сядешь нам на шею.

И вывел его на дорогу домой.

Мы на Святой Горе не шутим, когда послушник противоречит. Несколько дней противоречия — и все, ступай прочь! Отцы-святогорцы говорят: «Если ты увидишь, что послушник противоречит один раз, второй, третий, то пусть собирает вещи и проваливает». Почему? Потому что противоречия, особенно у новонаначального, уже достаточно, чтобы возникла расхлябанность, ведущая к саморазрушению.

Если новонаначальный хочет преуспеть, он должен отсечь свои желания, совершенно оставить свою волю. Если же он настаивает на своей воле и говорит: «Нет, это не так, нет!», противоречит, спорит, брыкается и не старается отсечь свое — успеха у него не будет. Как может преуспеть ученик, который противоречит учителю? Противоречие начинается из-за эгоизма, гордости, своеволия и недостатка самоотречения. Когда кто-нибудь держится своей воли, своих желаний, блюдет свое «я», то непременно станет противоречить. Тот же, кто имеет самоотречение, все свое отвергает, тот чужд противоречию.

До известного предела Старец терпел слабости других, но затем становился строгим. Конечно, и это было по любви. Он говорил своим послушникам один раз, два раза, три, но не более. Он протягивал им руку, а дальше уже все зависело от них.

* * *

Однажды к Старцу пришел монашествовать отец Ф., очень образованный человек. Он думал про себя: «Здесь, у отца, будет мне честь и слава». Старец сказал ему:

— Садись, отец, научим тебя парочке вещей.

И с первого дня Старец стал наносить сокрушительные удары по его самолюбию. Тяжело это было выдержать. Сели они за трапезу,

в тот день у них была рыба. Старец взял рыбу со своей тарелки и руками стал раздавать ее: «Это тебе, это тебе, а это тебе, отец, хорошая рыбка!» И дал ему. Отца Ф. сразу смутили помыслы: «Как я это буду есть?» Его смутило, что так раздавалась рыба, с которой тек сок. Другие привыкли к этому, спокойно взяли свое и съели. А отец Ф. ковырялся своей вилочкой. Понял Старец, что того уже сейчас мучают помыслы.

— Отец, так избавляются от неисправимых пороков. Оставайся здесь и увидишь, как ты от них избавишься.

Но где там! На следующий же день отец Ф. собрал вещи и в путь. Он говорил: «Разве можно, чтобы разнесся слух, что я стал послушником Старца Иосифа и таскаю торбу на спине — я, ученый человек!»

* * *

Пришел однажды и некий отец Ермолай, который был очень прост. Как-то он потерял свои часы. Откуда они у него взялись — кто знает? Во всяком случае, искал он их везде, но не смог найти. После долгих поисков Старец увидел, что тот очень огорчен и сказал ему:

— Ничего страшного, Ермолай. Мы найдем тебе другие.

А отец Ермолай отвечал:

— Хорошо, я знаю, что можно достать другие, но я расстроен из-за того, что пока искал их, таскал за собой везде своего ангела-хранителя и утомил его.

Отец Ермолай был очень наивен. Когда Старец это понял, он иногда немного его поддразнивал, чтобы снять напряжение. Однажды он сказал ему:

— Ермолай, ты знаешь гласы?

— Я? Как не знать! Если глас прямой, я делаю рот прямым, а если наклонный⁶² — перекашиваю рот.

⁶² В греческом церковном пении есть четыре основных гласа (первый, второй, третий и четвертый) и четыре плагальных, что буквально значит «косвенных, наклонных» (плагальный первый, плагальный второй, тяжелый и плагальный четвертый). Поэтому о. Ермолай думал, что основные, не плагальные, гласы — это гласы прямые.

В другой раз отец Ермолай увидел, как в какой-то мастерской шили нательное белье. Когда он возвратился оттуда, Старец спросил:

— Ермолай, сможешь ты мне пошить белье?

— Я, да не смогу?! Как же, вот я туда засуну шпую с этим самым и начну эту штуковину качать, и выйдет снизу белье.

А однажды Ермолай увидел, как пришедший служить литургию отец Варфоломей перед входными молитвами, поклонившись, взял благословение у Старца Иосифа, как берут обычно у епископов⁶³. Отец Варфоломей был иеромонахом, а Старец не имел священного сана.

— Старче, ты священник? — спросил его Ермолай.

— Нет.

— Ты можешь служить литургию?

— Нет, Ермолай.

— А соборование?

— Не могу.

— А крещение?

— Не могу.

— Но, во всяком случае, кем бы ты ни был, ты — святой. Только что не священник.

— Да, я не священник, Ермолай.

— Ничего, так или иначе ты — святой.

Очень простодушный и славный был этот монах.

* * *

В скором времени пришли и другие послушники. Это были образованные и уже немолодые люди, Старец был моложе их. Они слышали о Старце Иосифе и захотели стать его послушниками. Таких людей пришло немало: отец Афанасий Вальсамакис, фармацевт, отец Афанасий Камбанаос, врач из Лавры, отец Герасим Менайас, химик, отец Ефрем. Часто приходили и многие другие, и некоторые из них задерживались на какое-то время.

⁶³ В афонской традиции у главы монашеской общины все, в том числе и иеромонахи, берут благословение, независимо от того, имеет ли он священный сан. Благословение принято брать в начале и в конце дня, перед входными молитвами, перед выходом за ограду обители и в т.п. случаях.

Старец всех заставлял совершать суровый подвиг. Обычно он им давал по одной консервной банке размоченных сухарей на целый день, и они должны были следовать его уставу молитвы — все службы по четкам и упражнение в сознательном молчании.

Но этим отцам было трудно следовать за своим Старцем. Однажды пошел Старец с ними на вершину Афона. Прошла ночь, и утром он спросил одного брата:

— Как ты провел ночь в молитве? Были у тебя слезы, или какое-нибудь видение, или созерцание?

— Ох, — ответил тот, — меня заели блохи.

— Да-а-а, — сказал Старец, —кого я взял с собой! Что за людей поднял на Афон!

У этих отцов было доброе произволение. Но им, людям в возрасте, с трудом давались послушание и дисциплина. У каждого из них был свой образ мыслей и свои требования. И все это, вместе с просьбами о послаблении устава, создавало проблемы.

Старец не поддавался на просьбы своих послушников, но, будучи отшельником и безмолвником, очень огорчался. Он не мог иметь столько послушников, которые были не способны ничему у него научиться. Поэтому и говорил им: «Уходите, отцы. Идите в какое-нибудь другое место. Я не могу вас упредить. Я отшельник, и мне не по силам вас вести». Но те и слышать не хотели, чтобы покинуть его. У Старца было видение, в котором он услышал глас: «Какая польза иметь рядом с собой учителя и не слушать, что учитель говорит? Какая польза?»

Огорчение Старца Иосифа видно из следующих строк, написанных им в то время: «Вижу свою душу мертвой и стенаю над ней. Страдаю, беспокоясь о девяти душах, которые затрудняют мне путь. Ибо несу ответственность и скорблю. Потому что остались в прошлом те времена, которые давали силу и крепость монахам»⁶⁴.

* * *

Тело Старца Иосифа было сокрушено злостраданием, которому он подвергал себя во время плотской брани. Он стал подвержен болезням и сильно утомлялся от трудов. Когда к этому прибавились

⁶⁴ Письмо 31.

огорчения от послушников, его постигло уныние, и он был близок, можно сказать, к отчаянию. Единственным утешением оставались вера и молитва. Но и они, по попущению Божию, могут ослабеть, и тогда в душе подвижника берет верх отчаяние.

Однажды он находился в великой скорби от всего этого. И в то время, когда он молился со слезами и болью во тьме келлии, он пришел в восхищение и в комнате засиял некий свет. Тогда посреди этого света он увидел Господа, живого, в полный Его рост, пригвожденного ко Кресту. И Старец видел, что из рук и ног Господа текла кровь. Христос, подняв голову, обратился к Старцу и сказал ему: «Посмотри на Меня, сколько Я претерпел ради твоей любви. Ты же что претерпел? Ты не можешь вытерпеть и одной скорби?» И снова настала тьма. И с этим словом исчезла печаль, Старец исполнился радости и мира и проливал потоки слез, ибо ощутил любовь Божию. Он удивлялся снисхождению Господа, попускающему скорби, но и утешающему, когда видит, что мы унываем.

С тех пор Старец получил дар — великое утешение в печалях, в муках, в искушениях. Он укрепился душевно и стал обладать большой выдержкой в скорбях. Поэтому Старец терпел этих людей, пока они не ушли сами.

ОТЕЦ ГЕРАСИМ МЕНАЙАС

Однажды пришел к Старцу отец Герасим Менайас⁶⁵, который был монахом уже многие годы. В свое время он был крупным химиком в Швейцарии. Он пришел, потому что страдал тремя серьезными, мучительными и неизлечимыми болезнями и

⁶⁵ О. Герасим Менайас происходил из известной и богатой афинской семьи. Он изучал химию в Цюрихе. В молодые годы, когда человек все подвергает сомнению, вера его поколебалась. И неверующий богатый юноша стал вести разгульный образ жизни в студенческой среде. Затем он увлекся спиритизмом. Но это увлечение парадоксальным образом невольно произвело и нечто хорошее: он на собственном опыте узнал, что бесы и духовный мир существуют. Юноша был настолько напуган этим, что оставил атеизм и всей душой обратился ко Христу. После учебы он работал в Египте, а затем в Греции. В 1920 году, в возрасте 39 лет, он пришел на Святую Гору и стал послушником старца Каллиника Исихаста. Но его жизнь сильно осложняли болезни, которые преследовали

израсходовал на лекарства целое состояние. По счастью, он был богатым человеком. Отцу Герасиму приходилось пускать себе кровь и делать множество уколов. Ему посоветовали пойти к Старцу Иосифу и открыть свой помысл. Встреча их состоялась в конце 1934 года. Старец, как только услышал рассказ отца Герасима, проникся к нему сильным состраданием. Он сказал ему:

— Оставайся здесь, и я, чем сумею, помогу тебе.

Отец Герасим принес с собой небольшой чемоданчик. Старец спросил его:

— Что там у тебя внутри?

— Лекарства, Старче.

— Ладно. Ты выздоровеешь моментально. Ты только должен уверовать, что Бог может тебя исцелить. Ты выбросишь все эти лекарства, пузырьки, ампулы, таблетки в пропасть.

Он это сказал, ибо понял, что тот страдал привязанностью к лекарствам.

— Но, Старче, я не могу без них! — сказал отец Герасим.

— Выбрось все это и будешь принимать то, что я тебе дам. И выздоровеешь, — сказал ему Старец.

— Но, Старче, если я не буду принимать лекарства, то умру.

— Если ты будешь принимать то, что скажу тебе я, поправишься.

— И что мне надо принимать?

— Ешь соленые неочищенные сардины.

Тот запротестовал:

— Но это невозможно! Я тотчас умру, как только это съем и не выпью лекарства. Ведь врачи мне строго запретили соленое из-за моих болезней. И к тому же я должен есть десять раз в день понемногу.

— Ты должен возложить все свое упование на Бога и, оставив знание, последовать вере. И вместо десяти раз в день станешь есть один раз.

— А если умру?

его еще со студенческой поры в Цюрихе. В конце концов, в 1925 году, поскольку климат в Катунках был для него тяжел, Старец Калинин отослал его в скит Святого Василия, место более сухое и безмолвное. Так о. Герасим пришел в скит Святого Василия за три года до прихода туда Старца Иосифа. — *Прим. греч. ред.*

— Мы пришли сюда умереть. Не робей.

— Но я не могу!

— Ну что мне еще тебе сказать? Здесь у тебя по-другому не получится, и ты не сможешь выздороветь. Утром ступай с Богом куда хочешь.

— Но, Старче, я пришел жить к тебе, чтобы ты меня исцелил!

— Я тебе сказал, что надо делать, чтобы остаться здесь: выбрать лекарства и есть один раз в день.

— Нет, Старче, это невозможно.

— Прекрасно, как тебе угодно. Только тогда уходи.

— Не могу.

Старец весь измучился, стараясь его убедить. Ибо тот не хотел ни уходить, ни поверить Старцу. В конце концов они расстались каждый при своем.

Но как только отец Герасим вернулся в свою келью, ему явился ангел Божий, и монах чувственным образом услышал глас: «Зачем ты споришь со Старцем? Делай то, что он тебе говорит, и выздоровеешь». Услышав это, он сразу вернулся к Старцу и, стуча к нему в дверь, закричал:

— Старче! Я сделаю то, что ты мне скажешь!

— Теперь ты решил слушаться?

— Да, Старче.

— Накрывайте на стол, — сказал Старец. Положили на стол три сардины. И Старец велел ему:

— Давай, ешь это. Ешь целиком, с головами!

— Буди благословенно, — и он все это съел, вместе с головами.

Всего трех дней было довольно Богу, чтобы его испытать, ибо Старец усердно о нем молился. И через три дня, ночью, Старец имел видение: отца Герасима обвинил змей, с ног до горла, и старался задушить. А отец Герасим отчаянно кричал диким голосом, взывая к Старцу, чтобы тот его спас. Старец выбежал на балкончик, держа в правой руке голубя, и сказал ему: «Герасим, не бойся! Этот голубь убьет змея, который тебя сейчас душит». Как он сказал, так и случилось: голубь взлетел, спустился к отцу Герасиму, два-три раза ударил клювом по голове змея — и змей издох.

Когда Старец проснулся, пришел к нему отец Герасим и сказал: «Я полностью выздоровел, как будто заново родился! У меня нет

слов, чтобы тебя благодарить! Ушли все три болезни!» И действительно, тело его восстановилось и стало как новенькое. У него была куча таблеток и две коробки с ампулами, и он все это выбросил в пропасть, на скалы, как сказал ему Старец. После этого он жил, не болея, и вкушал пищу один раз в день. Позднее отец Герасим свидетельствовал: «Есть некая сила, которая действует в таких случаях. Это сила послушания и молитвы. Она выше обычной логики».

Все это Старец сохранял в тайне, а мне рассказал как своему чаду. Отец Герасим, как и Старец, хранил тайну о видении. Жившие в скиту Святого Василия решили, что отца Герасима исцелил хороший климат. Старец избегал афишировать себя, раскрывать, что это его молитва исцелила отца Герасима. Ведь смысл видения был таков: голубь, убивший змея, спустился не непосредственно с неба, а из рук Старца. Это значит, что отца Герасима исцелила молитва Старца.

Но мы никому не говорили об этом. Ведь отец Герасим был человеком грамотным, образованным, ученым. А кроме этого, он очень нам помог в Катунках. Во время немецкой оккупации ему удавалось посредничать в переговорах с немцами. Помог отец Герасим и катунским отцам, когда те чуть не умерли от голода. Он связался с немецким комендантом в Карее, а тот уведомил коменданта Салоник, и во время сильного голода нам прислали около четырех тонн пшеницы, которая и была поделена между всеми отцами.

* * *

Позже отец Герасим ушел от Старца и заболел снова. Он сразу вернулся к Старцу и сказал ему:

— Старче, одна из моих болезней вернулась.

— Да? А какой у тебя был помысл перед тем, как она вернулась?

— Такой: «Теперь, когда ты выбросил все свои лекарства, что ты будешь делать, если заболеешь снова, здесь, в пустыне, где нет лекарств?»

— Вот это и есть причина. Из-за твоего неверия болезнь к тебе возвратилась.

— Старче, пожалуйста, исцели меня, и я буду внимательным, чтобы в другой раз не поддаться неверию.

— Нет. Видно, это воля Божия — иметь тебе этот крест. Довольно с тебя, что ты выздоровел от двух других болезней. Теперь терпи, чтобы приобрести награду.

Из-за болезни отцу Герасиму пришлось выйти в мир. Но он вернулся и продолжил жить в суровой пустыне, с самоотречением и верностью монашеским правилам.

* * *

Прошли годы. Я был уже диаконом в Новом Скиту, мне было тогда двадцать три года, когда Старец узнал, что отец Герасим пришел в монастырь Святого Павла и был при кончине. Старец сказал мне:

— Возьми сухарь, отнеси его отцу Герасиму и скажи, что это я посылаю ему.

Я пришел к нему и сказал:

— Вот, тебе это прислал Старец Иосиф.

Он поразился и спросил с удивлением:

— Кто? Мой Старец?

И крепко обнял меня.

— Знаешь ли, что у тебя за Старец? Тебе повезло! Я никогда не забуду, как я жил рядом с ним, это были лучшие дни моей жизни. Пока я был рядом с ним — был монахом, как только ушел от Старца Иосифа — моя монашеская жизнь стала уже не та.

И со слезами сказал мне:

— Передай ему мой поклон.

Отец Герасим очень почитал Старца, и Старец любил его как свое чадо.

ОТЕЦ АФАНАСИЙ КАМБАНАОС

Старец Афанасий, в миру Спиридон Камбанаос, родился на острове Эгина в 1867 году. Образование он получил в Париже и Вене, стал прекрасным врачом. Он добился больших успехов в миру и был награжден многими орденами. В 1898 году, в возрасте тридцати одного года, он пришел на Святую Гору монашествовать в Великой Лавре. Спустя два года он был пострижен в монахи и

за добродетели был вскоре избран в Духовный Совет Лавры. Он вел очень строгую монашескую жизнь. О его доброте, незлобии и братолюбии слагались легенды. Отец Афанасий был основателем журнала «Святогорская библиотека», который издавал в Волосе приснопамятный Сотирикс Схинас.

Вследствие непрерывного чтения святоотеческих писаний у него возникло стремление к пустынноческой жизни. Но вот беда — молодые годы уже прошли, а от болезней он стал очень тучным. Но его желание стать подвижником было велико.

* * *

В конце концов, когда ему исполнилось уже шестьдесят восемь лет, он откуда-то узнал, что в скиту Святого Василия, высоко в пустыне, проводит самую строгую жизнь большой подвижник по имени Иосиф. Тогда он собрал свои вещи, деньги, книги, нагрузил всем этим мула, взял с собой одного помощника и пошел к Старцу в скит Святого Василия — в самое высокое, бесплодное, самое аскетичное и суровое место. Он говорил: «Иду монашествовать к Старцу Иосифу». Придя к нему, отец Афанасий сказал:

— Старче мой, я пришел у тебя подвизаться. Я много о тебе слышал, святой Старче.

Старец Иосиф был на тридцать лет младше отца Афанасия, мальчишка рядом с ним. Но при этом — настоящий лев.

— Неправду ты обо мне слышал.

— Нет, я останусь с тобой!

— Слушай, дорогой доктор, ты не можешь здесь остаться, здесь жизнь очень суровая, а ты стар и тучен.

— Я буду стараться и, по благодати Божией, смогу.

— Ни за что не сможешь, доктор мой.

— Нет, я останусь здесь.

Казалось, что он решил подражать Авве Павлу Препростому, который только своей большой настойчивостью добился того, что его оставил у себя Антоний Великий. Поэтому он сказал:

— Я не уйду.

— Чего тебе надо, что ты пришел ко мне? Чего тебе не сидится в

Лавре, где у тебя есть все удобства, почет, где тебя ценят и уважают отцы, где ты в Совете Старцев? Давай возвращайся и сделай там еще какое-нибудь добро людям.

— Я пришел подвижничать, спасти свою душу!

— Теперь, на старости лет, подвижничать? Ты не сможешь здесь жить!

— Я останусь. Буду жить со Старцем Иосифом.

— Здесь очень строго, доктор. Здесь ты рта не сможешь раскрыть.

— Буди благословенно!

— Ну, попробуй, оставайся.

* * *

Так он остался со Старцем Иосифом. В то время жили вместе со Старцем отец Герасим Менайас и один фармацевт — отец Афанасий Вальсамакис. Итак, все трое — ученые, а Старец, по сути, малограмотный. Он им сказал:

— Чего вы хотите, что пришли сюда? Не пойти ли вам в другие монастыри? Жить здесь вам не по силам.

— По молитвам твоим — будет по силам! Мы останемся.

— Если вы останетесь, то закроете рты. Вы совершенно не будете празднословить. Здесь не место беседам. Молчание и молитва! Сможете?

— Сможем!

— Стоит мне только раз застать вас за разговором — все отправитесь отсюда вон!

— Что ты, что ты, мы будем подвизаться!

— Увидим это на деле.

Но ведь они были учеными, и притом в близких областях. Поэтому им было о чем поговорить. Прошел один, второй, третий день — и Старец поймал всех троих за беседой.

— Доктор, разве я тебе не говорил?

— Прости!

— Собирайтесь и убирайтесь. Ты посмотри на них: взялись празднословить! Разве ты, доктор, не сказал, что сможешь молчать и подвизаться?

— Старче мой, Старче мой, жестоко твое слово. Не можем сотворить слово сие.

— Если не можешь, возвращайся в свой монастырь. Здесь — молчание.

— Нет, у тебя глаголы живота вечного! Да и куда нам идти?

— В свой монастырь иди, здесь ты не можешь оставаться.

— Мы не уйдем. Один у нас Старец.

А отец Арсений кричал:

— Старче, у них нет никакого преуспевания! Они старые люди и уже не изменятся. Давай лучше уйдем мы.

И сказав это, он схватил Старца за руку и потянул его. Схватила и ученая братия Старца за другую руку и потянула к себе. А Старец — посередине.

— Старец наш! — кричали ученые.

— Старец мой! — кричал отец Арсений.

И тянули. Старец закричал:

— Прекратите, братья! Вы мне руки вырвете!

Победил — неизвестно, как ему это удалось, — отец Арсений. Он взял Старца, и они ушли на вершину Афона. А было это зимой.

* * *

Старец и отец Арсений шли и шли навстречу: они были тогда молоды, Старцу было тридцать шесть лет. И когда наступили сумерки, поднялся такой густой туман, что они не видели даже на шаг впереди себя. Старец сказал отцу Арсению:

— Арсений, остановимся где-нибудь здесь, иначе упадем в пропасть, ведь ничего не видно.

— Нет, пойдем дальше.

— Стой здесь! Не то упадем в пропасть.

— Будь благословенно.

И они остались там на ночь, под открытым небом, высоко, почти на вершине. Но как же там было холодно, Боже сохрани! Одежда заледенела от мороза и похрустывала. Что делать? Поклоны всю ночь — и для подвига, и чтобы согреться. Так у них вышло прекрасное бдение. А когда рассвело, они увидели, что действительно находятся на самом краю пропасти глубиной в несколько сотен

Храм Преображения Господня на вершине Горы Афон

метров. Стоило им опереться на какой-либо камень — и полетели бы вниз, так что никто и костей не собрал бы.

* * *

Когда Старец Иосиф и отец Арсений с Божией помощью добрались до вершины Афона, они вошли в церковку Преображения. Вся церковь была наполнена благоуханием от двух румяных яблок, лежащих перед иконой Пресвятой Богородицы. Даже зеленые листики у них были свежими, как будто кто-то их только что сорвал.

Итак, они отведали этих яблок и восхитились их райской сладостью. Тогда их осенило, и они с изумлением посмотрели друг на друга: откуда в конце февраля такие свежие яблоки? Ибо совершенно невозможно свежим яблокам с живыми зелеными листиками оказаться на вершине зимой. Ведь тогда не было современных средств хранения и доставки фруктов. Да и зимой на вершину Афона не ступает нога человека. Обычно туда приходят шестого августа (по ст. стилю), на престольный праздник, но и тогда люди там сильно мерзнут и облачение похрустывает от мороза. Откуда же было взяться там людям зимой? Осознав это, Старец с отцом Арсением со слезами упали на колени перед иконой Богородицы и благодарили Ее за этот Небесный дар.

Они сотворили молитву и взяли яблоки, почитая их как яблоки св. Ирины Хрисовалантской⁶⁶. Бог подумал про них: «Что они, поднявшись сюда, будут есть?» Такое бывает с великими людьми. Впоследствии Старец говорил: «Я помню их вкус и никогда его не забуду. Ибо до сих пор я не ел таких прекрасных яблок!»

Через пять-шесть дней, которые они там провели, им пришлось уйти из-за сильного холода. Отец Арсений сказал: «Пойдем спустимся и поможем братьям. Будем терпеть, и Бог нам поможет. Если воля Его в том, чтобы они ушли, — они уйдут».

* * *

Как только они спустились в свой скит, собрались все ученые старички. Увидев Старца, они подбежали и упали ему в ноги. Отец Афанасий Камбанаос закричал:

— О Старче, Старче! Вы нас оставили, и мы не знали, что нам делать. Как израильтяне ждали сорок дней Моисея, когда он принесет им скрижали Закона, так и мы ждали тебя, когда ты спустишься с вершины.

Да, бедный доктор был благочестивейшим человеком. Тогда Старец сказал ему:

— Слушай, доктор мой, ступай в Лавру, здесь тяжело для вас.

— Не уйду!

— Ну что с ними будешь делать! Никак мы не можем от них отделаться!

Он их выгонял, а они не уходили.

* * *

В конце концов пришли лавриоты и сказали отцу Афанасию: «Доктор, это место не для тебя. Ты — член Духовного Совета, у тебя столько дипломов и наград, и ты решил стать послушником у этого малограмотного? Пойдем назад в Лавру. Там ты необходим, а здесь тебе что делать? Да и в столь преклонном возрасте разве можешь ты подвизаться, как здешние отцы?» В итоге, собрав его

⁶⁶ В житии прп. Ирины Хрисовалантской есть рассказ о том, как ей были переданы с о. Патмос от св. апостола Иоанна Богослова три райских яблока.

книги, они почти силком увели его обратно. И он, со слезами на глазах, ушел. Он, бедный, плакал о том, что оставляет Старца.

* * *

Вернувшись в Лавру, он вскоре приобрел двух послушников, которых по его ходатайству рукоположили в диаконов. Поскольку Лавра была особножительным монастырем, каждый старец мог иметь одного, двух, трех послушников. Видимо, эти его иноки не исповедовали полностью свои помыслы, и поэтому, запутавшись в них, оба ушли в мир. И доктор остался без послушников. Сокрушенный и огорченный, с поникшей головой, пошел он поделиться своей болью к Старцу.

— Старче, ушли от меня мои послушники.

Но в таких случаях Старцу не приходилось лезть за словом в карман. Поэтому, чтобы его смирить, он сказал:

— Доктор мой, послушай, что я тебе скажу.

— Что, Старче?

— Ты даже гусей не достоин пасти, не то что людей.

Услышав такое, этот толстенький и славный дедушка, благоговейнейший и благочестивый человек, рассмеялся:

— Ох-ох-ох, Старче мой, нелегко принять это слово. Ты знаешь, я был за границей, работал в библиотеках Вены, Парижа, Великой Лавры, Симонопетры, но этой поговорки нигде не встречал.

— Ну, так ты услышал ее от меня, который хорошо тебя знает. Ты ни на что не годен. Ты не достоин даже гусей пасти.

Опустил тот голову, пристыженный, вернулся в Лавру и смирился. И с тех пор он больше никогда не говорил о своих достоинствах и наградах, потому что Старец указал ему на эту его слабость.

* * *

Однажды отец Афанасий поехал навестить свою престарелую мать на остров Эгина. Увидев, как он располнел, она, простая и неграмотная, понимавшая Писание буквально, сказала ему:

— Слушай, дитя мое, я читать не умею, но слышала, как батюшка на проповеди говорил, что в Евангелии написано: врата в Царство Божие узкие. Ты, такой толстый, как через них пройдешь?

Позднее бедняга пришел к Старцу и сказал:

— Старче, мать моя меня устыдила, но я оправдался, сказав ей:

«Мама, на Святой Горе полнеют от воды». Мать свою я убедил, но смогу ли я убедить Бога?

Этот был очень искренний человек.

* * *

Отец Афанасий был очень добрым человеком и много сделал для ближних. Благодаря своему положению в Лавре, пользуясь большим почетом и влиянием, обладая даром слова, он помогал подвижникам во многих делах, с которыми они приходили в Лавру. Ведь на принадлежащей Лавре земле существует несколько скитов, зависимых от нее. И монахи оттуда приходили, чтобы получить помощь, получить разрешение на постриг, заключить договор на приобретение келлии, получить разрешение на выход в мир, получить помощь в строительстве. И все они шли к отцу Афанасию. Он, как человек милосердный, всем помогал и успешно проводил эти дела через Духовный Совет.

Отец Афанасий защищал и зилотов. Он говорил Старцу: «Не бойся, твое прошение будет удовлетворено, не волнуйся». Он шел к другим членам Духовного Совета и говорил: «Этот бедняга — совсем нищий человек, давайте уж дадим ему это, да и то давайте дадим ему». Такие дела у него прекрасно получались.

Старец очень любил этого доктора за доброту и всегда вспоминал его в своей молитве. Однажды, в 1940 году, он увидел в откровении, что доктор уезжает в какое-то дальнее путешествие и уже не вернется. И его провожали отцы за воротами Лавры. Рядом протекала река, берега которой соединял мост. Попрощавшись с отцами, отец Афанасий Камбанаос перешел по мосту реку и, обернувшись, положил им последний поклон с другого берега, сказав на прощание: «Простите меня, отцы!» А за мостом были некие золотые ворота, и он прошел через них, и ворота затворились за ним навсегда. И Старец тогда сказал своему послушнику: «Быстро беги в Лавру, доктор Камбанаос уходит. Поспеси, чтобы попрощаться от моего имени». Придя туда, послушник застал доктора живым и рассказал ему о видении Старца. Поскольку отец Афанасий имел веру и уважение к Старцу, он принял его слова как откровение Божие и успел

подготовить себя как должно. Через три-четыре дня доктор преставился, дабы насладиться в вечной жизни плодами своей великой доброты.

ОТЕЦ ЕФРЕМ

Пришел в то время к Старцу один хороший юноша высокого роста. Старец его сильно полюбил за благородство души, за готовность к подвижничеству, за трудолюбие. И постригая в монахи, дал ему имя своего покойного Старца — Ефрем.

Но юноше было тяжело привыкнуть к аскетической пище в общине. Из-за этого молодой отец Ефрем часто ходил на престольные праздники, во время которых бывали хорошие трапезы и вино. Конечно, ему нравилось и хорошее пение, да и сам он пел очень красиво. Но у него не было всецелой преданности умной молитве и послушанию. В общем, он подвизался, как мог, был добродетельным человеком и очень почитал Старца.

Иногда Старец его жалел и давал за трапезой немного вина. А тот ему говорил: «Старче, налей еще немного, на один палец!» Но при этом он прикладывал палец к стакану не горизонтально, а вертикально. А потом говорил: «Старче, когда я выпью больше вина, ко мне приходит умиление». И Старец ему отвечал: «Ну-ну, хороший ты нашел путь к умилению».

* * *

Вскоре у молодого отца Ефрема внезапно началась рвота с кровью. В то время много жизней уносил туберкулез, и молодой послушник испугался, что у него именно эта болезнь. Позже выяснилось, что это было желудочное кровотечение. Во всяком случае, все считали, что ему надо идти в мир для лечения и вернуться через какое-то время. Но Старец с этим не согласился, ибо в молитве получил извещение, что, если он его отправит в мир, тот больше уже не вернется. Поэтому он сказал отцу Ефрему:

— То, что ты говоришь сейчас, не будет выполнено, и когда ты уйдешь в мир, твои обещания уйдут вместе с тобой.

— Но ведь все уходят и возвращаются! Неужели один я там застряну?

— Рех и возглаголах. Я за это отвечать не буду.

Отец Ефрем его упрасивал, но Старец не соглашался ни за что, сказав:

— Я постриг монаха, чтобы он жил на Святой Горе. Если ты желаешь поступать без моего благословения, делай, что хочешь, вся ответственность будет на тебе.

Но отец Ефрем настаивал на своем и, в конце концов, решил выйти в мир. Тогда Старец сказал ему:

— Ты идешь в мир по своей воле. Я тебе советую не уходить.

Когда тот, попрощавшись, отошел метров на десять, внезапно Старец почувствовал, что разорвалась духовная связь, которая была у него с отцом Ефремом. Разорвалась — и он стал как будто чужой. Это произошло потому, что непослушание случилось по очень важному вопросу.

И дальнейшее развитие событий показало, что Старец был прав. Ибо отец Ефрем не вернулся и остался в миру. Он принял рукоположение в священника и обосновался в городе Волосе, где стал предводителем старостильнического движения. Отец Ефрем претерпел много искушений от врагов Православия и пережил много бед в горьком мирском море.

Но нет худа без добра. Там, в Волосе, его подвижнический дух, воспитанный Старцем Иосифом, помог очень многим людям. Церковь его была полна прихожан, которые от большого сокрушения часто плакали на службах. Он наставил и мою мать, и меня, недостойного, на путь Божий. В дальнейшем отец Ефрем пытался основать в Волосе монастырь, но это у него не получилось.

* * *

Хотя отец Ефрем не послушался своего Старца, сердце самого Старца Иосифа никогда не охладевало к нему. Во многих письмах, которые Старец ему посылал, видна его беспредельная любовь. Так он писал отцу Ефрему: «Ты — мое дитя. И что бы ни сделало дитя, всегда болезнует отец, даже если оно его огорчило и на мгновение... Я выстрадал, добрый мой сын, дабы сыном грешного Иосифа явить тебя. И впоследствии испытал непомерную боль, ибо ты меня оставил. А в последнее время я снова очень

тебя возлюбил. И брожу туда-сюда, призывая: “Сын мой! Сын мой! Где ты? Утроба души моей, сын мой, которого я родил Духом Святым! Получил твое письмо, возлюбленный мой сын, и, узнав, что с тобой, горько заплакал... С тех пор я болезную и молюсь о тебе еще больше... Приди, чадо мое, приходи сюда, чтобы мы помирились, чтобы ты пришел в себя. Как врач, я могу исцелить тебя от страсти смятения и печали, которая ныне сильно владеет тобой... Я заколю тельца, чтобы мы повеселились. Я преисполнен любви и полон прощения. Приму тебя, как нежный отец, в свои объятия, как сына из притчи”»⁶⁷.

Старец говорил с ним так, потому что любил его как своего монаха и печалился, что чадо его вышло из послушания. Он хотел вытащить его из мира и привести обратно в удел Пресвятой Богородицы. Но отец Ефрем уже не мог легко оставить мир, поскольку у него самого появилась паства.

* * *

Во всяком случае, Старец не прекратил молиться о своем бывшем послушнике. Он так надеялся на его возвращение, что, делая ежегодные запасы, всегда учитывал и отца Ефрема. Он даже не вычеркнул его из официального списка своих монахов. Но отец Ефрем в письмах просил исключить его из этого списка — для того, видимо, чтобы его записали в состав духовенства его епархии. В конце концов, в 1952 году, с тяжелым сердцем, Старец исполнил его просьбу. И что же дальше? Не прошло и одного месяца после исключения его из списка, как у отца Ефрема случилось очень большое искушение. Какой-то негодяй оклеветал его так, что ему грозило лишение священнического сана. Дело развивалось столь стремительно, что отец Ефрем волей-неволей должен был временно вернуться на Святую Гору, надеясь на прекращение скандала.

* * *

К тому времени Старец Иосиф перебрался из скита Святого Василия в скит Святой Анны. Отец Ефрем не мог поселиться с ним, поскольку нас там подвизалось уже шесть человек, а места было на двоих, максимум на троих. Поэтому он был вынужден поселиться

⁶⁷ Письмо 59.

в том же скиту, но пониже, в общине Старца Анании. Я тогда был уже на Святой Горе, рядом со Старцем Иосифом. Помню, как отец Ефрем приходил к нам служить.

Один раз произошел такой случай. Старец обладал прекрасным голосом и пел Херувимскую песнь очень красиво, в своей неповторимой манере. Однажды на литургии отец Ефрем громко произносил тайные молитвы, и Старец ему сказал:

— Не кричи, отец, читай тихо, ведь в служебнике написано, что они читаются тайно.

Старец хотел, чтобы в церкви было тихо. Но отец Ефрем не стерпел замечания Старца и возразил ему:

— А то, что ты поешь, Старче, разве это Херувимская?

Конечно, отвечать Старцу таким образом было очень дурно.

* * *

В итоге у отца Ефрема не получилось надолго остаться рядом с нами. Он опять уехал со Святой Горы и поселился сначала в Монреале, затем в Детройте и, наконец, в Техасе. Выходило именно то, что предрекал Старец. Много лет спустя, уже после преставления Старца, он приехал на Святую Гору и посетил меня — я был тогда в кельи Святого Артемия, в скиту Провата. Он сказал, каясь и укоряя себя за непослушание: «Я, безумный Ефрем, оставил своего Старца и возвратился, *как пес на свою блевотину* (Прит. 26, 11; 2 Пет. 2, 22). А ты прожил рядом с ним, похоронил его, получил его благословение и благодать и стал его наследником. Я же и в Америке часто видел Старца. Он меня обнимал и сердечно просил возвратиться. Но я и тогда не послушался».

Отец Ефрем ушел из этой жизни в глубоком смирении в 1984 году.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ ЧАХОТОЧНЫЙ

Когда Старец жил в скиту Святого Василия, к кому-то из соседей пришел из мира молодой человек, чтобы стать монахом. Юноша этот был сиротой, которого усыновил некий человек. Этот человек спустя какое-то время пришел вслед за ним на Святую Гору и сказал: «Я тебя взял с малых лет, кормил тебя и воспитывал,

Община Старца Иосифа в скиту Святого Василия.
Слева направо: о. Ефрем, о. Арсений, Старец Иосиф, о. Иоанн, о. Афанасий

чтобы ты смотрел за мной в старости. А ты хочешь стать монахом!» Он забрал его, и они уехали. Юноша от большого огорчения заболел туберкулезом. Тогда приемный отец прогнал его, сказав: «Ступай отсюда, чтобы мы не заразились от тебя. Езжай на Афон и делайся монахом». Итак, юноша приехал снова к тем соседям Старца Иосифа, у которых был раньше, и сказал их Старцу:

— Старче, вы помните меня?

— Да, помню.

— Вот, отец мой разрешил мне стать монахом.

— Хорошо.

— Старче, но я должен вам сказать, что от огорчений я заболел туберкулезом, поэтому мой отец и отправил меня сюда.

— Что? У тебя туберкулез? И ты пришел сюда, чтобы и мы заразились от тебя? А ну-ка, убирайся! Убирайся отсюда!

— Мне ничего не нужно, — сказал юноша. — Только кусок черствого хлеба и угол, где бы я мог лечь и умереть. Только бы вы меня постригли в монахи! Больше я ничего не хочу.

— Нет, — сказал тот Старец и прогнал его.

* * *

Вышел этот юноша на дорогу, сел и стал плакать. По случаю в тот час проходил там Старец Иосиф. Увидел он юношу и спросил:

— Что случилось с тобой, дитя мое, что ты плачешь?

— Так и так, Старче, я хочу стать монахом. Неужели нет ни одного христианина, который мог бы меня постричь? Раз уж я умру, то мне не нужно ничего, что я и сказал тому Старцу. Раньше я к нему приходил и меня принимали, а сейчас не хотят, прогнали меня. И я не знаю, где найти такого монаха, который принял бы и постриг меня. Мне ничего не нужно, пусть меня оставят где-нибудь умирать, только бы меня сделали монахом.

Старцу Иосифу только того и надо было.

— Идем со мной, дитя мое, — сказал он ему.

Он взял его за руку и привел к себе. Тогда у него в общине были отец Иоанн, отец Ефрем, отец Афанасий и отец Арсений. Узнав все обстоятельства, они сказали Старцу, оставшись наедине:

— Он нас заразит.

— Молчите, — сказал Старец. — Бог послал его, чтобы меня испытать. Вы молчите, я сам за ним буду ухаживать.

* * *

Старец о нем очень хорошо заботился. Он соорудил ему из досок келейку, бегал по соседям и выпрашивал для больного инжир, изюм, маслины. Так юноша прожил около шести месяцев. Однажды он сказал Старцу:

— Старче, я вижу каких-то цыганок. Что им нужно от меня, зачем они собрались вокруг моей кровати?

Старец понял и сказал отцу Арсению:

— Отец Арсений, готовься. Парень кончается. Я его постригу в великую схиму, потому что он от нас уходит.

Собрались они, чтобы совершить постриг, в церкви. Отец Ефрем не стал заходить туда.

— Заходи сюда.

— Не пойду, врачи говорят, что микробы остаются даже на колоколе.

Так он и не вошел. В церкви были только Старец, отец Афанасий и отец Арсений. Старец в постриге дал ему имя Василий,

потому что они жили в скиту Святого Василия. Они облачили отца Василия в монашеские одежды, отвели в его каливу и оставили на кровати.

— Василий, сейчас я пойду исполнять свою молитву, приду через два-три часа. Твори Иисусову молитву.

Старец пошел исполнять свои монашеские обязанности, а затем прибежал посмотреть, как дела у отца Василия.

Он потормошил его:

— Ты уснул, Василий?

А тот, как его положили, так и умер. После пострига в ангельский образ ушел отсюда ангелом. Старец, возрадовавшись этому, сам приготовил его к погребению, говоря: «Ах, Матерь Божия, как бы и мне заразиться!» Он давно уже молился о том, чтобы заразиться, и чем больше он молился, тем дальше эта болезнь от него уходила. Старец называл туберкулез «святой болезнью», потому что при ней человек тает потихоньку и успевает подготовиться к своему переходу в иной мир.

Вещи отца Василия Старец собрал и сжег, чтобы предохранить других от инфекции.

— Собирайтесь все, — сказал Старец, — накроем трапезу, чтобы помянуть Василия, который ушел на Небеса. О Матерь Божия, спаслась душа человека! Несите лукум!

Старец очень радовался:

— Христос Воскресе! Монах преставился и спасся!

Он ел лукум, даже не помыв руки после всех хлопот.

На третий день после смерти отца Василия Старец увидел его во сне. Отец Василий обнимал Старца и говорил ему: «Старче мой, смотри, что ты для меня сделал. Ты сделал меня офицером, генералом со многими наградами!»

Глава седьмая

В МАЛОМ СКИТУ СВЯТОЙ АННЫ

ПЕРЕЕЗД

Не бывало, чтобы к Старцу пришел жить какой-нибудь человек и не исцелился, каким бы страстным он ни был. Требовалось лишь оказывать послушание. Этот Небесный человек умел виртуозно исцелять страсти своих послушников. Так что достаточно было жить рядом с ним, чтобы сделаться другим человеком. Даже отец Афанасий в конце концов понял, чего от него хочет Старец, и понемногу стал исправляться.

У Старца было много любви и благодати, но он был столь строг в своей подвижнической жизни, что остаться жить с ним было нелегко. Его монашеские аскетические воззрения были, в своем роде, абсолютными. Благодаря тому, что он прошел и испытал все виды подвижничества, он точно знал, как привлекается и сохраняется Божественная благодать. Поэтому и слова его были всегда краткими и меткими. «Здесь ты должен делать так», — говорил он. И требовал от пришедшего совершенного послушания.

Многие побывали у Старца и получили от него пользу. Но почти все ушли. Бывали здесь люди образованные и высокопоставленные. Но все, как только Старец начинал их испытывать в печи послушания, уходили. Сразу уходили прочь. И говорить больше было не о чем. Никто не мог оставаться жить со Старцем. Но и Старец говорил: «Я хочу сделать монаха, а не вареный овощ». Если, придя к нему, ты не вычеркивал себя из жизни, послушником у Старца

Иосифа ты стать не мог. Поэтому община его так никогда и не стала большой.

Старец не выбирал людей, но по любви принимал всех, кто просил остаться якобы из желания безмолвия и духовной жизни. Практика, однако, показывала, что это были люди с добрым намерением, но без того самоотречения, которого требует подвижническая жизнь пустыни. Были у них и кое-какие старые привычки, пустившие корни. Из-за этого они и Старцу мешали продолжать его собственный подвиг. Он им говорил: «Лучше ступайте на послушание туда, где безопасно, чтобы иметь смиренный образ мыслей».

В конце концов в 1936 году со Старцем остались жить только отец Арсений, отец Афанасий и отец Иоанн. Позднее, когда пришли мы, молодые, он нам сказал: «Если и вы останетесь, будет у нашей общины продолжение».

* * *

В их жизни в скиту Святого Василия были серьезные трудности, и поэтому они решили перебраться в другое место. Одной из главных причин переезда было присутствие отца Иоанна, который не оказывал послушания. Мало того что он не хотел исправляться, он и Старцу мешал жить безмолвно. Старец ему говорил: «Если ты, дитя мое, будучи послушником, требуешь себе спокойной жизни, то что тогда должен делать я?»

Другой проблемой была неизбежность тяжких трудов, поскольку жили они очень высоко и все нужное переносили на спине по длинному крутому подъему. Еще более серьезной проблемой было то, что о Старце уже начала распространяться слава как о великом подвижнике, и поэтому многие отцы приходили посоветоваться с ним. Из-за этого он терял безмолвие и покой. По всем этим причинам Старец решил уйти оттуда вместе с отцом Арсением и отцом Афанасием. Он сказал им: «Уходим! Идем подвизаться в другое место, чтобы нелегко было людям нас найти и лишать молитвы и безмолвия».

* * *

От старых отцов из скита Святой Анны им стало известно о труднодоступных пещерах возле Малого скита Святой Анны.

Они осмотрели это место и обнаружили две пещеры на крутом спуске ниже отшельнической каливы, в которой раньше жил знаменитый духовник отец Савва, послушник прославленного грузинского Старца Илариона. В тех пещерах еще недавно жили несколько русских подвижников, и там еще сохранились две небольшие цистерны.

Это очень уединенное место было почти никому не известно. Участок ровной земли здесь очень узкий. С одной стороны — скала, с другой — глубокая пропасть. Это девственное место очень понравилось братьям общины Старца Иосифа своим безмолвием. Оно было столь уединенным, что найти их там было трудно. Итак, в январе 1938 года, взвалив на спины свой нехитрый скарб и несколько книг, они перебрались в эти пещеры.

* * *

Перебравшись туда, они очистили две находившиеся там цистерны и на ближайших скалах установили желоба, чтобы вода собиралась туда сама, когда шел дождь. Этой воды хватало только на самые необходимые нужды. Затем, когда они начали строить каливу и церковку, воды для стройки стало не хватать. И отец Арсений таскал воду на своих плечах издалека.

В один из жарких дней, когда солнце палило вовсю, Старцу стало жалко отца Арсения. Он помолился Пресвятой Богородице: «Прошу Тебя, Матерь Божия, дай нам немного воды, ибо очень устает отец Арсений». Сразу после этого он услышал от соседней скалы звук падающих капель. Он посмотрел туда, и что же увидел? Скала стала влажной, и с нее капля за каплей стекала вода. Они сразу подставили туда таз и начали собирать ее. Воды оказалось вполне достаточно. С тех пор отец Арсений был избавлен от необходимости таскать воду.

В одной из пещер они устроили небольшую каливу, в другой — маленькую церковку. Для строительства они использовали растущие поблизости деревья и плинфу из местной глины. В постройке нового жилища охотно помогал и отец Ефрем из Катунак. Он таскал на спине глину из Карули и отдавал ее отцу Арсению, который делал из нее плинфу. При этом он, конечно, не оставлял своих обязанностей и у отца Никифора.

Их калива была пристройкой к пещере, сделанной так, чтобы в пещере оставалось место для небольшого склада. Пристройка была сооружена из камней, скрепленных глиной, дабы они не рассыпались. Сверху подвижники положили балки и замазали их цементом. Каливу они разделили на три келлии, по одной для каждого. Келлии были такими маленькими, что пользоваться ими было трудно при всей непритязательности подвижников. Размер их был примерно 1,8 на 1,5 метра. Кроватями служили две-три доски, покрытые лоскутным покрывалом. Проем в стене являлся одновременно и дверью и окном. Для проветривания там было две отдушины, прикрытые тряпками вместо ставней.

Так они поселились в этой каливе. Старец ночью совершал в ней бдение. Он закрывал дверь, и в ней становилось совершенно темно. Туда почти не проникал даже воздух. И там пахло землей, как в могиле.

Никакой штукатурки у них не было. Как же там было холодно зимой! А в подполе — сырость, и вода, и плесень. Летом же они страдали от жары: крыша над головой раскалялась от солнца, и жилище превращалось в духовку. Даже вечером не было прохлады, поскольку скалы накапливали жар целый день и отдавали его ночью. Куда там было заснуть, да еще на такой жесткой кровати! Даже у приговоренных к расстрелу жилище лучше. Калива была настоящим гробом.

* * *

Тем не менее подвижникам очень нравилось, как они устроились. Но вся эта их затея очень не нравилась бесам — им хотелось, чтобы это место осталось за ними. Поэтому они принялись ежедневно беспокоить Старца.

Позднее он мне говорил: «Вы пришли уже на все готовое. Но если бы ты знал, что я вначале перенес здесь от бесов! В миру священники заклинают бесов и повелевают им удалиться в пустынные места. И они все притащились сюда. Если бы ты знал, что я перенес!» И как своему сыну, чтобы укрепить меня в подвиге, он мне рассказал следующее.

Согласно их уставу Старец после полудня спал и просыпался на закате солнца, чтобы совершать бдение. И вот бесы стали будить

его раньше времени, дабы он не смог подвизаться на бдении как должно. Из-за того что Старец попалял врага своей молитвой, тот будоражил и будил его за час-полтора до захода солнца. И после этого он уже не мог заснуть. Это лишало его особой благодати молитвы, потому что на бдении он боролся со сном. Потребности естества, с одной стороны, и злоба бесов, с другой, затрудняли его бдение. Продолжалось это целый месяц. Каждую ночь бдение давалось ему с огромным трудом. Враг его будил, когда солнце было еще высоко. Что он мог поделать? Он устал. Старец начал терять терпение, так как переживал лишение благодати. Бывало, ему не удавалось сдержаться. Однажды он вышел из каливы и заплакал в той пустыне, как он сам нам рассказывал: «Я плакал, плакал безутешно, много дней, много недель».

В один из дней, когда его так рано разбудили, Старец размышлял, как он будет совершать бдение, не поспав и не отдохнув. В нем возобладали печаль и уныние. И он начал судиться с Богом, что Тот его несправедливо предаёт столь многим искушениям, ничуть их не уменьшая, не давая ему хотя бы перевести дух. И словно охваченный негодованием он сказал Богу:

— Боже мой, неужели и произволение победят бесы? Как же тогда будет подвизаться человек?!

И в этой горести он услышал в себе некий благословенный, необычайно сладкий и чистый глас, с бесконечным состраданием сказавший ему:

— Разве ты не вынесешь все ради Моей любви?

И сразу как будто мрачная и тяжелая туча ушла от него. Он понял, откуда был этот глас, упал ниц и зарыдал, горя любовью и каясь в унынии, которое им овладело:

— Да, Боже мой, ради Твоей любви я буду терпеть!

Он нам говорил позже: «Я никогда не забуду этот глас, столь сладкий, что сразу исчезло искушение и все уныние». И с тех пор брань прекратилась.

* * *

Церковка, построенная ими, была такой маленькой, что можно было из стасидии дотянуться до иконостаса. Но, находясь в ней,

душа чувствовала умиление. Посвятили они ее честному Предтече, который был предтечей и монахов-подвижников. Расписать ее взялась соседняя община Старца Анании, с которой у них были тесные братские отношения.

Позднее они посадили три апельсиновых дерева. Ни для чего иного там места не было. Да и частые камнепады разрушили бы все, находившееся снаружи пещер.

Поначалу жизнь их была очень суровая, поскольку они не имели даже самого необходимого. Но, несмотря на бедность келлий и неудобства от тесноты, им там очень нравилось, потому что никто их не беспокоил. Ибо они на этом горном склоне были как будто отрезаны от всего, туда не было даже тропинки, по которой мог пройти человек. Да и устав не позволял им принимать людей, поэтому они всегда были одни.

И был у них неописуемый покой. У них не было никаких забот, потому что не было никаких имений. Вокруг росли только деревца и кустарник. Одна калива и одна кухонька — это все, что у них было. Совершенно ничем не владея, они имели только молитву и созерцание.

* * *

Отец Ефрем взял благословение у отца Никифора пожить немного в скиту Святой Анны, для того чтобы помочь Старцу Иосифу в строительстве новой каливы. Он прожил рядом с ним около двух месяцев и сильно помог общине Старца.

Но и Старец помог ему поправить здоровье. Когда батюшка серьезно заболел и дело могло кончиться туберкулезом, Старец поселил его у себя. Он написал письмо к госпоже Андромахе из Волоса, чтобы та срочно прислала ему сыр, яйца, сливочное масло, концентрированное молоко и другие питательные продукты. Каждый день Старец готовил отцу Ефрему сам. Вначале отец Ефрем ради аскезы возражал, но затем ради послушания уступил и ел все, что ему готовил Старец, пока не отступила опасность и он не выздоровел. Отец Ефрем благодарил Старца, который так о нем заботился. А Старец ему говорил: «Ты, отче, должен теперь тянуть четку за Андромаху».

ЗАТВОРНИКИ

Устав у них был такой. На рассвете они просыпались и занимались простым рукоделием или другими необходимыми работами. В полдень каждый брат удалялся в свою келлию и там совершал вечерню по четкам. Если оставалось время, можно было и что-нибудь почитать. Затем они собирались на обед. А после обеда, взяв благословение у Старца, все спали в своих келлиях три часа, до заката солнца. Поднявшись, они пили кофе и начинали бдение, которое продолжалось до полуночи. Когда к ним приходил священник, они в полночь начинали Божественную литургию в своей церковке. Когда священника и, соответственно, литургии не было, они читали святоотеческие книги. После же литургии отдыхали до рассвета. Подвижники поделили свой сон на две части не только для того, чтобы не получать от него большого удовольствия, но и потому, что такой порядок помогал им в бдении.

Этот устав Старец Иосиф получил от Старца Даниила Исихаста и хранил его как зеницу ока. Он не изменял его ни при каких условиях, потому что знал, что иначе потерпит ущерб в молитве. Непреклонно соблюдать этот устав ему помогали решительный, отважный характер и любовь к порядку. Поэтому даже в самые трудные моменты своей жизни он не отступал от него.

Однажды его послушники пришли издалека, нагруженные припасами, в том числе и несколькими рыбинами, но случилось это в тот час, когда по уставу у них было безмолвие. Пришедшие братья сказали:

— Старче, мы принесли рыбу, если мы ее сейчас не приготовим, она пропадет.

Старец, не пожелав устраивать обсуждение, ответил:

— Пусть лучше пропадет рыба, чем пропадет наш устав. Оставьте ее, где положили, и ступайте спать.

А на следующий день он им сказал:

— Я нарочно позволил рыбе пропасть, чтобы вы запомнили на всю вашу жизнь, как драгоценен порядок.

В других случаях он нам говорил:

— Храните устав. Я и отец Арсений проливали кровь, чтобы передать его вам готовым.

Радуюсь установившемуся в общине порядку, он писал своей сестре:

«Мы здесь, сестра моя, ночью совсем не спим. Каждую ночь совершаем бдение. Всю ночь молимся обо всем мире. Немного отдыхаем только утром и пополудни, после того как поедим. Это наш чин. Полдня трудимся, остальное время пребываем в покое и тем довольны. Аскетическая жизнь! Пустыня! Ангельская жизнь, полная благодати! Ах, если бы ты могла нас видеть! Здесь, сестра моя, земной рай. И если кто с самого начала возьмется за жизнь суровую, высокую, то становится святым»⁶⁸.

Первое время они оставались никому не известными. Но, как говорит Господь, *не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14). Так и благоухание их праведной жизни не могло остаться незамеченным. Жившие по соседству отцы постепенно начали узнавать о святости Старца, и некоторые стали приходить к нему для душевной пользы. Но, к сожалению, приходили и другие, не имевшие духовного интереса и желавшие, по причине своего уныния, лишь скоротать время в пустых разговорах. Старец увидел, что никому такое гостеприимство не приносит пользы, своей же душе он только причиняет вред. Он и слышать не хотел, как живут другие и чем занят мир.

Чтобы избавиться от посетителей и иметь возможность следовать своему уставу безмолвия, он решил установить калитку там, где был единственный проход в их двор. Он закрывал эту дверь для всех каждый день в полдень, чтобы по крайней мере самому получать пользу от молитвы и безмолвия, чему он научился с самого начала своего монашества. Так ему удавалось отдохнуть перед бдением. Он говорил себе: «Какую пользу я принесу ближнему, если помрачусь от речей посетителя? Но когда я пребываю в мире, озаряемый Божественным светом, то смогу и ближнему передать то, что имею, и заповедь любви Христовой смогу исполнить».

Он заботился о том, чтобы не рассеиваться в многоценное вечернее время, ибо видел: когда он его проводил мирно, со

⁶⁸ Письмо 43.

страхом Божиим, это приносило ему столько плодов, что он удивлялся пользе от благочиния и отсутствия попечений.

Итак, он повесил на калитку табличку, на которой было написано: «Не стучите в дверь! Я не желаю бесед, празднословия, осуждения». Он оставлял калитку открытой только на два-три часа утром.

Благодаря такой тактике у него было абсолютное безмолвие. С большой радостью он писал в одном из писем: «Я самый счастливый из людей. Ибо живу без попечений, наслаждаясь медом безмолвия непрерывно. И неизвестно каким образом, когда удаляется благодать, безмолвие согревает меня в своем лоне, подобно другой благодати. И кажутся меньшими скорби и печали этого лукавого и бедственного жития»⁶⁹.

Старец даже написал об этом безмолвии стихи:

Обрел я пристань безмолвия.

Будь здрава, душа моя, и тело также.

И плыви, мой ум, в глубочайшей тишине,

И вовсе не спрашивай, как живет ближний⁷⁰.

Старец стремился к безмолвию и уединению ради достижения единственной цели — стяжания молитвой Святого Духа.

* * *

Но не мог ненавистник добра диавол спокойно смотреть, как люди заботятся о спасении. И поскольку все его нападения на Старца оказались безрезультатными, он восставил против него людей. Некоторые приходили в их каливу из разных мест, ничего не зная об их уставе, и соблазнялись из-за того, что их не приняли. Да и все соседи были настроены против Старца, потому что он им не открывал калитку. Они приходили и стучали — но где там! Старец про себя говорил: «Пусть не ходят. Чем слушать осуждения, пусть лучше они осуждают меня за закрытую дверь. Кто бы там ни был, пусть приходит утром». А однажды кому-то пришедшему не вовремя он прокричал так: «Даже если бы ты был ангелом, в этот час я тебя не приму».

⁶⁹ Письмо 53.

⁷⁰ Письмо 48.

Только в случаях крайней, по его мнению, необходимости он открывал дверь после полудня. Но это случалось очень редко, потому что каждый час был у него на счету. А для того чтобы поговорить с посетителем час или два ночью, он должен был это время отнять от молитвы.

Один послушник Старца Иосифа удивлялся его непреклонной настойчивости в следовании затворническому уставу и как-то спросил:

— Старче, ведь вы всегда проявляете такую любовь и снисхождение к другим, почему же вы настаиваете на том, чтобы им не открывать, и тем самым соблазняетесь их?

Старец ответил:

— Мой опыт указывает мне так делать, ибо иначе я не смогу продолжать тот путь, на который меня наставил Бог.

То есть его жажда безмолвия рождалась не из его собственной воли. Ведь он понял, что это было призвание свыше к умной молитве. К сказанному же он прибавил:

— Требование людей, чтобы монахи их принимали без ограничений, — это общее явление на Святой Горе. Куда ни пойдешь, отцы тебе окажут гостеприимство. Но наш долг — служить Богу в самом безмолвном месте Афона и продолжать аскетическую традицию святых отцов. Так и святой Григорий Палама, когда подвизался на Афоне, убегал и прятался в расщелинах, чтобы в уединении предаваться безмолвию.

Когда Старец мог, он заботился о том, чтобы уведомлять своих посетителей об уставе его общины, дабы они не соблазнились. Он признавался: «Во всех своих действиях я имею обычай говорить и делать все так чисто, чтобы все это видели ясно, как в зеркале, чтобы ни у кого не возникало никаких подозрений». Но, несмотря на все его старания, многих соблазняло то, что он им не открывал.

Старец был очень внимателен, чтобы никого не осудить, и объяснял: «Пусть говорят против меня, у них такие глаза, так они видят. Эти люди не виноваты, это их глаза видят неправильно». Мы никогда не слышали от него, чтобы он сказал что-нибудь плохое о других. Он их жалел и не прекращал ни днем ни ночью молиться о них. Он говорил: «Все они совершенно правы. Это я не прав, если соблазняюсь их поведением. Ибо они видят теми глазами, которые

им дал Бог. Разве я не буду несправедлив и виноват, если скажу: "Почему они не видят так, как вижу я?" Бог всех да помилует всех по молитвам преподобных богоносных отцов».

ГОНЕНИЯ И УТЕШЕНИЯ

Постепенно начал распространяться слух, что Старец Иосиф впал в прелесть. Иногда обвинения доходили до абсурда. Так, например, заметили, что он носил не жесткую скуфейку, как это было принято, а мягкую. А Старец делал так потому, что часто страдал мучительными головными болями и давление жесткой скуфейки их еще больше усиливало. Некоторые отцы, видя его в мягкой скуфейке, соблазнялись и говорили про него различные глупости. А поскольку Старец никак на это не реагировал, они еще больше смелели в своих обвинениях.

Когда Старец случайно встречался с кем-нибудь за пределами своей калиты и с ним пытались заговорить, он, поприветствовав их кивком головы и сказав: «Благословите», начинал молитву «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Тогда те ему говорили: «Сколько же бесов сидит в скуфейке, которую ты носишь!» Но Старец, будучи аскетом, даже рта не открывал. Выходило, что в прелести был молящийся, а немольщийся думал о себе, что у него все в порядке. Но Старец знал, что делал. Он все ставил на свои места. Он говорил про себя: «Это — искушение, я буду делать свое дело».

Как-то раз Старец возвращался откуда-то в свою келлию. И один его сосед, завидев Старца, сказал своему брату-мирянину: «Это прельщенный». Старец услышал, но ничего не ответил и прошел мимо. Мирянин глядел на него, глядел и сказал, удивляясь его выдержке: «Какая же рассудительность у этого прельщенного!»

В другой раз Старец спустился к морю вместе с отцом Арсением. Там один рыбак продавал рыбу. Он был наслышан о Старце, что будто бы тот в прелести. Увидев его, он уставился на Старца и от испуга не мог отвести от него глаз. «Если бы Старец сказал "пиф-паф!", тот бы, наверное, помер со страха», — рассказывал потом отец Арсений. Но Старец не проронил ни слова.

Позднее Старец Иосиф признавался: «Вся моя жизнь была сплошным мученичеством, и больше всего я терпел от людей, которых хотел спасти, а они меня не слушали. И я плакал и молился, а они насмехались, и ими владело искушение».

* * *

Сам Старец так писал своей сестре об этом: «Знаешь ли ты, каково, когда ты не искушаешь — а тебя искушают? Ты не крадешь — а у тебя крадут? Ты благословляешь — а тебя проклинают? Ты милуешь — а тебя обижают? Ты хвалишь — а тебя осуждают? Когда приходят без причины, чтобы тебя обличать, постоянно кричат, что ты прельщенный, кричат до конца жизни? А ты знаешь, что это не так, как они говорят. И видишь искушение, которое ими движет. И ты каешься и плачешь, как виновный, что ты такой и есть. Это — самое тяжелое. Поскольку воюют с тобой и они, и ты воюешь сам с собой, чтобы убедить себя, что так и есть, как говорят люди, хотя это не так. Когда видишь, что ты абсолютно прав, и убеждаешь себя, что ты не прав. Это, сестра моя, искусство из искусств и наука из наук. Бьешь себя палкой, пока не убедишь себя называть свет тьмой и тьму светом. Чтобы ушло всякое право. И чтобы окончательно исчезло возношение, чтобы стал ты безумным при полном разуме. Чтобы видеть всех, когда тебя никто не видит нисколько. Ибо тот, кто станет духовным, всех обличает, не обличаемый никем (см. 1 Кор. 14, 24–25). Все видит. Имеет глаза свыше, а его не видит никто»⁷¹.

* * *

Но, несмотря на смирение и молчание Старца, положение со временем только усугублялось. Дошло до того, что некоторые отцы в скиту Святой Анны решили его наказать, якобы для того, чтобы смирить и избавить от прелести. Они возложили на него различные общественные работы, в частности побелку скитского храма. И Старец все это выполнил с послушанием, нисколько не ропща.

Но диавол не прекратил возмущать соседей против Старца и побудил их сделать в кодексе каливы, где поселился Старец, запись

⁷¹ Письмо 42.

о том, чтобы не передавать ее никому. Так у Старца произошел конфликт с соседями в Малом скиту Святой Анны. Вскоре после этого Лавра, в чьем ведении было это место, согласилась со скитом изгнать Старца Иосифа.

Старец погрузился в скорбь. Он вошел в церковку и с плачем упал на колени перед иконой Богородицы. И там, на полу, во время молитвы, он внезапно ощутил некое утешение и увидел свет, как это обычно бывает в начале видения. Сердце его наполнилось любовью Божией, и он вышел из тела. Затем он пережил видение, о котором сам рассказывал так:

«Я был в некоем преизобильном свете, а передо мной простиралась беспредельная, как море, равнина, сливающаяся с небом. А вся земля была белой как снег. Мне казалось, что я иду на восток, хотя я и не касался земли и даже не чувствовал никакой тяжести или ограничений. Я лишь видел, что одет в свою бедную одежду. Я шел с большой скоростью и недоумевал, как это возможно без всяких усилий, и что это было такое, и куда я иду? Я начал думать, как вернусь назад, ведь я не знал, как здесь оказался и куда попал. Я как будто остановился, и смотрел вокруг с изумлением, но без страха, и словно слышал довольно далеко впереди какой-то разговор. Я направился туда и быстро шел, желая найти разговаривавших, дабы они сказали мне, что здесь такое. Идя так, я оказался в поле. И, изумленный, недоумевал, как я оказался в таком прекрасном месте? Я искал, как бы мне выбраться отсюда, чтобы кто-нибудь меня не стал ругать за то, что я без разрешения сюда зашел. И, внимательно оглядевшись по сторонам направо и налево в поисках выхода, я увидел какое-то углубление в земле, где был сооружен некий спуск, наподобие спусков в подземные галереи в больших городах. Я вошел в какую-то подземную дверь и очутился в храме Пресвятой Богородицы. Там сидели прекрасные юноши, одетые в чудесную одежду. У них был красный крест на груди и на лбу. И встал с трона один из них, который был словно военачальник и носил более светлую одежду. Он сказал мне дружески, как хороший знакомый:

— Подходи, ибо мы ожидаем тебя.

И предложил мне сесть.

— Прости меня, — сказал я, — я не достоин сидеть здесь, мне достаточно стоять тут, у ваших ног.

Я оробел и стыдился, ибо чувствовал, что на мне моя старая ряса, рваная и нестираная. Тогда, улыбнувшись, он взял меня за руку и мы стали спускаться по роскошным ступенькам винтовой, как мне казалось, лестницы, а снизу доносилось пение. Когда закончился спуск, показавшийся мне недолгим, я увидел огромный зал, служивший, скорее всего, притвором храма, ибо там были прекрасные стасидии, в которых стояли светлые юноши одного возраста и схожие чертами лица. Они и пели тот гимн, который я только что слышал. Увидев все это, я остановился как вкопанный. Я только удивлялся этому величию и прекрасной мелодии песнопения. Мой проводник, лишь только мы ступили на пол зала, оставил меня и прошел далее на восток, где виднелся собственно храм. Юноши пригласили меня стать в одну из их стасидий и обращались ко мне столь дружески, что мне казалось, будто они знали меня очень давно и были моими сердечными друзьями. Из главной части храма слышался иной гимн, и можно было хорошо различить, что он обращен ко Владычице нашей Богородице. Я хотел, чтобы мне позволили сесть где-нибудь на полу и любоваться этим великолепием. Тогда открылась дверь и вошел военачальник, который привел меня сюда. Он позвал меня с радостью:

— Заходи, отец Иосиф, заходи сюда, пойдем, поклонисься.

Я не двигался от робости, но он взял меня за руку, мы прошли мимо тех светлых юношей и достигли входа. Когда он открылся и военачальник завел меня внутрь, я оказался в непостижимом великолепии, в беспредельном величестве, так что не знал, был ли это храм или Небо и Престол Божий. Я застыл неподвижно. Все мои чувства, все мое зрение, все мое существо были исполнены этой славы и света, воистину нетварного, необычайной тонкости и превыше любой белизны.

Тогда я увидел перед собой изумительный иконостас этого великолепного храма, от которого, как свет от солнца, расточались слава и великолепие. Я различил две большие иконы справа и слева от Царских Врат: образы Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери, сидящей на троне и держащей на Своих коленях, как младенца, Предвечного нашего Господа. Меня совершенно пленило это созерцание. Но когда я смог разглядеть получше, Они мне показались уже не иконами, а живыми, и Пресвятой Младенец

засиял так, что умолкли все певшие вокруг славные военачальники. Тогда мой провожатый дал мне знак приблизиться и поклониться и подвел меня ко Владычице нашей Богородице и всех христиан Утешительнице. Я не заметил, как приблизился к Ней, и пока я был обращен к Ней и удивлялся Ее славе и величию, мой провожатый дружественно и дерзновенно, но вместе с тем и просительно обратился к Госпоже нашей очень чистым голосом, который я помню и теперь:

— Госпожа и Владычица всех, Царица ангелов, Пречистая Богородице Дево, покажи свою благодать на рабе Твоем сем, который столь страдает ради Твоей любви, да не скорбью он потреблен будет.

Тогда — что мне сказать, ничтожному и паче всех людей недостойнейшему? — внезапно изошло такое сияние от Ее божественной иконы и Пресвятая Дева явилась столь прекрасной, в полный рост, несущая в объятиях своих Спасителя мира, Господа нашего Иисуса, полная благодати и величия, что я от такой красоты, солнца светлейшей, упал ниц к Ее стопам, не в силах поднять взор и, плача, возопил:

— Прости меня, Матушка моя, что в неведении своем я Тебя опечалил! Владычице моя, не оставь меня!

Тогда я услышал Ее блаженный и медоточный, всякого утешения высший глас, сказавший:

— Зачем отчаиваешься? Возложи упование свое на Меня.

И сказала Она моему провожатому:

— Отведи его теперь на его место, пусть подвизается.

Тогда я почувствовал, как кто-то прикоснулся к моему плечу и, пробуя подняться, оказался в своей церковке, там, где сел вначале и начал молиться. Плача, я пришел в себя, мокрый от слез и полный радости.

С тех пор и впредь такую любовь и благоговение я испытывал к нашей Госпоже, что одно Ее имя наполняло меня духовной радостью. Ее слова: “Возложи упование свое на Меня”, с тех пор стали постоянным моим утешением»⁷².

⁷² Ср.: *Γέρωντος Ἰωσήφ Βατοπαϊδινού. Ὁ Γέρωντας Ἰωσήφ ὁ Ἠσυχαστής. Σελ. 101–104.*
Ср. также: *Монах Иосиф. Старец Иосиф Исихаст. С. 74–77.*

После этого случая Пресвятая Богородица просветила Духовный Совет Лавры, чтобы тот не изгонял общину Старца. А скит Святой Анны выдал ему разрешение на поселение в скиту взамен выданного прежде разрешения на поселение в пустыне.

* * *

Гонение прекратилось. Но скорби продолжали приходить одна за другой. И вот однажды Старец пошел в церковь и со слезами стал молиться Богородице, целуя Ее икону в иконостасе. В какой-то момент он, устав, сел в стасидии. Он начал засыпать, но, находясь еще между сном и бодрствованием, ощутил Ее присутствие. Внезапно Ее икона в иконостасе засияла светом и Ее фигура приняла обычные размеры, и это была уже не икона, но живая Богородица. Божественный Младенец в Ее объятиях сиял как солнце. Тогда Пресвятая Богородица поцеловала Старца Иосифа, и он исполнился неизреченной радости и благоухания. А Она произнесла:

— Разве Я тебе не сказала уповать на Меня? Почему ты отчаиваешься?

И Она простерла Свои руки, чтобы дать ему сладчайшего Иисуса, но Старец, пораженный, сделался неподвижным. Тогда к нему приблизился сей Небесный Младенец и погладил его по лицу, а он поцеловал Его чудную ручку, как если бы она была живой. Душа Старца настолько преисполнилась любовью Божией и светом, что он больше не мог стоять на ногах и упал ниц. Тогда Всецарица вновь вошла в Свою икону, оставив ему Свое Божественное утешение и невыразимое благоухание. Когда он пришел в себя, он поцеловал то место, где стояла Пресвятая Богородица. И оно сохраняло благоухание еще долгое время. «Я ощутил мягкую ручку Господа Иисуса», — говорил позже Старец Иосиф, изумляясь снисхождению Христову к его ничтожеству.

Он признавался, что, переживая такие видения, никто не думает, что это сон, но воспринимает их как ощущение некой иной жизни, неведомой и не испытанной теми, кто их не переживал. И он говорил, что как бы переживший это ни старался описать свои чувства, он никогда не сможет передать другим то, что в это время происходит, но даст им лишь бледное подобие испытанного.

Бог утешал Старца такими видениями, потому что в то время все от него отвернулось. У него не было никого, кто был бы более опытен, чем он, кто мог бы дать ему совет. Известные ему отцы и духовники, когда он пытался рассказать им о своих видениях и своей молитве, относились к этому как к прелести. У них не было соответствующего опыта, чтобы ему помочь, и они говорили: «Чад, это опасные вещи, лучше таким не увлекаться». Но Старец не отступал. Бог просветил его, чтобы он продолжал. И Старец, с присутствием ему мужеством, говорил себе: «Как? Господь, призвавший нас, разве не Тот же, Кто дал такую благодать отцам? Почему же и нам не обрести ее?»

Но с подвижнической решимостью он соединял смирение и терпение, поэтому Бог ему помогал, ибо *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Притч. 3, 34).

ОТЕЦ ИОАННИКИЙ

В скиту Святой Анны, внизу, была община отца Анании, жившая в каливе Честного Креста. Отцы из этой общины были иконописцами и занимались рыбной ловлей. Часто они говорили: «Старцу Иосифу кто теперь отнесет рыбки? Они — подвижники, отнесем-ка им ради милостыни немножко рыбки» — и посылали одного монаха, по имени Иоанникий, отнести Старцу рыбы.

Это был юноша двадцати двух лет из крестьянской семьи. Старец видел, что это хороший человек, и говорил себе: «Научим-ка мы этого монашка умной молитве». И он начал с ним говорить о различных духовных вещах:

— Молись так: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» — и когда ходишь, и когда ловишь рыбу. И если будешь так молиться, то будешь ловить больше рыбы. А иначе тебя самого, как рыбешку, поймают бесы.

Советы Старца пошли на пользу душе Иоанникия. И вскоре молитва у него стала произноситься свободно и создавать в сердце теплоту, так что молодой монах всей душой предался этому благословенному деланию. Так этот юноша получил молитву от Старца Иосифа, ибо был чист.

Отец Иоанникий настолько привязался к Старцу Иосифу, что говорил: «Старче, Бога я не видел, а тебя видел».

* * *

Однажды Старец увидел во сне, что идет по какому-то городу. И когда он дошел до городской крепости, некий человек показал ему впереди сад, очень красивый, со множеством плодоносящих деревьев и изобилием воды, и сказал ему: «Этот сад был уготован для тебя, но отдан даром Иоанникию». Когда Старец проснулся, он начал размышлять об этом сне: «Что бы это значило?» В итоге он пришел к такому выводу: «Одно из двух: либо Иоанникию дан этот сад, потому что он получил от меня молитву, либо Иоанникий умрет».

На следующий день пришел отец Анания и сказал:

— Старче, Иоанникия вырвало кровью.

Старец сказал:

— Это дитя умрет, я видел такой-то сон. Только не говори ему о том, что я видел.

— Я его отведу в Ватопед, там есть врач.

— Куда бы ты ни отвел парня, он жить не будет.

Таков был ответ Старца. Иоанникия отвели в Ватопед. Тамошний врач решил, что это желудочное кровотечение. Но Старец говорил, что кровотечение было легочное.

Иоанникий умер через шесть месяцев. Это был туберкулез, к которому у него была наследственная склонность. Воля Божия была в том, чтобы этот монах рано ушел из земной жизни. Парню было двадцать пять лет, он был высокого роста и крепкого сложения, но заболел неизлечимой в то время скоротечной чахоткой.

Когда болезнь усилилась, его Старец выделил ему отдельную келлию, чтобы не заразились другие, и ему туда носили пищу. Свободного времени было много, и отец Иоанникий ходил к Старцу Иосифу, чтобы услышать от него о духовном и укрепиться. Старец говорил ему об иной жизни, о рае, о том, что бывает с душой человека после ее исхода, о мытарствах. Всем этим он его подготавливал к скорой кончине.

Когда этому иноку стало уже тяжело подниматься на гору к Старцу, Старец ему сказал:

— Я буду к тебе спускаться, Иоанникий, чтобы побыть с тобой. Я буду приходить к тебе ночью. Когда исполню свое правило и закончу творить умную молитву, тогда буду к тебе спускаться. А перед рассветом буду уходить.

Так и спускался к нему Старец и утешал его, а когда увидел, что дело идет к концу, сказал:

— Иоанникий, когда ангел придет тебя взять, скажи ему, чтобы мы зашли ко мне попрощаться.

Как мы видим вещи этого мира, так Старец видел реальности иной жизни.

— Буди благословенно. Я ему скажу, чтобы мы зашли, — ответил добрый инок.

Но Старец Иосиф, для надежности, попросил Старца общины ударить в колокол, как только преставится Иоанникий, чтобы он узнал об этом на своей скале.

* * *

За два часа до смерти Иоанникий увидел Пресвятую Богородицу. Зашел к нему отец Анания, а Иоанникий говорит ему, как бы жалуясь и негодуя:

— Что здесь делает эта женщина? Уведите ее отсюда.

Но затем оробел и сказал:

— Оставьте Ее, оставьте, это Богородица!

Отец Анания спросил его:

— Иоанникий, как ты понял, что это Богородица?

— Я Ее попросил, чтобы она прочитала «Богородице Дево, радуйся!», и Она произнесла это полностью.

— Хорошо, Иоанникий, а где Она?

— Вон там, в том конце.

— А какая у Нее одежда?

— Красная.

— Спроси у Нее, когда умрешь?

— Пресвятая Богородице, когда я умру? — спросил Иоанникий.

— Что Она тебе сказала? — сказал отец Анания.

— Когда Господь захочет.

Отец Анания ушел, и в ту же минуту зашел отец Хараламбий.

— Сейчас Она ушла, — прошептал отец Иоанникий.

— Кто ушел? — спросил отец Харалампий.
— Богородица.
— Здесь была Богородица?
— Да, — отвечал тот.

* * *

Через два часа паренек умер. Сон, виденный Старцем, означал, что отец Иоанникий не просто спасся, но унаследовал то, чего, может быть, милость Божия удостоит и нас. Отец Иоанникий был для Старца как собственное чадо, ибо и молитву свою приобрел у него, и благодать его, а в конце получил даже и сад, который предназначался Старцу.

В тот день Старец вырезал крестики и вдруг начал кричать:
— Арсений! Арсений! Иоанникий здесь! Скончался Иоанникий и сейчас со мной прощается.

И вскоре внизу забил колокол. Оказал послушание и ангел-хранитель. В таких случаях подвижникам подчиняются и ангелы.

МИЛОСЕРДИЕ СТАРЦА

Прошло два-три года жизни на скалах Святой Анны, и Старец начал чувствовать сильное беспокойство и боль, когда молился. И во время молитвы он получил извещение о том, что в мире случится большая беда. Получив эту весть, Старец прекратил все дела и стал молиться день и ночь. Испытывая большую душевную боль и проливая слезы, он умолял Бога помиловать мир. Живя в уединении в горах, он не знал точно, что происходит в мире, но, несмотря на это, горячо о нем молился. Вскоре в скиту стало известно, что 28 октября 1940 года Италия объявила войну Греции.

* * *

Пришла ужасная немецкая оккупация. На Святой Горе, как и во всей Греции, наступил голод⁷³.

⁷³ Захватчики использовали все греческие ресурсы для нужд своей военной машины и для завоевания бескрайней России. Вследствие этого во всей Греции наступил сильный голод, и Святая Гора, естественно, не составила исключения.

До тех пор дверь в ограде Старца Иосифа ради сохранения безмолвия чаще всего была закрыта для всех, за что в итоге его обвинили в прелести. Но теперь, в эти годы бедствий, Старец рассудил, что он должен пожертвовать на время своим безмолвием, чтобы помочь нуждающимся.

Старец и отец Арсений брали всю старую одежду, которую им присылали, приносили ее на пристань и продавали, чтобы приобрести немного муки. Дошло до того, что они продали свои подряски и вместо них носили мешки. Из приобретенной муки Старец сам замешивал хлеб и приглашал всех бедных подвижников, чтобы их покормить. Про него говорили: келлия Старца Иосифа — это дом Сампсона Странноприимца.

А когда мука заканчивалась, Старец говорил отцу Арсению: «Теперь, Арсений, ступай в горы, собери дикие каштаны, принеси их сюда, мы из них сделаем муку и испечем лепешки. И мы поедим, и люди».

Старец ничего не удерживал для себя. Все, что имел, он щедро раздавал другим, говоря: «Если у нас есть что-то, не будем это держать только для себя, ибо так не оправдаемся. Не будем есть это только сами, но разделим пополам с людьми». Старец приветчал всех калек и объяснял свои поступки так: «Здоровым все рады, а больным — нет. Лучше сами умрем, но их накормим». Они с отцом Арсением очень уставали, но Старец говорил: «Ничего страшного, будем их приглашать. Что-то получим для спасения нашей души и благодаря им. Приобретем теперь награду любовью и милостыней».

Некоторые бедняки, хотя и уходили накормленными, воровали при этом и тот немногий виноград, который имелся у отшельников. Старец, однако, был очень милосердным и незлобивым. Он спокойно говорил: «Ладно, отец Арсений, людям захотелось фруктов после обеда».

Но любовь Старца не ограничивалась этим. Вместе с отцом Арсением они ходили к одиноким больным старчикам и ухаживали за ними. Такое тесное общение с нищими привело к тому, что и у них завелись вши и клопы. Эти маленькие неумолимые мытари стали

Считается, что только в 1941–1942 годах около ста тысяч греков погибли от голода. — *Прим. греч. ред.*

постоянными насельниками двух подвижников, собирая налог с той немногой крови, которая у них оставалась после постоянного поста и суровых подвигов.

ОТЕЦ ИОСИФ МЛАДШИЙ

После переселения в скит Святой Анны прошло девять лет. Было лето 1947 года, когда молодой монах Иосиф с острова Кипр приехал на Святую Гору для паломничества и душевной пользы. По Промыслу Божию он познакомился со Старцем Иосифом. Молодой монах увидел святость Старца и попросил у него разрешения остаться, чтобы стать его послушником. Но Старец Иосиф ответил: «Ни это место, ни наш устав не позволяют нам принять еще кого-нибудь». Отец Иосиф, однако, продолжал упрашивать. И тогда Старец ответил, что сотворит молитву и сделает так, как его просветит Бог. На следующий день Старец согласился его принять, и отец Иосиф с большой радостью стал его послушником.

Вначале ему было очень тяжело от ежедневных трудов, лишений, суровых условий, недостатка одежды. Но его юношеская ревность и благодать Божия не только делали невозможное возможным, но и доставляли ему радость от подвижнических трудов.

* * *

Из-за бедности в послевоенные годы Старец не мог обеспечить отца Иосифа даже самым необходимым для жизни. Обычное рукоделие почти не продавалось, да и денежное обращение было затруднено. Поэтому Старец был вынужден через неделю послать его в монастыри на работу ради пропитания. Естественно, это было большим испытанием для отца Иосифа. Но ведь *послушание паче жертвы благи* (1 Цар. 15, 22). Он не стал роптать и говорить: «Ну вот, я приехал с Кипра ради молитвы, а ты меня посылаешь на поля. Если бы я хотел этого, то оставался бы, где был». Напротив, он с готовностью принял это нелегкое для него решение Старца, настолько он ему верил.

Так почти до 1953 года он ходил по монастырям и трудился в садах и огородах, на сборе урожая, на других работах и очень редко видел Старца. Но смысл того, чему наставлял Старец, он успел понять и тщательно этому следовал.

* * *

Отцу Иосифу приходилось сталкиваться со многими монахами и мирянами, и нередко мирские ранили его душу своими страстями. Вокруг себя он, бывало, слышал грубые, оскорбительные и даже хульные речи. Это, вместе с вынужденной беспорядочностью дневных трудов и забот, сильно утомляло его. Но каждый раз, когда терпение его было на исходе, хотя он и не рассказывал об этом никому, отец Иосиф получал письмо от Старца. Он признавался: «Уже только от того, что я брал в руки это письмо, сразу происходило во мне изменение. Вся скорбь в моей душе исчезала, и я приходил в полный покой. Но как плод происходит от корня, от которого он зависит, так и бывшее со мной изменение происходило не от меня. Я это чувствовал, это было неким воздействием. Часто я даже не распечатывал письма. Мне было достаточно того, что я его получил. Когда же я его через пару дней читал, то находил в письме, написанном Старцем, подробное описание того состояния, в котором я находился. И Старец подробно мне разъяснял, отчего оно у меня случилось, по какой причине, из-за какой встречи, из-за какого моего нерадения было то, что я чувствовал в своей душе. Конечно, все это рассеивалось, как только я получал письмо. Но когда я его читал, я видел, что он знает обо мне все и, безусловно, обо мне молится».

* * *

Пришел август 1949 года. Сбор урожая закончился, и отец Иосиф вернулся в скит Святой Анны на престольный праздник — Успение Пресвятой Богородицы. Однажды, 19 августа, как он сам рассказывал, в полдень после обеда, он собирался идти в свою келлию согласно уставу. Но Старец его остановил, сжал его руку и сказал с улыбкой:

— Сегодня я тебе пришлю посылочку. Смотри, не потеряй ее!

Отец Иосиф не понял, что тот имел в виду и, когда проснулся после отдыха, чтобы начать свое бдение, совершенно об этом забыл.

О том, что с ним произошло в тот вечер, сам он рассказывал так: «Я не помню, как начал бдение, но хорошо знаю, что не успел я несколько раз произнести Имя Христово, как мое сердце наполнилось любовью к Богу. Внезапно она возросла столь сильно, что

я уже не молился, но удивлялся с изумлением преизбытку этой любви. Я хотел обнять и расцеловать всех людей и все творение и одновременно думал о себе столь смиренно, что чувствовал себя ниже всякой твари. Однако полнота и пламя моей любви были обращены ко Христу, Которого я ощущал рядом, но не мог увидеть, чтобы припасть к Его Пречистым стопам и спросить Его, как Он так распаляет сердца и остается сокрытым и неизвестным. У меня тогда было некое тонкое извещение, что это — благодать Святого Духа и что это — Царствие Небесное, о котором Господь наш говорит, что оно находится внутри нас. И я говорил: “Господи мой, пусть все останется как сейчас, и мне больше ничего не нужно”. Это продолжалось довольно долго, и постепенно я вернулся в прежнее состояние. И я с беспокойством и нетерпением ждал, когда наступит подходящий час пойти к Старцу и спросить его, что это было такое и как произошло. Наступило 20 августа, светила полная луна, когда я прибежал к нему и застал прохаживающимся по маленькой площадке у своей келлии. Увидев меня, Старец заулыбался и прежде, чем я ему положил поклон, сказал:

Отец Иосиф Младший

— Видел, как сладок наш Христос? Понял на деле, что такое то, о чем ты меня так настойчиво спрашивал? Теперь понуждай себя сделать собственным приобретением эту благодать, и пусть не украдет ее у тебя нерадение.

Я упал ему в ноги и со слезами сказал:

— Я видел, Старец, видел я, недостойный всякого творения, благодать и любовь Христову и понял теперь дерзновение отцов и силу молитв.

Калива Старца Иосифа в Малом скиту Святой Анны

Когда я ему рассказал в точности, что со мной произошло, и спросил его о причинах случившегося, он уклонился, по смирению, от рассказа об этом и ответил:

— Бог умилосердился о тебе и помиловал, показав тебе авансом Свою благодать, чтобы ты не сомневался в словах святых отцов и не малодушничал.

Я тогда понял смысл общего обычая с полной верой и доверием просить других молиться о нас: “Помолись, отче, и обо мне! Сотвори, батюшка, обо мне молитву! Помяни меня, отче мой, в своей молитве!”

Конечно, мы, христиане, многими способами просим помощи праведников в своих нуждах. И каждый соответствующим образом получает ответ. Но чтобы человек понял нужду некой души, зная при этом ее состояние, и сказал повелительно: “Ступай и постарайся получить то, что я тебе пошлю, в чем ты нуждаешься” — и знал, что посылает и была ли получена эта посылка, — все это выходит за границы обычного и относится к сверхъестественным событиям.

Это был не первый случай, когда мы получили утешение от молитвы Старца. И пусть никто не говорит, что это естественно для послушников — ощущать благословение своего Старца. Конечно, и это — правда, и блаженны те, кто имеет доверие к своим духовным отцам, молитвами которых они, воистину, покрываются.

Но в нашем случае происходило нечто иное, более высокое и значительное. Одно дело, когда послушник по своей вере и благоговению черпает таинственным образом помощь благодати в самых обычных обстоятельствах, так что спасается от опасностей и трудностей, получает извещение в разных безвыходных ситуациях и вообще получает некое таинственное благословение быть хранимым во всем. Это бывает с каждым истинным послушником, так что и Старец его может не знать об этом и будет удивляться благословию Божию, когда услышит от него про эти события. И другое дело, когда Старец сам посылает, как власть имущий, благодать и благословение своему ученику, сколько и когда хочет, по своему ведению и воле»⁷⁴.

* * *

После 1953 года отступили бедность и послевоенная неустроенность, и отец Иосиф смог наконец постоянно жить вместе со Старцем, к чему стремилось его сердце. Теперь он мог заниматься рукоделием здесь.

Сперва он жил в кельи, которая была отведена для отца Ефрема, когда тот приходил служить литургию. Поэтому два раза в неделю, а то и больше, отцу Иосифу негде было спать. Но эта проблема разрешилась, когда Старец отдал ему свою келью, после того как построил себе отдельную маленькую каливку, стоявшую в двухстах метрах дальше, в пустыне.

Старец Иосиф построил себе отдельную каливку потому, что разговаривал по вечерам с отцом Арсением и так нарушалось его безмолвие. Калива была столь незамысловато устроена, что разрушилась через несколько лет после его смерти. Но там Старец наслаждался, по его собственным словам, «чудесным безмолвием».

⁷⁴ *Γέροντος Ἰωσήφ Βατοπαϊδινού. Ὁ Γέροντας Ἰωσήφ ὁ Ἠσυχαστής. Σελ. 123–124. Ср.: Монах Иосиф. Старец Иосиф Исихаст. С. 91–93.*

ЧЕЛОВЕК ЛЮБВИ

ЛЮБОВЬ СТАРЦА

Старец Иосиф достиг вершины жизни во Христе — Божественной любви. В конце своего сочинения «Письмо исихасту-пустыннику», которое он написал для безмолвников, он объясняет, что «заповедь любви, осуществляемой делами ради взаимной братской любви, — это одно, а другое — это энергия Божественной любви», которую обретают только совершенные. Затем он описывает путь таинственного восхождения, на котором он сам обрел Божественную любовь: «И если мы ходим в простоте, и храним заповеди, и со слезами, в терпении и постоянстве усердно просим, и хорошо, как Моисей, стережем Иофоровых овец, то есть благие и духовные движения ума и помыслы, при зное дня и холоде ночи постоянных войн и искушений, и сокрушаемся от усилий и смирения, тогда мы удостоиваемся видения Бога и купины, пылающей в наших сердцах от Божественного огня любви и неопалаемой. И, приблизившись к ней умной молитвой, мы слышим Божий глас, говорящий в таинстве духовного ведения: *Изуй сапоги от ног твоих* (Исх. 3, 5). То есть сними с себя всякое своеволие и попечение этого века и всякое ребяческое мудрование и подчинись Святому Духу и Его Божественной воле, ибо *место, на немже ты стоиши, земля свята есть* (Исх. 3, 5).

И когда все это будет снято, принимает на себя человек предстательство за народ и несет казни фараону, то есть рассуждение и управление Божественными дарованиями и победу над бесами. И затем получает Божественные законы. И не на каменных скрижалях, как Моисей, которые ветшают и разбиваются, но божественно начертанные Святым Духом в наших сердцах. И не только десять заповедей, но сколько вмещают наши ум, ведение и естество. И затем входит человек *во внутреннейшее завесы* (Евр. 6, 19).

А когда осеняет Божественное облако в огненном столпе любви и он становится весь огнем и не в силах более этого выносить, тогда Божественное действие любви вызывает к Источнику любви и говорит человеческими устами: “Кто может разлучить меня со сладкой любовью Твоей, Иисусе?” И, вдобавок, в веющем дуновении, в теле или без тела — Бог знает, внутри жилища или вне его, на воздухе, — Бог знает, — это знает лишь тот, кто видел, — весь ставший огнем от огня и изливая слезы любви, с удивлением и изумлением взывает: “Останови, сладкая Любовь, воды Твоей благодати, ибо соединение моих членов распалось!” И когда он говорит это в веющем дуновении Духа с Его чудесным и неизреченным благоуханием, замирают чувства и невозможно никакое телесное движение. И весь плененный, связанный молчанием, он только удивляется богатству славы Божией, пока не уйдет Божественный мрак»⁷⁵.

После того как он сам приобрел неисчерпаемый Источник любви в своем сердце, любовь источалась и изливалась на всех вокруг него и на весь мир. Старец нам говорил, что тому, кто молится *в духе и истине* (Ин. 4, 23–24), дается во Христе любовь к ближнему.

От большой любви он сам был готов пострадать за других. И поэтому иногда говорил: «За твои грехи перед Христом отвечать буду я, я буду отвечать!»

* * *

Беспредельная любовь Старца к людям выражалась в двоякой милостыне — телесной и душевной. В первом случае он давал другим, что мог: пищу, одежду, место для ночлега. А во втором —

⁷⁵ Письмо исихасту-пустыннику.

заботился об их спасении прежде всего своими непрестанными молитвами и многочисленными письмами.

Старец постоянно заботился о некоторых немощных старцах в пустыне, посылая им все необходимое, в том числе приготовленную пищу. Он столь свободно давал другим, например, муку, что иногда остальные отцы нашей общины роптали, потому что оставшегося не хватало нам самим. Но его это не беспокоило, потому что у него была вера в Промысл Божий.

* * *

По своей любви Старец принимал и кормил всех нищих, которые к нему приходили. А приходили многие: старец Модест, старец Евстратий, один мирской дедушка Яннис и многие другие. Одинок и нищие, они приходили к Старцу ради тарелки еды. И Старец был щедр на милостыню и любовь. Кто бы к нему ни заходил, он его усаживал поесть.

Старец им готовил. Обжигаясь, жарил им треску, а они сидели, как турецкие паши, и ели.

Я занимался рукоделием. У меня болела грудь от работы, уже не было сил, я стал чахоточным.

— Ты, дитя мое, трудись понемногу над рукоделием. Если еще и ты не будешь трудиться, что с нами будет?

— Старче, я убиваюсь над рукоделием, ты — обжигаешься над плитой, еще и эти люди у нас здесь...

— Молчи, молчи. Не трогай их. Ничего страшного, трудись, чтобы иметь себе награду.

— Буди благословенно.

Когда Старец раздавал им треску, один из них хватал себе хвост, потому что он, как известно, вкуснее. Другой тоже старался его не упустить. И они начинали ругаться.

— Слушайте, прекратите это дело! — говорил Старец.

Все это было нелегко, но по своей любви Старец не мог поступать иначе.

* * *

Один монах, познакомившийся со Старцем незадолго до его блаженной кончины, рассказал нам, что увидел святость Старца в

его любви к ближнему. Особенное впечатление произвел на него следующий случай, свидетелем которого он стал и о котором рассказал нам: «Из Сифонии, находящейся напротив, на другой стороне залива, пришел к Старцу один человек и принес полсотни яиц. Он, бедняга, был совсем нищим. Он пришел к Старцу, чтобы получить за яйца немного денег. Келлия Старца была высоко, поднимаясь туда, он споткнулся и разбил яйца. Дошел он до калитки. К тому времени мы уже поели и пошли спать перед бдением. Тот начал стучать в калитку. Старцы отдыхали у себя в келлиях, а тот стучал. Старец сказал отцу Арсению:

— Сходи-ка посмотри, кто там стучит.

— Но, Старче, сейчас ведь не время ходить смотреть, кто стучит.

Согласно нашему уставу, мы должны были отдыхать перед началом нашего бдения. Старец Иосиф обычно никому не открывал в такой час. Однако, на удивление, он снова сказал:

— Пойди посмотри.

Пошел отец Арсений и увидел этого человека, плачущего над разбитыми яйцами, из которых текло на землю. Старец сказал:

— Веди его сюда, веди этого человека.

Отец Арсений спросил:

— И что нам теперь делать с этими яйцами?

Старец сказал:

— Сколько, дитя мое, стоят эти яйца? Подойди сюда, возьми деньги. Давай, ступай с миром».

Так Старец их и купил. Он выбрал оттуда всю скорлупу и на следующий день приготовил, и мы их съели на трапезе.

* * *

Часто мы видели, как Старец спокойно погружается в себя, а затем по его печальному виду и изменившемуся выражению лица казалось, что он был где-то в другом месте. Иногда мы видели, как он, страдая, тихо вздыхает, и тогда мы его спрашивали, что случилось. Он с болью отвечал: «Какой-то человек, дети, страдает». А иной раз он нам говорил: «Такой-то человек страдает и просит помощи». И действительно, спустя несколько дней Старец получал от этого человека письмо с просьбой помолиться о нем.

Бывало также, мы ему сообщали о беде, с кем-то случившейся, и он начинал плакать. И когда кто-либо оказывал нам благодеяние, он об этом никогда не забывал и искал способы и удобный случай, чтобы вознаградить этого человека, насколько мог. Но главная его благодарность выражалась в молитве. Он целыми часами молился со слезами за весь мир, а особенно за людей, которых знал и которые просили его молитвенной помощи.

Обращение Старца с людьми было очень любезным, он был очень воспитанный человек. Нас, своих послушников, он потешески ругал, чтобы исцелить от страстей. Однако с другими людьми в таком тоне он не разговаривал. Как он сам говорил о себе: «Я всех люблю. Ко всем я расположен настолько, что, хотя каждый мыслит по-своему, всякий, с кем доведется мне поговорить, считает, что я на его стороне. Я никого не лишаю надежды, даже если вижу, что он заблуждается. Раз уж знаю, что он не послушается, если и скажу, то зачем я буду его смущать и печалить?»⁷⁶

* * *

У Старца была двоюродная сестра Катерина, жившая в миру. Она передразнивала священников, чтецов и певцов, как они читают, как поют, как ходят, и сама над этим смеялась. Вскоре после прихода к нам отца Харалампия Старец узнал, что Катерина, совсем еще молодая девушка, умерла. Когда настал ее последний час, Бог показал, что ее поведение было неправильным. Умирая, она издавала вопли и кривлялась. Старец, как только об этом узнал, заплакал. Отец Харалампий был изумлен такой чувствительностью Старца. Однако Старец понял его помысл и сказал: «Я, дитя мое, плачу не о том, что она умерла, а о том, что она в аду».

С того дня Старец начал непрерывный пост и молитву о своей сестре, но еще очень долго видел, что она во тьме. Однажды, молясь о ней, он задремал и увидел в видении, как его сестра восходит с радостью из ада на Небо, держа в руке некий ключ и крича от радости, как сумасшедшая:

— Сегодня у меня великий день, я иду теперь в светлое жилище и прекрасный дворец!

⁷⁶ Письмо 29.

Старец спросил ее:

— Катерина, что с тобой?

— Сегодня у меня великий день!

По молитвам Старца Катерина освободилась от своих оков. Во-
истину, *много может усиленная молитва праведного* (Иак. 5, 16).

Поэтому Старец мне как-то сказал:

— Знаешь, дитя мое, что говорят люди в аду?

— Что они говорят, Старче?

— Вот что: «Ах, неужели в нашем роду не найдется хотя бы одного священника, чтобы поминал он нас, мучающихся здесь в аду? Чтобы прислал нам какую-нибудь посылочку?»

Старец вспоминал и отца Георгия, праведного священника из своего села, который его крестил и о котором Старец молился по четкам. Это был святой человек, хранивший девство, творивший много милостыни и изгонявший бесов. Каждый день он служил литургию и поминал тысячи имен, а затем обходил могилы и целый день служил поминальные службы по усопшим. Он решил вы-
тащить всех грешников из ада.

Старец увидел как-то отца Георгия во сне, и тот ему сказал:

— Я, когда был жив, думал, что только литургии выводят души из ада. А теперь, когда я умер, я увидел на деле, что и молитвы, которые вы совершаете, избавляют души от вечных мук.

Поэтому Старец нам говорил, что милость Божия велика, ибо не только Божественной литургией, но и молитвой ты можешь вы-
тащить душу из ада. И он наставлял нас, чтобы мы тянули четки об умерших: «Обо всех ваших усопших тяните четки, чтобы спаслись и эти люди».

* * *

Любовь Старца Иосифа к ближнему выражалась также в готовности приносить духовную пользу тем, кто просил у него советов, посещая его или задавая вопросы в письмах. В то время паломников на Святой Горе было мало, не так, как сейчас. Редко кто сюда приезжал. В основном Старца навещали монахи из разных обителей и скитов, иногда — священники из мира. Сохранился рассказ известного в Америке православного писателя Константина Каварноса, профессора Гарвардского университета, побывавшего у Старца в 1958 году.

«Отец Иосиф пригласил меня в свою каливу, сел на полу и дал знак сесть и мне, справа от него, чтобы поговорить о духовной жизни. Кажется, он хотел, чтобы мы беседовали сидя на полу ради упражнения в смиренномудрии. Первой темой разговора была исповедь. Затем отец Иосиф спросил, читаю ли я Евангелие.

— Было бы хорошо читать Евангелие каждый день, — сказал он. — Читай и Ветхий Завет, особенно же Псалтирь. Весьма рекомендую тебе жития святых, собранные в Синаксаре. Лучшее время для чтения таких книг — вечер. Не забывай и о молитве. Особое внимание удели умной, сердечной молитве: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Это самый важный способ духовного делания.

— Но как возможно заниматься этой молитвой тому, кто живет в миру, среди стольких забот и хлопот? — спросил я его.

— Посвящай ей каждый день по одному часу, лучше вечером, перед сном. И в течение этого часа читай ее непрестанно. Весьма рекомендую тебе также прочесть «Откровенные рассказы странника». Эта книга раскрывает значение Иисусовой молитвы и учит способу, как ее читать.

— Некоторые говорят, что эта молитва может привести к помешательству, — заметил я.

— Из всех видов молитвы, — продолжил отец Иосиф, — это самый безопасный и лучший. Необходимо только, чтобы она сочеталась с трезвением, дабы ум не рассеивался. А также необходимо при этом следовать советам опытного духовника. Первоначально эта молитва должна произноситься вслух. А позднее — умно. Хотя и тогда должна читаться вслух, когда у нас не получается хорошо сосредоточиться на словах. По мере того как мы занимаемся этой молитвой, непрерывно совершается внутреннее делание. И оно приносит плоды. То, что ты сейчас слышишь, не требуется принимать на веру. Твой собственный опыт тебе это подтвердит. Мы из опыта знаем, что Иисусова молитва — это очень плодотворный способ очищения сердца и ума. Она снимает покров с ума и открывает ему неизреченные сокровища. Найти Бога — вот такая главная цель должна быть у человека. Обретя Бога, он обретет истинное счастье. Внутренняя молитва, о которой мы говорим, ведет человека

к Богу. Мы никогда не сможем достаточно отблагодарить Его, открывшего нам Самого Себя. И также никогда не сможем достаточно отблагодарить за иные блага, которыми Он нас одарил. Богу не было нужды создавать человека, у Него уже были ангельские воинства. Но Он сотворил его и даровал бесчисленные блага.

В течение всей нашей беседы отец Иосиф говорил спокойно и искренне. На меня он произвел впечатление человека, воистину посвященного в духовные тайны, настоящего святого»⁷⁷.

* * *

Старец охотно отвечал на письма. После ночной молитвы он клал перед собой доску, ставил светильник с маслом — керосиновой лампой он не пользовался из-за запаха — и писал. Ответы, которые Старец давал своим духовным чадам, были плодом молитвы. Потому-то его письма богодухновенны и так сильны. Утром я брал эти письма, относил к морю и бросал их в лодку.

В 1979 году духовные внуки Старца Иосифа в монастыре Филофей издали его сохранившиеся письма под заглавием «Выражение монашеского опыта». Богодухновенные его советы в этой книге принесли пользу тысячам душ. Книга многократно переиздавалась и переведена на разные языки. Приснопамятный Старец Паисий, прочитав ее, сказал: «Ох, как много я потерял! Когда я пришел на Святую Гору, Старец еще был жив. Я услышал о его славе и спросил о нем одного человека, который его знал. Он мне сказал: “Не слушай, что говорят, это все ложь. Он прельщенный”. Я ему поверил и не пошел к Старцу, чтобы с ним познакомиться. Но когда были изданы его письма и я их прочитал, тогда понял, каким редким явлением он был и какое огромное сокровище я потерял»⁷⁸.

Самое удивительное заключалось в том, что Старец Иосиф был в мирском смысле человеком малограмотным: он окончил лишь четыре класса. Однако он был премудр в Божественных

⁷⁷ Cavarnos, Constantine, *Modern Orthodox Saints*, Vol. 14, Brookline, Massachusetts, 2000, pp. 46–52.

⁷⁸ *Ἰωσήφ Μοναχοῦ Διονυσιάτου. Ὁ Γέρων Ἀρσένιος ὁ Σπηλαιώτης*. Σελ. 100. Ср.: Старец Арсений Пещерник, сподвижник Старца Иосифа Исихаста. М., 2002. С. 129.

вещах. Он был Богом наученный. «Университет пустыни» научил его тому, в чем мы имеем подлинную нужду: вечно-му, Небесному. Было удивительно, как Старец, не располагая теми возможностями, которые дает человеческое знание, легко мог объяснять любому самые сложные вещи. Он прекрасно понимал высокие смыслы Священного Писания и творений святых отцов. Он был *хотя и невежда в слове, но не в познании* (2 Кор. 11, 6). Простой подвижник может не знать риторики, но иметь духовное ведение благодати, которая обретена молитвой и аскетическим очищением.

СОСТРАДАНИЕ К БЕСНОВАТЫМ

Наряду с нищими Старец по милосердию своему принимал и бесноватых, приходивших из мира. Они приходили поесть хлеба, приходили и в поисках исцеления. Они оставались, сколько хотели, а затем сами уходили. Бесноватые не могут долго оставаться на одном месте. Все, у кого нет в душе утешения от Бога, ищут утешения, меняя места и людей.

И Старец мой был очень опытен в изгнании бесов.

* * *

Когда Старец был еще в скиту Святого Василия, пришел к нему один бесноватый по имени Хараламбий. Его отовсюду выгоняли. Старец сжалился над ним и не стал прогонять. Он думал: «Оставляю-ка я его, пусть передохнет немного, пусть согреется его сердце, ведь и он человек». Чтобы он выздоровел, Старец возложил на него строгий пост, ведь Христос говорит: *Сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста* (Мк. 9, 29).

Однажды пошел Старец с отцом Арсением на вершину Афона помолиться, а когда они вернулись, Старцу сказали, что Хараламбий заперся в кладовке и не выходит. Он запер изнутри все двери и окна, захватив при этом с собой ключи. Он сидел там и ел все, что мог найти: лук, чеснок, все без разбора. Он начал грызть там даже ботинки.

— Хараламбий! — закричал Старец. — Выходи!
— Я хочу подвизаться!
— Выходи, говорю тебе!
— Я стану подвижником!
— Давай, выходи, открой дверь, и я тебя сделаю подвижником.
Безрезультатно. Как его ни упрашивали, тот ни за что не открывал.

— Сейчас я тебе все устрою, — сказал Старец. — Арсений, принеси отвертку.

Открутил он петли, чтобы снять дверь. И как только дверь открылась и Хараламбий вышел наружу, Старец отвесил ему оплеуху. Да, досталось Харалампию. Бесноватые обычно пугливы, и Хараламбий упал в ноги Старцу. Старец спросил его:

— Зачем же ты заперся и не давал нам войти?

— Затем, — отвечал тот, — что там были лук и картошка. Я хотел сам подвизаться — есть лук и картошку.

— Сумасшедший! Ты съел весь наш лук! Теперь придется таскать его на своих плечах.

Он вскоре выздоровел, но, когда ушел, вновь стал бесноваться. Он трижды приходил к нам, и трижды Старец его исцелял. Но лишь только он выздоравливал, как уходил и снова сходил с ума, и им овладевали бесы. В конце концов его поместили в психбольницу.

Этот Хараламбий впоследствии убил одного юношу-рабочего. Он, бедняга, приходил туда работать, а у Харалампия оказался топор, которым он его и убил. Харалампия спросили:

— Зачем ты его убил?

— Я дьявола убил.

Дьявол, который был у него внутри, вышел и явился впереди того юноши. Хараламбий, увидев дьявола, схватил топор и ударил лукавого, чтобы тот не причинил ему зла. Но вместо того чтобы ударить дьявола, он убил юношу. Так он оказался в тюрьме.

Однажды выехал Старец в мир и повстречался с каким-то человеком, который ему сказал, что недавно вышел из тюрьмы. Старец спросил:

— Из какой тюрьмы?

— Из такой-то.

— Слушай, а был там Харалампий?

— А как же, там он. Ох, подходит он к нам как-то вечером и хлоп рукой по столу: «Оп! Ребята, вечерня!» Мы все застыли. Начал он читать вечерню: «Бур-бур-бур...» Мы боялись слово сказать — всех поубивает! Только крестом себя осеняли. А когда он делал поклоны, бил себя сзади по ногам. «Зачем ты так делаешь?» — спросили мы. А он: «Поклоны с хвостом!» Так бывший в нем бес издевался над ним.

* * *

Вскоре после того как я пришел на Святую Гору, нас посетил один полицейский. Это был высокий крепкий парень. Он был зилом, но ревность его была немного не по разуму. Старец ему говорил:

— Смотри, впадешь в прелесть, и тебя придется связывать.

Тот ни в какую:

— Меня?! Мои помощники — святой Пантелеимон и святая Марина!

В конце концов, как сказал Старец, так и случилось. Он забесновался, и его связали. Позднее, поскольку он не был буйнопомешанным, его выпустили на свободу, и он бродил там и сям. Старец из человеколюбия давал ему приют. Как-то он ему сказал:

— Чтобы не сидеть без дела, пойдн наруби дров.

Но поскольку тот долго не возвращался, пошли его искать. Нашли его сидящим и глубоко задумавшимся.

— Что с тобой случилось?

— Я не нарубил дров, потому что был озабочен судьбами Церквей.

Некоторое время он прожил с нами и затем ушел. Вскоре умер его отец, и его сродники, из-за наследства, поместили его в психбольницу.

Старец мне говорил, что разные бесы входят в человека в зависимости от его характера. Если жизнь его была бурная, у него будет соответствующий бес. А если он был тихим, то и бес будет тихим.

* * *

Как-то привели одного ребенка, страдавшего лунатизмом, чтобы он у нас исцелился. Бес хватал его, бросал на землю и поворачивал ему голову набок. Мы его из милосердия оставили у себя. В последний день своей жизни мальчик испускал изо рта пену, и Старец мне сказал:

— Дитя мое, отнеси-ка еду в его келлию и оставь рядом с ним.

В свой последний день ребенок прошел мимо нас, глядя нам всем в глаза. Вечером, когда я зашел к Старцу положить поклон, перед тем как служить литургию, Старец мне сказал:

— Сегодня вечером мальчику очень досталось от беса. Нынче случится одно из двух: или бес выйдет, или мальчик умрет.

И в этот вечер бес задушил мальчика. И так как он был непорочным ребенком, он ушел от нас как ясное солнышко.

* * *

Была бесноватая женщина, одна из дочерей которой тоже бесновалась: она унаследовала беса от своей матери. Доходило до того, что она едва не выпрыгивала из окна. Дочь услышала о Старце и написала ему письмо, описывая их несчастье и прося его молитв за себя и за свою мать. Старец сжалился над ними и начал строгий пост на сорок дней, ничего не вкушая, кроме сухого хлеба и воды. После этого поста он получил извещение от Бога и написал этой девушке ответ: «Дитя мое, из твоей матери бес выйдет, а твой — не выйдет». Действительно, из ее матери вышел бес, тогда как из нее не вышел, но ей стало немного лучше. Когда с ней случался припадок, она только мычала. Позднее она стала монахиней. Как только она постриглась в великую схиму, все это прекратилось. Единственное, чем она иногда страдала, это головокружения, как при высоком давлении, и ничего больше. Таких припадков, какие случались раньше, у нее больше не было.

* * *

Один бесноватый монах, отец Иоанн, когда его болезнь утихла, пришел посетить Старца Иосифа. Согласно нашему порядку и

наказу Старца, я должен был удалиться. Как только я видел посетителя, я сразу же прятался. Поэтому, когда тот пришел, я зашел в соседнюю келлию и там занялся рукоделием.

Старец сидел на скамеечке, отец Иоанн сел рядом с ним. Я знал от Старца, что этот человек бесноватый, потому что Старец часто мне говорил о нем ради наставления и дабы я знал, что бывает. Итак, я сидел в соседней келлии и, не желая того, слышал каждое слово, ибо он громко кричал:

— Старче! Когда мной овладевает бес, он меня поднимает вверх, бьет меня, я произношу бессвязные слова, совершаю неразумные поступки. Я вижу себя снаружи, как я все это делаю, и оказываюсь зрителем всего, что делает мое тело и говорят мои уста. И хотя я все это вижу, я ничего не могу поделать, и все члены моего тела послушны диаволу.

Лишь только ушел отец Иоанн, я сказал Старцу:

— Старче, прости меня. Он кричал, и уши мои все это услышали. Можешь ты мне все это объяснить, Старче? Я не могу понять, как душа этого человека может быть двойной? Как бес вошел внутрь него и действует? Каким образом он мучается и одновременно видит, как он танцует, прыгает, не владея собой?

— Так бывает потому, что бес — это другая сущность. Это личность. Что такое ангел? Что такое святые в ином мире? Это духовные личности, без тела, которые могут войти внутрь человека. Бес входит вовнутрь, и овладевает им, и управляет его умом, управляет его языком, и тот говорит все, что хочет бес. Так человек подчиняется, как послушное орудие.

* * *

Я, конечно, поверил тому, что сказал мне Старец. Такого личного опыта у меня не было. В тот день мы поели, поспали, поднялись на молитву. Я сел в своей каливе на скамеечку, начал говорить Иисусову молитву. Прошло два-три часа. Я подумал: «Поднимусь-ка я, схожу в пещерку, посмотрю время». Я оставлял часы там, чтобы не слышать их тиканья и не отвлекаться на это. «Посмотрю время и начну делать поклоны, молиться по четкам, а затем отдохну, потому что утром мне рано подниматься, готовить трапезу отцам. Надо вставать», — подумал я. То есть соображал я хорошо, ведь

я не спал, я молился. И в то время, когда я уже собрался встать, я увидел, что встаю. Я встал, сходил посмотрел время и взял большие четки, чтобы молиться по ним на террасе и делать поклоны. Когда я вышел из пещерки и спустился на террасу, некое облако, как шар, окружило меня и вошло в меня. И тут я как бы раздвоился. Я увидел самого себя танцующим, прыгающим, поющим и понял, что не владею самим собой. И услышал голос: «Так происходит и с отцом Иоанном».

В конце концов я увидел себя в теле, сидящим на прежнем месте и творящим Иисусову молитву. Я встал, взял четки, начал поклоны. Вышел из своей калиты Старец, я подошел к нему.

— Старче, вот что со мной случилось.

— Это тебе Бог показал, как бывает на деле. То, что ты не мог понять в теории, когда я тебе рассказывал, Бог показал тебе на деле. Завтра, может быть, Бог тебя сделает духовником, ты будешь учить других, и тогда ты сможешь объяснить и истолковать эти вещи. Как иначе они могут быть истолкованы? Можно ли объяснить беснование с помощью науки? Нет. Бог тебе это показал, чтобы у тебя был опыт, ибо тебе это встретится в жизни. Я помолился, чтобы Бог тебе показал на деле, как бывает с бесноватым человеком. Чтобы ты знал, когда увидишь бесноватого, что с ним происходит. Другие не смогут тебе помочь с этим разобраться, так как ничего этого знать не будут.

А в завершение разговора Старец мне сказал:

— Ах, брат, я думал собрать всех дураков и ненормальных, чтобы сделать из них людей, но они людьми не становятся. И тогда я решил: хватит, возьму кого-нибудь нормального, чтобы хоть кто-нибудь у меня остался. Поэтому-то я вас и взял.

ДАР ПРОЗОРАЛИВОСТИ

Наш Старец был опытным человеком и глубоким знатоком духовной жизни. Когда мы приходили к нему ночами на исповедь, он часто брал инициативу на себя и подробно объяснял каждому его проблему и способ ее решения прежде, чем мы ему рассказывали, что нас беспокоит. То есть он знал наше

внутреннее состояние и объяснял нам, каким образом оно возникло и как нам следует с ним работать, касалось ли это помыслов, страстей или действия благодати. Ему не нужно было спрашивать, чтобы понять проблему и указать, как ее решать. С одного взгляда он читал наши помыслы. Ибо, с одной стороны, у него был дар прозорливости, а с другой — огромный аскетический опыт.

Мы удивлялись, как он столь хорошо знает наш внутренний мир, в то время как мы сами затруднялись его описать. Но обычно он не показывал ясно, что читал наши помыслы. Естественно, мы от него не скрывали ничего, но даже если бы и захотели что-то от него сокрыть, то не смогли бы этого сделать, ибо тогда он по своей прозорливости сам бы нам все рассказал.

* * *

Своими собственными глазами мы много раз видели, что у Старца есть дар прозорливости. Однажды, когда он еще жил в скиту Святого Василия, пошел он в скитскую церковь к отцу Герасиму. Там был какой-то мирской человек. Старец подошел к нему и сказал:

— У вас на душе какой-то грех, и он серьезный.

— Какой грех? — спросил тот.

— Я этого не знаю, — отвечал Старец, — знаю только, что грех этот очень серьезный.

— И нельзя это выяснить?

— Сейчас, днем — нет. Если хочешь, приходи ко мне ночью.

— Хорошо, после полуночи приду, Старец.

— Пойдешь по этой тропинке и придешь в мою каливу.

В полночь этот человек пришел к Старцу. Они начали беседовать. И что обнаружилось в итоге? Этот человек, хотя и был выпускником богословского факультета, написал целую книгу в защиту дарвиновской теории. И Старец ему сказал:

— Послушай, если ты излагаешь какую-нибудь теорию, гипотезу, почему ты не приводишь суждения православных богословов, Святых Отцов, но приводишь мнения других: иудеев, масонов и тому подобных? Почему не обращаешься к Святым Отцам? Всякий вопрос можно правильно решить, когда обращаешься к

Святым Отцам или к Священному Писанию, — тогда решение имеет силу.

Богослов согласился, что ошибся с этой теорией, и попросил Старца, чтобы тот ему открыл, откуда он об этом узнал. Старец ответил:

— Вчера, когда я к тебе приблизился, некий смрад, некая вонь исходила от тебя, поэтому я понял, что на твоей душе какой-то грех.

Подобным образом однажды и отец Ефрем Катунакский шел сзади некоего мирского человека, и от того исходили смрад и зловоение. Отец Ефрем пошел к Старцу Иосифу, рассказал ему об этом и тот ответил:

— Так и есть, дитя мое, мирские люди пахнут, грех пахнет. Пахнет в зависимости от того, какой это вид греха, какова его тяжесть.

В другой раз отец Ефрем получил письмо от своей племянницы, просившей его молитв. Он показал его Старцу, но как только тот взял письмо, сразу почувствовал, что от него исходит вонь.

— Или некий блуд, или колдовство соделала твоя племянница, — сказал Старец Иосиф. И отец Ефрем подтвердил, что так и есть, дело в колдовстве.

Еще как-то раз Старец Иосиф увидел некоего человека и сказал нам про него:

— Это неправославный.

И действительно, когда с ним стал разговаривать один брат из нашей общины, он обнаружил, что у этого человека были еретические взгляды, о еретичности которых он и сам не знал.

Если у какого-либо встретившегося ему человека были плотские согрешения, Старец видел это. Он также видел, если у кого-нибудь случалось ночное осквернение. Его духовные дети говорили нам, что он нередко предупреждал их о событиях, которые с ними затем произошли.

* * *

Однажды пришел к нам один священник. Он сказал Старцу:

— Я не могу понять, что такое умная молитва. Обучите меня ей на практике!

— Хорошо, батюшка, — ответил Старец. И было решено, что он останется у нас на несколько дней. Между тем Старец мне сказал:

— Возьми деньги и отправляйся завтра за покупками.

— Что мне купить, Старче?

— Ты знаешь, что мне нравится. Я знаю, что останусь доволен принесенным тобой.

На следующий день я отправился за покупками и вижу: этот священник тоже поднимается на корабль, но со мной не разговаривает. Так он ничего мне и не сказал. Вернувшись из Дафни в скит, я спросил у одного брата из нашей общины:

— Почему этот человек уехал?

— И как только Старец его раскусил? — ответил тот. — Вот что произошло. Этот священник сказал: «Старче Иосифе, раз уж я остаюсь здесь на неделю, то послужу-ка вместе с твоими священниками». Старец ему ответил: «Сначала я у тебя разузнаю, не было ли у тебя препятствий, чтобы стать священником. И если найду, что все в порядке, я тебе дам позволение на сослужение». Услышав такое, этот человек ушел.

Получается, у него были-таки препятствия.

В другой раз посетил Старца один диакон. Старец увидел, что у него есть препятствия для принятия священного сана, и сказал ему, чтобы тот не добивался иерейского сана. Но диакон переменил тему разговора. Тогда Старец мне сказал:

— Напой его кофе и пусть идет, потому что он не принимает моих слов.

У Старца был очень острый ум. Он видел человека насквозь. Его совершенно невозможно было провести.

* * *

Старец никогда ничего не предпринимал, не помолившись перед этим. Поэтому он мог бы сказать: «Все, что я делаю, я делаю с уверенностью в правильности этого и со страхом Божиим». Иногда мы его спрашивали о том, что собирались сделать в ближайшее время, и он отвечал, что даст нам ответ завтра, дабы иметь возможность прежде помолиться.

Однажды он сказал нам вечером:

— Хлопцы, приготовьтесь завтра утром на рассвете взять торбы и пойти за дровами.

А утром, когда мы уже собрались, он сказал:

— Никуда вы не пойдете.

— Но, Старче, разве вы не велели нам вчера идти?

— Я не получил извещения.

Выходит, ночью он сотворил молитву об этом деле: идти нам или не идти. Если он что-то делал, то после извещения от Бога. И поэтому Старец не сделал ничего, в чем бы позже раскаялся. Для нас Старец был кормчим, мы оказывали ему полное послушание.

Святой Варсануфий говорит, что если кто-нибудь хочет получить извещение о воле Божией и у него нет возможности посоветоваться об этом со своим духовником, то пусть он совершенно оставит свои собственные мысли и помолится трижды. И куда будет склоняться его сердце, пусть то и делает — и это будет по воле Божией⁷⁹. Но те, кто имеет большее преуспевание и дерзновение в своей молитве, слышат отчетливее извещение от Бога. Так обычно и бывало у Старца.

* * *

Старец мог находиться в уединении, в своей келлии, но при этом оказывалось, что он знает о том, что происходит снаружи, чем мы занимаемся и как у нас дела. Как-то раз, когда он заперся в своей келлии и молился, в дверь постучали. Это пришел отец Афанасий. Но Старец не мог знать, кто пришел. Итак, в дверь стучат.

— Заходи, отец Афанасий.

— Откуда ты знаешь, Старче, что это я пришел?

И Старец ответил:

— Ты ведь шел по такой-то тропинке и зашел в пещеру Пресвятой Богородицы, зажег там лампадку, посидел и отдохнул там, а затем пришел сюда. Не так ли?

⁷⁹ См.: Преподобных Варсануфия Великого и Иоанна Руководство к духовной жизни. М., 1998. С. 248. Вопр. 362 (ср. также: Там же. Вопр. 363, 364 и С. 489. Вопр. 842).

— Да, так.

— Я наблюдал за тобой все время, пока ты шел.

Позднее отец Иосиф Младший подошел к Старцу и спросил, каким образом он смог так наблюдать за отцом Афанасием. Старец рассказал следующее: «Было бы лучше тебе это самому испытать, чем просто из рассказа узнать, как это происходит. Но раз ты настаиваешь, слушай. Я сидел здесь у окна на коленях, на этих моих лохмотьях, и говорил Иисусову молитву. В одно мгновение, когда я держал ум в действии молитвы, при котором Божественная благодать действует своим Божественным просвещением, увеличилась сила света и мой ум начал распространяться и возрастать настолько, что все для меня осветилось и я видел всю нашу местность от Катунак и ниже, до монастырей, до Дафни. Также видел я и то, что позади меня, и не было для меня ничего невидимого или неизвестного. Свет же тот был не таков, как этот естественный, исходящий от солнца, или как искусственный, создаваемый людьми. Это был свет изумительный, белый, невещественный, не только внешний, как этот естественный, позволяющий видеть вокруг себя тем, у кого есть зрение. Тот свет сияет и внутри человека, и он его ощущает, как свое собственное дыхание. И этот свет наполняет его, как пища и как воздух, и освобождает его от природной тяжести его тела, и преобразует так, что человек не знает, есть ли у него тело, вес или какое другое ограничение. Тогда я увидел и Афанасия, идущего к нам по тропинке от монастыря Святого Павла и несущего свою большую торбу, и я стал наблюдать за ним, пока он не пришел сюда. Я видел все его движения, как он садился отдохнуть и облакачивался на свою ношу, как он остановился у источника Святой Анны близ мельницы и напился воды, как он, наконец, подошел к нашей калитке, взял ключ, открыл ее, вошел во двор, пришел ко мне и положил поклон.

Но почему это вызывает у тебя такое изумление? У человеческого ума есть свой свет и без прибавления Божественной благодати, и когда он очистится и просветится, тогда с помощью своего света он видит лучше, чем демоны, как говорят Святые Отцы. Когда же получит вдобавок и просвещение Божественной благодати, так что она сможет постоянно пребывать в нем, тогда она

увлекает человека в созерцания и видения, как она сама ведает. Но и человек этот, когда захочет увидеть или узнать что-то его интересующее, может попросить об этом в своей молитве, и благодать подействует так, что исполнит его просьбу, поскольку он о том попросил. Думаю, однако, что благоговейные люди избегают просить об этом, кроме случаев великой нужды. Во всяком случае, Господь *волю боящихся его сотворит и молитву их услышит* (Пс. 144, 19)»⁸⁰.

* * *

Отец Иосиф Младший записал и еще один удивительный случай о том, как Старец получил извещение. «Наше жилище в Малой Святой Анне было уединенным и спокойным, но оно сильно зависело от перемен погоды. Так холод там ощущался сильнее, поэтому мы убедили Старца устроить у него кое-какое отопление с помощью небольшой печки. Снял я, недотепа, размеры и приготовил необходимые для печки вещи. Я собирался снаружи обить ее жестью, а саму ее сложить на глине. Вечером накануне назначенного для этой работы дня я приготовился и пообещал Старцу, что завтра печь будет сделана. А утром взял инструмент вместе со стройматериалом и расположил все это поблизости от каливы Старца, чтобы, сделав печь там, поставить ее затем в келии Старца. Положил, как всегда, поклон и приступил к работе при хорошей погоде — трудиться ведь приходилось под открытым небом.

Лишь только я отмерил и отрезал необходимые детали и начал работать, как внезапно испортилась погода. Вслед за этим я начал сталкиваться со странными трудностями во всем, что только ни пытался сделать. Дул какой-то странный ветер, не имевший определенного направления, но бросавший все вещи, бывшие рядом, прямо на меня, в лицо: отрезки жести, доски, бумажки и песок. Удивительным образом у меня выскальзывали инструменты и как-то необъяснимо далеко откатывались —

⁸⁰ Γέροντος Ἰωσήφ Βατοπαίδινοῦ. Ὁ Γέροντας Ἰωσήφ ὁ Ἠσυχαστής. Σελ. 138–139. Ср.: Монах Иосиф. Старец Иосиф Исихаст. С. 105–107.

место ведь было не очень наклонное. Гвозди также необъяснимо гнулись при малейшем ударе, треснули молотки, я должен был исправлять заготовки, которые с тщательностью сделал и собрал накануне. Вначале я ничего не подозревал и старался привести все в порядок и продолжать работу. Вскоре, однако, стало сильно заметно, что нечто происходит. Я ненадолго оставился, потому что отбил себе буквально все пальцы, а внутри меня странное волнение вызывало гнев, нетерпение и смятение. “Странное дело, — сказал я себе, — что-то происходит!” Тем временем погода еще больше испортилась, и это вынудило меня прекратить работу.

Пошел я к Старцу. Чтобы сделать ту печь, требовалось два, максимум три часа. Но прошло уже более шести часов, а я так ничего и не сделал. Тогда я вспомнил, как утром Старец кое-что сказал мне, когда я начал работать, но я не обратил на это внимания. “Посмотрим, получится ли у тебя сегодня что-нибудь”, — сказал он мне. Я не придавал этим словам значения, подумав, что, наверное, они были сказаны Старцем для моего смирения, ведь эту работу я знал. Притом я рассчитывал закончить ее как можно быстрее и успешней, чтобы угодить Старцу, и втайне радовался, что он нам разрешил сделать у него отопление и я это сделаю для него один. Итак, я пришел к нему, постучал в дверь, и он мне открыл. Увидел он мое потрясение и заулыбался.

— Старче, — сказал я ему, — что происходит? И почему вы сказали утром, как будто предсказав, “посмотрим, получится ли у тебя”? Ведь вы знаете, что такая работа для меня — это игрушки.

— А ты какие выводы сделал из того, что произошло?

— Искушение, бесовское действие.

— То-то и оно. Послушай и узнай, что за тайна с тобой заключилась. Вечером, когда я закончил молиться и хотел отдыхать, я увидел сатану, который грозился устроить мне искушения и препятствия в исполнении задуманного мною дела. И тогда я сказал Христу нашему: “Господи мой, не препятствуй ему. Я хочу показать ему, как я Тебя люблю и что буду терпеть холод столько, сколько Ты этопустишь”. В этом причина, дитя мое,

того, что все так произошло: чтобы подольше не было у меня отопления, которое вы так желали у меня устроить.

Я, свидетель этого происшествия, когда узнал эти детали и тайны сокровенного Промысла, согласно которым действует духовный закон, пережил потрясение»⁸¹.

* * *

Однажды, когда мы еще не были рукоположены и приближался праздник, отец Никифор сказал своему послушнику отцу Ефрему: «Ты не пойдешь к Старцу Иосифу». Батюшка нам сообщил об этом, и я сильно расстроился. Старец увидел, как я расстроился, и спросил:

— Вавулис, хочешь, чтобы пришел батюшка?

А спустя немного времени сказал:

— Придет батюшка.

И действительно, отец Ефрем пришел и рассказал нам, что неожиданно отец Никифор отпустил его, сказав: «Ладно, ступай».

Так Старец Иосиф прочистил мозги отцу Никифору своей молитвой.

* * *

Наряду с теми поношениями, которые я непрерывно слышал от Старца, часто он неожиданно называл меня «святым игуменом». Я, естественно, не придавал этому значения и забывал об этом, поскольку думал, что он подшучивает надо мной. Но другие братья обратили на это внимание, потому что никого другого он так не называл. Они говорили между собой с недоумением: «Неужели Яннакис станет игуменом?» И после того как Старец сказал это несколько раз, они решили: «Наверняка станет». Позже, когда исполнилось пророчество Старца и я стал игуменом⁸², они мне с уверенностью говорили, что Старец это предвидел.

⁸¹ Γέροντος Ἰωσήφ Βατοπαίδινοῦ. Ὁ Γέροντας Ἰωσήφ ὁ Ἠσυχαστής. Σελ. 133–136. Ср.: Монах Иосиф. Старец Иосиф Исихаст. С. 101–103.

⁸² Старец Ефрем стал игуменом афонского монастыря Филофей в 1973 году.

Отец Феофилакт был послушником известного Старца Иоакима Специериса⁸³. Отец Феофилакт жил в каливе Святых Бессребренников в Новом Скиту. Это был очень благоговейный, молчаливый и совершенно не стяжательный монах. После смерти своего Старца он остался один в сильной бедности, потому что не знал никакого рукоделия. Однако он помогал соседним общинам, и ему давали за это еду.

Когда мы были еще в Малом скиту Святой Анны, отец Феофилакт побывал у нас. На него произвели большое впечатление святость Старца Иосифа и наша общежительная жизнь. И он попросил о том, чтобы остаться вместе с нами. Старцу тоже захотелось его оставить, но он сказал ему:

— Я помолюсь, и если будет воля Божия, ты оставишь свою келлию и придешь к нам.

Совершая молитву, он увидел Небесный свет в церковке Святых Бессребренников и таким образом получил извещение, что отец Феофилакт должен остаться в своей каливе. Тогда Старец Иосиф ему сказал:

— Нет воли Божией: святые бессребренники не хотят, чтобы ты перешел из своей келлии к нам.

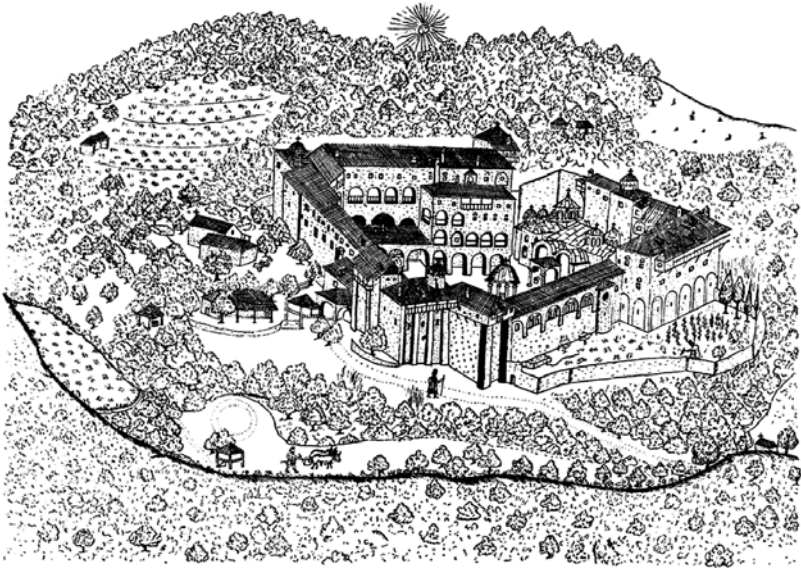
При этом Старец постарался его утешить и дал благословение приходить время от времени пожить у нас, а затем снова возвращаться в свою каливу. Спустя какое-то время отец Феофилакт принял великую схиму, до тех пор он был рясофором. Восприемником его стал Старец Иосиф, он постриг его в пещерах Малой Святой Анны. С тех пор отношения наши стали еще теснее, отец Феофилакт вошел в состав нашей братии, и мы его навещали, когда ходили в Новый Скит по делам. Потом Старец послал к нему отца Иосифа Младшего, который прожил с ним восемь лет, до тех пор пока не преставился Старец Иосиф.

⁸³ Архимандрит Иоаким (Специерис) (1858–1943) — доктор богословия, автор духовных книг и жизнеописаний многих афонских подвижников. В бытность свою иеромонахом подвизался в афонском Новом Скиту, в каливе Святых Бессребренников, и окормлялся у известного духовника Старца Саввы. Наибольшей известностью у греков пользуется его книга «Пустынница Фотиния в пустыне Иорданской» (русский перевод: М.: Даниловский благовестник, 2011).

Однажды Старец написал письмо своему прежнему послушнику, отцу Ефрему, уехавшему в Волос. Вскоре после этого Старец почувствовал некое изменение в своей душе по отношению к нему. Он ощущал сильную любовь, и часто образ отца Ефрема возникал в его мыслях. Старец его мысленно обнимал, недоумевая при этом: «Что бы это значило? Или добрый мой сын каким-то образом сильно заботится о нас, или что-то другое с ним происходит».

И вот прошло немного времени, и Старец получил письмецо от отца Ефрема вместе с посылкой. Тогда Старец понял, в чем было дело. После этого он написал: «Я удивляюсь умным утешительным и известительным движениям Всемудрого Бога, как скоро посылает Он весть, когда у другого случается изменение! Духовный союз, невидимое общение, обмен любовью, Божие извещение. Нет ничего слаще и радостнее, чем разумевать Божии движения»⁸⁴.

84 Письмо 57.

Глава девятая

БЛАГОСЛОВЕННАЯ ОБЩИНА

Мы были благословенной общиной, центром которой являлся светлый и многоопытный Старец Иосиф, направлявший наши души прямо ко Христу. Наша община была подобна маленькому общежительному монастырю. Старец очень хвалил киновийный образ жизни. Он нам рассказывал о некоторых общежительных монастырях, славившихся духовной жизнью. Он не осуждал особножительные монастыри, но очень хвалил киновийный чин и те обители, которые он знал и посещал в молодости. Он нам говорил, что если у общежительного монаха есть рукоделие, есть возложенное на него послушание, есть церковь, в которой все готово для службы, есть готовая трапеза и все нужды его удовлетворены, то такому монаху, когда он оказывает совершенное послушание и подчинение общежительным правилам, спастись весьма удобно.

ОТЕЦ ХАРАЛАМПИЙ

Харалампий прибыл на Святую Гору 13 сентября (по нов. стилю) 1950 года и на следующий день пришел навестить старца Арсения, своего дядю и крестного. Ему тогда был сорок один год. Сам он о своих первых днях на Афоне рассказывал так:

«Я сбился с дороги и, вместо того чтобы идти вверх на гору, вышел к Каруле. Пришлось возвращаться назад, а был я с грузом.

Пока я поднимался, солнце стало заходить. Я шел по тропинке наверх и время от времени звал отца Арсения. Наконец я услышал голос: “Иди сюда! Выходи сюда!” Меня ждали. Увидев отца Афанасия, босого, без скуфейки, в латаной рясе, спавшего на каком-то мешке и поднявшегося мне навстречу, я вздрогнул: “Что это за монахи?” Я растерялся. “Это такой у меня теперь будет монашеская жизнь?” — начал я задаваться вопросом. “Пойдем, пойдем! — сказал отец Афанасий. — Пойдем, я тебя отведу. Ты к Старцу? К отцу Арсению?” Я, глядя на босого отца Афанасия, пришел в отчаяние.

Привел он меня к Старцу. Разговаривали мы с ним недолго. Я был очень уставшим и голодным.

— Ты сегодня ел? — спросил он меня.

— Нет, ничего не ел, — ответил я. — Я сегодня должен был поститься до девятого часа. Вышел утром и вот, заблудился.

В такие дни я не ел до захода солнца, у меня было такое правило: по средам и пятницам днем я не ел. Старец что-то приготовил, и мы поели. Во время разговора он спросил:

— Чем ты занимался в миру?

— Да я и сам не знаю, чем занимался. Старался что-то делать, исполнял все свои обязанности. В молодости познакомился с одним старчиком, отцом Илией. Он меня спас. Он меня приучил к четкам, приучил служить по ним все службы, вечерню, повечерие, где бы я ни был, в поле или дома. Он был беженцем из России, жил там в одном монастыре, этот монастырь разрушили, а монахов убили.

— Он имел умную молитву?

— Я не знаю, имел ли он умную молитву, но днем и ночью он творил про себя Иисусову молитву. И еще мне рассказывал старец Илия, как, будучи в монастыре, он извещал своего игумена о том, что кто-то к нему идет, за два часа до прихода гостей: “Старче, к Вам идут по такому-то делу”. Игумен говорил: “Откуда ты знаешь?” “Да вот, Старче, я их как будто вижу. Один — русский, а другой — черноволосый. Я их как будто вижу издалека”.

— Он тебя спас, — сказал Старец. — И та молитва, которую ты творил, спасла тебя.

— Я, Старче, пришел повидать вас и старца Арсения. Побуду немного с вами, затем поеду в Афины, а оттуда — на Эгину.

— Никуда ты не поедешь, — сказал Старец Иосиф.

— Нет, Старче, я останусь дней на двадцать, ну, на месяц, а затем поеду в Афины.

— Ладно-ладно, посмотрим.

В первую ночь Старец дал мне поспать. На вторую ночь, когда мы проснулись, Старец сказал, чтобы меня испытать:

— Мы здесь живем очень сурово. Не думаю, что ты так сможешь.

— Я попробую, Старче.

— Твой дядя делает три тысячи поклонов каждую ночь. Ты так сможешь?

— Попробую, Старче.

— Отец Арсений, забирай его, и ступайте делать каждый по три тысячи поклонов. Посмотрим, сколько поклонов он сделает.

Начали мы делать поклоны. Отец Арсений закончил первым. Мне оставалось еще пятьдесят поклонов. Я их закончил и меня снова позвал Старец. Пришел я к нему мокрый от пота, хоть выжимай.

— Ну как тебе, Хараламбий? Выдержишь?

— Так будет и дальше?

— А что такое? — поинтересовался Старец.

— Я помру, если так будет каждую ночь.

Позже Старец мне сказал:

— Я тебя испытывал. Ты не будешь делать по три тысячи поклонов, но будешь делать шестьсот каждую ночь.

Так я два-три года делал по шестьсот поклонов. И это не казалось мне чем-то особенным.

Первые ночи в общине Старца Иосифа диавол проявлял такое бешенство по отношению ко мне, что не давал ни уснуть, ни молиться. Я ложился спать — а передо мной диавол тут как тут. То как собака, то как человек, то как лев. Я от страха поднимался и молился. На следующий день после бессонной ночи я не мог толком ничего делать, не мог молиться.

Когда Старец спросил, как у меня дела, я ему рассказал, что происходит.

— И что ты делал? — спросил Старец. — Может быть, ты из-за страха поднимался и молился?

— Да, Старче.

— Так он тебе не давал спать, и теперь ты не можешь работать и молиться. Если он подступает с одной стороны, ты перевернись на другой бок. Перекрестись, повернись на другой бок, и он уйдет. Не обращай на него внимания. Ты научишься с ним воевать и затем даже замечать его перестанешь.

Так и произошло в действительности. После второй ночи Старец начал постепенно наставлять меня. Через неделю я обрел такое утешение, что все вокруг меня благоухало, куда бы я ни пошел.

Прошла неделя после моего прихода, и Старец сказал мне:

— Ступай туда, на ту горку, там стоит одна чудесная каливка. Когда ты туда вскарабкаешься, сразу ее увидишь. Тебе там будет очень хорошо.

Я подумал, что там какой-то ухоженный домик. Но что же я увидел, когда пришел? Одной стеной служила скала, дверь из досок, внутри делаешь только два шага и головой бьешься о скалу. Старая деревянная кровать, одеяло и подушка, набитая соломой. Слева и справа — земля, а в стенах — множество дыр, в которые могли заползать змеи. Стал я себе говорить: «И это Старец назвал “прекрасной каливкой”? Ничего себе “прекрасная”! Разве это вообще жилье?» Так я подумал пять-шесть раз. Затем — давай молиться шесть часов непрерывно. Наконец начался плач, целый час я проплакал. Я умолял Бога и благодарил Бога. Я умолял его простить самого последнего человека. А ведь до этого я думал, что занимаюсь чем-то важным в миру. В какой прелести был я, считая так и бегая туда-сюда. А теперь днем и ночью я воюю и не могу привести себя в порядок. Я благодарил Бога за то, что Он привел меня сюда. И после этого со мной произошло некое изменение. Вот это да! Я глядел на келлию, и мне не хотелось оттуда уходить! Такой прекрасной она мне казалась. Вечером я смотрел на небо, на море и не мог удержать слез.

Утром Старец пригласил меня к себе в келлию.

— Ну, как там у тебя?

— Хорошо, Старче, очень хорошо! Сначала, лишь только я увидел эту каливку, с землей и дырками в стенах, я несколько раз сказал: “Что мне Старец говорит «прекрасная»? Разве это жилище? Сюда змеи заползают”. Но затем я начал молиться. Боже мой!

Некое утешение, некий невыразимый мир, радость и слезы. Я начал молиться обо всех своих врагах. В конце концов мне не захотелось оттуда уходить. Как ты мне сказал, так и получилось.

— Дитя мое, — стал говорить Старец, — вот это и есть монашество. Когда приходит Бог в твою душу, все вокруг хорошо, все прекрасно! А когда нет Бога, все вокруг не так, все криво.

Через восемь или десять дней моей жизни там я снял мирскую одежду и надел иноческую.

На девятый день у Старца в скиту был престольный праздник святой праведной Анны. Мы пошли на праздничную службу. Когда мы зашли в церковь и я услышал песнопения, мне показалось, что они нисходят с Неба. Мне не доводилось слышать в миру таких песнопений. У нас были певцы в миру, но то, что я слышал здесь, было несравненно прекраснее. Вернувшись, я сказал Старцу:

— Если я не научусь петь, то все, уйду отсюда. Если я не научусь петь, для меня свет будет не мил, не смогу я стать монахом. Я должен петь!

Так сказал я ему по гордости. В миру я петь не научился.

— Я тебя научу петь, — успокоил меня Старец. — Не волнуйся.

Каждую ночь четыре часа я тянул четку, а затем изучал пение. Через месяц я сказал:

— Я получил огонь от молитвы, теперь мне не нужно ничего, даже пения».

* * *

Итак, остался Хараламбий с нашим Старцем, а тот начал его испытывать. Начал он его звать так: «Эй, ты, иди сюда!» Хараламбий сначала говорил себе: «Что это за обращение такое! У меня что, имени нет?! Я работал с мирскими в администрации области и никогда не слышал, чтобы так обращались. Всегда на “вы” все было. “Как поживаете, господин Галанопулос? Благодарю вас. Прошу вас”. А здесь я ни одного раза не услышал ни “спасибо”, ни “пожалуйста”. Странные люди здесь живут».

Но от Старца ничто не могло сокрыться. Пригласил он его к себе и открыл все его состояние.

— Значит, в миру ты был подвижником, да? Постился, молился по ночам, подвизался, был умным, трудолюбивым, честным...

И чего ты добился всем этим? Того, что принес сюда с собой целую кучу тщеславия, гордости, самоуверенности. Разве не хорошо теперь, когда закончились все эти похвалы от людей, а?

* * *

Вначале отец Харалампий боролся со своей привязанностью к матери. Он ее страшно любил. Страдания от разлуки с ней усугублялись тем, что мать его сильно болела. Я ему говорил: «Бог пошлет ангела, и тот будет о ней заботиться». В конце концов он ее постриг в монахини и назвал Марфой. Все братья в нашей общине постригли своих матерей в монахини.

* * *

Отец Харалампий имел крепкое здоровье и работал не щадя себя. На нем почивало благословение Божие. Он служил Старцу, усердно исполняя тяжелые работы. Прожил он девяносто один год и преставился ко Господу в 2001 году.

Однажды он трижды спускался на пристань, таская оттуда вещи в нашу келью, и под конец устал до смерти. Он насквозь промок от пота, ведь даже после одного спуска и подъема нам приходилось менять одежду. Когда он все принес, мы сели за трапезу. И вдруг слышим, как трижды сигналит катер. Это означало, что кто-то срочно должен спуститься на пристань. Отец Иосиф Младший не мог, потому что у него болели ноги. Отец Харалампий услышал оживленный разговор в кельи Старца и пошел спросить, что случилось.

— Да вот, — сказал Старец, — катер просигналил трижды, и кто-то должен спуститься.

— Я схожу, Старче.

— Так ведь ты уже три раза ходил туда. Кого же мне теперь послать?

— Ничего страшного, Старче, я и десять раз, если будет нужно, схожу. Благослови.

Взял он свою торбу и убежал. Тогда Старец сказал:

— Мы пока не будем есть. Подождем, когда вернется отец Харалампий.

И выйдя, стал тянуть четку. Что произошло затем, рассказал сам отец Харалампий: «Когда я пришел на пристань, нашел там

мешок килограммов в шестьдесят. Я его взвалил на спину и сказал: “Молитвами моего Старца!” Примерно через каждые пятьдесят метров были терраски, на которых я отдыхал. Старец, как он мне позже рассказал, увидев, что я остановился уже на первой терраске, забеспокоился и стал усердно молиться. На второй терраске я опять отдохнул. Внезапно я почувствовал прилив сил и стал дышать лишь через две-три терраски. Даже утром я не чувствовал в себе такой силы! Мне казалось, что кто-то меня поддерживает сзади. Поднялся я по ступенькам легко, быстрее даже, чем когда бывал отдохнувшим. А кроме этого и молитва во мне говорила. Как только я добрался до ступеньки, где стоял Старец, там, где мы выходим за калитку, он меня спросил:

— Дитя мое, как добрался?

— Старец, даже утром у меня не было такой силы. И в ногах и в руках я чувствовал большую силу. Я не знаю, что это была за сила, Старец.

— С того момента, как ты ушел, до того момента, как ты пришел, я все время тянул четку за тебя, — сказал Старец.

“Так вот откуда была у меня такая сила!” — говорил я себе потом».

Когда молился Старец, где бы ни был он, где бы ни были мы, мы чувствовали силу его молитвы, как электрический ток, — такой мощной она была.

* * *

Отец Хараламбий пришел к нам в зрелом возрасте. Когда он был в миру, он долго был главой семьи: заботился о ее нуждах, трудился, чтобы всех прокормить, обеспечивал учебу своих братьев. Вследствие этого он привык сам обо всем думать и заботиться. Поэтому вначале, прежде чем он понял смысл монашеской жизни, у него проявлялось некоторое своеволие. Вот что он рассказывал сам: «Когда мы устраивали балкон в Благовещенской келлии в Новом Скиту, я сказал Старцу:

— Требуется дерево, и мне надо сходить за ним в монастырь Святого Павла.

В миру я знал ремесло столяра. Но Старец мне сказал:

— Нет, пойдет отец Ефрем. Не нужно, чтобы у тебя пропадал день.

— Но, Старче, он ничего не понимает в дереве!

— Нет, — вновь сказал Старец. — Я сказал, что пойдет и купит дерево он.

Итак, пошел отец Ефрем, выбрал какие-то толстенные бревна шестиметровой длины и отдал за них полторы тысячи драхм, тогда как требовались тонкие жерди, которые стоили бы всего драхм триста. Как только я увидел эти бревна, сразу пошел в келлию Старца.

— Что это за дерево, Старче?! Зачем оно нам нужно?!

— Молчи! Вполне хорошее дерево. Сделаем из них столбы. Будут у нас толстые столбы. Вместо тонких сделаешь толстые.

Так мы и устроили балкон, установив там эти толстые столбы. Вечером, когда я пошел к себе в келлию, у меня начались помыслы: “Вот, не послал Старец тебя, а ведь балкон мог получиться красивым, изящным и всего за триста драхм, а не за полторы тысячи”. Пошел я к Старцу:

— Старче, помыслы говорят мне, что если бы пошел я, мы заплатили бы за дерево триста драхм и было бы красиво, а так как ты послал отца Ефрема, мы заплатили полторы тысячи и получилось неуклюже.

Тогда Старец вlepил мне затрещину и сказал:

— Вот прельщенный! Ты что ли теперь будешь Старцем и станешь командовать мной? Разве тебя касается, что я делаю с деньгами? Захочу — выброшу их в море. И что, буду я отчитываться перед тобой? Или Бог не додумался тебя сделать Старцем, а меня послушником?

— Прости, прости, Старче! — сказал я и убежал.

Позднее, через год, на этом балконе мы сделали церковь. Поэтому те столбы, которые приобрел тогда отец Ефрем, оказались в самый раз. Тогда Старец мне сказал:

— Видишь, как пригодились толстые столбы. Видишь, как хорошо мы сделали, купив толстые бревна. Если бы мы установили тонкие столбики, мы не смогли бы сейчас сделать церковь! Видишь, как хорошо Бог все уstrаивает.

В другой раз произошло следующее. Рядом с навесом, где я работал и резал доски, было место, куда стекали нечистоты из уборной. Поэтому вонь там была невыносимая.

— Старче, — сказал я, — надо что-то сделать, потому что невыносимо работать рядом с нечистотами.

Старец не отвечал, он испытывал мое терпение и оставлял все как было. Я не понимал, почему он оставляет меня работать в таких условиях. Я вновь ему сказал:

— Старче, давай выкопаем яму, чтобы нечистоты попадали туда. Мы ее закроем, и не будет пахнуть так ужасно.

— Нет, — сказал Старец, — как есть, пусть так и будет. И ты будешь там сидеть и работать.

— Буди благословенно.

Так я работал в этом месте, творя непрестанно молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» По временам приходил Старец Иосиф и говорил:

— Так-то, дитя мое. Только не прекращай молитву. Пусть уста твои не замолкают.

— Буди благословенно, Старче.

И там, где я работал, говоря Иисусову молитву, часто приходила некая сладость, некое умиление и сила в молитве.

Спустя немного времени вижу, пришел отец Иосиф Младший и говорит Старцу:

— Старче, дядя Яннис Самарас выходит на пенсию. У него есть и лодочка, и двадцать золотых монет. Он хочет стать монахом. Возьмем его, Старче?

— Не говори мне о его деньгах и его лодке. Он уже очень старей. Он не сможет.

— Но, Старче, знаешь, какой он хороший человек! У него была особая комната для монахов, и кто к нему ни приходил, он всех принимал на ночлег. Если бы ты знал, какой это хороший человек!

— Куда ты его собираешься поместить? — спросил Старец.

— Да вот, в комнату отца Ефрема. У батюшки две комнаты. Я его спросил, и он ответил: “Хорошо, если вы в состоянии мыть его, стирать за ним, когда он будет ходить под себя, то берите его”. Нас два человека. И что, мы не сможем за ним ухаживать?

— Я в это не хочу вмешиваться, — опять сказал Старец. — Лучше его не брать. Но если вы хотите взять это на себя, берите его.

— Да, я это беру на себя, — сказал отец Иосиф.

— Ладно, берите.

Не прошло и двух месяцев после прихода к нам этого старичка, как у него случилась сильная диарея. У него было двадцать—

тридцать простыней и пятнадцать штанов, и он все это вымазал. Он ходил, а нечистоты стекали по его штанам. Все вокруг проворачивало. От келлии, где он жил, до уборной — все было в нечистотах. Я шел спать и не мог уснуть из-за запаха.

— Разве я вам не говорил? — сказал Старец. — Ступайте теперь его отмывать. Один пусть носит воду, а другой пусть моет. Ты, — говорил он отцу Ефрему, — не прикасайся руками, потому что ты служишь. Пусть моет Иосиф, он виноват во всем.

Я старался терпеть. С одной стороны пахли нечистоты там, где я работал, а с другой стороны — нечистоты от старичка. “Так тебе и надо! — говорил я себе, — ведь и ты был согласен с отцом Иосифом в том, чтобы взять этого старичка. Так тебе и надо”. Что ж, стал я подвизаться в терпении.

На третий день после этого случая со старичком, лишь только я проснулся, как почувствовал неизреченное благоухание. Я пришел в недоумение. Поднимаюсь и выхожу во двор. Интересно! Нечистотами не пахнет. Подхожу к вымазанным простыням, подхожу к старичку, который был весь вымазан с ног до головы, — не пахнет! Не просто нет запаха, но везде благоухание. Иду в свою мастерскую — и там благоухание неизреченное. “Пресвятая Богородица! Боже мой! Что это такое?” — говорил я себе. В полдень я пошел к Старцу:

— Старче, благослови кое-что сказать.

— Что ты хочешь сказать?

— Старче, нечистотами не пахнет! Я три дня воевал со своими помыслами, старался терпеть и говорил сам себе: “Да, ты будешь рядом с нечистотами: и на работе в мастерской, и у себя рядом со старичком”. А сегодня утром, когда я встал, благоухал весь дом, все вокруг. Нечистоты из уборной, вымазанные простыни, старичок — совершенно не пахнут! Все вокруг благоухает. От такого сильного благоухания я не могу удержать слез.

Тогда Старец мне сказал:

— Я знал, что делал, когда сказал тебе работать рядом с нечистотами. Те, которые были Христа ради юродивыми и находились посреди нечистот, думаешь, нечистотами пахли? Нет. И я был когда-то среди нечистот, и ничего не пахло. Благоухало! Когда приходит это состояние, тогда ты не чувствуешь запаха от нечистот,

а чувствуешь благоухание. За терпение Бог дал тебе это. Нечистоты — это мы, люди. А все остальное чисто. Если мы чисты от страстей и грехов, тогда чисто все.

Это благоухание держалось полтора дня, а потом исчезло.

Я хочу подчеркнуть, что если Старец что-нибудь говорил, то это всегда исполнялось.

Когда я перестал прекословить Старцу, а также и братьям, меня часто стала посещать благодать. Если ты оказываешь совершенное послушание, то получаешь море благодати.

Был еще и такой случай. Мы делали жертвенник. И я сказал:

— Старче, этот железный каркас я установлю вот так — и все станет на свое место.

— Нет, это будет по-другому. Сделай вот так.

— Но Старче, у меня не получится сделать так, как ты говоришь.

Тогда Старец опять наградил меня затрещиной.

— Прости, прости, Старче!

Я упал ему в ноги и просил прощения.

— Хорошо, Старче, я сделаю так, как ты говоришь.

Я взял чертеж и столярный циркуль.

— Я направляю эту доску с помощью циркуля — и она станет на свое место.

— Нет, возьми отсюда — и оно все само станет на место.

Я так и сделал, и получилось очень хорошо. Именно так, как сказал Старец. Все словно по циркулю.

Так происходило несколько раз, и я в конце концов набрался ума: “Ага, вот как здесь у нас все происходит!” С тех пор я уже и не задумывался, что и как мне делать. Не строил планов даже на текущий день. Что скажет Старец, то и будет.

— Сделай это, — говорил он.

— Буди благословенно.

— Ступай туда.

— Буди благословенно.

С тех пор я получил много благодати. Оказывая послушание, я был преисполнен благодатью».

В скором времени, достойно пройдя первые испытания, Харалампий был пострижен в монаха с тем же самым именем, а на следующий год был рукоположен в священника.

Он рассказывал: «Как-то было у меня плохое настроение. Старец о чем-то спросил меня, я что-то рассеянно ответил, и вдруг он мне сказал:

— Что тебя огорчило?

— Ничего, Старче.

— Как ничего, если ты так рассеяно отвечаешь?

— Да нет, ничто меня не огорчало, не пойму, о чем речь. Это ты сейчас сердисься и огорчаешься. А у меня нет никакого огорчения.

Я не придал значения вопросу Старца, хотя, правду сказать, все-таки был чем-то огорчен, не помню уже чем.

— Так, значит, это я огорчаюсь? — сказал Старец и дал мне оплеуху. — Ступай прочь! Служить ты не будешь.

— Ладно, прости, — сказал я и собрался уходить, — дай мне, Старче, твое благословение, и я пойду.

— Не будет тебе благословения. Ступай.

— Но как же я пойду, если ты мне не даешь благословения? Прости и дай мне благословение.

— Ничего я тебе не дам. Убирайся! Что ты здесь стоишь?

— А что мне делать, Старче?

— Убирайся.

— Куда?

— В свою келлию.

— Дай мне тогда свое благословение, я ведь прошу прощения!

— Я тебя не прощаю.

— Раз ты меня не прощаешь, я здесь помру, но не уйду.

— Убирайся отсюда! Кому сказано!

Прошло полчаса, сорок пять минут... Ничего не изменилось. Наконец я сказал:

— Старче, если ты хочешь, чтобы я помер, то я помру. Но уйти я не могу. Дай мне свое благословение, чтобы я ушел.

И я заплакал. А он сказал:

— Иди сюда. Так и надо. Никуда не уходи без моего благословения. И ничего не желай без моего благословения. Таково монашество. Подойди теперь, чтобы я тебя простил и дал благословение».

И еще рассказывал отец Харалампий: «Помню, когда мы были в Новом Скиту, я с нетерпением ждал, когда наступит воскресенье

или праздник, точно так же, как я, будучи малым ребенком, ожидал наступления Пасхи. Это потому, что каждое воскресенье или праздник мы пребывали в покое в наших келлиях по семь-восемь часов. Мы ничего не делали, только молились. Мы не разговаривали, каждый сидел в своей келлии. И я испытывал большое утешение во время молитвы. Поэтому я и ждал с нетерпением, когда наступит воскресенье или праздник, как ждал Пасху, когда был ребенком.

И вот как-то в воскресенье пришел из монастыря Констанит один монах, отец Евфимий. Старец сказал мне:

— Отведи отца Евфимия в монастырь Святого Павла, чтобы он поклонился святым мощам, и приведи его назад.

Я сказал себе: “Ну вот, пропало воскресенье”. Вслух, конечно, я ничего не сказал. Но Старец понял.

— Ты огорчился из-за моего поручения?

— Да, Старче, немного.

— Ну, ступай — и посмотришь, что будет.

Мы отправились. В монастыре нам сказали, что мощи вынесут для поклонения вечером. Что же нам делать? Ждать там четыре часа, чтобы поклониться? Но делать нечего, мы остались ждать. Монах, как гость, пошел куда-то поспать, а я пошел в церковь. Лишь только я там присел, мне была дана молитва. Я не мог сдвинуться с места. Сердце мое загорелось, а ум в сердце творил молитву: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя!” Слезы текли ручьем. Даже в своей келлии у меня не было такой молитвы. Так я пребывал все четыре часа.

Когда мы возвратились, Старец спросил:

— Ну как, понес урон?

— Нет, Старче, урона не было. Напротив, было приобретение — я обрел молитву».

* * *

Как-то во двор каливы Старца Иосифа зашел один новоначальный монах и сказал:

— Вы слышали? Пришел сюда в скит святой духовник!

И принялся рассказывать, что пришел один очень образованный монах, замечательный проповедник. Отец Харалампий

загорелся. Ему захотелось пойти послушать этого человека и узнать что-нибудь полезное. Он подумал: «Прекрасно! Удобный случай получить пользу». Он прибежал к Старцу:

— Старче, такое дело. Благословишь сходить послушать полезное?

Старец посмотрел ему в глаза и ответил:

— Ступай, если хочешь.

Как стрела полетел отец Харалампий к этому учителю. А возвратившись с сияющим лицом, сказал Старцу с воодушевлением:

— Старче, большую пользу я получил. Он действительно святой человек.

Старец кивнул головой и сказал:

— Сегодня после бдения зайди ко мне.

Итак, после бдения, по слову Старца, отец Харалампий пришел к нему. Но на этот раз он пришел мрачный и с поникшей головой.

— Скажи-ка мне, как прошло у тебя сегодня бдение?

— Ах, Старче, весь вечер прошел в помрачении и нерадении.

— Ты же мне давеча говорил, что познакомился со святым духовником. И что, молитва ночью не пошла?

— Не пошла, Старче, не знаю почему.

— Я тебе скажу почему. Ты прожил со мной столько времени. Я постриг тебя в монахи, рукоположил тебя. Ты приобрел пользу от своего Старца?

— Да, Старче, и большую пользу.

— Так вот, если у послушника есть Старец и он своим Старцем доволен, то он не имеет права ходить к другим духовникам. Этим он как бы отказал в доверии тому, кому его вручил Бог. Это, ни много ни мало, словно духовное прелюбодеяние.

И признавался затем отец Харалампий, что за эту оплошность он несколько ночей терпел наказание от Бога, после чего вернулся в прежнее состояние.

* * *

Старец по какой-то причине не научил с самого начала отца Харалампия связывать Иисусову молитву с дыханием, как он обычно учил других. Он велел ему на бдении просто тянуть четки. Спустя семь или восемь лет Старец как-то сказал ему:

— Отныне и впредь твори умную молитву со вдохом и выдохом. Говори «Господи Иисусе Христе» на вдохе и «помилуй мя» — на выдохе. Когда ты это скажешь несколько раз, то словно нож почувствуешь в своем сердце. Смотри, не пугайся. Сердцу будет больно, оно будет колотиться, кричать. Пусть тебе кажется, что сердце твое разорвалось. Это так протестует диавол. Ты продолжай — и эта боль пройдет. Все это будет длиться минуты две, максимум четверть часа. Когда прекратится боль, сразу сосредоточь ум в сердце.

— Буди благословенно.

О том, что происходило дальше, отец Хараламбий рассказал так: «Вечером я начал совершать молитву, как мне сказал Старец. Начал я с молитвы своими словами, а затем, вместо того чтобы взять четки, присел и принялся за умную молитву, сердечную молитву, со вдохом и выдохом. Не успел я произнести ее и пяти раз, как вот и нож, о котором говорил Старец, — сильная боль. Я вспотел, но продолжил молитву со вдохом и выдохом. Боль продолжалась приблизительно четверть часа и затем прошла, уйдя вниз. Раскрылись мои легкие, мне захотелось вдохнуть в себя весь воздух, я дышал и не мог насытиться. Это состояние продолжалось около двух часов.

Когда эта сильная боль ушла из сердца, я сразу почувствовал мир, тишину и большую сладость. Пришло неизреченное блаженство. В таком состоянии душа как бы жаждет говорить Иисусову молитву. Это состояние, как я сказал, продолжалось около двух часов. Старец особо подчеркнул, чтобы после прекращения боли я сосредоточил ум в сердце и говорил: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя!” “И тогда ты почувствуешь, увидишь, что будет”, — добавил он. И правда, у меня никогда раньше не было такой чистой молитвы. Стоило только сосредоточить ум в сердце. Кроме этого, молитва произносилась очень быстро, так что за полчаса я тянул двенадцать четок-трехсотниц⁸⁵.

⁸⁵ В греческой монашеской традиции Иисусова молитва читается чаще всего в ее кратком варианте: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». При этом на греческом языке данная молитва звучит короче, чем на русском: «Κίριε Ιησὺ Χριστὲ ἐλέησόν με» Но и учитывая все это, следует понимать, что речь у о. Харалампия идет о вышеестественных дарах благодати.

Так я продолжал молиться около двух лет. Творя сердечную молитву со вдохом и выдохом, я пережил много благодатных изменений. Одним из них было неизреченное блаженство от соединения ума с сердцем. Ум тогда вмещал в себя все вещи. Я чувствовал, что Бог сотворил все ради человека. И когда я вспомнил, что Он и Себя принес в жертву и что мы не имеем ничего своего, я не смог удержаться, упал ниц и плакал. Он отдал Себя в жертву ради нас, чтобы соединить нас с Собой. Мы же ничего хорошего своего не имеем.

В другой раз я ощутил присутствие Божие рядом с собой, хотя и не видел Его. Тогда я почувствовал нечто неопишное: некое рачение неизреченное, некую любовь. Как мать, потерявшая свое дитя и затем нашедшая его. Ты не можешь удержаться, падаешь ниц. Если бы это продолжалось больше одной-двух минут, я бы умер. Это невозможно вынести. Я умер бы от большой любви, горящей внутри, от сладости, блаженства, от большого рачения ко Христу. Падаешь ниц и ничего иного не говоришь, кроме “спаси мя!” Ибо умрешь, если это продлится еще немного. Продлись это три минуты — и человек отдаст Богу душу от большого рачения ко Христу, от большой любви.

Когда это отступило, около трех часов говорилась Иисусова молитва и изобильно текли сладкие слезы. Впоследствии, при воспоминании об этом благодатном состоянии, когда я почувствовал вблизи себя присутствие Божие, много раз приходили сладкие слезы и непрестанная молитва.

Когда мы жили со Старцем Иосифом, а также в первые годы после его преставления, мы совершали молитву многие часы и Бог нам давал обильную благодать, по молитвам Старца. Я совершал молитву шесть-восемь, а иногда и десять часов стоя. Порой ко мне подступала сильная усталость и я чувствовал себя плохо. Временами приходило нерадение. Тогда я говорил себе: “Ты не болен, ты накормлен, напоен. Так подвизайся теперь! Умри здесь, на молитве”. Я не отступал. И спустя какое-то время приходило такое утешение, такой мир и блаженство, что, казалось, я не касаюсь земли. И так длилось часа четыре, и эти часы были как десять минут. Бог мне давал много благодати».

Вот что еще рассказывал нам отец Хараламбий: «Это было за год до преставления Старца. Однажды ночью, когда я совершал сердечную молитву со вдохом и выдохом, со мной случилось нечто удивительное. При чтении Иисусовой молитвы возникло состояние, которое я не могу описать словами. Внезапно мой ум вошел в сердце. И ум, сердце и молитва стали одним. Я не ощущал, где нахожусь. Только молитва говорилась в сердце. И я чувствовал большую сладость и неизреченное блаженство. Я не знаю, сколько времени это продолжалось. Когда я пришел в себя, я плакал и чувствовал невыразимый мир и сладость. Пошел я к Старцу.

— Старче, со мной произошло нечто.

— Что произошло?

— Когда я молился, мой ум внезапно затворился в сердце. Я не знал, есть ли иной мир, есть ли что-нибудь еще.

И я описал ему это благодатное состояние. Тогда Старец сказал мне:

— И со мной такое было. После этого я затворился в тесной келье, в которой едва помещался, и прожил там целый год. То, что ты ощутил, что пережил, постарайся сохранить и не потерять.

Это состояние продолжалось у меня около семи месяцев. Ум на два-три часа затворялся в сердце. Затем я приходил в себя, но весь следующий день у меня была очень сильная молитва. Я так полюбил эту молитву, что не хотел разговаривать. Я не говорил праздных слов, ни с кем не разговаривал. С большим затруднением, только при крайней необходимости я что-то говорил. Таким внимательным я был в те месяцы благодаря этому состоянию.

Лишь только я просыпался, моя мысль была о том, когда наступит вечер и я опять обрету это состояние, подвизаясь в молитве. Если какой-нибудь ночью я его не обретал, я подвизался и обретал его на вторую или на третью ночь. Обычно это состояние у меня бывало раза два в неделю.

Когда я получал эту молитву на бдении, то испытывал днем такую сладость, что не обращал внимания на тяжелый дневной труд. Мне хотелось, чтобы все отдыхали, а работал только я один. Я просто летал. Силы мои, и душевные и телесные, не удваивались, а удесятерялись. Мне было все равно, чем занимаются братья. Я шел

на трапезу и не видел, что едят, не слышал, что говорят. Я ел, а ум мой был занят молитвой.

Ум, сердце и слова молитвы соединяются, как это написано в “Умном делании”⁸⁶. Я ничего не чувствовал: ни келлии, ни стен, ничего. Мир исчезал. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни даже спать. С этой молитвой я как-то два дня не ел, не пил и при этом не испытывал жажды. Молитва ликовала во мне, она не давала спать. И я говорил: “Пусть я не буду спать, пусть не буду есть, пусть не буду пить, только бы это продолжалось!” Мне хотелось одного — чтобы эта молитва продолжалась, ибо она приносила неизреченный мир и блаженство. Идешь на трапезу — и не можешь есть, ешь кое-как. Идешь спать — но и спать не можешь. И так бывало и двадцать четыре часа, и тридцать шесть часов, и сорок восемь часов, когда я обретал эту молитву.

— Старче, — сказал я, — я от молитвы не могу спать.

— Готовься взвалить ношу на свои плечи, — ответил он мне, — как видно, скоро я уйду, и Бог подготавливает тебя, чтобы ты все вынес.

Когда Старец преставился, мне по-прежнему нередко случалось обретать молитву три, а то и шесть раз в неделю, и из-за этого я даже не мог спать. Иногда, размышляя об этой молитве, я думал о том, чтобы оставить священство и уйти, скрыться куда-нибудь, где меня никто не будет видеть. И я плакал и говорил: “Боже мой! Зачем мне священный сан? Сидел бы я где-нибудь и молился и никого бы не видел”. Так я говорил, размышляя о пещерах подвижников, размышляя об этой молитве, которая у меня была и которую я потерял затем из-за многих попечений».

И говоря это, отец Харалампий сильно плакал.

* * *

В последний день жизни Старца, когда отец Харалампий сделал ему поклон, чтобы идти безмолвствовать в свою келлию, Старец ему сказал:

⁸⁶ Имеется в виду книга «Умное делание (О молитве Иисусовой)» Сб. поучений Святых отцов и опытных его делателей. Сост. игумен Валаамского монастыря Харитон. О. Харалампий ссылается здесь на греческий перевод этой книги.

— Подойди ко мне. Отсеки попечения. Ты меня слышишь?

— Буди благословенно, Старче, — ответил отец Харалампий и пошел к себе. Лишь только он сделал десять шагов, Старец вновь позвал его.

— Отец!

Тот подбежал.

— Ты слышал, что я тебе сказал? Отсеки попечения.

— Буди благословенно, Старче, — ответил он и пошел. Отошел он шагов на пятнадцать, а Старец его зовет опять.

— Отец!

Тот подбежал опять.

— Ты слышал, что я тебе сказал? Я тебе сказал, чтобы ты отсекал попечения.

— Буди благословенно, Старче.

— Не забудь отсекай попечения, говорю тебе.

Позднее, всякий раз, когда отец Харалампий это вспоминал, он плакал: «Он мне сказал это трижды. Когда у меня начались попечения, сколько раз мне приходили на ум эти его слова. Что тебе сказать? Какие благодатные слезы я потерял из-за этих попечений! Из-за забот, которые мне пришлось на себя взвалить, я оказался по уши в хлопотах: устраивать сад, огород, стены... А когда жил Старец, в последний его год у меня было такое благодатное состояние, которое не описать».

ОТЕЦ АРСЕНИЙ

Старец Арсений был очень простодушным, добрым и чистосердечным человеком. Будучи на десять лет старше Старца Иосифа, он слушался его, как делал бы это малый ребенок. В нашей общине он был живым примером послушания и незлобия. Он ни разу не ослушался и не огорчил Старца. До самой старости он оказывал послушание, слепое послушание. Он и трудился с детской непосредственностью.

Однажды мы устраивали иконостас в нашей церковке Честного Иоанна Предтечи, и пришел мой брат, по профессии столяр.

— Никос, ты можешь сделать иконостас? — спросил его Старец.

— Да, Старче, могу.

Он приступил к работе, а отец Арсений ему помогал. Он оказывал бы послушание и малому ребенку. И при этой работе над иконостасом он слушался моего брата, хотя тот был на сорок лет его младше.

* * *

То, каким простым был отец Арсений, сложно себе представить и трудно передать словами. Отец Арсений никогда не злился на людей, и поэтому сердце его было совершенно здоровым. Язык его иногда мог что-нибудь наговорить, но сердце в этом не участвовало. Мы никогда не видели, чтобы он всерьез гневался или выходил из себя. Поэтому в течение всей жизни у него не было искушений, и он прожил свою жизнь словно духовный младенец. Другие сгорают в искушениях и скорбях, а он прожил жизнь подвижника спокойно, без забот, потому что был всегда в послушании у своего Старца. Отец Арсений был очень славный. Я его застал, когда ему было уже более шестидесяти лет, а он был как дитя.

Простота ума была свойственна отцу Арсению от природы. Он знал только Иисусову молитву, созерцание ему было совершенно неизвестно. Но он чувствовал в своем сердце большую благодать от умной молитвы. Бог давал ему много благодати. Эта благодать не была созерцательной, как у Старца, но тем не менее это была благодать умной молитвы.

* * *

Из-за его простоты с ним случались забавные казусы. Однажды Старец поручил отцу Арсению приготовить треску с зеленью и луком для отца Ефрема Катунакского. Старец кричит:

— Арсений! Неси тарелку батюшке!

Отец Ефрем ел у ног Старца. Поставил он свою тарелку, положил хлеб, принялся за рыбу, жует ее, жует...

— Жуй, отче, — говорит ему Старец.

— Не жуется, Старче!

— А, это тебе, наверное, попалась шкура трески, которая не режется. Дай-ка гляну.

Он глядит и что видит? Вместо рыбы какая-то тряпка... Вареная!

— Эй, Арсений! Что это у тебя за тряпка здесь?!

— Прости! У меня же нет очков!

* * *

В другой раз Старец Иосиф заметил как-то в коливе мышинный помет.

— Откуда эти мыши?! Давай, Арсений, завтра, как проснемся, поищем мышиную нору и заткнем ее.

Искали они, искали, но так никакой норы в пещере и не нашли.

— Арсений, смотри, чтобы этого больше не было!

На следующий день — опять помет в коливе. Старец перебрал все варианты, откуда это могло взяться, и сказал:

— Арсений, посмотри пшеницу, этот помет — из пшеницы.

На следующий день — опять помет в коливе.

— Арсений, ты хорошо просмотрел пшеницу?

— Да, я ее просмотрел.

— Так просей ее хорошенько!

— Ладно, просею.

Просеял он пшеницу, но на следующий день — опять то же самое.

— Арсений, ты просеял пшеницу?

— Просеял.

— Куда ты дел то, что отсеял?

— Да там не было ничего особенного, я и бросил обратно.

— Ах, дубина! Это ж оно и было! Просей снова и принеси сюда то, что отсеешь.

Так они избавились от этого мышинного искушения.

* * *

В другой раз отец Арсений положил в коливо чеснок вместо миндаля, которым обычно выкладывают крест. Бедняга почистил чеснок для приправы к картошке и почистил также миндаль. И вместо того, чтобы взять коробочку с миндалем, он взял коробочку с чесноком — и тот и другой белые, похожи. Мы отслужили литургию и должны были идти по делам в монастырь Пантократор. Так как мы должны были быстро уходить, Старец сказал:

— Быстро собирайтесь, а мы с отцом Арсением пойдем поспим. Идите сюда, я вам дам коливо.

Начали мы есть коливо, а там вместо миндаля — чеснок. Старец закричал:

— Арсений! Что ты наделал?!

И дал ему подзатыльник.

— Ну что ты дерешься, дорогой?! Ну, увидел я белые зубки и подумал, что это миндаль. У меня же нет очков, чтобы отличить одну коробку от другой!

Старец велел ему съесть это коливо, но потом сказал нам:

— Вы же знаете отца Арсения, не обижайтесь на него, бедолагу.

А отец Арсений сказал ему:

— Ладно, дорогой, всякое бывает.

Бедный отец Арсений был профессионально наивен. После подобных случаев Старец мне как-то сказал:

— Малой, спрячь-ка керосин, не то отец Арсений выпьет его вместо ракии.

* * *

Однажды отец Арсений захотел понять, что значит сердечная молитва, и сказал Старцу:

— Старче, я стараюсь поместить свой ум в сердце, но у меня не получается.

Старец ему ответил:

— Где тебе понять! Куда ты стараешься поместить свой ум?

— Вот сюда, где-то в груди.

— Так у тебя ведь сердце не в груди, а в пятках.

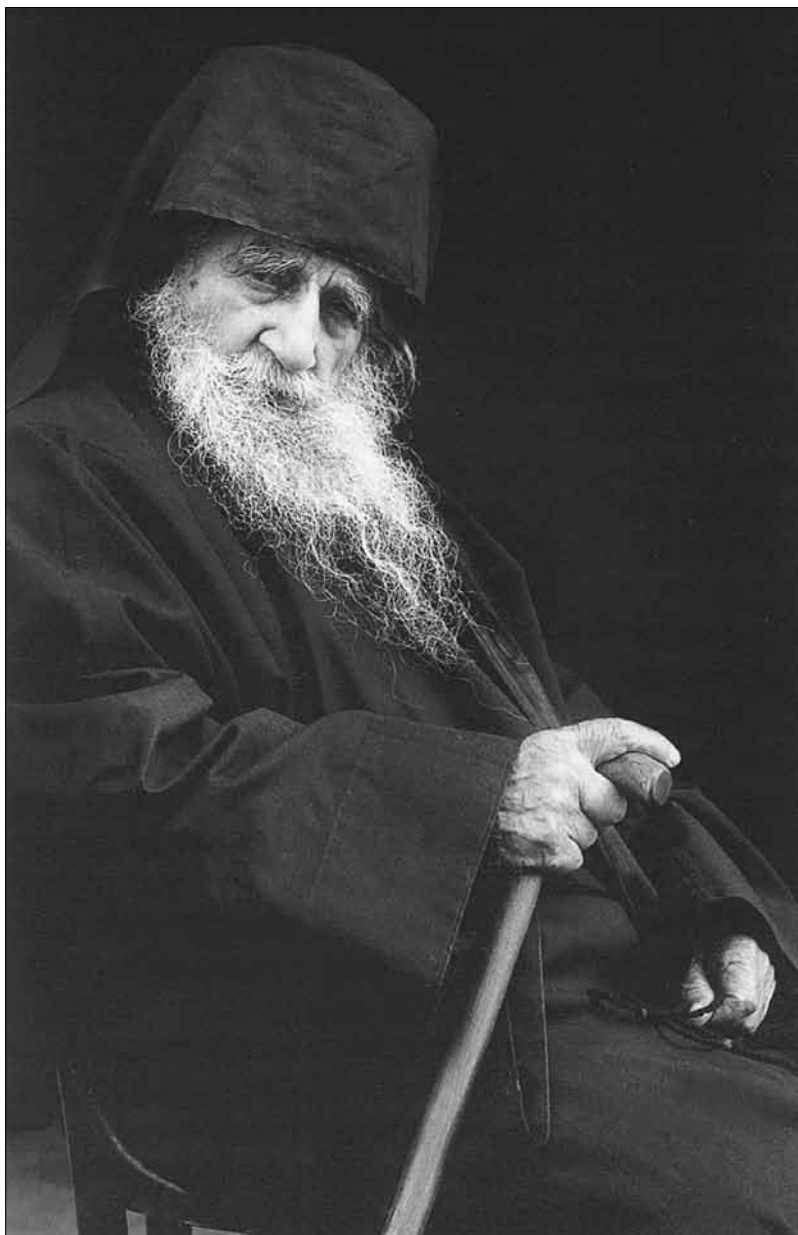
— А-а, так вот почему у меня не получалось!

Так он до самой смерти и был как дитя, этот святой человек. Как становятся святыми? Вот так и становятся.

* * *

Вся монашеская жизнь отца Арсения была подвижнической: как вначале, в Иерусалиме, так и потом, в нашей общине. Всю ночь он проводил в бдении и совершал тысячи поклонов. Четки — без счета. Каждую ночь он стоял на молитве целыми часами. Работать же не прекращал до самой смерти.

Когда мы были в Новом Скиту, он ухаживал за садом и огородом, хотя ему было уже семьдесят лет. Во-первых — для нужд

Отец Арсений

общины, а во-вторых — потому что Старец любил овощи и отец Арсений хотел, насколько возможно, ему угодить. Он смотрел за огородом, служа своей любви к Старцу. Бог управил так, что у него, старика, хватало сил заботиться о своем Старце.

Он работал так же, как и мы, и так же носил на своих плечах грузы, даже когда ему было семьдесят лет. Пот катился с него градом. Он был невысоким, еще ниже, чем я, но навьючивал на себя не меньше нашего.

Когда отцы уходили ради нужд общины в монастыри на сбор орехов или маслин, чтобы у нас было масло, отец Арсений исполнял монашеское правило за всю братию. «Не волнуйтесь, я за вас вычитаю правило, а вы, отец Афанасий и отец Иосиф, собирайте маслины», — говорил он. И так как они сильно уставали на работе, он делал поклоны за них.

Он так много четок с крестным знаменем тянул за ночь, что однажды у него прихватило спину, и Старец был вынужден приказать ему уменьшить их количество. В молодости отец Арсений делал пять тысяч поклонов каждую ночь. Иными словами, мы, молодые, соревнуясь с ним, оказались бы в нокауте.

* * *

Старец Арсений был очень крепким человеком. Мы шли на пристань за грузом — и батюшка был первым. Мы взваливали на себя тридцать, сорок, пятьдесят ок пшеницы, вещей, песка, камней, досок — все на своих плечах. Когда кто-то его спросил, как он может подниматься с таким грузом после столь утомительного бдения, он ответил: «Я ведь и от природы крепкого сложения. Когда же послушник имеет веру в молитвы своего Старца, то он может поднимать гору. Часто, когда я взваливал на себя груз выше моих сил, у меня подкашивались колени. Однако, когда я осенял себя крестом и призывал молитвы Старца, груз начинал становиться легче, как будто кто-то меня подталкивал, и тогда я взлетал, как птичка, говоря при этом непрестанно Иисусову молитву».

Однажды, когда отцу Арсению было около семидесяти лет, он вместе с отцом Иосифом Младшим поднимал груз в наши пещеры по крутому подъему. От моря до пещер Малой Анны около тысячи двухсот ступенек. Отец Иосиф устал, таща на себе мешок весом

примерно пятьдесят ок, но отец Арсений тащил груз весом шестьдесят пять ок. Конечно, он был крепким по природе, но имел и большое трудолюбие и подвизался от всего сердца.

* * *

У старца Арсения был очень крепкий организм. Поэтому и дожил он до девяноста семи лет. Он ни разу не болел, только изредка случалась какая-нибудь небольшая простуда или грипп. Когда он простывал, то не хотел знать никаких других лекарств, кроме чая из шалфея с ракией. Выпив это, он сидел в кровати и грелся, пока простуда не проходила. Вот и все лечение. Другого он не признавал. Что такое таблетки, он не знал, ни разу в жизни он их не пил. Ни таблеток, ни уколов — ничего. При этом тело свое он никогда не мыл, за исключением, время от времени, ног и головы. И, однако, от его тела всегда исходил некий приятный аромат пустыни, напоминающий базилик.

Как-то пришел один врач, чтобы оформить отцу Арсению необходимые бумаги для медицинской страховки. Это был наш святогорский врач. Как только он зашел к нам, старец Арсений его спросил:

— Ты кто?

— Врач.

— Врач душ и телес?

— Нет, врач телес.

— Ну, раз ты не врач душ, ты мне не нужен.

А говорил он это, будучи уже древним и почтенным, имея благодать Божию. Ощутив ее, врач сказал:

— Мне говорили, что на Святой Горе есть святые люди, а я не верил. Так вот же он, святой человек. Существуют святые, оказывается. Мало их, но они есть.

* * *

Но иногда отец Арсений, бедный, уставал.

— Ох-ох-ох, очень тяжелая ноша...

— Давай, батюшка, мне один мешок, — говорил я ему. Я взваливал мешок на свои плечи, и мы поднимались.

— Уф! Я не могу, очень тяжело.

— Давай еще что-нибудь я понесу, — говорил я. Брал у него еще какую-нибудь торбу, и отцу Арсению становилось легче, а у меня самого начинали подкашиваться ноги. Придя, он говорил:

— Ах, не виноваты ни груз, ни торба. Годы виноваты!

Однажды мы с ним пошли и купили два мешка лука. Один взвалил на себя батюшка, другой — я. Поднимаемся в гору. А Старец сверху смотрел на нас в бинокль. Кто-то подарил ему старый бинокль, в который он смотрел на море, на корабли, и так немного отдыхал. В этот бинокль он и смотрел, как мы поднимались. Бедному старцу Арсению было очень тяжело. На одном участке пути, где совсем не было тени и были одни камни, он не выдержал, опустил свой мешок и сказал:

— Ох, очень тяжело моей спине тащить этот груз.

Говоря это, он колотил по мешку с луком, чтобы выровнять его. Как только мы пришли к себе, Старец сказал:

— Отец Арсений, чем перед тобой провинился лук?

— Неужели ты и это видел?

— Разве ты не знаешь, что он теперь может сгнить?

— Родной, мешок неудобно лежал на спине, луковицы из него выступали и давили мне на спину.

— Не это было причиной, а то, что тебе было тяжело нести такой груз.

— Да, прости меня.

Отец Арсений никогда не роптал на Старца и никогда ему не прекословил.

* * *

У отца Арсения не было такой остроты ума, как у Старца. У Старца Иосифа были две вещи: и умная молитва, и созерцание Бога. Практика и теория, и то и другое. Со Старцем было невозможно состязаться в сердечной молитве и созерцании. Из этих двух источников он черпал изобильную благодать, которая сделала его святым. Когда от сердца начинался его полет в иной мир, тогда, как стрела из лука, он устремлялся к созерцанию и достигал Самого Бога.

Однако и отец Арсений как-то раз сподобился одного видения, когда творил молитву об усопших. Он оказался в некоем

прекрасном месте, где было множество шатров, в которых располагались семьи. И люди там очень радовались. Отец Арсений зашел в один шатер.

— Слушайте, — сказал он по своей простоте, — как вы здесь поживаете? Кто-нибудь вас навещает?

— Да, отец Варфоломей нас навещает и приносит нам подарки.

Так звали священника из скита Святого Василия, который у Старца Иосифа служил литургию. Вот как велика польза от Божественной литургии!

* * *

Можно было увидеть после захода солнца, как старец Арсений становится на бдение до рассвета, после дневных трудов и краткого сна.

Отец Арсений мне говорил, что он, бывало, думал, когда наступал час ночного бдения: «Как я встану на бдение? Я так устал после дневных трудов, как я смогу выстоять столько часов? Но лишь только стоит встать и поместить ум в сердце — о-о-о! — открывается сердце, открывается с молитвой вся сердечная глубина, и утомление совершенно не ощущается. Я чувствую такую благодать Божию, что не замечаю молитвенного труда. Восемь или десять часов — утомления никакого. Держу молитву. Только утром, когда заканчиваю, замечаю усталость».

Иногда в своей келлии он стоял по двенадцать часов, не присаживаясь. Ни переминаться с ноги на ногу, ни смотреть по сторонам, ни прислоняться к стене, ни открывать книг — ничего этого он себе не позволял. Можно было прийти в ужас от тяжести его подвига. Притом он был шестидесятилетним человеком, а я, девятнадцатилетний, и становился на колени, и, бывало, прислонялся к стене. Он же — ничего подобного. Стоя прямо, с головой, склоненной к сердцу, и с четками: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Двенадцать часов, не сходя с места. Какая же у него была молитва!

И так он делал всегда, до самой смерти в девяносто семь лет. Это был столп! И можно было ощутить благоухание в его келлии от вдыхания и выдыхания Имени Божия. Он имел молитву, больше ничего. Имел Имя Христово в своем сердце.

Он признавался: «Когда я молюсь по четкам стоя, то ощущаю сильное Божественное благоухание. А когда я говорю Иисусову молитву сидя, ощущаю малое благоухание». Но и сам батюшка благоухал от благодати молитвы.

Когда проходили восемь часов бдения, старец Арсений мне говорил:

— Ты — жеребенок, так что иди спать.

— Буди благословенно.

И я шел, взяв благословение батюшки. Наши келлии были рядом. Я уходил и спал два часа. Старец Иосиф мне сказал: «Ты заканчивай на два часа раньше, оставляя старца Арсения молиться, сколько он хочет».

Когда я просыпался, еще только рассветало, я вновь шел взять благословение старца Арсения, и он мне говорил:

— Вот и я теперь, малой, стал на колени, чтобы передохнуть, сейчас пойду отдохну немного. А ты принимайся за рукоделие.

Он спал пару часов вечером и часок утром. Заканчивалось ночное бдение, а затем целый день — работа. И это в семидесятилетнем возрасте!

Иногда он был так сосредоточен на Иисусовой молитве, что, когда приходил час для работы, не мог оторваться от молитвы. Тогда мы были вынуждены идти к нему, чтобы позвать, и находили старца Арсения стоящим и полностью ушедшим в молитву. Мы ему говорили:

— Старче, пришло время работы.

И придя в себя, он спрашивал с недоумением:

— Что, неужто уже рассвело?

* * *

Однажды на праздник преподобного Саввы Освященного старец Арсений ощутил неизреченное благоухание в своей келлии. Это было посещение благодати. А ведь отец Арсений был пострижен в монастыре Святого Саввы. Старец Иосиф, чтобы не было повода для тщеславия, обращаясь прежде всего к отцу Арсению, сказал в присутствии всех: «Слушайте, отцы, не придавайте большого значения благоуханиям, ибо все это и враг может делать».

После преставления Старца Иосифа отец Арсений остался с отцом Харалампием. Через двадцать четыре года, когда ему исполнилось девяносто семь лет, он ушел, как созревший плод. Без болезни, без страданий. Так ушла его душа, достигнув большой зрелости.

Отец Арсений не боялся смерти. Чем она могла быть ему страшна? До семидесяти трех лет, пока не преставился Старец Иосиф, он оказывал послушание. Он непрестанно имел в себе Иисусову молитву, и благодать в нем была ключом. За него говорили его пустынноческие труды, а ко всему этому — и ходатайство его Старца. К чему было ему беспокоиться, чего бояться? Он верил, что Старец придет за ним, чтобы его забрать — и не боялся. Ведь иногда, бывало, он его видел и наяву.

Я, в свое последнее посещение отца Арсения, сказал ему:

— Положи поклон Старцу и попроси за меня прощения, что я его не слушаюсь.

— А-а-а, я ему это передам. Конечно, я ему скажу: вот тебе поклон от Яннакиса.

Видимо, я все еще остаюсь Яннисом. Как говорит греческая пословица, у сорока пяти Яннисов ума не больше, чем у курицы. И я, кажется, именно таков — дурень дурнем.

ОТЕЦ АФАНАСИЙ

Отец Афанасий обладал чрезвычайной телесной крепостью и огромным трудолюбием. Но при этом он был слаб в брани с помыслами. Он не говорил непрестанно Иисусову молитву и поэтому принимал различные помыслы. Старец ему напоминал, чтобы он молился непрестанно, а тот все не слушался. Случались у него и другие преслушания. Об отце Афанасии молились и Старец, и отец Ефрем, и отец Арсений. Однажды Старец им сказал:

— Сегодня я так много молился об Афанасии, что Бог не может его не помиловать.

Отец Ефрем Катунакский рассказывал о видении, бывшем у него после усердной молитвы об отце Афанасии. «Я видел невдалеке

какую-то женщину, она пела, а Афанасий шел в ее сторону. Я его позвал: “Афанасий!” Он не обращает внимания, не останавливается и продолжает идти туда. Я опять кричу. А он все не останавливается. Я в третий раз кричу, но он так и не остановился. Я пришел в себя и таким образом получил извещение, что не диавол его искушает, но что сам он для себя как диавол: то есть он по собственному желанию идет к диаволу. Он сам себе искушение. Когда я его увидел на следующий день, я ему рассказал о своем видении и затем добавил: “Тебе следовало бы в тот час быть рядом со мной, чтобы получить от меня оплеуху!”»

Несмотря на то что отец Афанасий имел большое усердие во всех делах, он не мог справиться с помыслами, так как соглашался с ними по своей воле. Из-за этого он и в отчаяние впадал. Но благодаря тому, что был рядом со Старцем Иосифом, он все-таки держался.

* * *

Отец Афанасий весьма утомлял Старца тем, что соглашался со своими помыслами. Однажды он его так огорчил, что Старец, не удержавшись, сказал:

— Если Бог спасет отца Афанасия, то только по ошибке.

Каким бы ни был отец Афанасий, он был человеком. А человеку свойственно уклоняться от прямого пути. Но Бог смотрит на труды, которые человек предпринимал.

Отец Афанасий часто досаждал Старцу. Бывало, Старец уже поднимал руку, чтобы его ударить, а отец Афанасий со смирением ему говорил:

— Бей сюда, убей меня!

Как-то раз отец Афанасий натворил нечто такое, что Старец ему сказал резкие слова, и отец Афанасий убежал. Тогда Старец, расстроенный, сел там, где был, во дворе своей каливы, и заплакал. Вскоре во двор вышел я вместе с одним братом. Старец нам сказал:

— Чада, я совершил большой грех. Отец Афанасий меня огорчил, и я ему сказал резкое слово. Прошу вас, бегите, приведите его ко мне назад.

Мы его вернули, Старец его простил, прочитал над ним молитву и перекрестил.

— Видишь, что ты мне сделал? Ты сделал так, что я сказал слова, какие не должно, ибо говорит апостол Павел: *Благословляйте, а не проклинаяте* (Рим. 12, 14). А ты сделал так, что я стал тебя клясть. Разве так можно делать?

Для меня это урок, опыт, чтобы знать, как поступать и мне. Конечно, это не столь уж правильно — кланяться своим послушникам за то, что разгневался. Разве только если чувствуешь обличение совести.

Видя свои собственные человеческие немощи, Старец нам говорил о Моисее: «Посмотрите, сколько трудов приложил Моисей, чтобы вывести свой народ из Египта, из рабства у фараона, и привести его к свободе Иерусалима. Столько лет, столько соблазнов, столько трудов — и в конце концов Моисей, как свойственно человеку, поскользнулся и расширил уста свои (см. Ис. 5, 14) и не прославил Бога, когда совершил чудо, ударив камень и источив воду. Тогда он поскользнулся и сказал не то, во что верил сам, из-за того, что народ его припер к стене. Кто знает, какие крики ему довелось услышать от них и какую волю они дали своему языку, так что этот кротчайший человек вознегодовал и сказал: “Послушайте, разве вы веруете, что из этой скалы выйдет вода?” — тогда как сам он непоколебимо верил, что вода выйдет. И действительно, он ударил в скалу — и вышла вода. Но Бог сказал ему:

— Почему ты так сказал? Я дал тебе заповедь пойти, ударить, и вода бы вышла.

— Я согрешил.

— За этот грех свой ты не увидишь земли обетованной.

— Прости меня!

— Ты прощен, но наказание остается в силе. Ты не увидишь земли обетованной. Поднимись на гору и только оттуда взгляни на землю обетованную.

И все те, кто возражали и препирались, оставили свои кости в пустыне. А кто вошел в землю обетованную? Детишки вошли и Иисус Навин, который защищал Бога и прославлял Его. Когда те были несогласны, он был за Бога, и Тот его удостоил стать преемником боговидца Моисея. А Моисей и Аарон, брат его, не увидели земли обетованной. Подумать только!» (см. Числ. 20, 1–13; Втор. 32, 48–52)

Говоря это, Старец плакал.

«Ты посмотри, после стольких трудов он был за одно прегрешение исключен из числа вошедших. Но тяжесть прегрешения была определена с учетом бывшего у него боговидения и с учетом того, каких великих дарований он был удостоен прежде. Если бы это сделал кто-нибудь другой, то не был бы исключен из числа вошедших в землю обетованную. Но для него согрешение было очень велико — после стольких данных ему свидетельств Божиих, после чудотворных Божиих посещений. И он не промахивался ни в чем из того, что ему повелевал Бог исполнить. Поэтому-то Бог ему и сказал: “Как же ты совершил это сейчас?”»

* * *

Были у нас три цистерны. Одна из трех была только для полива, так как вода в ней воняла из-за падавших в нее змей и мышей. Они там тонули, и мы потом вытаскивали оттуда их скелеты. И вот оттуда отец Афанасий пил воду! Мы ему говорили, чтобы он оттуда не пил, а он отвечал: «Бешеный пес должен пить отсюда. Ничего со мной не случится». И он пил ту воду, в которой мы не решались даже одежду свою стирать. Старец в шутку говорил: «Мы напишем о тебе сборник анекдотов».

В таком смирении и самоотречении протекала вся жизнь отца Афанасия до самого его конца.

* * *

Отца Афанасия мы поселили за пределами нашей ограды, потому что он часто возвращался поздно, когда наша калитка была уже заперта. Поэтому и сделал ему Старец каливу за оградой, каливку совсем крошечную. Там была кирпичная печка, две доски, на которых он спал, — и места оставалось ровно столько, чтобы делать поклоны.

Отец Афанасий приходил мертвый от усталости, исполнял правило и затем его сваливал сон, так что он падал ничком. Но калива была настолько маленькая, что, засыпая на месте от усталости, он часто прислонялся к горячей печке. И при этом он не обжигался, Бог его хранил.

Иногда, входя в каливу, он видел гадюку. Он равнодушно говорил: «Если хочешь, спускайся и ужаль меня» — и ложился спать.

Гадюка спускалась и уползала прочь. Жизнь этого человека была полна чудес. Его спасала благодать Божия.

Однажды он упал в море вместе со своей торбой. Дело было так. Возвращался он из далекого Гуруносита⁸⁷. В монастыре Констанит он взял овощей, затем зашел в другой монастырь, потом еще в один. В монастыре Святого Павла был виноградник, и он зашел туда, чтобы взять винограда. Нагрузившись таким образом еще и там, он с огромной торбой на плечах, с кульками, подвешенными к поясу, держа другие кульки в руках — из любви к нам желая принести как можно больше пищи, — добрался до пристани монастыря Святого Павла. Оттуда обычно он шел к нам через Новый Скит и скит Святой Анны.

На пристани он увидел какого-то лодочника, сидевшего в лодке со своим сыном, и спросил его:

— Куда ты направляешься?

— В Святую Анну.

— Не возьмешь ли и меня с собой?

— Возьму.

Отец Афанасий дал ему что-то в благословение, какой-то хлебушек, и сел в лодку как был, с торбой на спине. Он был мокрый от пота и подумал: «Не буду-ка я ее снимать, чтобы не простудится. Пусть торба остается на спине». Уставшего, давно не спавшего, его одолел сон и, когда лодку качнуло, он вместе с торбой выпал из нее в море.

— Ой-ой-ой! — крикнул мальчик. — Папа, пропал монах! Утонул!

— Ай-ай-ай! Теперь нас посадят! — закричал лодочник.

Веслами они подтянули его и втащили в лодку. Хотя отец Афанасий и был моряком, но плавать не умел. Выбравшись из воды, он, хотя и совершенно промок, оставался с торбой на спине. Так он и высадился в Святой Анне, и поднялся к нам, как будто ничего не случилось.

* * *

Однажды отец Афанасий потерял терпение и сказал:

— Раз искушения не кончаются, я умру.

⁸⁷ Русское название Гуруносита — Новая Фиваида.

— И как же это будет? — поинтересовался Старец.

— Объявляю голодовку. Не буду есть, пока меня не заберет Бог.

— Ну, объявляй, — сказал Старец. И прибавил:

— Пусть делает, что хочет.

Семь дней отец Афанасий не ел и не пил. Была у него палка, на которую он опирался в нашей церковке, держа в руках четки. Худой как скелет, он напоминал блудного сына. Как только на ногах держался! Но отец Афанасий только носом клевал.

Увидел он, что не умирает. Семь дней прошло, а он еще жив. Такой он был крепкий.

— Поешь что-нибудь, отец Афанасий, — сказал ему Старец.

— Нет! Пусть издохнет паршивый пес!

Нашей праздничной едой были лепешки. С вечера мы замешивали болтушку, а утром на середину сковородки лили немного масла, подогревали, выливали ложку теста, размазывали, жарили, переворачивали на другую сторону, жарили с другой стороны и подавали с белым сыром. Это у нас считалось праздничной едой. Старец сказал:

— Отец Арсений, сделай-ка лепешки.

Он думал: «Сейчас у него слюнки потекут!» Итак, начал отец Арсений жарить лепешки. Я съел одну с четвертинкой, Старец — три, отец Харалампий — две с половиной, старец Арсений — не помню сколько. А отец Афанасий только смотрел! Наконец и он не выдержал, и у него потекли слюнки.

— Что же делать? Я все не умираю!

— Ну, раз уж не умираешь, то ешь, — сказал Старец. — Вот как раз и жареные лепешки у нас.

— Никак не умираю! Придется есть!

— Ну, если хочешь, ешь. Давай, отец Арсений, поджарь-ка лепешек для бедного отца Афанасия, он у нас сильно проголодался.

Начал он есть первую лепешку, а отец Арсений в это время жарил следующую. Съел он вторую, третью, четвертую, пятую, шестую, седьмую... Где они у него там помещались? Желудок ослабел от голода, а он ел это жареное тесто. Это был удивительный человек! Съел семь лепешек!

— Ничего себе! — сказал возмущенный отец Арсений. — Я больше не буду жарить! Когда же ты наешься? Семь уже съел!

А тот спокойно отвечал:

— Отец Арсений, если я свой ремень расстегну на одну дырку, то тебе придется жарить еще семь лепешек.

Тогда отец Арсений отставил сковородку и сказал:

— Бери сам сковородку, бери тесто и становись жарить.

Собрался и ушел.

* * *

У отца Афанасия случались и видения от Бога. Помню, как однажды ему было открыто, что я стану игуменом. Когда мы были в нашей церковке, он в конце литургии подошел к Старцу и ко мне и сказал нам:

— Что это такое я видел, Старче? Сидя сейчас в стасидии, я видел отца Ефрема с посохом, а справа и слева были ты и старец Арсений.

Старец понял, что это было Божественное откровение, но, что-бы предохранить и его и меня от гордости, сказал:

— Ступай! Спишь посреди церкви и видишь сны!

* * *

Отец Афанасий много трудился до самой старости. Это был очень закаленный человек. С тех пор как мы поселились в Новом Скиту, он жил там в каливе Успения Пресвятой Богородицы почти до конца своих дней. Когда ухудшилось его здоровье, Старец явился ему во сне и велел переселиться в монастырь Филофей к моей братии.

Там, в нашем монастыре, у отца Афанасия образовалась незаживающая язва в результате запущенной раны ниже колена. Со временем она дошла до кости, его живого ели черви. Открытая язва испускала зловоние, и я не мог даже взглянуть на это.

Отцы в Филофее помнят, как отец Афанасий, хотя уже не мог ходить, жаловался, что ему не дают послушания. Он кричал: «Отцы! Не лишайте меня награды!» Подвижник старец Афанасий хотел трудиться, будучи даже лежащим больным, чтобы не лишиться своей награды на Небесах.

* * *

К отцу Афанасию приходил врач, чтобы очистить язву и обработать ее лекарством, говоря ему: «Позволь немного облегчить твои страдания». Врач делал ему перевязки, но лишь только он уходил, как тот тянул бинты, срывал повязки и расчесывал ноги. Он делал это потому, что хотел умереть. Да вменит Бог это ему в подвиг. Он безропотно говорил: «Лучше сотворите молитву, чтобы Господь поскорее принял мою душу».

Он хотел умереть и поэтому не хотел прибегать ни к врачебной помощи, ни к какой другой. Заходя его навестить, я приоткрывал дверь, чтобы можно было дышать, ибо к горлу подкатывала тошнота. Вся комната воняла от червей и гнилого мяса. И, однако, отец Афанасий безропотно терпел до самого конца. Такой это был мужественный человек!

* * *

В 1983 году мне понадобилось выехать за пределы Святой Горы. В это время отец Афанасий пожелал вернуться назад, в свою келью, где он прожил столько лет. Несмотря на то что у него, бедного, была глубокая гноящаяся рана на ноге, он ушел.

Об этом мне сразу сообщили, и я немедленно возвратился назад. Отцы искали его несколько дней, пока не нашли. Отец Афанасий смог добраться только до Каракалла, находящегося в получасе пути от нас. Он упал в лесной чаще, один, без помощи. Прибежал я к нему и сказал:

— Давай, отец Афанасий, возвращайся в монастырь.

Он испытывал ко мне большую слабость, очень меня любил.

— Ради тебя вернусь. А так бы не вернулся.

— И куда бы ты пошел?

— В мою каливу в Новом Скиту.

— Ты уже ноги не можешь переставлять. Тебя нашли пролежавшим столько дней, и если бы тебя не нашли, ты умер бы как пес на обочине. Давай, оставайся с нами. Мы будем тебя поминать, будем служить о тебе сорокоуст. Оставайся в общежитии, чтобы уйти киновиагом. И Старец будет этому рад.

— Ладно, вернусь.

Он согласился со мной, чтобы не умереть в своеволии. Мы пригнали машину и перенесли его на руках, ибо он уже совершенно не мог ходить.

Прошло несколько дней, и он преставился. Отец Афанасий умер 11 сентября 1983 года в возрасте семидесяти шести лет. Глядя на него, никто бы не дал ему стольких лет. На его погребении служили три епископа. Отец Афанасий крайне себя смирил. Его мощи, когда мы их обрели, были прекрасны. Все мощи монахов прекрасны.

Отец Паисий, игумен монастыря Святого Антония Великого в Аризоне, так вспоминает о последних днях отца Афанасия:

«Я вспоминаю отца Афанасия как настоящего воина и аскета, равновеликого древним подвижникам. Мне посчастливилось встретить его и даже немного пожить рядом с ним в монастыре Филофей. Для меня было большим благословением быть одним из числа братий, которые служили ему и были рядом с ним в последние дни его жизни.

Отец Афанасий никогда не ложился спать. Он совершал бдение и молился всю ночь. Если он уставал, то садился на стул и прислонял голову к раковине в притворе главного храма или к чему-нибудь еще в том месте монастыря, где находился. Это и был его отдых. Даже на смертном одре он отказался ложиться.

Что касается его открытой раны на ноге, я не могу помыслить, как он терпел такую боль. Несмотря на то что язва увеличилась до семи с половиной сантиметров в диаметре и двух с половиной сантиметров в глубину, он никогда не жаловался и отказывался от любой медицинской помощи. Незадолго до его смерти можно было видеть личинки, которые ползали по поверхности раны и заползали внутрь. В последний день личинки исчезли, а вместо них появились черви длиной в пару сантиметров. При этом я никогда не видел у него внешних проявлений боли, даже выражение лица не менялось.

Когда отец Афанасий отошел ко Господу, мы все пришли в его комнату, чтобы последний раз выразить почтение подвижнику. Я никогда не забуду того, что увидел и испытал. Поскольку он почти всю жизнь не ложился, чтобы отдохнуть, постольку и теперь сидел на краю кровати. Ноги его были опущены на пол, опорой для спины

служил пластмассовый ящик, а боковые ящики, как подлокотники, удерживали тело в сидячем положении. Обилие благодати было ошеломляющим. Глубокая тишина и необычайное спокойствие настолько поразили нас, что мы, застывшие и оцепеневшие, смотрели на него в молчании и благоговейном трепете. В эти минуты, наполненные благодатью, мы, наверное, не удивились бы, если бы отец Афанасий неожиданно взглянул и начал говорить с нами».

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ ОБЩИНЫ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ СТАРЦА

Примерно в это время пришел жить вместе с нами один молодой серб по имени Бранко. Этот высокий, как все славяне, человек был очень благочестивым. И очень любил Старца. Прежде чем прийти к нам, он изучал богословие в институте Преподобного Сергия в Париже. Будучи бедным, Бранко, чтобы заработать себе на жизнь, подрабатывал грузчиком на вокзале. Он был таким сильным, что мог поднять два мешка с пшеницей, каждый из которых весил около восьмидесяти килограммов. У нас он переносил по три мешка с цементом на каждом плече от пристани до нашей каливы наверху. Один-то мешок замучаешься тащить по этому подъему! А он таскал. И от большой доброты улыбался.

Бранко был очень хорошим человеком с открытой душой. Он имел подвижнический настрой и был весьма послушным. Мы все его очень любили. Он, однако, не смог долго радоваться жизни рядом со Старцем, потому что пришел к нему в его последний год.

После того как Старец преставился, Бранко ушел в Старый Русик⁸⁸. Там он жил один, продолжая следовать уставу бдения, который нам передал Старец. Но прожил недолго. Чем мог питаться нищий пустынник? Он ходил и собирал грибы, которые каждую весну и осень в изобилии растут в густых лесах Святой Горы. Но, наверное, он не умел отличать съедобные от ядовитых и умер

⁸⁸ Старый Русик — скит, подчиняющийся Русскому монастырю Святого Пантелеимона, который располагался на месте скита до XVIII в. Находится примерно в часе ходьбы от монастыря, на высоте 250 метров над уровнем моря.

от пищевого отравления. Ушел, чтобы встретить Старца, которого так любил.

* * *

Тогда же, к концу 1958 года, пришел к нам отец Тимофей, в великой схиме иеромонах Иосиф. В восемнадцатилетнем возрасте он поступил в известный Фламурийский монастырь Преображения Господня, где и стал монахом. Тогда игуменом обители был мудрый отец Досифей Махерицас.

В годы оккупации на отца Тимофея возложили опасное послушание. Ему поручили возить в Волос скудные запасы пшеницы для помола. Тогда, в мои детские годы, я его раз или два встретил в книжном магазине Сотириса Схинаса. Поскольку зерно перевозилось на мулах, каждое путешествие занимало много часов. Перевозить груз надо было с большой осторожностью, потому что если бы он попался немцам, то пшеницу у него отобрали бы, а его самого могли расстрелять.

И вот в один из таких походов отец Тимофей был задержан немецким патрулем. Он стал молиться, призывая Божественную помощь. Он беспокоился не столько о себе, сколько о монастыре, которому грозили неприятности. Обитель запросто могли сжечь. И случилось так, что один из офицеров патруля был православным. Это был румын, призванный в ряды армий стран Оси⁸⁹. Этот офицер, подойдя к отцу Тимофею с оружием в руках, дал ему знак взять своих нагруженных мулов и уходить.

Как только ушли немцы, начали гражданскую войну коммунисты. Партизаны-коммунисты сильно беспокоили монастырь и причинили ему много вреда. Однажды они арестовали отца Тимофея и хотели расстрелять. Тогда произошло явное Божественное вмешательство, и отец Тимофей во второй раз избежал верной смерти.

Когда закончилось и это национальное бедствие, отцы начали восстанавливать обитель. Но испытания и труды истощили силы престарелого игумена, и в 1957 году он преставился. Архиерей,

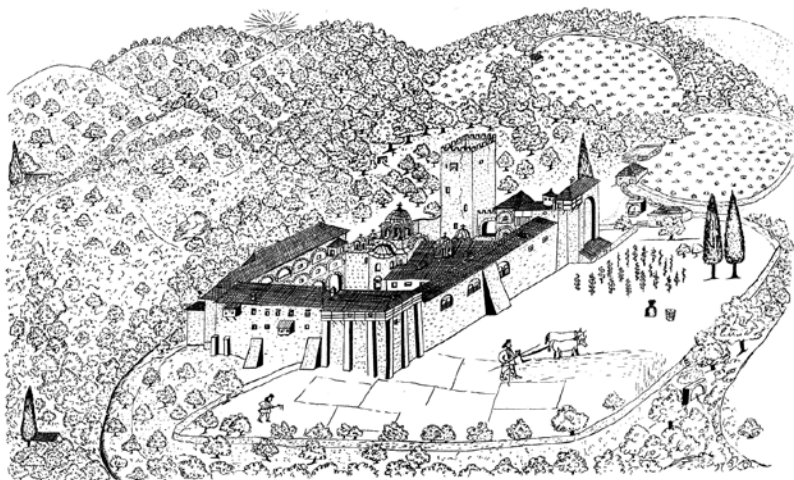
⁸⁹ Страны нацистского блока, названные по термину «ось Рим–Берлин–Токио», гитлеровская коалиция — агрессивный военный союз Германии, Италии, Японии и других государств.

который знал добродетели и дарования отца Тимофея, настаивал на том, чтобы поставить его в игумена. Но отец Тимофей не соглашался ни на каких условиях. С характерным для него смирением он говорил: «Разве с такой мордой можно быть игуменом? Я своенравный человек».

В конце концов он уехал на остров Парос в монастырь Лонговарда к знаменитому Старцу Филофею Зервакосу. Преподобный Старец открыл ему, что воля Божия в том, чтобы идти ему в Новый Скит на Святую Гору, к известному исихасту Старцу Иосифу. Так этот святой человек в конце 1958 года пришел жить к нам.

Он служил до глубокой старости, а на Божественной литургии не раз видел ангелов. Отец Тимофей имел великое благословение преставиться послушником, чего он и желал, в 2004 году в возрасте восьмидесяти семи лет⁹⁰.

⁹⁰ В греческой монашеской терминологии существуют два разных слова, которые на русский переводятся одинаково — «послушник». Первое слово «δόκιμος» — буквально значит «испытываемый», оно соответствует чину брата, еще не принявшего монашество. Второе — «ιποτακτικός» — буквально значит «подчиненный». Этим термином обозначаются все братья общины, пребывающие в подчинении своего Старца. Об о. Тимофее, принявшем великую схиму с именем Иосиф, говорится как о послушнике во втором значении этого слова: он не был главой общины, в которой подвизался и преставился.

МОНАХИНИ СТАРЦА ИОСИФА

ПОСТРИГ ПЕРВЫХ МОНАХИНЬ

В 1929 году Старец Иосиф, будучи в Салониках, познакомился с благочестивыми вдовами из Малой Азии, жаждавшими посвятить себя Богу. Старец переписывался с ними и как мог старался их наставить.

В 1930 году, чтобы лучше им помочь, Старец решил собрать их и пожить вместе с ними, чтобы дать им правильное монашеское воспитание. Государство выделило им покинутый монастырь в обезлюдевшем селе Геровица⁹¹. Там он постриг пять монахинь: Феодору, женщину святой души, которой он определил быть игуменией; Евпраксию, ставшую игуменией после преставления Феодоры; еще одну Евпраксию; Марию, все время плакавшую от большого сокрушения; и тогда еще молодую Февронию.

Монахини Старца были очень добродетельными. Все они были понтийками, очень благочестивыми женщинами. Он научил их умной молитве, совершаемой во время ночного бдения.

Бдение они совершали на коленях и говорили свои слова Христу со многим плачем, каждая в своей отдельной келейке. Так как

⁹¹ Это село находится недалеко от Зирново, в области Драмы, ныне называемой Нижний Неврокопий, на северо-западе губернии, в 10 км от болгарской границы. Это очень красивое место, изобилующее зеленью и водой. Но сам монастырь был разрушен. Он находился в столь жалком состоянии, что Старцу пришлось пригласить своего брата Леонида из Афин, чтобы тот помог ему в восстановлении обители. — *Прим. греч. ред.*

все они были беженками из Турции, они привыкли молиться на турецком языке, причитая: «Зеклим Иису! Зеклим Иису!» — то есть «Иисусе Сладчайший». Старец заходил к ним, чтобы проверить, совершают ли они бдение. А они и не замечали его от большого плача и сокрушения. Все они в конце концов освятились и источали благоухание.

Монахиня Феодора имела большое духовное родство со Старцем Иосифом. В одном из своих писем он свидетельствует, что ему как-то случилось ощутить ее дыхание. Когда он был уже на Святой Горе, во время молитвы каким-то образом исчезло все окружающее, ибо благодать не знает места и времени, и он почувствовал Феодору рядом с собой, лицом к лицу, хотя и не видел ее.

ПРЕПОДОБНАЯ МОНАХИНЯ ЕВПРАКСИЯ

Одна из этих вдов, монахиня Евпраксия, вспоминала, что, перед тем как Старец Иосиф приехал в Салоники, она сказала своим подругам:

— Я видела во сне одного старца, выглядевшего так-то и так-то. И видела, что он меня постригает в инокини.

— Вот глупая, — отвечали ей, — ты что, веришь снам?

— Ну, не знаю, так я видела.

И действительно, когда Старец приехал в Салоники, по Божию Промыслу они встретились, и он постриг эту старушку в монахини с именем Евпраксия. Но будучи понтийкой из Трапезунда, она плохо знала греческий и, вместо того чтобы говорить «Евпраксия», говорила «Апраксия»⁹².

— Како нареклася еси, сестра?

— Апраксия.

— Нет, не Апраксия, а Евпраксия!

Она даже Псалтирь читала по-турецки. Став монахиней, эта сестра, читая Часослов и другие богослужебные книги, не понимала смысла читаемого, поэтому все время плакала и просила Бога просветить ее, чтобы понимать, что читает. Однажды вечером Евпраксия увидела во сне святого Иоанна Богослова,

⁹² Евпраксия — благотворительная, Апраксия — бездейственная (греч.).

который дал ей в ложечке что-то выпить. Когда она проснулась, почувствовала, что сможет понимать все, что читает. Монахиня взяла Часослов и богослужебные книги, читала их и понимала все полностью.

* * *

Старица Евпраксия сказала как-то Старцу Иосифу:

— Старче, скажи теперь, чтобы у меня была молитва.

— Ладно, будет у тебя молитва.

— Нет, Старче, не так. Ты сказал это не от сердца. Скажи, скажи, как полагается.

— Ладно, будет у тебя изобилие молитвы.

— Вот, теперь благодарю тебя, Старче.

И как же утверждает Бог сказанное Старцем! В самом деле, после его слов пришло изобилие благодати.

Матушка Евпраксия говорила: «Старче, возьму тебя на свои плечи, буду нести тебя на своих плечах и тогда ничего не буду бояться. И в Иерусалим пешком пойду».

У нее было большое благоговение к Старцу, и она много преуспела в молитве. Она творила многочасовую сердечную молитву и достигла большого бесстрастия, высокой духовной ступени. Заходя иногда в келлию Евпраксии, Старец зачастую должен был толкнуть монахиню, чтобы привести в себя. Было видно, что в этот момент она находилась на грани восхищения.

* * *

Старец нам рассказывал, что в своем монастыре она однажды изгнала беса из одного мальчика. Этот ребенок пришел в монастырь и зашел в церковь во время литургии. Когда литургия закончилась, мальчик подошел к священнику, прося того прочесть над ним молитву и осенить крестом, ибо он был бесноватым. Священник сказал:

— Дитя мое, подойди вон к той монахине, пусть она тебя осенит крестом. У нее есть сила, чтобы ты исцелился.

Мальчик оказал послушание, подошел к ней и попросил:

— Старица, перекрести меня.

— Дитя мое, подойди к священнику, у него есть благодать и сила. Я ведь простая монахиня.

— Но он меня послал к тебе, чтобы ты меня перекрестила. Пожалуйста, перекрести меня, сестра. Разве это так трудно?

Видя такую настойчивость ребенка, Евпраксия, сложив три перста, осенила его крестом. Бес сразу вышел, и мальчик исцелился.

* * *

Сестра Феврония была молодой, и обычно ей хотелось съесть немного больше, чем ели другие. Но игуменья Евпраксия была довольно прижимистой и вечно ее ругала: «Не ешь много!» Бедняга опускала голову и краснела от стыда. Старец говорил Евпраксии:

— Дай девочке поесть, она голодна.

— Да она чревоугодница!

— Молчи! — говорил ей Старец.

— Да она же такая-сякая!

И когда Старец уходил, она опять принималась ее ругать — она была несдержанной на язык. Наконец Старец Иосиф сказал ей:

— Смотри у меня! Если опять заговоришь за столом, всю еду вместе с миской выброшу в окно!

Только они уселись за стол, Старец предупредил:

— Евпраксия, будь внимательна.

Прошло несколько минут:

— Слушай, Феврония, ну не ешь ты столько!

Старец тут же взял миску и — за окно:

— Давайте, идите теперь, соберите все и съешьте с землей, чтобы наконец усвоили!

А поскольку она не оставляла свое, Старец, бывало, снимет с нее пояс и задаст ей хорошенько. Но и после этого она продолжала говорить: «Ну и чревоугодница! Ну и болтуня!»

Но при этом матушка Евпраксия была большой подвижницей и стяжала святость. Однажды у нее порвался пояс, и она отдала его в починку отцу Арсению. И этот пояс — тот самый, которым ей доставалось от Старца, — благоухал. Старец сделал ее святой.

* * *

Отец Ефрем Катунакский рассказывал нам такие истории о сестре Евпраксии.

«Как-то я ожидал возвращения Старца Иосифа на Святую Гору. Он выехал на Светлой седмице. Старец сказал монахиням:

“Нашел я одного хорошего батюшку”, — обо мне он говорил. Поговорила Старица Евпраксия со своими сестрами, и связали они мне скуфейку.

Когда Старец приехал, мы все спустились к морю. Вышел он на берег из лодки, и я подошел к нему.

— Надень-ка эту скуфейку, — сказал он мне.

Как только я ее надел, сразу ощутил благодать, действие молитвы. Загорелся молитвой, Божественной любовью.

— Что это за скуфья, Старче? — спросил я, потрясенный.

— Если бы ты знал, — сказал Старец, — сколько молитв сотворила Старица над этой скуфейкой!

Эта скуфья была настоящее сокровище!

Однажды Старица Евпраксия послала четочки Старцу Иосифу. Я попросил:

— Старче, дай мне эти четочки.

— Бери их, — сказал он мне.

Эти четочки я повесил на икону, которую мне подарил Старец. И если они днем благоухали, я знал, что вечером у меня будет молитва. Если же не благоухали, молитвы не было. И так много лет. Эти четочки попросила у меня одна раба Божия, желавшая стать монахиней.

— Бери их, — сказал я, — пусть они тебе помогут стать инокиней. — Бери, это благословение от Старца Иосифа.

Она их взяла и теперь радуется своему монашеству». Таков был рассказ отца Ефрема Катунского.

* * *

Евпраксия прожила около ста лет и умерла последней из этих пяти стариц. Я успел еще застать ее и спросил как-то:

— Чем питаешься, Старица?

— Фруктами. И днем, и вечером, и утром фрукты ем.

Старица была в Салониках, когда наступил ее час. Увидев бесов, которые пытались забрать ее душу себе, она обернулась налево, говоря: «Гит, гит!» — то есть «прочь» по-турецки. Она прогоняла лукавых духов с открытыми глазами и в полном сознании. Затем обернулась направо, к ангелам, и говорила: «Гель, гель!» — то есть «подходите». «Вы убирайтесь», — говорила она черным, и у нее

выступил пот. Страшно было слышать это «гит» и «гель». Она обернулась направо, где были ангелы, и ушла. Старица Евпраксия была взята, когда приглашала ангела. Так представилась последняя инокиня Старца.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ СТАРЦА

Сестра Евпраксия рассказывала: «Старец Иосиф был очень строгим. Когда мы ходили на работу — собирать черешню в одном саду, — он не разрешал нам ее есть: “Чтоб ни одна черешня не попала в рот!” И уже все было собрано, а мы так и не попробовали ни одной ягоды. В то время Старец был весьма суров. У нас было много фруктов, лежащих на земле под деревьями, но ради подвига Старец не позволял нам их брать. Мы ели только лук, вареную картошку и сухари».

* * *

Старец подвизался всегда очень сурово. Он не знал, что такое отступление. Поэтому всегда побеждал. Вера его была очень велика, она соответствовала его делам, его подвигу. Он говорил: «Поступайте всегда согласно вере, а не знанию. Все дела ваши творите опираясь и надеясь на Бога. Внимайте не тому, что говорит знание, но тому, что говорит вера».

Одна монахиня написала Старцу, что она больна и что, если не сделает операцию, умрет. Но так как болезнь была гинекологической, Старец не хотел, чтобы она делала операцию, и стал о ней усердно молиться. Во время молитвы он получил извещение, что болезнь пройдет, и поэтому написал ей прямо противоположное мнению врача: что она поправится и без операции. Монахиня вновь написала Старцу: «Врач сказал, что без операции через столько-то дней будет прободение и в итоге — смерть». Старец повторил: «Имей веру, возложи все на Бога. Предпочти смерть». И вскоре монахиня сообщила ему, что болезнь отступила.

Однако позже он признавался: «Ко мне приходили многие и молитвой и постом исцелялись. Сейчас, однако, Господь меня не слушает, но хочет, чтобы я узнал и лекарства, и врачей. Чтобы стал

снисходительным к другим. Прочитал я письма святого Нектария и увидел, с каким уважением он относился к врачам и лекарствам, такой великий святой! А я, бедный отшельник, состарился в пустыне и хотел только верой исцелять. Теперь узнаю и я, что требуются и лекарства, и благодать»⁹³.

* * *

Как-то Старец посетил один женский монастырь и, поскольку час был уже поздний, остался ночевать в монастырской гостинице. Сестры, убравшие келлию Старца, заметили на следующий день, что постель не тронута. Ибо Старец и отец Арсений спали, ради подвига, не ложась. Но когда об этом узнала игуменья, она пригласила Старца и спросила у него:

— Умеешь оказывать послушание?

— Умею.

— Итак, с сегодняшнего дня ты будешь ложиться на кровать, когда будешь отдыхать.

Старцу не хотелось оставлять этот подвиг, но он решил оказать послушание. Первый раз за много лет уснул в кровати. Когда же он проснулся перед своим бдением, у него была такая ясность ума и бодрость души, что он удивился силе послушания. Бдение прошло очень плодотворно, и тогда он сказал отцу Арсению: «С сегодняшнего дня мы будем отдыхать на наших деревянных кроватях».

* * *

В те времена, когда Старец Иосиф жил близ Драмы, ему сказали:

— Здесь в Дrame есть одна монахиня, которая пророчествует и решает все проблемы.

— Пойду-ка я на нее погляжу, — сказал Старец.

Эта монахиня якобы общалась с Пресвятой Богородицей, будто бы предсказывавшей ей даже то, какие люди ее посетят. К ней ходило много народу. Старец пришел к ней и спросил:

— Как получила ты эту благодать?

— Это от Бога, от Святого Духа.

⁹³ Письмо 49.

— И ты видишь мысли?

— Да.

— Я сейчас задумаю одну мысль в своем сердце, и если ты ее угадаешь, то все в порядке, а если нет — тогда рот на замок.

Старец задумал в уме своем ругательство на диавола, ибо понял, что ей все открывал диавол.

— Ну, скажи мне мою мысль.

Та, онемев, не смогла ничего сказать.

— Говори!

Та не могла.

— Если ты покаешься и прекратишь пророчествовать от диавола, я тебя перекрещу и все пройдет.

Та кивнула, что согласна. Старец перекрестил монахиню, уста ее разрешились, и Старец сказал:

— Ты прельстилась от гордости и возношения. Внимай своим грехам и прежнего больше не делай.

Монахиня попросила прощения, но, к сожалению, вскоре вновь впала в ту же прелесть.

ИСКУШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Местный Владыка неодобрительно глядел на то, что делает Старец, потому что Старец был старостильником. Также недоброжелатели наговорили на него Владыке, что в монастыре якобы держат младенцев. Владыка начал преследовать Старца и старался всячески ему мешать. Тогда Старец удалился из монастыря и скрылся в доме своих добрых знакомых. Но так как он не знал, что произошло с монахинями — изгнали их или нет, — он сильно беспокоился. В то время, когда он скрывался, случилось еще одно искушение: он узнал, что в его монастырь ворвались разбойники. Старец очень боялся и переживал, как бы они не сделали чего плохого с монахинями.

Весь день он творил усердную молитву. Вечером, находясь между сном и явью, Старец увидел святителя Николая, в честь которого был освящен храм обители, и тот сказал ему: «Не беспокойся, монахини под моей защитой». Старец сразу пришел в

себя и почувствовал утешение. Но страх и беспокойство окончательно не ушли. Лишь только он вновь погрузился в сон, явилась ему Пресвятая Богородица и поцеловала. От Ее одеяния исходило неизреченное благоухание. Старец пережил неопишное блаженство. Страх и беспокойство исчезли без следа. И многие месяцы он ощущал это неизреченное благоухание. Спустя несколько дней Старцу сообщили, что монахини остались целы и невредимы.

* * *

Старец Иосиф вернулся в Геровицу. Он провел здесь в общей сложности два года. К тому времени две монахини умерли и остались три. Старец хотел официально устроить для них монастырь, если будет воля Божия. Но он колебался, ибо знал, что обитель привяжет его к себе и он не сможет более вернуться к своему возлюбленному безмолвию.

Наконец он получил извещение, что нет воли Божией на устройство монастыря, и поэтому не стал продвигать это дело. Поскольку же Владыка продолжал их преследовать, они перебрались в Уранополь. Там у монахинь была мельница, от которой они получали содержание.

Однако все то время, что Старец оставался за пределами Святой Горы, у него почти не было восхищения ума. Поэтому он сказал отцу Арсению: «Что мы делаем? Пришли спасать мир, постригать монахинь, и где теперь Бог? Я потерял своего Бога. Надо нам их оставить, и пусть они идут своим путем».

А монахиням Старец объяснил: «Я больше не могу оставаться здесь и возвращаюсь на Афон, чтобы жить отшельником. Но мы будем общаться в письмах, и вы продолжите оказывать мне послушание».

СМЕРТЬ МОНАХИНИ ФЕОДОРЫ

Прошло несколько дней после смерти отца Василия⁹⁴, как пришло письмо о том, что престарелая матушка Феодора, также

⁹⁴ См. о нем в гл. VI.

болевшая туберкулезом, лежит на смертном одре. «Она не хочет умирать, пока не придет Старец», — говорилось в письме.

— Ах, Пресвятая Богородица! Боже мой! Как я опять пойду в мир! — воскликнул Старец. Он только что похоронил Василия, и теперь нужно было ехать прощаться с Феодорой. Старец сел в лодку и направился в Салоники. Придя к ней в дом, он спросил:

— Как она? Жива?

У Старицы был туберкулез гортани, она буквально гнила живо, и поэтому в комнате стоял тяжелый запах. Но как только она увидела Старца, воспрянула и сказала:

— Подойди, Старче, я не хотела умирать, пока не приедешь ты.

— Не бойся, Феодора.

Старец сел рядом с ней и начал утешать.

— Старче, у меня уже нет сил, я очень печалюсь.

— Феодора, немного терпения, и все закончится. И Бог даст тебе венцы.

— Старче, вся комната полна венцов, мне этого хватит! Пусть уж один мне не достанется!

— Нет, Феодора, потерпи, и ты получишь и этот венец!

— Отпусти меня, Старче, не держи меня больше, отпусти, — такая у нее была вера в Старца.

— Терпение, моя Феодора, терпение!

Ей дали что-то поесть, но глотать она уже не могла и, попытавшись чуть-чуть съесть, недоеденное отдала Старцу. Он съел это, говоря про себя: «Матерь Божия, пусть побольше здесь будет микробов!» Но ни один микроб к нему не перешел. Он надеялся, что заразится и сам, но, как писал позже, смерть убежала, уйдя к тем, кто ее боится.

На следующий день рядом с Феодорой сидели Старец и сестра Евпраксия, которая за ней ухаживала. Обе понтийки, они знали турецкий лучше, чем греческий, и Феодора ей что-то сказала по-турецки. Старец спросил:

— Что она тебе сказала?

— Она мне сказала, что придут гости и я должна приготовить угощение.

— Брось ты угощение и ступай за священником, потому что Феодора сейчас уйдет.

Пришел священник, все они, вместе с еще несколькими монахинями, сидели рядом с ней. Старец сказал священнику:

— Не уходи, отче.

— Хорошо, не уйду.

Затем Старец повернулся к Феодоре и стал наблюдать за ней. Вскоре ее взгляд стал блуждать. Она посмотрела на Старца, на Евпраксию, на каждую из монахинь. Посмотрев на всех, она перестала видеть окружающий мир. Глаза ее закатились, она вздохнула три раза и умерла. А Старец после погребения Феодоры возвратился на Святую Гору.

МОНАХИНЯ ВРИЕНА

В то время старшая сестра Старца Иосифа, Эргина, переживала тяжелый период жизни. Скорбь и отчаяние сжимали ее отовсюду. Единственной надеждой для нее остался брат, Старец Иосиф, которому она и написала письмо, прося утешения и наставления. Старец ответил, и его мудрые слова рассеяли густую тьму скорби.

У Эргины была дочь Варвара. Святой пример Старца, его полные мудрости письма их семье и его молитвы зажгли в чистом сердце Варвары желание монашества. Ее непорочная душа возлюбила Небесного Жениха, любовь Которого никогда не умирает.

Варвара написала Старцу одно робкое письмо, в котором просила совета. Старец очень обрадовался, ибо в своей молитве увидел, какая чистая душа у этой девушки и как много преуспеет Варвара в монашестве. Поэтому он написал ей ответ без всякой задержки. Между ними завязалась переписка глубокого духовного содержания, в которой Старец наставлял ее в молитве, трезвении и смирении.

* * *

Маленькая Варвара была немного упрямой и гневливой девочкой. Но, имея очень доброе произволение, она следовала буквально советам дяди. Вскоре она начала не только исправляться, но и умножать в своей душе плоды благодати.

И действительно, Варвара сделалась очень разумной, смиренной и послушной девушкой. Она так тщательно избегала искушений, что не выходила из дома без матери. Каждый день она

старалась непрестанно творить Иисусову молитву. Вскоре это начало приносить плоды: светлые мысли и живительные слезы.

Таким образом, после окончания немецкой оккупации юная Варвара пожелала начать монашескую жизнь. Но отец категорически запретил ей это: он и слышать не хотел о том, чтобы дочь ушла в монастырь. А кроме этого, как иногда, к сожалению, поступают в таких случаях некоторые неразумные родители, он начал осквернять свои уста неподобающими и грубыми словами.

Бедная Варвара с большой печалью написала Старцу Иосифу о своем желании монашества и о запрете отца. Старец помолился, получил некое извещение и ответил ей: «Подожди немного, потерпи». Действительно, прошло немного времени, и отец девушки умер.

* * *

Варвара стала монашествовать в монастыре на горе Парнифа. Спустя какое-то время игумении монастыря было видение. Однажды около полуночи, когда она находилась в своей келье, она услышала далекие шаги, как будто кто-то приближался с палочкой. Благоговейная старица очень обеспокоилась, ибо у монастыря тогда еще не было ограды и она, естественно, боялась за сестер. Ведь это были тяжелые годы гражданской войны, и Греция была охвачена беспорядками.

Итак, игумения с волнением стала всматриваться, кто бы это мог быть в столь поздний час в этой пустыне. Глядя в ту сторону, откуда доносились шаги, она различила в темноте некоего старика, приближавшегося с маленьким фонариком. Когда он наконец подошел поближе, она спросила его с беспокойством:

— Кто вы такой и что вам здесь нужно в такой поздний час?

— Я, Старица, — смиренно ответил незнакомец, — отец юной Варвары и пришел сказать, чтобы вы ее оставили у себя. Ибо с тех пор, как она пришла в монастырь, Христос дал мне в утешение этот фонарик — и я теперь немного вижу и мне легче.

С этими словами он исчез. Так Господь даже и за это невольное приношение отца Варвары дал ему награду, невзирая на то что тот препятствовал дочери стать монахиней.

Варвара осталась в обители и сделалась примерной монахиней. В постриге, совершившемся в 1945 году, она получила имя Вриена. При этом присутствовал и отец Афанасий, брат Старца Иосифа.

В 1955 году она стала игуменией в монастыре Богородицы Миртидиотиссы в Стаматах, что в Аттике.

СТАРИЦА МАКРИНА

Как уже упоминалось, мой духовник в миру отец Ефрем собрал большую паству в Волосе. Там он совершал очень хорошее духовное дело. Но в 1952 году его оклеветали, и он был вынужден уехать оттуда, оставив множество духовных чад сиротами. Среди них были и пять-шесть девушек, которые жили в устроенном ими общежитии и желали монашества.

Одна из них, по имени Мария, стала впоследствии Старицей Макриной. Мария родилась в 1921 году у благочестивых родителей в Смирне. После Малоазиатской катастрофы ее семья была вынуждена оставить родную ионийскую землю и переселиться в Грецию. Лишь только ей исполнилось десять лет, случилась еще одна беда — умерли ее родители.

Мария вместе с младшим братом оказалась в полном одиночестве. Но она была не из тех людей, которые быстро отчаиваются. Она, где могла, находила работу и таким образом встала на ноги сама и вырастила брата. Но когда жизнь стала немного улучшаться, внезапно разразилось новое бедствие — Вторая мировая война, а вместе с ней ужасные годы оккупации.

Предприятия закрылись, начался голод. Поначалу соседи оказывали некоторую помощь сиротам. Но когда люди стали десятками умирать от голода на обочинах дорог, никто не мог больше уделять внимания двум детям. Целыми днями они оставались голодными, и им грозила смерть от истощения. В конце концов брат и сестра были вынуждены разлучиться в надежде на то, что так, может быть, выживет по крайней мере один из двух. Младший брат уехал в Салоники, а бедная Мария осталась в Волосе совершенно одна, в глубокой скорби из-за разлуки.

Послевоенные годы также оказались очень трудными. Мария много работала в разных местах, зарабатывая на кусок хлеба, но и этим она делилась: у нее было золотое сердце. Ее всегда отличали большое милосердие, всепрощение, трудолюбие, огромное терпение в лишениях и любовь к молитве по ночам.

Будущая Старица Макарина (шестая слева в верхнем ряду)
с благочестивыми девушками. Большая часть из них погибла
во время оккупации, уцелевшие стали монахинями

На протяжении всей жизни молитва была для будущей Старицы Макарины компасом и посохом. И ей довелось не раз ощутительно испытать Божественные посещения.

Однажды на Пасху после долгой и тяжелой работы ей удалось насобирать денег, чтобы купить себе свечу на службу Светлого Христова Воскресения. Однако когда она шла в церковь, ей повстречалась нищая и голодная девочка. Нисколько не задумываясь о своей собственной нищете, она отдала ей то, что с таким трудом собрала. Так она пришла в церковь без свечи. Когда настал момент принимать святой свет и весь народ пошел со своими свечами к священнику⁹⁵,

⁹⁵ Согласно греческой традиции богослужение Пасхи начинается с раздачи света. Перед этим в храме гасятся все свечи и лампы. Из алтаря выходит священник с зажженным от лампы на святом Престоле трехсвечником. И с пением «Приидите примите свет от Невечернего Света и прославите Христа, воскресшего из мертвых», весь храм наполняется светом зажженных от трехсвечника свечей и лампад.

Старец Ефрем Филофейский и Старица Макрина
(стоит по левую руку от него) с монахинями

Мария стояла позади всех, не имея свечи. Она стояла во тьме, плача и говоря: «О Христе мой! Какая же я грешная, что не удостоилась даже одной свечки на Твоем Празднике». И в то время, как она с плачем и самоукорением это говорила, она внезапно увидела Нетварный Свет. Мария потеряла сознание, и люди, думая, что она упала в обморок от голода, отнесли ее домой на руках.

В то время юная Мария познакомилась с моей праведной матерью. Эти святые души вместе молились на кухне нашего дома, стоя на коленях весь вечер, проливая много слез и совершая множество земных поклонов. Их святой пример меня очень многому научил.

Благодаря добродетелям Марии вокруг нее еще со времен оккупации собрались несколько благочестивых девушек, пожелавших стать невестами Христовыми. Они жили вместе под духовным руководством отца Ефрема. Когда тот был вынужден вернуться на Святую Гору, девушки неожиданно духовно осиротели.

* * *

Многие духовники пожелали взять их в число своих чад, но ни один из них не устраивал подвижниц, потому что они уже

приобрели духовный настрой Старца Иосифа благодаря отцу Ефрему. Тогда они написали Старцу и попросили, чтобы он их принял в число духовных чад. Я в то время был уже на Святой Горе рядом со Старцем.

Старец им ответил: «Если будете оказывать послушание, то я вас принимаю. Если не будете, то я вас оставляю». Они написали в ответ: «Старче, что бы Вы нам ни повелели, мы будем Вас слушаться».

Тогда Старец повелел им, чтобы они слушались Марию, которую он никогда в своей жизни не видел. И объяснил причину своего повеления: «Оказывайте послушание Марии, ибо я сегодня вечером созерцал ее в видении во время молитвы. Я видел, что вокруг нее было много овечек, а она стояла посередине. Так я понял, что должен поставить Старицей именно ее. Итак, слушайтесь Марию, и пусть никто ей не прекословит». Они ответили: «Буди благословенно!» — и Старец очень обрадовался их послушанию.

* * *

Эти девушки исповедовались Старцу в письмах и в ответ получали множество посланий, которые хранили как великое сокровище. Но, к сожалению, впоследствии они были вынуждены сжечь эти письма, потому что случилось искушение.

Был в Волосе монах, живший по своей воле, у него было не все в порядке с головой. Ничего, кроме внешнего подвига, он не знал. И захотелось ему, чтобы эти девушки стали его духовными чадами. Но они не испытывали к нему доверия, и притом поняли, какую большую пользу им приносит Старец Иосиф. Тогда этот монах от сильной зависти стал угрожать, что опубликует их переписку со Старцем в газетах, если ее раздобудет. Мария испугалась, что письма Старца с упомянутыми в них помыслами сестер попадут в руки этого монаха, и поэтому их сожгла. Сохранились только восемь писем, спрятанные отдельно у одной сестры.

* * *

Другая из этих сестер, ныне монахиня, рассказывала об их жизни под руководством Старца. «Он все нам предсказывал. Все, что происходило у нас в обители, он описывал в своих письмах до

того, как мы ему об этом рассказали бы. В начале моей иноческой жизни заболела моя сестра, которая тоже тогда была послушницей. Я очень расстроилась и сказала: “Матерь Божия, почему? Мы пришли, чтобы Тебе послужить. Почему она заболела и не может теперь трудиться и помогать нашей обители?” Я пошла в сад, села там под оливковым деревом и плакала всю ночь.

Через несколько дней пришло мне письмо от Старца: “Малое мое дитя, я слышу твой голос и мне тяжело: он терзает мою душу болью и отрывает меня от молитвы. Не плачь. Сестра твоя выздоревает”. И он это написал, хотя никто не знал о моем плаче! Сестры меня спрашивали:

— Что ты натворила, сестра?

Я им отвечала:

— Да вот, только пришла в сад и плакала.

Все это очень живо в моей памяти.

Подобный случай произошел со Старицей Макриной, когда она заболела и у нее началось кровохарканье. У нас не было телефона, чтобы ему об этом сообщить, нужно было обо всем писать в письмах. Но об этом мы в письме не упомянули, сокрыли от него. Мы решили его не расстраивать и не отрывать от молитвы. Он же нам прислал такой ответ: “Дети мои, почему вы мне не пишете, что Старица больна и страдает, чтобы мы помолились о ней? Вы очень плохо поступили, решив, будто оторвете меня от молитвы. Ведь мы видели ее мысленно вечером, когда молились с отцом Арсением, и поняли, что Старица Макрина серьезно больна. И сотворили усердную молитву. Дитя мое, я хочу, чтобы ты мне сообщала обо всем, что происходит у вас в монастыре, и особенно — со Старицей. Пишите мне об этом”. Но и Старица Макрина видела их обоих вечером рядом со своей подушкой — Старца Иосифа и отца Арсения, как они молились по четкам с крестным знамением и говорили: “Господи, исцели рабу Твою!”

Такое бывало много раз. Когда Старец Иосиф и отец Арсений молились, они видели, как у нас дела и в каком состоянии мы находимся. А мы недоумевали, как он в своих письмах сам пишет о том, что мы думали. И после этого мы боялись!

Мы слышали от его первых монахинь истории, каким суровым Старец был раньше, но с нами он был очень терпимым и добрым.

Он смягчился, когда состарился. И поскольку мы были совсем юными двадцатилетними девушками, он относился к нам очень ласково».

* * *

Этот монастырь Богородицы Одигитрии очень сильно преуспел. После представления Старца Иосифа отец Ефрем Катунский много раз во время своих ночных бдений видел очами ума два огненных столпа в Волосе, возвышающихся от земли до неба. Они означали Старицу Макрину и одну из ее славных монахинь. И отец Ефрем говорил, радуясь: «Ничего себе! Ты только посмотри! Мы здесь на скалах столько трудимся, чтобы найти несколько крошек, а эти в миру обрели столько благодати! Чем они там занимаются?!»

Познакомился со Старицей Макриной и приснопамятный архимандрит Софроний (Сахаров), когда та поехала на лечение в Англию. Он много раз с ней беседовал и впоследствии поделился впечатлениями с близкими людьми: «Это титан духа!»

Старица Макрина преставилась в 1995 году. Из ее славной общины вышли монахини, которые возродили монастыри Честного Предтечи в Серрах и Архангела Михаила на острове Тасос. А сестры из этих обителей, в свою очередь, были посланы в Северную Америку, чтобы и на этой земле появилась закваска монашеской жизни, чтобы и там был привит монашеский идеал. Сегодня в Греческой архиепископии Северной Америки уже одиннадцать женских монастырей, и все они ведут свою историю от Старца Иосифа.

Старица Макрина
в последние годы жизни

ЭПИЛОГ

Старец Иосиф усиленно возделывал землю своими трудами, своим подвигом, борьбой с искушениями, молитвой, созерцанием, потом и слезами. Но плоды этих трудов проявились главным образом уже после его преставления. *Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода* (Ин, 12. 24). То есть как только преставился Старец, его труды начали давать ростки, а затем и приносить плоды. Что это были за ростки? Его духовные чада. Старец пахал, очищал землю, сеял, возделывал, а мы, его чада, этими трудами пользуемся. Бог поливал, он пахал, сеял, а мы теперь пожинаем плоды его трудов. Но все это сделал один человек.

Вскоре после преставления Старца на Святой Горе началось возрождение, как по числу монахов, так и во внутренней жизни монастырей. Когда в 1921 году Старец пришел на Афон, там подвизалось пять с половиной тысяч монахов. Когда он преставился, оставалась лишь четвертая часть от прежнего числа. А одновременно с уменьшением числа монахов увеличивался их средний возраст. Казалось, что на Святой Горе живут одни старцы. Молодые иноки не приходили, а старики умирали. В 1971 году осталось лишь тысяча сто сорок пять святогорских монахов, то есть пятая часть того количества, которое было всего пятьдесят лет назад.

Положение дел существенно изменилось, когда духовные чада Старца Иосифа начали восстанавливать один монастырь за

другим⁹⁶. Примечательно, что Старец Иосиф предвидел возрождение Святой Горы. Поэтому-то он перед смертью нам сказал: «У вас нет благословения жить вместе после моей смерти. Каждый будет жить самостоятельно». Вот почему он поместил отца Харалампия в келлии, где была церковь Честного Предтечи, меня — там, где была Благовещенская церковка, а отца Иосифа послал к отцу Феофилакту, в каливу Святых Бессребреников. Таким образом было положено начало трем отдельным большим общинам.

Говорю с полной ответственностью: если бы на Святой Горе не было Старца, мы бы ничего не знали о молитве. Если бы Старец Иосиф был жив, то теперь, когда издается множество книг со святоотеческими писаниями об аскетической жизни и они пользуются большим спросом, когда столь широк интерес монахов и мирян к умной молитве, его калива стала бы местом паломничества и к нему стекалось бы море людей. Потому что Старец был единственным в своем роде учителем умной молитвы. Но в его время не было такого массового паломничества на Святую Гору, какое мы видим сейчас. Тогда на Афон почти никто не приходил.

Теперь много людей приходят и спрашивают: «Отче, как ты молишься? Отче, расскажи нам об умной молитве. Я о ней читал». Сейчас даже иностранцы, которые к нам приходят, неплохо подкованы и спрашивают нас о том, о чем пишут святые отцы. Они просят разъяснить им, что такое умная молитва. И будь то протестанты или католики, находятся и среди них такие, которые читают Иисусову молитву, как и православные, они говорят: «Мы читаем Отцов Церкви и видим, что у православных есть умная молитва, и мы тоже занимаемся ею». Куда ни пойдешь теперь — во всей

⁹⁶ Послушники Старца Иосифа создали большие общины, которые взяли себе из двадцати афонских монастырей шесть, когда те были близки к запустению из-за недостатка в монахах. Так эти монастыри наполнились братией. Отец Харалампий пришел со своими послушниками в монастырь Святого Дионисия и стал там игуменом. Отец Иосиф Младший со своими духовными чадами обеспечил подъем монастыря Ватопед. А послушники Старца Ефрема возглавили монастыри Филофей, Констанит, Ксиропотам и Каракалл. Вдобавок к этому, чада Старца Ефрема основали в Греции, Кипре, США и Канаде десятки женских монастырей, в которых спасаются сотни сестер. Живущих же в миру духовных внуков, правнуков и праправнуков Старца Иосифа — неисчислимы тысячи. — *Прим. греч. ред.*

Греции, особенно в женских монастырях, — огромное желание услышать что-нибудь из святых отцов, очистить душу на исповеди. По всему этому люди испытывают огромную жажду и голод.

Однако теперь, когда мы имеем такой подъем интереса, нет наставника. Уже нет духовных мужей такого масштаба и носителей такой благодати. Нет у нас великих отцов-святильников. Уже нет тех людей с деланием и созерцанием, которые были раньше. Мы же только говорим о созерцании. Не оставили они продолжателей своего духовного делания и наследников своего духовного богатства. Они умерли, не оставив преемников, и, таким образом, их дело остановилось. Новые игумены монастырей не знают этого, нет этого и в скитах. Несмотря на то что молодым много чего говорят, помощи у них нет. И жалуясь на это, они правы, потому что кто их научит? Должен существовать наставник, учитель, и при этом такой, который сам чего-то достиг. Возможно, какой-нибудь духовный внук Старца Иосифа, подвизаясь, приобретет благодать, чтобы продолжить предание. Но превзойти Старца невозможно, и поэтому такой человек неизбежно будет слабее, гораздо слабее, отчего мы постепенно все больше нищаем.

* * *

Старец Иосиф — современный святой, и житие его источает благоухание святости. Благодаря умной молитве он стяжал множество разнообразных плодов Святого Духа. Умная молитва и вела его на высоту созерцания, и давала ему глубину опыта борьбы с бесами. Он творил Иисусову молитву непрестанно, и днем и ночью. Подобного человека на Святой Горе больше нет. Говорю это, имея в виду конкретных людей. Кто из монахов может сегодня сравниться с этим духовным величием? Кто сегодня всю ночь проводит в бдении на коленях, умно молясь, плача и рыдая — не о себе, а обо всем мире? Где теперь такое подвижничество? Такая молитва? Такие слезы?

Как говорил отец Ефрем Катунакский, «Старец Иосиф был духовным исполином и богонаученным учителем умной молитвы. Он необычайно сильно любил Пресвятую Богородицу, ради Нее он претерпевал все и от Нее получил великий дар сердечной молитвы. Он удостоился много раз Ее увидеть в своей временной,

но равноангельной жизни. Где сейчас такие фигуры? Где можно услышать сегодня такие Небесные и благодатные слова? Его святое сердце неутомимо творило молитву: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя!” — и Святой Дух осенял его главу».

Мне говорили, чтобы я написал в Константинопольский Патриархат о причислении Старца Иосифа к лику святых. Я ответил: «Мы этого делать не будем, это сделает Бог по молитвам святого Старца». Другие люди предложат это, чтобы Церковь исследовала, действительно ли эти признаки святости являются указанием от Бога, что Старец Иосиф — святой. И тогда совершится прославление Старца и будет праздноваться его память. Мы же ничего не будем предпринимать с нашей стороны, потому что нам могут не поверить. Но, во всяком случае, наша совесть велит нам почитать его как святого.

Многие православные во всем мире верят, что Старец Иосиф — святой. Это видно из того, с каким благоговением обращаются к нему за помощью, и по тому интересу, который существует во всем мире к написанному им. Его письма переведены на многие языки и изданы во многих странах: на сегодняшний день — на русском, английском, французском, итальянском, румынском, сербском, болгарском, грузинском языках. А мой брат Иосиф составил службу в честь преподобного и богоносного отца нашего Иосифа Исихаста.

* * *

Теперь, когда на Небесах Старец с ангелами предстоит пред Богом, он все очень хорошо видит. Видит, каков рай, и знает, каков ад. И глядит вниз на нас: что мы здесь делаем? Думаете, Старец сейчас там, наверху, сидит без дела? Здесь он без дела не сидел. И, думаете, он будет бездельничать там, наверху, когда видит нашу реальность? Старец наверняка задается вопросом: «Как дела у моих внуков?» Он приходит и смотрит на нас: как мы здесь трудимся? Наблюдает за нами, промышляет о нас, помогает нам, молится о нас, посещает наши монастыри и непрестанно ходатайствует о нас пред Богом, чтобы мы не погибли. Потому-то и кричат бесы о Старце Иосифе: «Он встал из могилы и бродит по монастырям, помогая монахам!» Старец просит Бога, чтобы Он как-нибудь лучше позаботился

о нас. Ведь, как известно Старцу, у нас нет того подвижничества и той духовной зрелости, какие были у него. Старец видит опасности, через которые мы проходим, видит и нашу безалаберность, видит наши страсти, видит все. И просит Бога быть милостивым к нашим прегрешениям и нашим страстям.

Нам лишь надо иметь веру в Старца, в этого великого человека, который ушел из жизни, но пребывает в жизни и передает нам жизнь и благодать, когда нас посещает. И хотя мы и не видим его, он избавляет нас от многих зол, которые бесы хотят сотворить. Его молитва и его присутствие чудесным образом избавляют нас от великих зол, хотя мы и не знаем, откуда приходит помощь. Так, однажды я видел во сне трех демонов, одетых как монахи, которые приблизились ко мне, чтобы сотворить зло. Тогда пришел Старец и их прогнал. В какое-то мгновение один из них хотел меня убить, и Старец встал между ним и мною. После этого я проснулся и сказал: «Это заступничество Старца».

Мы удостоились в наше время иметь такого ходатая на Небе. Это большая честь для нас, большая милость Божия. Мы этого не заслужили, и я первый, живший рядом со Старцем. Но Бог удостоил меня положить его во гроб. Это большое благословение для послушника — удостоиться похоронить своего Старца, положить его во гроб и стать его преемником. Это честь для нас — удостоиться иметь святоотеческую преемственность от этого человека.

Теперь Старец — на Небе, в океане Божественной любви. Он наслаждается наградой за труды аскетической жизни, получает утешение за свои слезы. Ибо он пролил ручьи слез не только за свои грехи, но и за грехи многих людей, слезы великой и безграничной любви к нашему Богу.

Таким запечатлелся в нашей памяти преподобный Старец Иосиф — наш венец, наш святой, один из корифеев Святой Горы. И поскольку Старец много рассказывал нам о своей жизни, мы будем хранить в памяти его образ, его дела и слова, чтобы все это принесло нам пользу как наше духовное наследие. Все эти примеры из жизни Старца должны помочь нам подражать ему, насколько это возможно для нас, в его подвиге, прежде всего в духовной его части: в бдении, молитве, чистоте. Ведь поскольку он наш Старец и мы имеем с ним духовное родство, на нас лежит

священный долг следовать по его стопам, насколько в наших силах. Старец будет радоваться, если мы будем стараться просто и безыскусно подражать ему.

Мы непоколебимо верим, что Старец Иосиф имеет великое дерзновение пред Богом. Потому-то Бог и взял его к Себе, чтобы он ходатайствовал о нас, чтобы он нам уготовал место и защищал нас с высоты на трудном пути спасения. Будем же призывать его молитвы и просить его, чтобы он дал и нам часть той благодати, которую имел в здешней жизни, чтобы и мы познали Бога так, как познал Его он. Ибо цель христианина, и особенно монаха, заключается ни в чем ином, как в познании Бога. Не только уверовать в Него, как мы верим сейчас, но увидеть Бога неким иным образом. Увидеть Его неким иным зрением — тем зрением, каким Его видят только люди, соприкасающиеся с Ним.

Молитвы Старца да помогут нам приблизиться к нему в нашем подвиге, и да подаст он нам немного своего мужества, дабы извещение нашей совести позволило и нам безболезненно и мирно уйти из этого мира в мир иной. Он нас ждет.

**КОНЕЦ
И БОГУ СЛАВА**

Иллюстрации

Все представленные в книге рисунки (за исключением гравюры «Скит Святой Анны» Раллиса Копсидиса на с. 16) сделаны путешественником из Киева монахом Василием Григоровичем-Барским (1701 – 1747). На его рисунках изображены следующие монастыри Святой Горы Афон:

- с. 30 — Каракалл;
- с. 33 — Иверский;
- с. 48 — Святого Павла;
- с. 68 — Эсфигмен;
- с. 81 — Симонопетра;
- с. 87 — Святого Дионисия;
- с. 137 — Ксиропотам;
- с. 143 — Пантократор;
- с. 158 — Святого Григория;
- с. 168 — Филофей;
- с. 187 — Дохиар;
- с. 228 — Кутлумуш;
- с. 252 — Ксенофонт;
- с. 270 — Святого Пантелеимона;
- с. 288 — Ставроникита;
- с. 429 — Зограф;
- с. 469 — Констанонит.

Оглавление

Предисловие переводчика	3
-------------------------------	---

Книга первая

Моя жизнь со Старцем Иосифом

Глава I. В миру	7
Глава II. На Святой Горе	13
Глава III. Первый день	17
Глава IV. Воспитание Господне	25
Глава V. Трудные условия	31
Глава VI. Отдай кровь и прими дух	34
Глава VII. Наше бдение	49
Глава VIII. Борьба со сном	63
Глава IX. Борьба с помыслами	69
Глава X. Наше отношение к Старцу Иосифу	82
Глава XI. Трапеза	88
Глава XII. Пост	95
Глава XIII. Молчание	101
Глава XIV. Послушание	116
Глава XV. Иисусова молитва	125
Глава XVI. Духовные плоды	138
Глава XVII. Мои болезни	144
Глава XVIII. Отход от зилотов-старостильников	148
Глава XIX. Наши хиротонии	159
Глава XX. Наше рукоделие	169

Глава XXI. Переселение в Новый Скит	172
Глава XXII. Наши коты	181
Глава XXIII. Иисусова молитва и бесноватый юноша	184
Глава XXIV. Отец Симон	188
Глава XXV. Последний год Старца	191
Глава XXVI. Преподобническая кончина Старца	204
Глава XXVII. Погребение	219
Глава XXVIII. Чудеса после преставления	221
Глава XXIX. Обретение мощей	226
Глава XXX. Посмертные явления и чудеса	229

Книга вторая
Жизнеописание
Старца Иосифа Исихаста

Глава I. В миру	239
Глава II. На Святой Горе	253
Глава III. Отец Арсений	271
Глава IV. Жизнь двух послушников	289
Глава V. Жизнь двух подвижников	300
Глава VI. Первая община Старца	331
Глава VII. В Малом скиту Святой Анны	380
Глава VIII. Человек любви	406
Глава IX. Благословенная община	430
Глава X. Монахини Старца Иосифа	470
Эпилог	488

Старец Ефрем Филофейский

МОЯ ЖИЗНЬ СО СТАРЦЕМ ИОСИФОМ

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 31 + вклейка.

Подписано в печать 15.02.2013. Тираж 10 000.

Типография Патриаршего издательско-полиграфического центра,
г. Сергиев Посад